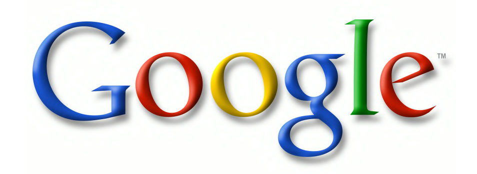
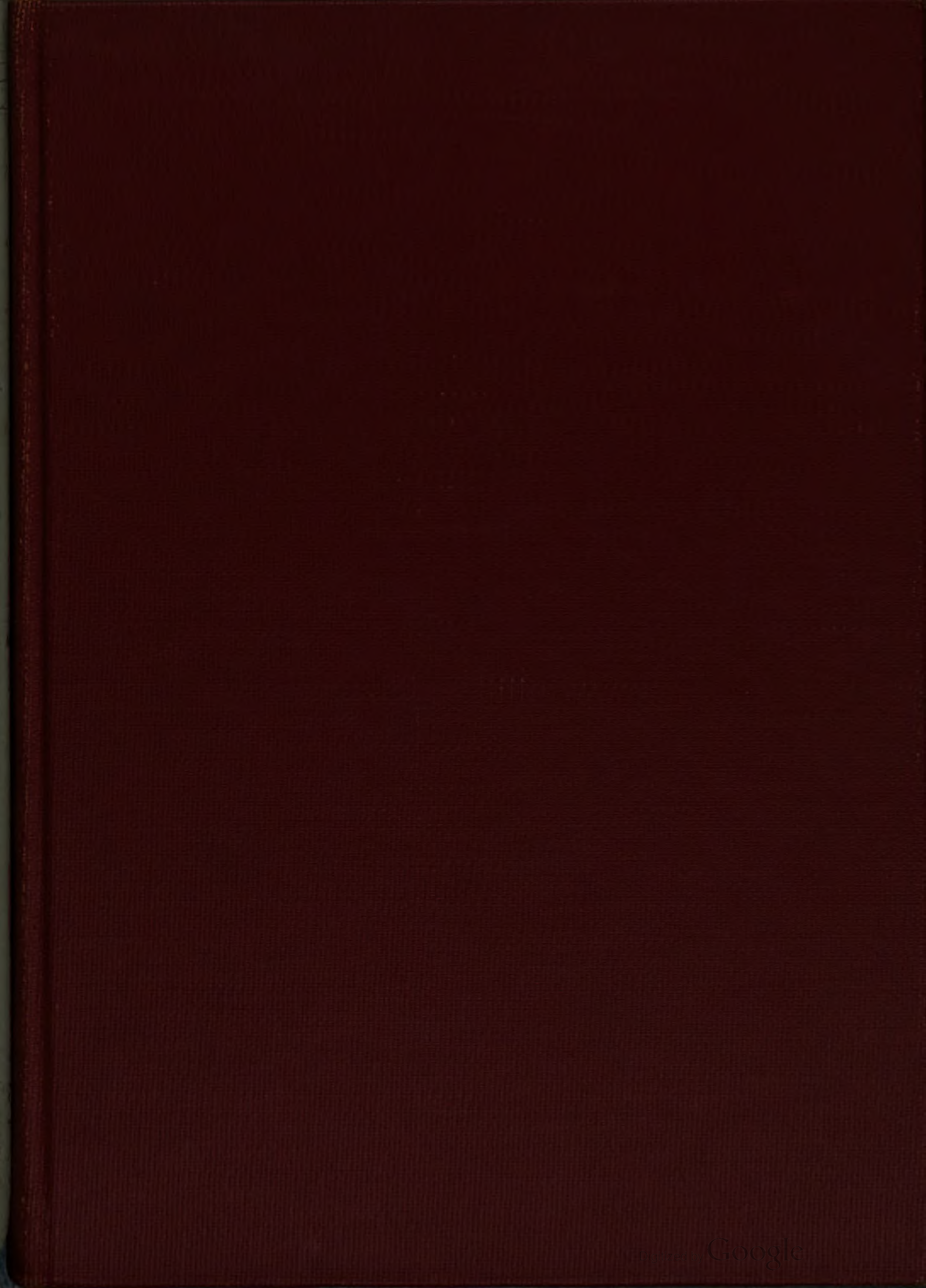




VE
RI
TAS

Продолжается подписка на 1902 г.

на ежемѣсячный журналъ

новой литературы и исторической науки

Вѣстникъ Всемірной Исторіи

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой *6* р., на полгода *3* р. и за границу *9* р.

Для ознакомленія подписка на мѣсяцъ съ платою 50 к.

Подписку принимаютъ всѣ книгопродавцы.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ:

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію — *Петербургъ, Милліонная, 34.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ редакцію и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію почтамта, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его копію.

Не сообщающіе своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

5) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ редакціи **не позже 1-го числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовыя бланки или марки для отвѣта.

Контора редакціи на Милліонной ул., д. 34, С.-Петербургъ. **Отдѣленіе конторы при типографіи Исидора Гольдберга. Екатерининскій каналъ, 94.**

Въ Москвѣ подписку принимаютъ, кромѣ другихъ книгопродавцевъ, контора Н. Печковской, Петровскія линіи, и магазинъ „Книжное Дѣло", Моховая, д. Бенкендорфа.

Въ Парижѣ Отдѣленіе конторы журнала по пріему объявленій при конторѣ Ф. Марсеру и Ю. Шретера, rue d'Hauteville, № 26.

Въ Ниццѣ въ конторѣ Розанова, rue Longchamp, № 3.

Плата за объявленія: за страницу впереди текста 50 р., (150 фр.), позади текста 40 р. (100 фр.), за полстраницы впереди текста 30 р. (100 фр.), позади текста 25 р. (50 фр.).

Редакторъ-издатель **С. Сухонинъ.**

Доз. цен. Спб. Фев. 1902 г. Тип. Исидора Гольдберга

В

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 3.
1902 г.

C

Для слѣдующаго нумера намѣчены статьи:

1) **Этюды въ области сравнительной исторіи человѣческихъ обществъ.** Проф. *М. М. Ковалевскаго.*
2) **Мусульманскій ультиматумъ Европѣ.** *Е. А. Пушкина.*
3) **Матеріалы для исторіи цензуры.** *Л. Исаевича.*
4) **Экзаменъ.** Разсказъ *Е. Н. Лебедевой.*
5) **Тоже** Разсказъ *В. Дарина.*
6) **Итальянскіе замки въ эпоху возрожденія.** Очеркъ.
7) **Великій человѣкъ какъ историкъ и цѣль цивилизація.** Лекція читанная 27 февр. и 2 марта Георгомъ Брандесомъ въ высшей русской школѣ въ Парижѣ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей:

1) Редакція открыта для объясненій ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 12 до 2 час. и отъ 5 до 6 час.

2) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія рукописи должны быть приложены марки.

3) Заявленія объ отдѣльныхъ оттискахъ должны быть дѣлаемы одновременно со сдачею рукописи въ редакцію.

4) Статьи безъ обозначенія гонорара считаются безплатными.

5) Уплата гонорара производится по напечатаніи статьи.

6) Всѣ переводныя статьи и сочиненія считаются полной собственностью редакціи, если не послѣдовало особаго соглашенія.

Слѣдующій нумеръ Вѣстника Всемірной Исторіи выйдетъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля.

Отъ конторы редакціи:

Всѣ уплаты гонорара, по счетамъ и т. п. производятся ежедневно, кромѣ праздниковъ, между 15 и 20 числомъ каждаго мѣсяца, въ конторѣ редакціи (Милліонная, 34), между 12—2 ч. дня.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12 до 4 час. дня.

D.

ВѢСТНИКЪ

ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

МАРТЪ

№ 3.

Третій годъ изданія

Тип. Исидора Гольдберга.

С.-Петербургъ

1902

E

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Довв. ценз. Спб. 26 Февраля 1902 г.

Поклоненіе предкамъ у кавказскихъ народовъ.

Между разнообразными религіозными обрядами, которые еще въ наши дни встрѣчаются среди населенія Кавказа, наибольшее распространіе имѣетъ культъ поклоненія предкамъ. Этотъ культъ наблюдается какъ среди арійскихъ племенъ, напримѣръ, у осетинъ, такъ и у грузинскихъ племенъ: пшавовъ, хевсуровъ и тушинъ, причемъ настолько же среди открыто исповѣдывающихъ христіанство, насколько и среди магометанъ. Культъ поклоненія предкамъ вкоренился столь глубоко, что не только не могъ быть вытѣсненъ христіанствомъ, но, напротивъ того, обусловилъ принятіе этимъ послѣднимъ нѣкоторыхъ формъ этого культа. Такимъ образомъ, у пшавовъ и хевсуровъ вся христіанская религія сводится къ поклоненію ангеламъ хранителямъ, изъ нихъ преимущественно архангеламъ Гавріилу и Михаилу. Эти племена представляютъ себѣ ангеловъ въ видѣ духовъ-покровителей семьи и пріурочиваютъ каждому отдѣльному семейству особаго ангела или святаго (по ихъ „шати châti“), который и признается покровителемъ исключительно этого семейства, раздѣляющимъ его симпатіи и антипатіи и принимающимъ иногда даже непосредственное участіе въ борьбѣ даннаго семейства съ другимъ, которому, въ свою очередь, помогаютъ ангелы, покровительствующіе исключительно уже этому послѣднему семейству.

У пшавовъ довольно часто приходилось намъ слышать: „нашъ родъ выигралъ ту или другую битву, не-

смотря на то, что ихъ ангелъ-покровитель (ихъ „châti") сильнѣе и могущественнѣе нашего". Почитаніе ангеловъ или культъ ангеловъ достигъ у пшавовъ такой степени, что не только пріобрѣлъ преимущественное значеніе передъ другими христіанскими вѣрованіями, но даже самое значеніе о жизни Христа и о прочихъ святыхъ истинахъ христіанства кажется совершенно чуждымъ этому населенію; оно торжественно справляетъ лишь праздники въ честь Гавріила и Михаила архангеловъ и въ честь семейныхъ и мѣстныхъ духовъ-покровителей и совершенно игнорируетъ праздники Рождества Христова и Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Магометанское вѣроученіе гораздо менѣе терпимо къ остаткамъ того древняго вѣрованія, мѣсто котораго оно заняло. Магометъ совершенно воспретилъ бывшій во всеобщемъ употребленіи среди обитателей Аравіи обычай жертвоприношеній душамъ почившихъ. Вслѣдствіе этого, быть можетъ, мы видимъ, что въ тѣхъ частяхъ Кавказа, гдѣ магометанству удалось наиболѣе пустить корни, какъ, напримѣръ, въ Дагестанѣ и восточныхъ провинціяхъ, граничащихъ съ Каспійскимъ моремъ, — культъ поклоненія предкамъ исчезъ почти совершенно, и единственный слѣдъ, уцѣлѣвшій еще отъ этого древняго вѣрованія, выражается развѣ въ томъ почитаніи и уваженіи, которыя оказываетъ тамошнее населеніе къ могиламъ („chikhs") благовѣрныхъ. Но не таково положеніе вещей въ западныхъ мѣстностяхъ, гдѣ магометанство распространилось около сотни лѣтъ позднѣе, вытѣснивъ христіанство и гдѣ оно еще и въ наши дни исповѣдуется лишь внѣшнимъ образомъ. Въ этомъ направленіи культъ поклоненія предкамъ одинаково глубоко еще вкоренёнъ какъ среди магометанъ, такъ и среди христіанъ, и тѣ молитвы, которыя вытекаютъ изъ этого культа съ одинаковой аккуратностью и точностью выполняются и тѣми и другими.

Изъ только что изложеннаго слѣдуетъ, что культъ поклоненія предкамъ представляетъ общую черту, присущую племенамъ кавказскаго происхожденія, что возникновеніе этого культа должно быть отнесено ко времени, предшествовавшему не только магометанству, но даже и распространенію христіанства и, что оно, по

крайней мѣрѣ, восходить въ прошломъ до третьяго вѣка по христіанскому лѣтосчисленію, а именно къ тому періоду, когда грузины и различные народы, которые въ то время входили въ составъ грузинскаго государства, и между ними также осетины, — только лишь воспринимали христіанство.

Подробности, о которыхъ сказано будетъ ниже, собраны мною лично во время трехъ моихъ путешествій въ кавказскія горы, предпринятыхъ въ сообществѣ отчасти съ филологомъ V. Möller, отчасти съ мѣстными уроженцами изъ осетинъ и грузинъ, бывшими моими учениками въ Московскомъ университетѣ, и, наконецъ, отчасти съ нѣкоторыми грузинскими и осетинскими священниками, помощь которыхъ была для меня особенно цѣнной, вслѣдствіе ихъ основательнаго знанія страны и свободнаго владѣнія русской рѣчью, которую они въ совершенствѣ усвоили себѣ въ духовныхъ семинаріяхъ въ Тифлисѣ, Владикавказѣ и Кутаисѣ.

Расположившись въ жилищахъ, въ коихъ обитали семейства бывшихъ моихъ учениковъ, или у школьныхъ учителей и священниковъ, я свободно производилъ свои наблюденія. Часто посѣщалъ я также сходки старшинъ, на которыхъ разрѣшались наиболѣе важныя законныя дѣла, и при помощи разъясненій мѣстныхъ уроженцевъ собиралъ я данныя о мѣстныхъ нравахъ и обычаяхъ. Другимъ источникомъ для меня служили въ различныхъ случаяхъ разнообразныя протоколы и приговоры, которые въ иныхъ мѣстахъ составлялись на русскомъ языкѣ, въ другихъ на грузинскомъ или на арабскомъ. Я на свой счетъ отдавалъ ихъ переводить разнымъ служащимъ въ областныхъ управленіяхъ, школьнымъ учителямъ и чаще всего секретарямъ управленій, которые обыкновенно владѣютъ какъ грузинскимъ, такъ и русскимъ языками. Неисчислимую пользу оказало мнѣ дружественное расположеніе одного изъ мѣстныхъ князей, а именно князя Урузбіева, того самаго, который около двадцатипяти лѣтъ назадъ сопровождалъ Абиха, извѣстнаго ученаго, въ его путешествіи вокругъ Эльбруса и былъ лучшимъ сподвижникомъ неустрашимаго минералога въ тѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ, которыя онъ преодолѣлъ. Князь Урузбіевъ предпринялъ также и со мной путешествіе черезъ огромный

кавказскій хребетъ, ознакомилъ меня съ внутренней, такъ называемой Балкаріей, или татарской частью Эльбруса, а также со Сванетіей, гдѣ представилъ меня мѣстнымъ князьямъ Дадешкильяни, которые въ свою очередь, благодаря знанію русскаго языка и постояннымъ сношеніямъ съ окрестнымъ населеніемъ, послужили мнѣ богатѣйшимъ источникомъ, изъ котораго я почерпнулъ не мало свѣдѣній и разъясненій.

Во время моей третьей и послѣдней поѣздки, имѣвшей цѣлью посѣщеніе странъ пшавовъ и хевсуровъ, мнѣ посчастливилось найти въ г. Шатисовѣ, предсѣдателѣ суда, не менѣе надежнаго путеводителя, вполнѣ владѣющаго грузинскимъ языкомъ.

Я счелъ нужнымъ сообщить обо всемъ этомъ для того, чтобы свѣдѣнія и данныя, сообщенныя мною ниже, заслужили бы большее довѣріе, чѣмъ это, вообще, принято оказывать всякаго рода путевымъ замѣткамъ. Мнѣ, дѣйствительно, въ высшей степени благопріятствовало счастье въ томъ отношеніи, что я постоянно имѣлъ около себя лицъ вполнѣ компетентныхъ проконтролировать добываемыя мною свѣдѣнія, въ особенности при ихъ знаніи мѣстныхъ языковъ и знакомствѣ съ мѣстными нравами и обычаями. Не останавливаясь далѣе на указаніи способовъ, коими мною собранъ былъ предлагаемый ниже матеріалъ, перейду къ предмету настоящей моей статьи. Но раньше, чѣмъ обратиться непосредственно къ его разсмотрѣнію, представляется необходимымъ предпослать короткій очеркъ соціальнаго устройства и состоянія тѣхъ племенъ, у которыхъ еще и до сихъ поръ наиболѣе сохранился культъ поклоненія предкамъ. Это представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что культъ поклоненія предкамъ есть семейный, по преимуществу, культъ, а потому, не зная семейнаго строя въ этой странѣ, не зная основъ организаціи семейнаго очага, невозможно составить правильное понятіе о характерѣ названнаго культа.

Прежде всего надо замѣтить, что общественный строй у кавказскихъ горцевъ относится къ типу семейно-общинному, въ основѣ котораго лежатъ происхожденіе отъ одного общаго предка и общность земельнаго имущества и доходовъ съ него.

Эти общины, состоящія преимущественно изъ 30 или 40 человѣкъ, живутъ вмѣстѣ за одной изгородью, сообща ведутъ хозяйство и управляютъ своими дѣлами и хранятъ въ общихъ житницахъ необходимые жизненные продукты.

Врядъ ли можно гдѣ-нибудь встрѣтить что-либо болѣе своеобразно по стилю, чѣмъ тѣ жилища, въ которыхъ они обитаютъ. Эти послѣднія наглядно указываютъ, какъ могутъ устроиться и жить въ непосредственной близости десятокъ супружескихъ паръ. Какъ наиболѣе типичное выберу я осетинское жилище. Прочіе горцы слѣдуютъ въ своихъ постройкахъ, съ незначительными развѣ измѣненіями, примѣру древнѣйшихъ предковъ ихъ племени.

Осетинское жилище состоитъ изъ нѣсколькихъ построекъ. Средняя часть занята помѣщеніемъ, называемымъ туземцами „*кхадцары*". Кхадцары представляютъ нѣчто въ родѣ большой залы, обращенной въ кухню. По серединѣ комнаты расположенъ очагъ, а въ крышѣ имѣется четырехъугольное отверстіе для отвода дыма. Къ балкѣ, поддерживающей крышу, прикрѣплена желѣзная цѣпь, извѣстная подъ названіемъ „*рахчисъ*", спускающаяся до самаго очага. На этой цѣпи подвѣшивается огромный котелъ, въ которомъ приготовляется ежедневно обѣдъ для всего семейства. Вправо отъ очага расположена длинная деревянная скамья, на которой дозволяется сидѣть во время обѣда исключительно только мужчинамъ. На лѣво отъ очага расположена скамейка для женщинъ. Всѣ эти подробности имѣютъ значеніе для того, чтобы понять то, что ниже будетъ изложено, потому что предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, играетъ важную роль въ семейномъ культѣ.

Кхадцары, какъ я уже сказалъ, занимаетъ центральную часть и представляется важнѣйшимъ въ осетинскомъ жилищѣ. По обѣ стороны кхадцаръ расположены отдѣльныя одинаковой вмѣстимости клѣтушки, каждая съ особымъ выходомъ во дворъ, представляющіяся спальнями для каждой супружеской пары, принадлежащей къ той же семьѣ. Эти клѣтушки называются „*ватъ*". Въ богатыхъ жилищахъ имѣется кромѣ того особая постройка для гостей, „*кунаки*", извѣстная подъ названіемъ „*кунацкая*", которая не соединяется

непосредственно съ домомъ, служашимъ жилищемъ для семьи. Такимъ образомъ, всѣ женатые имѣютъ свои отдѣльныя спальни, холостые же спятъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ или въ кхадцары или въ кунацкой, или, наконецъ, въ лѣтнее время подъ открытымъ небомъ. На многихъ туземныхъ жилищахъ поднимаются въ нѣсколько этажей круглыя или четырехъугольныя башни, вѣнчающія кхадцары или среднюю часть осетинскаго обиталища; эти башни встрѣчались еше не такъ давно въ довольно большомъ количествѣ. Русское правительство, однако, сочло необходимымъ приказать ихъ уничтожить. Этимъ оно предполагало предупредить возможность междуособицъ и раздоровъ между отдѣльными родами, бывшіе лѣтъ тридцать тому назадъ обыкновеннымъ явленіемъ среди горцевъ. Подобныя же многочисленныя башни встрѣчались и у сванетовъ, такъ что на первый взглядъ сванетское поселеніе нѣсколько напоминало Болонью, городъ тысячи башень, если вѣрить лѣтописцу среднихъ вѣковъ, или даже современную Сіену или Флоренцію.

Зная теперь, какъ строились жилиша у осетинъ и какъ размѣщались обитающія въ нихъ семьи, перейдемъ прямо къ предмету настоящей статьи.

Повсемѣстно, гдѣ существуетъ культъ поклоненія предкамъ, онъ, съ одной стороны, стоитъ въ связи съ культомъ домашняго очага, а съ другой, съ представленіемъ даннаго народа о загробной жизни. Тѣ выводы, къ которымъ пришли г. Фустель де-Куланжъ (Fustel de Coulanges) и многіе другіе до и послѣ него при изученіи священныхъ писаній Востока, а также древнѣйшихъ историческихъ писателей и философовъ, вполнѣ подтверждаются религіозными церемоніями, наблюдаемыми еще въ наши дни и вѣрованіями, которыхъ еще придерживаются различные племена Кавказа.

Говоря о близкой связи, существующей между культомъ душъ умершихъ и культомъ домашняго очага, раньше всего слѣдуетъ указать тотъ фактъ, что очагъ у горцевъ отождествляется вполнѣ съ семействомъ. Наиболѣе тяжкимъ оскорбленіемъ, которое только можно нанести осетину, является пожеланіе чтобы *„въ его очагѣ навсегда потухъ огонь“*. Это равносильно тому, еслибъ вы пожелали погибнуть всему

его семейству. Но очагъ не является исключительнымъ предметомъ культа. Сюда относятся также и тѣ различные предметы, которые тѣсно связаны съ представленіемъ объ очагѣ и которые служатъ для приготовленія пищи, какъ-то: котелъ, цѣпь на которой этотъ послѣдній подвѣшивается и т. п. Ни одна семья, несмотря на крайнюю нужду, не рѣшится продать эти вещи, которыя, по ихъ понятію, настолько же священны, какъ могилы предковъ. По собственному толкованію туземцевъ эти предметы имѣютъ также значеніе „extra commercium“ и разсматриваются поэтому какъ святыня (sacra). Осетинская семья скорѣе продастъ, если къ тому вынуждаютъ обстоятельства, часть своей земли, нежели позволитъ себѣ разстаться съ однимъ изъ вышеперечисленныхъ предметовъ. Въ ихъ глазахъ нѣтъ тягчайшаго преступленія, какъ похитить цѣпь, висящую надъ очагомъ; даже убійство не составляетъ исключенія, потому что за таковое еще можно откупиться деньгами или скотомъ, между тѣмъ какъ похищеніе „рахкисъ“, которое никогда не совершается иначе, какъ съ цѣлью нанести оскорбленіе, такъ какъ дѣйствительная цѣнность этой цѣпи весьма незначительна, можетъ быть отомщено лишь кровью. Всѣ болѣе или менѣе важныя и торжественныя событія въ жизни осетина происходятъ именно вблизи очага и цѣпь надъ послѣднимъ играетъ приэтомъ выдающуюся роль.

Даже для приговореннаго къ смерти наиболѣе надежнымъ убѣжищемъ является кхадцары или средняя часть осетинскаго жилища. Какъ скоро ему удалось туда войти, онъ тотчасъ-же хватается правой рукой за цѣпь надъ очагомъ. Этимъ самымъ обвиненный выражаетъ желаніе отдать себя отнынѣ подъ защиту семейнаго очага. И коль скоро это произошло, вся семья уже считаетъ его освобождендымъ отъ наказанія, если-бы даже онъ совершилъ убійство одного изъ членовъ этого самаго хозяйства. Среди осетинскихъ легендъ, тщательно собранныхъ въ послѣднее время моими учениками и изданныя по моему предложенію Московскимъ Этнографическимъ Обществомъ, встрѣчается не мало разсказовъ о томъ, какъ мать убитаго оберегаетъ жизнь убійцы только потому,

что этотъ послѣдній въ ея же кхадщарѣ искалъ и нашелъ убѣжище и дотронулся рукой до цѣпи надъ очагомъ.

Самой священной клятвой у осетина, пшава, эльборусскаго татарина или ингуша въ окресностяхъ Владикавказа считается клятва произнесенная предъ очагомъ, когда клянущійся, держа въ рукахъ надъочажную цѣпь, произноситъ слѣдующія слова: *„клянусь цѣпью у очага"* или иногда—*„клянусь чистѣйшимъ золотомъ надъочажкой цѣпи"*, а также—*„клянусь Сафа"*— осетинскимъ божествомъ, имѣющимъ постояннымъ своимъ аттрибутомъ цѣпь надъ очагомъ. По силѣ своей такая клятва у осетина или горца-грузина равнозначуща клятвѣ могилами предковъ, или когда онъ назоветъ по имени того изъ своихъ предковъ, котораго болѣе всего почитаетъ, и открыто при этомъ объявитъ, что пусть этотъ предокъ, если приносимая теперь клятва лжива, будетъ на томъ свѣтѣ, гдѣ покоятся души умершихъ, слугою у предка враждебнаго ему рода.

Культъ очага и надъочажной цѣпи играетъ большую роль во время торжественнаго празднества осетинской свадьбы. Новобрачная обязана, какъ только она войдетъ въ домъ своего супруга, вмѣстѣ съ нимъ обойти вокругъ очага. Дружка новобрачной, слѣдуя за нею, прикасается въ это время своимъ кинжаломъ къ цѣпи надъ очагомъ. Это служитъ выраженіемъ того, что новый членъ семьи испрашиваетъ себѣ расположеніе домашняго очага, а ея замѣститель ввѣряетъ ее защитѣ цѣпи надъ очагомъ.

Наконецъ, около очага сосредоточивается и культъ усопшихъ. У очага совершаются всѣ поминанія умершихъ. Эти церемоніи продолжаются втеченіе цѣлаго года со дня погребенія умершаго родственника, не считая тѣхъ дней, которые ежегодно посвящаются памяти умершихъ членовъ этой же семьи.

Слѣдуетъ различать между этими церемоніями такія, которыя совершаются въ присутствіи лишь членовъ семьи отъ прочихъ, совершаемыхъ въ присутствіи всѣхъ, считающихъ себя почему либо обязанными почтить память покойника, число каковыхъ достигаетъ иногда нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Похороны и поминальный обѣдъ, справляемый черезъ годъ послѣ погребенія, принадлежатъ именно къ этимъ послѣднимъ обрядамъ. На эти празднества обыкновенно приглашается все окрестное населеніе. По этому случаю иногда закалываются цѣлыя стада барановъ, убивается масса быковъ и коровъ только для одного лишь поминальнаго обѣда, и для этого затрачиваются часто десятки тысячъ рублей, раззоряется иногда все семейство.

Что же касается поминальныхъ празднествъ, справляемыхъ только семействомъ умершаго, то они стоятъ несравненно меньше и совершаются гораздо чаще. Каждую пятницу вдова покойнаго приготовляетъ для послѣдняго особое кушанье. Часть этой пищи приносится въ жертву пламени и бросается въ огонь на домашнемъ очагѣ.

Во время великаго поста каждое осетинское семейство справляетъ поминаніе покойниковъ. Въ платьѣ умершаго, впродолженіе года, родственники обыкновено одѣваютъ особый манекенъ, который и сажаютъ на почетное мѣсто вправо отъ очага. Затѣмъ всей семьѣ подается каша и вино. Часть, приходящаяся на долю покойника, ставится передъ манекеномъ на небольшой круглый столъ, на трехъ ножкахъ, извѣстный подъ названіемъ *„фингъ"*. Я упоминаю объ этой мелочи потому что подобные столы неоднократно бывали находимы при раскопкахъ древнихъ могилъ въ Осетіи.

Семь разъ въ году справляютъ еще также обѣдомъ поминки какъ о всѣхъ родныхъ, скончавшихся впродолженіе текущаго года, такъ и о тѣхъ, которые отошли въ вѣчность значительно раньше. Въ подобныхъ поминальныхъ обѣдахъ принимаютъ участіе обязательно всѣ родственники. На этихъ обѣдахъ ѣдятъ и пьютъ больше обыкновеннаго, въ надеждѣ, что въ такой-же мѣрѣ воспользуются изобиліемъ пищи и питія и усопшіе ихъ родственники.

Чтобы составить себѣ правильное понятіе, откуда произошли всѣ подобные обычаи, слѣдуетъ обратиться къ народному представленію о будущей жизни; это представленіе въ главнѣйшихъ чертахъ совершенно одинаково у всѣхъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ.

Безусловно отрицая полную уничтожаемость человѣческаго существа, они придерживаются того мнѣнія, что по ту сторону могилы есть жизнь, которая ничто иное какъ продолженіе того, что предназначено намъ въ земной жизни. Поэтому души умершихъ имѣютъ такую же потребность въ пищѣ, теплѣ и свѣтѣ, какъ и живые люди. Это обязываетъ оставшихся въ живыхъ родственниковъ покойнаго озаботиться о томъ, чтобы умершіе не нуждались ни въ предметахъ питанія, ни въ спиртныхъ напиткахъ, а также въ теплѣ и средствахъ освѣщенія. Въ этомъ то и заключается объясненіе обычая, въ силу котораго вдова обязана еженедѣльно, по пятницамъ, приготовлять вечеромъ особую пищу для умершаго, поддерживать огонь въ очагѣ и, впродолженіе всей ночи, имѣть зажженную свѣчу, въ ожиданіи, что ея покойный мужъ придетъ раздѣлить съ нею ложе. Въ связи съ этимъ убѣжденіемъ находится также обязанность отъ времени до времени приносить на могилу покойниковъ особые пироги изъ муки и оставлять тамъ бутылки съ аракомъ и водкой.

Если это не исполняется, покойникъ останется безъ пищи и будетъ страдать отъ холода и темноты. А такъ какъ жертвы умершимъ приносятся ихъ оставшимися въ живыхъ родственниками въ прямой нисходящей линіи, то тѣ умершіе, которые не оставили послѣ себя никакихъ такихъ наслѣдниковъ, тѣмъ самымъ обречены на вѣчный постъ. Вслѣдствіе этого также жалка и несчастна участь холостыхъ, которые, не оставивъ послѣ себя дѣтей, лишаются не только временно, но даже на вѣки, такихъ преимуществъ.

Кавказскіе народы вѣруютъ также въ грядущую жизнь, совершенно одинаковую съ настоящей и эта вѣра ясно обнаруживается въ ихъ похоронныхъ цермеоніхъ. Эта сторона народныхъ вѣрованій особенно рельефна въ обычаѣ, до сихъ поръ существующемъ у пшавовъ. Родственники, оплакивающіе кончину усопшаго, говорятъ о немъ такъ, какъ будто онъ по собственной волѣ отошелъ въ міръ духовный. Для того, чтобы его бытіе въ этой новой жизни было счастливымъ, необходимо, чтобы онъ продолжалъ

владѣть всѣмъ тѣмъ, что дарило ему счастье на землѣ. Однако женѣ нѣтъ надобности обрекать себя на добровольную муку, чтобы жертвовать собой для счастья умершаго супруга. Достаточно, если она острижетъ свои волосы и сложитъ ихъ къ ногамъ покойнаго мужа. Также не встрѣчается надобности лишать семейство коня, принадлежавшаго покойному. Довольствуются обыкновенно тѣмъ, что лошадь умершаго ведутъ во главѣ похоронной процессіи и громко возглашаютъ освященную обычаемъ формулу, означающую желаніе оставшихся въ живыхъ родственниковъ, чтобы лошадь эта послужила счастливому прибытію ея господина къ мѣсту вѣчнаго его успокоенія.

Недавно произведенныя раскопки въ Осетіи и Пшавіи указываютъ на существованіе похоронныхъ церемоній, совершенно подобныхъ тѣмъ, которыя наблюдаются еще въ наши дни, и которые съ еще большей несомнѣнностью доказываютъ откуда произошли эти церемоніи, а именно изъ убѣжденія, что жизнь по ту сторону могилы есть лишь продолженіе земной жизни. Въ осетинскихъ могилахъ также были найдены оружія и украшенія и даже кости животныхъ, принесенныхъ въ жертву умершему и, вмѣстѣ съ нимъ, погребенныя въ могилу.

Насколько оставшіеся въ живыхъ усердно и точно заботятся о своихъ предкахъ, настолько эти послѣдніе являются дѣйствительно покровителями и духами хранителями своихъ сородичей. Они, по народному воззрѣнію, принимаютъ участіе во всѣхъ печаляхъ и радостяхъ послѣднихъ и оказываютъ имъ поддержку въ борьбѣ съ соперничающими и враждебными имъ родами или племенами. Осетинскія легенды, напримѣръ, часто упоминаютъ о той долѣ, которая выпадала на души умершихъ въ урожаѣ и о той роли, которую они играли въ битвахъ отъ поры до времени происходившихъ между осетинами и ихъ сосѣдями притѣснителями, кабардинцами.

Предокъ-покровитель также можетъ быть и злѣйшимъ врагомъ своего собственнаго рода и причиной тѣхъ неудачъ, которыя преслѣдуютъ этотъ послѣдній какъ-то: болѣзней, несчастливыхъ предпріятій, падежъ рогатаго скота и барановъ и т. п. Для этого вполнѣ

достаточно какого либо нарушенія культа, по отношенію къ обоготворяемому предку, какой нибудь неисправности въ жертвоприношеніяхъ и возліяніяхъ въ честь него. Страхъ навлечь на себя какимъ нибудь упущеніемъ мщеніе предковъ, которымъ не приносятся въ жертву обычные пироги, настолько великъ у пшавовъ и хевсуровъ, что нерѣдко можно у нихъ услышать слѣдующую молитву къ предкамъ: „О, дорогіе усопшіе, простите намъ упущенія наши, совершенныя невольно, по забывчивости нашей, не причиняйте намъ никакого зла, если мы по недосмотру обдѣлили кого-нибудь изъ васъ жертвой, ему положенной!“

Такимъ еще въ наши дни представляется въ главныхъ чертахъ культъ предковъ у кавказскихъ горцевъ.

Остается лишь выяснить его начало. Народъ, религіозные обычаи котораго я теперь описывалъ, принадлежитъ къ очень древнимъ. Геродотъ, Страбонъ и другіе историки древности сообщали о немъ свѣдѣнія далеко до Рождества Христова. Нынѣшніе сванеты никто иные какъ описанные Страбономъ сваны, пшавы—пшовелы по названію того же писателя, осетины—древніе „Асъ“, а по русскимъ лѣтописямъ „Осъ“. Не безъ основанія, слѣдовательно, можно предположить, что источникъ этого культа предковъ, наблюдаемаго до сихъ поръ еще у различныхъ кавказскихъ племенъ, должно искать въ глубокой старинѣ. Для предположенія, что начало культа предковъ слѣдуетъ отнести къ болѣе или менѣе отдаленному отъ нашихъ дней времени, находимъ мы указаніе въ недавно произведенныхъ филологическихъ изслѣдованіяхъ въ отношеніи происхожденія (корня) языка у одного изъ племенъ, о которомъ идетъ рѣчь: осетинскаго языка. Извѣстный знатокъ санскритскаго языка, профессоръ Всеволодъ Мёллеръ (Möller), продолжавшій изслѣдованія Шёгрена (Shögren), пришелъ къ заключенію, что осетины представляются отдѣльной вѣтвью того же самаго племени, къ которому принадлежали и персы временъ Кира и другія народности древняго Ирана, а также, что ихъ языкъ арическаго происхожденія и замѣтно приближается къ языку въ Зендъ-Авестѣ (Zend-Avesta). Этотъ выводъ тѣмъ болѣе интересенъ, что тому же писателю, изучавшему греческія надписи, собранныя въ

Херсонессѣ и другихъ колоніяхъ на побережьѣ Чернаго моря, недавно удалось доказать, что иранскія племена, а въ особенности осетины, были распространены и разсѣяны по всей южной Россіи, и что они оставили множество слѣдовъ въ надписяхъ, которыя безъ помощи осетинскаго, а равно и другихъ иранскихъ нарѣчій не могли бы быть разобраны и поняты. Изъ именъ, встрѣчаемыхъ въ этихъ надписяхъ особенно выступаютъ имена лицъ, осетинскаго происхожденія и только эти имена, большею частью, сопровождаются хвалебными эпитетами вродѣ: великій, высокій, свѣтлый и т. п. Прозваніе, которое и нынѣ придаютъ себѣ осетины, еще болѣе потверждаютъ выводъ, къ которому пришелъ г. Меллеръ. Это прозваніе ничто иное, какъ Иранъ, которымъ также назывался народъ въ Зендъ-Авестѣ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, согласно народнымъ преданіямъ и арабскимъ лѣтописцамъ, распространенію силой оружія и мирнымъ путемъ среди кавказскаго народа ислама, предшествовалъ періодъ языческій и язычество тогда выражалось въ формахъ подобныхъ тѣмъ, которыя и нынѣ встрѣчаются у эсидовъ близъ Арарата. Религія же эсидовъ—какъ весьма убѣдительно доказалъ одинъ изъ моихъ учениковъ, г. Егіазаровъ, впослѣдствіи профессоръ въ Казани, курдъ по происхожденію и, какъ таковой знавшій въ совершенствѣ языкъ эсидовъ, представляющійся лишь курдскимъ нарѣчіемъ—носитъ множество слѣдовъ культа Ормузда, т. е., другими словами, культа, который проводится въ Зендъ-Авестѣ.

Все это, вмѣстѣ взятое, указываетъ намъ, что въ Зендъ-Авеста и слѣдуетъ искать начало культа—семьи, который еще и въ наши дни встрѣчается у кавказскихъ племенъ, въ особенности же среди осетинъ. До какой степени этого культа придерживался Авеста хорошо всѣмъ извѣстно. Поэтому не представляется надобности указывать, что „*фравасхисъ*“ (fravashis) Зендъ-Авесты представляется совершеннымъ подобіемъ „душамъ“ у осетинъ, что тѣ жертвоприношенія, которыя потомки приносятъ своимъ предкамъ, въ священной книгѣ Ирана носятъ тотъ же характеръ религіозныхъ обрядовъ, наблюдаемыхъ у осетинъ, и что

отношенія между мертвыми и живыми по воззрѣніямъ Зендъ-Авеста вполнѣ тождественны съ тѣми, которыя, какъ мы только что указали, господствуютъ у осетинъ.

Но если можно считать Зендъ-Авесту источникомъ религіозныхъ обрядовъ, обычныхъ у осетинъ, то невольно возникаетъ вопросъ можно ли распространить это объясненіе и на таковыя же у пшавовъ и хевсуровъ?

Народъ этотъ, говорящій на грузинскомъ нарѣчіи, вслѣдствіе этого, занимаетъ совершенно иное, чѣмъ осетины, положеніе. Ихъ національное отличіе и распространенный среди нихъ обычай украшать свои одѣянія множествомъ крестовъ и носить нагрудники и все вооруженіе, считая и прямой мечь, украшенный большею частью латинскими надписями, все это, вмѣстѣ взятое, скорѣе производитъ впечатлѣніе европейской, а не азіатской культуры. Неудивительно даже, что многіе ученые, въ томъ числѣ и г. Шантръ (Chantre) изъ Ліона, находятъ возможнымъ считать хевсуровъ потомками древнихъ крестоносцевъ, разсѣявшихся при походѣ черезъ Грузію среди горъ Кавказа.

Если сравнивать религіозные обряды и обычаи этого, еще столь мало извѣстнаго племени, съ таковыми, по Зендъ-Авестскимъ письменнымъ памятникамъ, легко можно прійти къ заключенію, что дѣйствительнымъ источникомъ его цивилизаціи была именно иранская культура. Къ тому же отмѣтимъ и то обстоятельство, что между распространенными среди этого народа преданіями, сохранилась память о культѣ, болѣе древнемъ нежели христіанство, а именно о культѣ Ормузда, извѣстнаго у нихъ подъ названіемъ „*Армази*“ (Armasi). Борьба со злыми духами, сохранившими въ этихъ преданіяхъ то же названіе, какъ и въ Зендъ-Авеста, а именно „*деви*“ (devi), стоила огромныхъ силъ первымъ христіанскимъ миссіонерамъ, отважившимся проникнуть въ эту страну. Вслѣдствіе этого, мѣстные священники еще и въ наше даже время носятъ названіе „*дастурсъ*“ (dasturs), выраженіе, употребляемое въ Зендъ-Авеста для обозначенія низшихъ степеней священнической іерархіи. Понятія, существующія у этого племени о значеніи тѣлесной чистоты и о томъ, какъ легко теряется эта чистота отъ прикосновенія къ трупу или къ женщинѣ въ извѣстное время, и, въ особенности,

во время беременности, совершенно тождественны съ таковыми въ Зендъ-Авеста.

Порядокъ погребенія у хевсуровъ умершихъ низшаго класса этого народа и старанія избѣгнуть всякаго прикосновенія съ покойникомъ, указываетъ обычаи, совершенно согласныя съ предписаніями, которые, въ этомъ отношеніи, даются Зендъ-Авестомъ.

Обычай хоронить умершихъ на возвышенностяхъ, въ чемъ нельзя не видѣть существовавшаго нѣкогда обычая выставлять ихъ въ добычу хищнымъ птицамъ, совершенно тождественъ съ указываемымъ въ Зендъ-Авеста и съ тѣмъ, который наблюдали въ семнадцатомъ вѣкѣ многіе путешественники, и между ними Хиронъ (Chiron) и Хардинъ (Chardin), у парсовъ въ Индіи, которые фактически являются послѣдователями ученія Ормузда. Во время своего путешествія я посѣтилъ много подобныхъ мѣстъ погребенія, и, вслѣдствіе этого, имѣлъ случай собственными глазами убѣдиться въ полной ихъ тождественности съ описанными Хардинымъ „дакхме" (dakhme) у парсовъ. Выстроенныя изъ камня, четырехугольныя, гробницы эти, въ которыхъ кладутъ трупы покойниковъ, снабжены особыми отверстіями для выхода воздуха, предоставляющими возможность проникнуть къ трупу хищнымъ птицамъ. По обѣ стороны длиннаго, узкаго прохода возвышаются два или три ряда деревянныхъ скамеекъ, на которыхъ располагаютъ трупы или лежа во всю длину, или стоя, прислонивъ ихъ къ стѣнѣ. Когда уже, такимъ образомъ, отошли къ праотцамъ нѣсколько поколѣній, ихъ кости собираются и, чтобы предоставить мѣсто новымъ покойникамъ, бросаются въ общую могилу. Такой обычай соблюдается у хевсуровъ. Такой же обычай, по описаніямъ писателей семнадцатаго вѣка, существовалъ и у парсовъ.

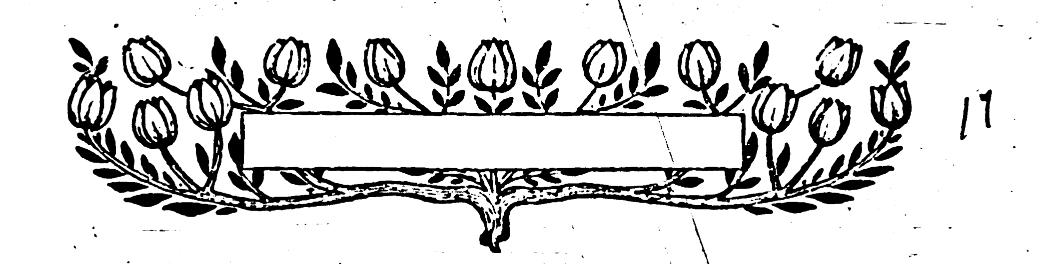
Что, наконецъ, касается представленій, существующихъ у пшавовъ и хевсуровъ о раѣ и адѣ, то они вполнѣ согласуются съ таковыми же въ Зендъ-Авеста. Небольшой мостикъ, не шире волоска, извѣстный подъ названіемъ „chinvat"—выраженіе, также употребляемое и въ Зендъ-Авеста, отдѣляетъ, по воззрѣніямъ этихъ народовъ, рай отъ ада. Только болѣе достойные въ состояніи пройти по этому мосту и достигнуть, такимъ образомъ, блаженной обители. Кто со-

вершилъ во время прошлой своей земной жизни тяжкіе грѣхи, обреченъ, такимъ образомъ, на пребываніе въ аду.

Вся эта аналогія, которую я только что провелъ, и которую еще болѣе развилъ въ статьѣ, напечатанной недавно въ „English Archaeological Review“, утверждаетъ меня въ мнѣніи, что культура пшавовъ и хевсуровъ носитъ еще и въ наши дни несомнѣнныя слѣды развитія такъ явственно отмѣченнаго въ Зендъ-Авеста. Отсюда слѣдуетъ, что мы имѣемъ полное основаніе выводить изъ Зендъ-Авеста и въ особенности изъ вѣрованія въ „фравасхисъ“ (fravashis) тотъ культъ поклоненія предкамъ, примѣръ котораго мы встрѣчаемъ и нынѣ у пшавовъ и хевсуровъ, также какъ и у осетинъ.

Изъ всего вышесказаннаго, какъ мнѣ кажется, возможно прійдти къ заключенію, даже необходимо въ чемъ надѣюсь, со мной согласятся, что изученіе кавказскаго народа въ этнографическомъ отношеніи должно существенно восполнить сокровищницу нашихъ знаній, такъ какъ оно должно освѣтить намъ новый міръ поклонниковъ Ормузда. Это обстоятельство имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что мы, благодаря той отрывочности, который представляетъ для насъ Зендъ-Авеста, знаемъ, и то не вполнѣ, основательно лишь одну сторону этой столь интересной и заслуживающей вниманія культуры. Изученіе современнаго развитія культуры Кавказскаго народа и сохранившихся не малочисленныхъ слѣдовъ его прежней культуры, начало которой должно быть отнесено къ глубокой старинѣ, можетъ, по моему мнѣнію, имѣть огромное значеніе, какъ средство восполнить то далеко несовершенное представленіе, которое мы имѣли до сихъ поръ о культурѣ древнихъ персовъ и другихъ народностей иранскаго происхожденія.

Максимъ Ковалевскій.



Мой Дѣдъ

Переводъ съ французскаго Н. Г.

Enfants on vous dira plus tard
Que le Grand-Père vous adorais.
(L'année Terrible).

Мы его звали „Папапа" (Papapa). Сложилась такая легенда—онъ насъ всегда окружалъ легендами,—что въ одно далекое утро въ Hauteville-Hous'ѣ, въ то время, какъ онъ, работалъ въ устроенной имъ надъ домомъ стеклянной клѣтушкѣ, маленькій Жоржикъ вбѣжалъ къ нему со словами:

— Здравствуй, „Papapa"!

А маленькій Жоржикъ тогда едва начиналъ говорить. Страшно обрадовался дѣдъ, услыхавъ отъ сына своего только что умершаго сына Шарля это невѣдомое слово. Онъ понималъ таинственныя дѣтскія рѣчи, а лепетъ Жоржика сдѣлалъ изъ него какъ бы вдвойнѣ отца, сдѣлалъ изъ него болѣе чѣмъ дѣда. Онъ взялъ Жоржика на руки и спустился съ нимъ въ нижній этажъ, куда всѣ домашніе собирались на общій семейный завтракъ. И здѣсь, въ этой красивой столовой Hauteville-Hous'a, украшенной синими и бѣлыми дельфтскими изразцами, гдѣ на дубовыхъ стѣнахъ онъ не разъ вырѣзывалъ ножомъ свои грустныя изрѣченія, онъ тихо сказалъ, какъ бы освящая лепетъ Жоржика:

— Отнынѣ меня зовутъ „Papapa".

И до самой его смерти мы съ сестрой называли его этимъ вдвойнѣ ему милымъ, нѣжнымъ именемъ.

A chaque pas qu'il fait, l'enfant derrière lui
Laisse plusieurs petits fantômes de lui-meme [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ я знаю кого мы любили, я часто призываю на помощь эти маленькія милыя тѣни, которыя мнѣ говорятъ о дѣдушкѣ. Въ глубинѣ моего сердца и моей памяти я нахожу тогда неопредѣленныя впечатлѣнія, ибо милыя тѣни унесли съ собою наиболѣе старыя воспоминанія и бытіе ихъ какъ бы испарилось вмѣстѣ съ моей дѣтской душою. Теперь остались только отрывочныя грезы былого. То мнѣ вспоминается, какъ я весь съ головой ушелъ въ объятія дѣда, его большія сильныя руки меня ласково убаюкиваютъ, а борода слегка колется, а то воскресаютъ въ моей памяти раскаты его смѣха, его нѣжная, добрая улыбка, въ которой свѣтится столько счастливаго обожанья. И я могу теперь назвать своимъ именемъ то, чему въ этихъ далекихъ образахъ не хватало названія.

Но вотъ и точная картина: за высокимъ окномъ, на улицѣ шумъ, проходятъ войска съ барабаннымъ боемъ и въ то время, какъ я, сидя на рукахъ дѣда, предаюсь созерцанію, онъ на стеклѣ отбиваетъ тактъ пальцами. Теперь я знаю, куда отнести это минутное впечатлѣніе; однако, я не думаю, чтобы мое дѣтское ощущеніе было испорчено тѣмъ, что я узналъ впослѣдствіи: оно сохранилось свѣжимъ, если даже и неопредѣленнымъ. Это было во время осады [2]) въ Роганскомъ павильонѣ (Pavillon de Rohan) въ просторной комнатѣ, которую такъ часто описывала потомъ моя мать: это было среди страха и тревоги. Дѣдушка показывалъ мнѣ баталіонъ ополченія, шедшій на аванпосты. Въ этотъ именно день, быть можетъ, онъ написалъ:

Vous faites votre bruit d'abeille dans les bois
O Jeanne et vous mêlez votre charmant murmure
Au grand Paris faisant sonner sa grande armure.

Затѣмъ наиболѣе отдаленный образъ дѣда, запечатлѣвшійся въ моей памяти, относится ко времени его пребыванія на островѣ Гвержеѣ.

Мы между двухъ стѣнъ поднимаемся по старинной широкой каменной лѣстницѣ. Дѣдушка посрединѣ — между Жанною и мною. Я слишкомъ еще малъ, чтобы видѣть что-либо другое, кромѣ движенія его ногъ по

[1]) На каждомъ шагу дитя за собой
Точно тѣнь свою оставляетъ.
[2]) Парижа (1871 г.).

ступенямъ, и тщетно стараюсь поспѣть за нимъ моими маленькими ножками. Я чувствую нѣжную ласку его руки, гладящей меня по щекѣ при каждомъ усиліи. Онъ со смѣхомъ потихоньку поднимается на самый верхъ лѣстницы, онъ насъ втаскиваетъ, чтобы помочь намъ; ему весело, онъ насъ цѣлуетъ. Вотъ и все. Отчего же эта простая картина такъ поразила мое дѣтское воображеніе, что, много лѣтъ спустя, она осталась такою же ясною, какъ и въ первый день. Въ этомъ вся тайна наивныхъ впечатлѣній и чувствъ. Часто мы навсегда сохраняемъ представленіе о близкихъ, любимыхъ существахъ по такому первому, неподдающемуся опредѣленію, впечатлѣнію. Въ этотъ день, который свѣтло и радостно блеститъ въ моей памяти, я, можетъ быть, понялъ любовь Великаго Старца.

Эту любовь, это чувство, которое становится на уровень дѣтскаго пониманія, чтобы говорить съ дѣтьми, чтобы тронуть ихъ молодое зарождающееся сердце, съ годами дѣлающуюся болѣе глубокою, болѣе серьезною; этого дѣдушку, игравшаго какъ маленькій съ малышами, разговаривавшаго съ подростками и поучавшаго юношей; эти чудныя повѣствованія о справедливости, о любви, о красотѣ, эту веселость, которую онъ, несмотря на тяжелые послѣдніе годы жизни, сумѣлъ сохранить для насъ, смѣхъ для насъ болѣе ясный и звонкій, его спокойный голосъ и нѣжныя ласки его милыхъ старческихъ рукъ—словомъ, этого именно Виктора Гюго я хочу воскресить въ памяти читателя. Я хочу воскресить его въ трепетномъ благоговѣніи, весь благодарность и обожаніе; и, въ то время, когда мнѣ уже приходится сказать „прости“ моей молодости, я хочу вспомнить о дѣтствѣ, которое я провелъ въ отблескѣ его славы.

Вотъ первыя минуты счастья въ нашей жизни: дѣдушка играетъ съ нами, будто и самъ онъ такой же ребенокъ, какъ мы. Онъ будто нашъ ровесникъ; онъ говоритъ нашимъ языкомъ; у него наши вкусы. Онъ бѣгаетъ и смѣется. Мы прячемся за большими креслами; онъ насъ все-таки находитъ — вѣдь онъ больше этихъ креселъ. Какой онъ громадный! Весь снизу онъ черный, наверху гдѣ-то тамъ—очень высоко, его улыбающаяся бѣлая голова. Мы разыгрались во всю; изъ стульевъ сдѣлали лѣса, столы обратили въ пещеры. Онъ ухитряется сдѣлать эти лѣса какъ бы настоящими и заставляетъ насъ изслѣдовать ихъ: онъ прячется въ пещерахъ и рычитъ оттуда настоящимъ львомъ. Намъ страшно. Мы въ восторгѣ отъ этого страха, а дѣдушка,

весь запыхавшійся, счастливый и торжествующій, уноситъ своихъ малышей, покрывая ихъ поцѣлуями.

Въ углу, любуясь на эту радостную бѣготню, сидѣла старушка. Своими сморщенными руками она отбивала тактъ, какъ бы аккомпанируя намъ.

Позднѣе мнѣ пришлось ближе узнать это блѣдное лицо, съ гладко-причесанными сѣдыми волосами, это нѣжное лицо, напоминавшее Мадонну Луини, если бы Мадонну изобразили въ старости.

Когда она бывало проходила своими маленькими шажками, она оставляла послѣ себя легкій запахъ вербены. Она одѣвалась по модѣ романтической эпохи и на ея гипюрной косынкѣ, на тоненькой золотой цѣпочкѣ колыхалась камея. Ея лифа съ короткими басками, слегка открытые, какъ подобало кокетству ея возраста, имѣли рукава въ формѣ „пагоды“, которые кончались падающими на руки, тонкими батистовыми складками, что придавало движеніямъ ея потерявшихъ свою гибкость пальцевъ какую-то грацію былой молодости.

Мнѣ какъ будто еще видится гостиная, гдѣ дѣдушка такъ мило игралъ съ нами: два окна, много зеленой бархатной мебели. За гостиною, окнами во дворъ, маленькая столовая, гдѣ мы порою обѣдали вмѣстѣ съ нимъ. Послѣ обѣда, при свѣтѣ лампы, мы бывало любовались съ вѣчно ненасытнымъ удивленіемъ, какъ дѣдъ показывалъ намъ чудеса эквилибристики, ставя тарелки на горлышко бутылокъ. Онъ устраивалъ какія-то вращающіяся фигуры, такія хрупкія, что, казалось, онѣ вотъ-вотъ рушатся отъ перваго прикосновенія дѣдушкинаго пальца. Но онѣ долго вращались и никогда не падали.

Помню я еще и фаянсовое блюдо, изображавшее какую-то сцену въ духѣ Теньера. Толстыя дѣвушки и парни танцуютъ на деревенской площади. Собаки заливаются лаемъ и хватаютъ ихъ за ноги. Но это было достаточною темой для очаровательныхъ разсказовъ, гдѣ дѣдушка вдохновлялся то нашей, то своей фантазіей. Каждая фигура оживлялась, казалось, выскакивала изъ рисунка и будто смѣялась намъ въ глаза и говорила намъ языкомъ грезъ. И мы слушали въ безмолвномъ восхищеніи. Намъ въ особенности былъ любъ нѣкій маленькій горбунъ, съ уродливымъ лицомъ, на головѣ у котораго красовалась большая шляпа съ перомъ, свѣсившимся на его горбъ. Намъ чудится, что дѣдушка сажалъ его себѣ на ноготь и заставлялъ прыгать; но эти отчаянные прыжки были ничто въ сравненіи съ

тѣми разсказами, которые намъ сулила широкая щель его рта.

Я не знаю, что сталось съ этимъ блюдомъ. Оно, вѣроятно, разбито и его куски никогда не узнаютъ, какую чудную фантазію отражаетъ ихъ стертая эмаль.

* * *

За этими первоначальными воспоминаніями, такими неясными, несмотря на попадающіяся иногда частички точныхъ впечатлѣній, слѣдуютъ первые годы интимности съ дѣдомъ, тѣ годы, когда моя младенческая душа, обратившаяся уже въ дѣтскую душу, пріобрѣла способность лучше понимать участливую доброту, а также и печали. Мнѣ вспоминаются и другія слезы, не мои свѣжія дѣтскія слезы, а тѣ, которыя омрачали задумчивый взоръ.

Мы въ траурѣ—снова въ траурѣ. Послѣ ужасовъ войны и невзгодъ осады, скончался въ Бордо мой отецъ. Увы! я не сохранилъ въ памяти его лицо. Но во мнѣ все говоритъ о немъ, потому что мое сердце бьется, какъ билось его сердце. Голосъ крови призываетъ меня любить все, что онъ любилъ. И, когда я смотрю на оставшіеся послѣ него старинные портреты, которые вмѣстѣ съ нѣсколькими мелкоисписанными пожелтѣвшими страничками составляютъ мое единственное сокровище,—мнѣ съ помощью всей моей памяти и воспоминаній переживщихъ его, становится понятнѣе, какой это былъ славный человѣкъ и какая въ его лицѣ угасла великодушная, гордая и восторженная натура, оставшаяся для насъ незамѣнимой.

И точно судьбѣ было угодно доставить дѣду горькую усладу любить насъ за обоихъ своихъ сыновей. Два года спустя умеръ и Францъ-Викторъ Гюго. Мнѣ представляется, что тогда на насъ обрушились всѣ горя и, конечно, смерть дяди была главной катастрофою въ моемъ раннемъ дѣтствѣ. Помню, что тогда я впервые увидѣлъ, какъ плачутъ.

Его, этого изящнаго и ученаго Франца-Виктора Гюго, я хорошо зналъ. Онъ встаетъ передо мной—въ далекомъ прошломъ двадцати девяти лѣтъ,—молчаливый и задумчивый, съ благородными, нѣсколько грустными манерами. Бывало бабушка говорила про него: „Что за странная вещь сердце! „Францъ-Викторъ страстно стремился кончить свой переводъ—кончить было для него равносильно освобожденію изъ тюрьмы; но только была написана послѣдняя строка, какъ имъ снова овладѣвала меланхолія, ему становилось досадно, онъ открывалъ какую-

нибудь книгу и начиналъ дѣлать выписки для предстоящаго историческаго труда. Въ теченіе восемнадцати лучшихъ лѣтъ ихъ молодости, они съ Шарлемъ раздѣляли изгнаніе отца. Изъ этихъ 18-ти лѣтъ Францъ-Викторъ употребилъ десять на переводъ Шекспира и сожалѣлъ, что, наконецъ, довершилъ его. Правда, что въ этомъ громадномъ трудѣ ему помогала молодая дѣвушка Emily or Patrin, его невѣста, которую недугъ похитилъ у него въ полномъ расцвѣтѣ счастья. Она покоится посреди цвѣтовъ, на маленькомъ мѣстномъ кладбищѣ. Прощальныя слова, которыя сказалъ дѣдушка надъ прахомъ молодой гвернзеячки, выгравированы на ея могилѣ, начинающей уже поростать мохомъ;и часто я уединяюсь съсыновнимъблагоговѣніемъ передъ этой былою любовью и этими поблекшими розами.

* * *

Послѣ смерти Франца-Виктора мы поселились на rue de Clichy. Тамъ дѣдъ занималъ во второмъ этажѣ квартиру, почти всѣ окна которой выходили на мрачную rue de Tivoli, теперешнюю rue d'Athénes. За маленькой темной передней слѣдовала столовая: въ ней я снова нашелъ тѣ дубовые, обитые зеленымъ бархатомъ стулья, которые служили деревьями въ нашихъ дѣвственныхъ лѣсахъ. За столовой была большая гостиная, или, вѣрнѣе, гостиная, которая мнѣ казалась большою. Тамъ были все знакомые предметы, все мои старинные друзья, бронзовый китайскій слонъ съ трехъярусной пагодой на спинѣ. Дѣдушка не позволялъ его трогать; онъговорилъ, что это изящная бездѣлушка и что на него можно только смотрѣть, хотя намъ всегда хотѣлось оторвать висюльки, украшавшіе его сбрую, и сбломать балконы у пагоды. Помню еще золоченую мебель, обитую бѣлымъ съ розовымъ штофомъ и церемонно разставленную полукругомъ вокругъ камина, помню полосатыя занавѣси, каминные часы и, наконецъ, круглый диванъ, помѣщавшійся посрединѣ комнаты. Изъ-за этого дивана и поднимался пресловутый слонъ съ поднятымъ хоботомъ.

Противъ гостиной, также сообщаясь со столовой, находился рабочій кабинетъ дѣдушки—маленькая мрачная комнатка, вся заваленная брошюрами, книгами и огромными листами „ватманской“ бумаги, исписанными его правильнымъ почеркомъ.

У окна стояла высокая конторка, за которою онъ всегда писалъ стоя.

Моя мать, Жанна и я занимали помѣщеніе въ третьемъ этажѣ.

Каждое утро я бѣжалъ въ нижній этажъ, чтобы поцѣловать дѣдѣшку; я его всегда заставалъ въ рабочемъ кабинетѣ. Чуть открою дверь, и уже вижу его высокій силуэтъ, выдѣляющійся на фонѣ оконъ, у которыхъ не было занавѣсей. Онъ бывало подниметъ голову и скажетъ мнѣ:

„Здравствуй маленькій мужчина". (Онъ меня окрестилъ „маленькимъ мужчиной" съ того дня, какъ сталъ мнѣ давать, вмѣстѣ съ первыми уроками грамоты, первые уроки латини). Иногда онъ прибавлялъ, улыбаясь и поднимая брови: „Vis ne mecum latine loqui?" [1]) Я старался проникнуть въ тайну этихъ странныхъ словъ и мой учитель мнѣ сообщилъ, что на нихъ нужно отвѣчать словомъ „ita", но оно мнѣ казалось такимъ холоднымъ и мрачнымъ, что никакъ не могло мнѣ попасть на языкъ. Я предпочиталъ кинуться въ объятья дѣда и спрятать въ нихъ мое смущеніе.

Утромъ дѣдъ носилъ всегда просторный халатъ изъ сѣраго солдатскаго сукна, стянутый въ талью краснымъ шелковымъ шнуркомъ. Въ такомъ костюмѣ онъ лишь очень рѣдко садился за столъ; однако, такъ какъ онъ работалъ только утромъ (послѣ полудня онъ никогда не писалъ ни одной строчки) ему все же случалось появляться среди насъ въ халатѣ. Тогда онъ непремѣнно извинялся, потому что любилъ придавать трапезѣ извѣстную торжественность, не лишенную впрочемъ добродушья. За столъ онъ садился всегда послѣднимъ, стоя за своимъ стуломъ пока не усадятся всѣ дамы. Кушалъ онъ очень старательно и методично и почти всегда одни и тѣ же блюда. Любимое его кушанье было „Gribouilles", онъ его самъ сочинилъ и тутъ же за столомъ собственноручно изготовлялъ: это была смѣсь всего, что подавалось: яйца, мясо, зелень, соусы и т. п. все это онъ мелко рубилъ ножемъ и затѣмъ опрокидывалъ туда цѣлую солонку. Это блюдо намъ казалось самымъ вкуснымъ въ мірѣ. Если за завтракомъ подавали омара, дѣдушка бралъ себѣ клешню, разгрызалъ ее своими здоровыми, чисто юношескими зубами и проглатывалъ мясо и скорлупу, къ нашему великому восторгу и къ ужасу нашей матушки, боявшейся, какъ бы намъ не вздумалось послѣдовать его примѣру. То же продѣлывалъ онъ и съ апельсинами, которые клалъ цѣликомъ

[1]) Не хочешь ли поговорить со мною по латыни.

въ ротъ и съѣдалъ не снимая ихъ горькой корки. Онъ напоминалъ тогда добраго людоѣда и подсмѣивался надъ удивленіемъ, которое читалось въ нашихъ вытаращенныхъ глазахъ.

Въ качествѣ маленькаго мужчины обучающагося уже латыни, я начиналъ лѣниться. Въ моихъ тетрадяхъ, безсознательно подражая школьникамъ, я рисовалъ какихъ то паяцовъ, развязно бѣгающихъ по строкамъ моего писанья. Съ своей стороны, Жанна упорно отказывалась принимать какіе либо совѣты о томъ, какъ легче выучиться читать. И съ апломбомъ своихъ пяти лѣтъ, она бросала уроки и убѣгала играть съ своей куклою „Вильгельмомъ Теллемъ". Такіе наши проступки, по мнѣнію учителей требовали, возмездія. Тогда дѣдъ, который насъ никогда не бранилъ, у котораго строгость уступала мѣсто снисходительности—ставилъ намъ хорошія и дурныя отмѣтки. Это были рисунки гусинымъ перомъ на кусочкахъ бѣлой папки, которые онъ клалъ намъ подъ салфетки во время обѣда. Хорошія отмѣтки являлись въ образѣ ангелоподобныхъ кудрявыхъ дѣтей, увѣнчанныхъ звѣзднымъ сіяніемъ, то въ видѣ фантастическихъ птицъ весело распѣвающихъ на цвѣтущихъ деревьяхъ. Эти картинки были для насъ наградою, лучшею, чѣмъ какія бы то ни было игрушки. Но если на папкѣ были нарисованы: оселъ съ длинными ушами, черти съ широко разинутою пастью, бичъ въ сердитой рукѣ, или—о стыдъ,—просто одинокая ночная ваза,—тогда наши щеки заливались пурпуромъ и крупныя слезы капали на кусочки роковой папки.

Мнѣ приходится сознаться, что на долю сестры чаще выпадали хорошіе рисунки. Дѣдушка, такимъ образомъ, давалъ мнѣ первые уроки галантности.

Въ хорошіе лѣтніе дни была награда, которая превосходила всѣ остальныя — насъ возили кататься въ фіакрѣ. Ради насъ, въ видѣ особаго исключенія, Papapa (antiqua) отказывался отъ имперіала конки, куда онъ такъ любилъ взбираться по крутымъ ступенькамъ винтовой лѣстницы. M-me Drouet одѣвала свое лучшее платье и вышитую мантилью, украшала свои серебристыя волосы маленькою шляпой „capote" и брала съ собою зонтикъ изъ „Malines" съ перламутровой складной ручкой. Дѣдушка въ вестонѣ изъ альпага, въ широкополой соломенной шляпѣ, все торопилъ насъ, чтобы не пропустить солнечнаго времени и всѣ четверо мы влѣзали въ коляску. Мы съ сестрою забирались на скамеечку. M-me Drouet расправляла складки своего платья и давала со-

отвѣтствующій уклонъ своему зонтику. Дѣдъ опускалъ края своей шляпы—и красивые улыбующіеся старики и восхищенные маленькіе дѣти отправлялись изслѣдовать Парижъ. Насъ все забавляло, потому что все намъ объяснялъ дѣдъ, слова котораго такъ умѣли очаровывать нашъ молодой умъ. Улица обращалась въ воплощенную сказку и когда коляска медленно углублялась въ зеленыя аллеи булонскаго лѣса, добрыя феи и хохочущіе гномы, о которыхъ разсказывалъ дѣдъ, заводили передъ нами хороводъ, подъ аккомпаниментъ старинной мелодіи, тихо напѣваемой M-me Drouet.

Въ этотъ періодъ мы стали для него болѣе чѣмъ его внуками. Онъ насъ пріобщилъ къ своимъ произведеніямъ, сдѣлалъ изъ насъ вѣчныхъ спутниковъ, Cosette и Gavroche'а Réné-Jean и Georgett'ы, такъ какъ въ это время онъ создалъ свой „L'Art d'être Grand-Père". Онъ украсилъ насъ ореоломъ своей любви и я не могу выразить съ какою меланхолическою гордостью, съ какою щемящею сердце радостью я перечитываю нынѣ эти стихи написанные для насъ:

Un jour tu seras homme et tu liras ceci.
En attendant, tes yeux sont gronds et je te parles,
Mon George, comme si je parlais à mon Charles.

И всегда онъ такъ будетъ говорить со мною и всякій разъ мое сердце будетъ охватывать сладкое волненіе подобное любви. Мнѣ всегда будетъ казаться, что его милая рука беретъ мою и въ дивныхъ снахъ ставитъ меня въ общеніе съ тѣми, кого уже нѣтъ.

* * *

Дѣдъ хотѣлъ—и это къ нашему великому восторгу—чтобы мы всегда обѣдали вмѣстѣ съ нимъ, какъ бы поздно обѣдъ ни былъ назначенъ и сколько бы онъ времени ни длился. Ему необходимы были его внуки на глазахъ у всѣхъ и для него одного.

За обѣдомъ, гдѣ всякій разъ бывало человѣкъ 12—14, мы съ сестрою сидѣли рядомъ на концѣ стола, который приходился намъ до подбородка; наши ноги, болтавшіяся на воздухѣ, ударялись о ноги нашихъ добродушно снисходительныхъ сосѣдей.

Мы вели себя очень смирно и внимательно вслушивались въ разговоры, для насъ, увы, совершенно непонятные. Дѣдушка, сидя на почетномъ мѣстѣ, говорилъ яснѣе другихъ и, казалось, всѣ его слушали въ благоговѣйномъ молчаніи, которое осмѣливалась нарушить только одна Жанна. Я до сихъ поръ восхищаюсь ея

смѣлостью, такъ какъ тѣ нѣсколько словъ, которыя она вставляла вся раскраснѣвшаяся и веселая, приводили дѣда въ неописуемую радость.

Я былъ тогда слишкомъ малъ, чтобы могли сохраниться въ памяти всѣ видѣнныя мною—лица, всѣ эти друзья, которые умѣли насъ забавлять и, вмѣстѣ съ нами, забавлять и дѣдушку или тѣ, которые интриговали наши наивно-пытливые умы.

Шарль Монселэ забавлялъ насъ не только своимъ лоснящимся лицомъ и очками на маленькихъ круглыхъ глазкахъ, своимъ „деревяннымъ носомъ", этотъ деревянный носъ была забавная дѣдушкина затѣя, а всѣмъ своимъ дѣйствительно забавнымъ затѣямъ, дѣдушка посвящалъ всегда послѣобѣденное время. Какъ только обѣдъ кончался, пока въ гостинной шла бесѣда, дѣдушка, Жанна и я возвращались въ столовую, гдѣ Монселэ все еще сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, готовый священнодѣйствовать. Тогда онъ сухимъ движеніемъ опускалъ голову и какъ будто распластывалъ свой носъ о столъ, который издавалъ звукъ точно ударяли въ пустую бочку—хитрый толстякъ рукояткою ножика, спрятаннаго подъ скатертью стучалъ о столъ въ тотъ моментъ когда его касался носомъ. И дѣдушка подавалъ намъ сигналъ къ смѣху и апплодисментамъ.

Въ моей памяти осталось неизгладимымъ впечатлѣніе, которое произвелъ на меня бѣдный Леонъ Кладель. Въ пылу какого-то спора онъ такъ сильно ударилъ кулакомъ по столу, что опрокинулъ графинъ, который разбился и содержавшееся въ немъ красное вино вылилось на скатерть. Дѣдушка встрѣтилъ это обстоятельство нѣсколькими словами, произнесенными тихимъ серьезнымъ тономъ. Потомъ слѣдовало глубокое молчаніе. Длинные волосы Клоделя, еще казалось удлиннились, соединяясь съ его печально висѣвшими усами, а мы съ Жанной обмѣнялись такимъ взглядомъ, точно сейчасъ куда-нибудь близко упала молнія.

Послѣ немного дикаго Кладеля и добродушнаго Монселэ, я помню рыжаго огромнаго Постава Флобера, любовно слушавшаго все, что говорилъ дѣдъ и своими блестящими глазами впивавшагося пободобострастно въ него. А вотъ маленькій, бритый, изящный человѣчекъ, роста чуть-ли не съ насъ, который говорилъ пріятнымъ голосомъ, нѣсколько въ носъ, и котораго слушали съ большимъ удовольствіемъ—это Теодоръ де Банвилль. Вотъ Луи Бланъ, котораго плохо выбритая борода колола насъ при его поцѣлуяхъ, и который называлъ дѣ-

душку своимъ „большимъ старымъ другомъ". Гамбетта всегда опаздывавшій и вихремъ влетавшій въ столовую, поднимавшій насъ на руки и душившій въ своихъ объятіяхъ; молчаливый черноволосый Леонъ Вальдъ одѣтый въ черный сюртукъ и симпатичный намъ своей застѣнчивостью. Эрнестъ д'Эрвильи, длинная раздвоенная борода котораго могла быть закинута ему за уши, что давало предлогъ нашему веселому смѣху разразиться на самой серединѣ обѣда. Мы смѣялись, дѣдушка смѣялся и плохо тогда приходилось серьезнымъ разговорамъ. Если это случалось въ присутствіи Виктора Шёльхера, старикъ принималъ такой недовольный видъ, что дѣдушка смѣялся еще больше, а мы, испуганные, исчезали подъ стулья. Шёльхеръ имѣлъ какъ то разъ неосторожность замѣтить матери, въ присутствіи Виктора Гюго, что дѣтямъ у насъ въ домѣ придаютъ слишкомъ много значенія. Онъ при этомъ еще прибавилъ, что не любитъ такихъ избалованныхъ дѣтей. Въ результатѣ—скандалъ. Отъ старика на насъ вѣяло холодною надменностью, не допускавшей шутокъ и смѣха. Его застегнутый на всѣ пуговицы, надушенный фракъ, стянутая низкими воротничками и повязанная чернымъ галстухомъ шея, надъ которой было блѣдное, костлявое лицо съ большимъ носомъ, его высокій сгорбленный ростъ и медленныя движенія — еще увеличивали нашъ страхъ предъ нимъ. Онъ его усугублялъ тѣмъ, что ,когда мы ему подставляли лобъ, онъ отказывался поцѣловать насъ и довольствовался лишь, что бралъ наши маленькія ручки въ свою длинную сухую руку, причемъ мы чувствовали холодъ его массивнаго обручальнаго кольца. Но мы смутно понимали что Шёльхеръ былъ безконечно добрый старикъ.

Оглушенные шумомъ разговоровъ, мы часто засыпали на самой серединѣ обѣда Дѣдушка требовалъ тогда, чтобы насъ не трогали, говорилъ онъ, пока надъ нами рѣяли сны. Эдмондъ де Гонкуръ мнѣ разсказывалъ впослѣдствіи, что обѣдая какъ то у Виктора Гюго, онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Жанна Распуль, склонилась надъ своей тарелкой съ косточкою цыпленка въ рукѣ. Ее никто не безпокоилъ но если мы вдругъ просыпались, то раньше чѣмъ идти на верхъ спать, мы добросовѣстно обходили всѣхъ гостей, чтобъ проститься съ ними и, конечно, безцеремоннѣйшимъ образомъ прерывали самые серьезные разговоры.

По вечерамъ насъ оставляли только въ самыхъ тор-

жественныхъ случаяхъ, такъ какъ обѣды начинавшіеся въ 8 часовъ кончались не ранѣе 10-ти. Послѣ 12-ти часовъ подавался ужинъ, на которомъ мы уже не присутствовали. Однако два раза мы прободрствовали весь вечеръ. Одинъ разъ это было для того, чтобы слушать, какъ дѣдушка читаетъ стихи въ красной гостинной. Онъ принесъ изъ своего кабинета нѣсколько большихъ листовъ, сложенныхъ пополамъ. Мы спрятались за юбками матушки и внимательные и смущенные смотрѣли на дѣда, стоявшаго передъ пылавшимъ каминомъ. И вотъ онъ начиналъ декламировать. То грозные раскаты его голоса, заставляли меня, трепеща отъ страха, прятаться въ мамашиной шали, то вдругъ слышались ласковыя мелодичныя слова, тѣ знакомыя слова любви, которыми онъ такъ часто насъ дарилъ. И когда среди взволнованной тишины кончалось чтеніе, я убѣгалъ къ себѣ, съ трудомъ одолѣвая подступавшія рыданія.

Другой разъ насъ оставили на цѣлый вечеръ по случаю посѣщенія дѣдушки Бразильскимъ императоромъ Донъ-Педро. Признаться я сначала былъ очень разочарованъ увидавши императора въ простомъ партикулярномъ платьѣ; я представлялъ себѣ тріумфальное шествіе, со свитой блиставшей золотомъ касокъ и кирассъ и съ разноцвѣтными развѣвающимися султанами. И вдругъ я увидѣлъ только добродушнаго сѣдаго какъ лунь господина, привѣтливо раскланивающагося съ вышедшимъ ему навстрѣчу дѣдушкою. Но когда Викторъ Гюго сказалъ ему: Ваше Величество вотъ мои „внуки“, вся фантасмагорія вновь воскресла въ моемъ представленіи и на зовъ дѣда я пропустилъ впередъ Жанну, прячась за ея маленькой особой. Высокій господинъ, оказавшійся теперь несомнѣнно императоромъ, сильно нагнувшись, взялъ насъ за руки и погладилъ по головамъ и, наконецъ, освободившись, я спрятался за кресломъ, чтобы лучше изучить оттуда это феноменальное явленіе. Предъ нашимъ уходомъ, старый нашъ родственникъ Графъ Леопольдъ Гюго сказалъ мнѣ на ухо эти странныя слова:

„Знаешь—этого императора зовутъ по испански: Донъ-Педро де Алькантара, что во французскомъ переводѣ будетъ Пьеръ Дюпонъ (Pierre Dupont) [1]).

Эта новость всю ночь не дала мнѣ заснуть.

---

[1]) Фамиліи Dupont, Durand и т. п. принадлежатъ къ числу самыхъ простыхъ французскихъ фамилій, соотвѣтствуя напр. нашимъ: Карповымъ, Сидоровымъ, Петровымъ и т. п. *Прим. перевод.*

Шли годы. Я уже сталъ гимназистомъ. Этому времени соотвѣтствуетъ наше пребываніе въ домѣ дѣда на avenue d'Eylau. Помню я въ этомъ домѣ его маленькую спальню, обтянутую темно-красною шелковою матеріею. Двери были задрапированы портьерами съ широкими складками. Кровать въ стилѣ Людовика XIII, занимала мѣсто отъ глубины комнаты почти до камина, (маленькаго бѣлаго, мраморнаго, убраннаго шелковыми фестонами), на которомъ стояли часы и два подсвѣчника. Комната освѣщалась однимъ только венеціанскимъ окномъ выходившимъ въ садъ, черезъ которое врывался въ комнату яркій свѣтъ, падавшій на двухстворчатый шкафчикъ, въ которомъ дѣдъ хранилъ свои рукописи. У окна стояла уже описанная выше конторка, съ листами ватманской бумаги и съ чернильницею, въ которую было воткнуто гусиное перо, запачканное до бородки. Тутъ же на конторкѣ стояло блюдечко, наполненное золотистымъ пескомъ, которымъ дѣдъ посыпалъ только что исписанныя страницы. Туалетнымъ столомъ служилъ пузатый комодъ въ стилѣ Людовика XV съ инкрустированными ящиками marqueterie. У кровати, на дубовой шифоньеркѣ, красовалась алебастровая позолоченная Ѳемида, съ безстрастнымъ взоромъ и съ мечомъ въ рукахъ. На полу былъ разостланъ смирнскій коверъ.

Какъ и въ раннемъ дѣтствѣ, дѣдъ сохранилъ за нами милую привычку приходить утромъ въ его спальню поздороваться съ нимъ. Я приходилъ къ нему въ девятомъ часу и заставалъ его еще въ постели, но уже совсѣмъ проснувшимся. Онъ притягивалъ одѣяло къ подбородку, такъ что изъ подъ одѣяла выглядывала только его сѣдая голова, покоившаяся на маленькой, далеко не мягкой, волосяной подушкѣ и красивая рука, на которой блестѣло обручальное кольцо и которая не выпускала одѣяла. На ночномъ столикѣ, часто попадались листки бумаги или газетныя бандероли, всѣ исписанныя неразборчивыми іероглифами, это были замѣтки или стихи набросанные ночью, въ потьмахъ, въ приливѣ внезапнаго вдохновенья.

Поцѣловавъ меня, дѣдъ вскакивалъ съ постели, какъ молодой человѣкъ.

Первымъ дѣломъ онъ съѣдалъ сырое яйцо, осторожно разбивши его маленькимъ перочиннымъ ножикомъ и запивалъ это большимъ стаканомъ чернаго кофе. Потомъ слѣдовалъ тёбъ, послѣ котораго онъ тщательно вытирался мохнатою простынею, сидя на маленкомъ бамбуковомъ креслѣ, потомъ, твердой щеткой онъ чи-

стилъ свои удивительно сохранившіеся зубы, причемъ теръ ихъ почти до крови. Затѣмъ онъ причесывался передъ каминнымъ зеркаломъ, старательно разсчесывая свои серебристые волосы, энергично густою щеткою проводя по коротко-четырехугольной бородѣ и любовно расправляя усы. Далѣе онъ просовывалъ подъ отложной воротникъ бѣлой полотняной рубашки, бѣлый фуляровый галстухъ-шарфъ, который онъ завязывалъ обыкновеннымъ бантомъ, пряча концы подъ кончики воротника, онъ никогда не позволялъ мнѣ помочь ему, такъ какъ считалъ это нарушеніемъ его привычекъ и въ особенности желая доказать, что онъ еще настолько проворенъ, что отлично справится всегда самъ. Заканчивалъ онъ свой туалетъ, одѣвая черный суконный complet и золотую плоскую цѣпочку, съ большими часами (смотрѣть механизмъ кототорыхъ было однимъ изъ любимѣйшихъ занятій нашего дѣтства).

Когда онъ былъ совсѣмъ одѣтъ, онъ еще разъ кокетливо расправлялъ руками бороду и улыбаясь, говорилъ: Et Voila! (ну, вотъ!).

Пока шло одѣваніе онъ бесѣдовалъ со мной. Его голосъ вибрировалъ въ ярко освѣщенной не прибранной комнатѣ. Онъ совершалъ свой туалетъ у открытаго окна; на сѣромъ фонѣ низко нависшаго парижскаго неба, выдѣлялись высокіе липы и каштаны. Историкъ обращался къ отроку, слушавшему въ молчаливомъ созерцаніи. Онъ бралъ меня за руку, гладилъ мои волосы и, немного покачивая своей чудной сѣдой головой, смотрѣлъ какъ плывутъ облака. Онъ говорилъ мнѣ съ юношескимъ пыломъ: „Милое дитя!—люби и будь любимъ. Будь участливъ и ласковъ ко всѣмъ своимъ близкимъ: къ маленькой Жаннѣ, которая теперь уже Melle Jeanne, къ твоей матери, такой беззавѣтно доброй, къ дѣду, который васъ всѣхъ боготворитъ“.
Легкій вѣтерокъ игралъ пушистой листвою, воробьи радостно чирикали; съ улицы доносился шумъ экипажей а изъ сада было слышно какъ грабли скрипѣли по песку.

Онъ клалъ мнѣ руку на плечо и пристально вглядывался въ меня своими красивыми ясными глазами.

Люби! Ищи любви—она облагораживаетъ даже лучшихъ людей. Доставляй какъ можно болѣе счастья и, любя, получай его. Надо любить, дитя мое, люби крѣпко... всю жизнь“.

И его божественная улыбка нѣжно ласкала меня...

Иногда я, возвращаясь изъ гимназіидо за втрака, заставалъ его за работою.

Своимъ правильнымъ прямымъ почеркомъ онъ покрывалъ большіе листы бумаги. Обмакнувъ перо въ чернила, онъ нѣсколько мгновеній вертѣлъ его въ рукѣ и, затѣмъ, начиналъ писать. Длинный ноготь его мизинца, скрипя по буамгѣ, вторилъ скрипу пера. Дѣдъ стоялъ совсѣмъ прямо съ спокойнымъ, улыбающимся лицомъ. Когда онъ кончалъ, оставлялъ перо въ чернильницѣ, засовывалъ руки въ карманы и не перечитывая написаннаго, начиналъ смотрѣть какъ въ саду рѣзвятся птицы.

Потомъ онъ спрашивалъ, чему насъ въ это утро учили; при случаѣ онъ любилъ поговорить со мною по латыни, и съ благоговѣніемъ отчетливо декламировалъ стихи изъ Виргилія, нѣсколько строфъ Горація или фразу изъ Тацита. Порою онъ давалъ совѣты, какъ себя вести, что говорить и какъ одѣваться. Онъ въ особенности училъ меня безграничной почтительности и вѣжливости съ женщинами, со всѣми женщинами. При привѣтствіи, онъ всегда цѣловалъ имъ руку. Онъ произносилъ слово „madame“ съ такимъ видомъ, какого я съ тѣхъ поръ ни въ комъ не встрѣчалъ и всѣ его манеры были чисто рыцарскими.

Если ему приходилось вести даму къ столу, онъ обращался къ ней словам. „Madame, voulez me faire l'honneur d'acepter mon bras? *) и предлагалъ лѣвую руку, слѣдуя рыцарской традиціи, по которой правая рука должна оставаться свободной, дабы имѣть возможность обнажить шпагу на защиту своей дамы.

Однако онъ, старился, но это былъ солнечный закатъ чуднаго лѣтняго вечера. Чувствуя свой близкій конецъ, дѣдъ съ такимъ яснымъ спокойствіемъ говорилъ намъ о немъ, что нашему воображенію никогда не представлялся ужасный призракъ смерти и намъ не приходило въ голову, что когда нибудь пробьетъ часъ нашей разлуки съ нимъ. Мы вѣрили въ вѣчность бытія природы, въ красоты которой онъ насъ посвящалъ.

„Жанна и Жоржикъ“, говорилъ намъ дѣдъ, подойдите ко мнѣ. Видите-ли, мои милые ангелы, я ухожу отъ васъ, я чувствую, что меня призываетъ Господь. Меня ожидаютъ мои другія любимыя дѣти, которыя на

*) Сударыня, угодно-ли вамъ одѣлать мнѣ честь опереться на мою руку.

небѣ. Вы меня больше не увидите, но я всегда близь васъ, можетъ быть еще ближе, чѣмъ теперь. И я васъ буду благословлять, какъ благословляю теперь.

Онъ поцѣловалъ насъ въ лобъ, нѣжно прижимая къ себѣ...

Мы понимали значеніе и важность этихъ словъ.

* * *

— Дѣтки, мои милыя, дѣтки...

Исхудалая рука, съ знакомымъ обручальнымъ кольцомъ высунулась изъ подъ одѣяла и сдѣлала намъ едва замѣтный знакъ.

Мы встали на колѣни.

Дѣдъ угасающимъ голосомъ произнесъ:

— Ближе ко мнѣ... еще ближе...

Онъ плакалъ и цѣловалъ насъ.

Глаза его улыбались сквозь слезы.

Яркое майское солнце врывалось въ открытое окно, но дѣдушка закутывался въ одѣяло, ему было холодно.

Голосъ его дѣлался еще болѣе нѣжнымъ, болѣе ласковымъ.

Онъ тихо произнесъ:

— Будьте счастливы... не забывайте... любите меня...

Добрые, старческіе глаза умирающаго свѣтились улыбкой.

Еще одно нѣжное пожатіе пожелтѣвшихъ рукъ, еще одинъ поцѣлуй шептавшихъ губъ.

— Милыя, мои милыя дѣтки...

Послѣдній, какъ бы прощальный взглядъ, полный любви и ласки и блескъ глазъ угасъ.

Дѣдушки не стало...

Жоржъ Викторъ Гюго.

Великая Княжна Наталія Алексѣевна.

(1714—1728 г.г.)

4-го іюня 1714 года царевичъ Алексѣй Петровичъ выѣхалъ изъ Петербурга лѣчиться въ Карлсбадъ, оставивъ супругу свою, „кронпринцессу" Шарлотту, беременной на восьмомъ мѣсяцѣ. Царь и царица въ это время также находились въ отсутствіи, именно съ эскадрой въ Ревелѣ. Безпокоясь объ исходѣ предстоящихъ родинъ и боясь злыхъ толковъ, могущихъ возникнуть въ народѣ относительно ихъ исхода, Петръ, въ первыхъ числахъ іюля, прислалъ „кронпринцессѣ" письмо, въ которомъ изъявлялъ желаніе, „дабы предварить лаятельство необузданныхъ языковъ", „нѣкоторый анштальтъ учинить" [1]), сущность котораго состояла въ томъ, чтобы

Источники:

1) Соловьевъ, Русская Исторія, т. XIX.
2) Костомаровъ, Монографіи, т. XIV
3) Костомаровъ, Русская Исторія въ біографіяхъ.
4) Устряловъ, Исторія Петра Великаго, т. VI.
5) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества (тома указаны въ текстѣ).
6) Арсеньевъ, Екатерина I.
7) Арсеньевъ, Петръ II.
8) Де Лиріа, Записки.
9) Миннхъ, фельдмаршалъ. Записки.
10) Миннхъ-сынъ, Записки.
11) Манштейнъ, Записки.
12) Андреевъ, Представители власти въ Россіи.
13) Вейдемейеръ, Дворъ въ Россіи.
14) Щербатовъ, О поврежденіи нравовъ.
15) Герье, Кронпринцесса Шарлотта.
16) Grimblot, La Cour de Russie il ya cent ans.
17) Замѣчанія на записки Манштейна. Русская Старина, 1879.
18) Письма русскихъ государей. г. 3 и 4.
19) Waliszewski, Heritage de Pierre le Grand.

---

[1]) Устряловъ, Исторія Петра Великаго, т. VI, стр. 319; Соловьевъ, Исторія Россіи. т. XVII стр. 437.

при кронпринцессѣ неотлучно находились нѣсколько русскихъ знатныхъ дамъ. Исполненіе этого анштальта было поручено канцлеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину. Выборъ его палъ на его жену, графиню Домну Андреевну (рожденную Дивову), жену петербургскаго оберъ коменданта Романа Виллимовича Брюса (рожденную Мейеръ) и „князь-игуменью" Дарью Гавриловну Ржевскую, рожденную Соковнину, вдову окольничаго Ивана Ивановича Ржевскаго. Хотя присутствіе этихъ дамъ было необходимо, какъ для предотвращенія могущихъ возникнуть толковъ, такъ и для успокоенія самого Петра, весьма интересовавшагося ходомъ родинъ, тѣмъ не менѣе, кронпринцесса увидала въ этомъ нарушеніе одного изъ выговоренныхъ ею, при вступленіи ея въ бракъ, условій, ея самостоятельности. Напрасно она писала объ этомъ Петру 7-го іюля. Письмо ея, написанное въ почтительномъ, но недовольномъ тонѣ, не измѣнило обстановки, окружавшей кронпринцессу. Три назначенныя дамы безотлучно находились около нея. „У ея высочества я и Брюсова жена, писала Петру Ржевская, живемъ и ни на часъ не отступаемъ, и она съ нами милостива. И обѣщаюсь я самимъ Богомъ, еже ей, ей! ни на великіе милліоны не прельщусь и рада вамъ служить отъ сердца моего, какъ умѣю. Только отъ великихъ куплиментовъ и отъ присѣданія хвоста и отъ нѣмецкихъ явствъ глаза смутились" [1]).

Въ воскресенье 11 іюля у кронпринцессы ночевали, какъ всегда, Ржевская и Брюсъ. Ночью, около 5 часовъ, кронпринцесса почувствовала себя плохо и въ 7 часовъ утра 12 іюля родила дочь. Тотчасъ было сообщено объ этомъ радостномъ событіи царю и царицѣ въ Ревель, гдѣ было отслужено благодарственное молебствіе. Сама кронпринцесса получила чрезвычайно ласковыя и милостивыя письма отъ Петра и Екатерины и, чувствуя, что рожденіемъ дочери она обманула надежды царя, шутливо, въ отвѣтномъ письмѣ къ нему, обѣщала, въ скоромъ времени подарить сына.

Надъ новорожденной 12-го же была совершена молитва, причемъ ей дано было имя Наталіи въ честь любимицы сестры царя, царевны Наталіи Алексѣевны. Воспріемниками великой княжны были царь и Наталія Алексѣевна. Отсутствіе царевича, продолжавшаго лѣчиться въ Карлсбадѣ, объяснили, по словамъ Вебера [2]), его

[1]) Устряловъ, т. VI, стр. 38.
[2]) Weber. Das veränderte Russland, I, 120.

не желаніемъ находиться при родахъ нелюбимой супруги.

Въ декабрѣ 1714 года царевичъ Алексѣй вернулся изъ Карлсбада, а 12 октября 1715 г. кронпринцесса разрѣшилась отъ бремени сыномъ Петромъ. На этотъ разъ здоровье ея было совершенно надломлено. Консиліумъ врачей могъ только засвидѣтельствовать опасность положенія и 22 октября кронпринцесса скончалась послѣ невыразимыхъ страданій. Предчувствуя кончину, кронпринцесса чрезвычайно безпокоилась о дѣтяхъ; мысль о томъ, кто ее имъ замѣнитъ, не покидала ея. Не довѣряя и царевичу и своимъ русскимъ придворнымъ дамамъ, Шарлотта обратилась съ просьбой имѣть за дѣтьми самое тщательное наблюденіе къ своей подругѣ, принцессѣ Остъ-Фрисландской, послѣдовавшей за нею въ Россію подъ вліяніемъ чувствъ тѣсной дружбы, связывавшей обѣихъ принцессъ на родинѣ. Эта подруга, служившая одною изъ многихъ причинъ раздора въ семьѣ царевича, охотно дала слово кронпринцессѣ заботиться объ ея дѣтяхъ, но впослѣдствіи оказалось, что ей не суждено было сдержать это обѣщаніе, хотя Шарлотта, за день до своей кончины, просила оберъ-гофмаршала своего двора Левенвальде (Гергарда Іоганна) передать царю ея желаніе, чтобы принцесса Остъ-Фрисландская осталась при великой княжнѣ и великомъ князѣ. 27-го октября кронпринцесса была торжественно, въ присутствіи царя, погребена по лютеранскому обряду въ Петропавловскомъ соборѣ. Царица вслѣдствіе нездоровья не могла посѣтить кронпринцессу во время ея болѣзни и по той же причинѣ не присутствовала при ея погребеніи.

Въ декабрѣ принцессѣ Остъ-Фрисландской и вообще всему штату покойной кронпринцессы было предложено выѣхать за границу, а воспитаніе дѣтей царевича поручено бывшей фрейлинѣ Шарлотты, г-жѣ Ро (Roh) или, какъ пишетъ Плейеръ, Рохинъ (Rohiñ), урожденной фонъ Даленъ (von Dahlen), единственному лицу, оставленному въ Россіи изъ всѣхъ, состоявшихъ при кронпринцессѣ.

Царевичъ, не долюбливавшій своей жены и еще при ея жизни нашедшій себѣ подругу въ лицѣ Евфросиніи Ѳеодоровны, крѣпостной дѣвушки князя Вяземскаго, теперь не скрывалъ своей страсти, посвящая обществу Евфросиніи все свободное время, и мало обращалъ вниманія на своихъ дѣтей. Ихъ воспитаніе было всецѣло предоставлено упомянутой Ро [1]). Выборъ этотъ нельзя не

[1]) Устряловъ, т. VI, Galitzin, La Russie en XVIII siécle 351; 265; Плейеръ, донесеніе отъ 18 августа 1718 г.

назвать удачнымъ. Сохранившіяся извѣстія рисуютъ намъ Ро, какъ женщину, вполнѣ достойную для выполненія выпавшей на ея долю задачи.

Великая княжна и ея братъ рѣдко видали отца, еще рѣже дѣда и его супругу, царицу Екатерину, хотя она интересовалась жизнью внучатъ, справлялась объ ихъ здоровьи и, можетъ быть, одна изъ всей царской семьи выказывала о нихъ заботливость [1]). Впослѣдствіи, находясь въ Вѣнѣ и жалуясь цесарю на свое положеніе, Алексѣй Петровичъ указывалъ на дурное обращеніе мачихи и царя съ его дѣтьми, но трудно дать вѣру этой жалобѣ. Обвиненіе царевича было голословно и приведено съ цѣлью оправдать свое бѣгство и болѣе мрачными красками изобразить жизнь свою и своего семейства.

Вскорѣ послѣ смерти кронпринцессы разразилась гроза надъ ея супругомъ, царевичемъ Алексѣемъ. Давно начался разладъ между нимъ и Петромъ Великимъ. Слабая душа царевича страшилась могучей энергіи отца. Его непослушаніе, уклоненіе отъ возлагаемыхъ на него Петромъ порученій и отвращеніе къ военному дѣлу вызвали, наконецъ, еще въ 1715 г. требованіе царя, чтобы онъ исправился или поступилъ въ монахи. Угрозы царя въ послѣдовавшемъ затѣмъ письмѣ, отъ 19 января 1716 года, боязнь передъ отцомъ и совѣты окружавшихъ царевича лицъ, среди которыхъ, какъ впослѣдствіи признавался самъ царевичъ, онъ пріучался „ханжить и конверсацію имѣть съ попами и къ нимъ ѣздить и подпивать“, подвинули его на роковое бѣгство за границу, хотя мысль искать спасенія за русскимъ рубежомъ бродила у него и ранѣе.

Царевичъ бѣжалъ вмѣстѣ съ Евфросиньей Ѳеодоровной къ цесарю, горько жаловался ему на царя и царицу и просилъ убѣжища, гдѣ бы онъ могъ спрятаться отъ отцовскаго гнѣва. Цесарь укрылъ его сперва въ Тиролѣ, въ замкѣ Эренбергъ, потомъ въ замкѣ Сентъ Эльмо, близъ Неаполя, но царскимъ посланцамъ, Толстому и Румянцеву, удалось 14 октября 1717 года, уговорить Алексѣя Петровича вернуться въ Россію. Затѣмъ событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Начался розыскъ, къ которому была привлечена масса лицъ, близко стоявшихъ къ царевичу и его матери, самъ царевичъ былъ преданъ суду, подвергнутъ пыткѣ и осужденъ на

---

[1]) Устряловъ, т. VI, стр. 351.

смертную казнь. 26-го іюня 1718 года царевичъ скончался, не дождавшись выполненія смертнаго приговора.

Судъ надъ царевичемъ ничѣмъ не отразился на жизни его дѣтей, которыя къ тому же были еще слишкомъ малолѣтни, чтобы могли ясно понимать все совершавшееся вокругъ нихъ. Погребеніе царевича, происходившее 30 іюня, обошлось безъ участія великой княжны и великаго князя, но ихъ сиротское положеніе возбуждало жалость и въ царѣ и его въ супругѣ. По свидѣтельству Плейера, послѣ смерти царевича, Петръ Великій долго ласкалъ и цѣловалъ великаго князя.

Въ августѣ 1718 г. великій князь и его сестра наслѣдовали оставшіяся послѣ ихъ отца имѣнія [1]) и дома царевича въ Петербургѣ [2]), а изъ оставшихся вещей царевича, вѣроятно, вывезенныхъ имъ изъ-за границы, 19 іюня 1719 года „изволила взять ея величество государыня царица на употребленіе внучатамъ: штуку парчи золотной съ серебряными травами по синей землѣ; остатокъ парчи золотной съ серебряными травами по красной землѣ; остатокъ парчи золотной по малиновой землѣ; остатокъ штофа шелковаго цвѣтнаго по коричневой землѣ; два куска штофу шелковаго полосатаго; штуку штофа шелковаго цвѣтнаго по красной землѣ; остатокъ штофа шелковаго цвѣтнаго по малиновой землѣ“ [3]).

Завѣдывать воспитаніемъ великой княжны и ея брата осталась попрежнему Ро, несмотря на выраженное ею сочувствіе царевичу во время розыска [4]), а гофмейстеромъ къ нимъ былъ назначенъ генералъ Адамъ Вейде [5]). На содержаніе этого небольшого двора [6]) отпускалось 110 рублей въ мѣсяцъ [7]). Великій князь и великая княжна занимали домъ своего отца, находившійся на теперешней Шпалерной улицѣ, между Литейнымъ и Воскресенскимъ проспектами, ближе къ Воскресенскому. Этотъ домъ [8]) не отличался ни размѣрами, ни изяще-

---

[1]) Въ Новгородскомъ уѣздѣ Ладожскаго ландратства рядки Сясьскій, Троицкій, Изъятскій, Немятовскій, Глядковскій, Краницы, Дубенскій, Сумскій, Кузнецовщина и Березье; деревни Лидия, Кивгода; въ Сомерской волости Осминская сотня съ деревнями и въ Нижегородской губ. Алатырскаго уѣзда Порецкая волость съ деревнями.

[2]) Устряловъ, т. VI, стр. 570.

[3]) Устряловъ, т. VI, стр. 573.

[4]) Соловьевъ.

[5]) Плейеръ 15 іюля 1718 г. Устряловъ VI стр. 545.

[6]) По списку „денежнаго жалованья на 1720 г. при комнатахъ великаго князя и великой княжны состоятъ слѣдующія лица: камеръ-фрау Солтанина и Біата Петрова; камеръ-юнгфера Катерина, портной Іоганнъ Фридрихъ Стенбахъ, Петръ Беллъ и два гайдука“. Семевскій, Слово и дѣло, стр. 197.

[7]) Устряловъ, т. VI. стр. 351.

[8]) У царевича Алексѣя былъ другой домъ на Васильевскомъ островѣ.

ствомъ постройки, ни богатствомъ внутренняго убранства. Судя по рисунку, приложенному къ „Описанію С.-Петербурга“ Рубана, это былъ небольшой деревянный, на каменномъ фундаментѣ, домъ, построенный въ голландскомъ вкусѣ, какъ большинство домовъ въ Петербургѣ того времени, въ двѣнадцать оконъ на улицу. Лѣстница изъ семи внѣшнихъ ступенекъ вела въ прихожую „дворца“. Подъѣздъ украшался двумя фонарями. Надъ единственнымъ этажемъ дома возвышался мезонинъ въ три окна, служившій при жизни царевича помѣщеніемъ для его дѣтей, тогда какъ онъ самъ занималъ правый флигель, а кронпринцесса—лѣвый. Внутри, какъ говоритъ Веберъ, домъ былъ весьма плохо устроенъ и убранъ, плохо отапливался, изъ оконъ дуло, что заставляло цѣлыми недѣлями кронпринцессу страдать отъ холода и вызывало рѣзкое неудовольствіе Петра [1]). За домомъ тянулся обширный садъ, спускавшійся на Неву.

5 февраля 1719 года дѣтей царевича постигло новое горе. Умерла къ ихъ истинному огорченію Ро, къ которой дѣти успѣли искренно привязаться [2]). Ее замѣнила въ качествѣ воспитательницы великой княжны г-жа Каро, остававшаяся при ней до самой смерти Натальи Алексѣевны. Каро съумѣла также возбудить симпатію въ своей воспитанницѣ и сохраняла на нее значительное вліяніе. Въ 1720 году умеръ и генералъ Вейде.

Судя по общему свидѣтельству, Петръ Великій не любилъ дѣтей Алексѣя Петровича; онъ не желалъ, чтобы престолъ перешелъ въ потомство царевича Алексѣя, хотя явно никогда и не выражалъ этого [3]), но если это такъ, то тѣмъ ярче выступаетъ любовь Екатерины къ дѣтямъ ея пасынка [4]). Съ легкой руки иностранныхъ писателей свѣтлый образъ Екатерины Алексѣевны слишкомъ долго забрасывался грязью и слишкомъ долго ей приписывались всевозможные коварные планы. Ея жизнь до брака съ Петромъ Великимъ вызывала различныя сплетни и совершенно невѣроятные разсказы; вліяніе на нее Меншикова или Бассевича объяснялось съ самой грязной стороны. Ея любовь къ своему супругу и та возбуждала сомнѣнія, а казнь камергера Монса послужила для изслѣдователей любителей сенсаціонныхъ открытій луч-

---

[1]) Weber. Das veränderde Russland.
[2]) Устряловъ, VI, 351.
[3]) Костомаровъ. Монографіи, т. XIV, 361 и 365.
[4]) Андреевъ. Представители власти въ Россіи, стр. 25.

шимъ доказательствомъ благосклонности къ нему Екатерины [1]). Наконецъ, ей приписывались честолюбивые планы вступленія на престолъ насильственнымъ порядкомъ [2]) и рядъ подобныхъ обвиненій предъявлялся женщинѣ, исполнившей свою историческую задачу и внесшей въ суровую эпоху преобразованій свое чистое, женственное, свѣтлое вліяніе.

Наблюдая борьбу различныхъ политическихъ началъ и человѣческихъ страстей—эгоизма, лести, жестокости, предательства, приходится съ удовольствіемъ останавливаться на лицахъ, проявившихъ, несмотря на окружающій ихъ мракъ, столько душевной красоты, что она невольно, даже черезъ отдаленное время, возбуждаетъ сочувствіе и удивленіе. Екатерина I была именно одною изъ этихъ личностей. Посвятивъ всю свою жизнь супругу, Екатерина являла собою примѣръ преданнаго, безкорыстнаго друга, полагавшаго свое личное счастье въ счастьи Петра Великаго и всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ приходилось ей сталкиваться на жизненномъ пути. Благодаря ея заботамъ, мы видимъ Наталію Алексѣевну и Петра Алексѣевича окруженными тѣмъ вниманіемъ, которое можетъ оказать лишь любящая мать, и этой, въ полномъ смыслѣ слова, любящей матерью была для нихъ Екатерина, подобно тому, какъ она являлась идеальной супругой для Петра Великаго и посредницей между нимъ и подданными, какъ характеризовалъ ее фельдмаршалъ Минихъ [3]). Возсоздать образъ Екатерины, развитіе котораго заключается преимущественно въ развитіи жизни внутренней, довольно затруднительно. Достаточно будетъ привести ея характеристику, данную ей Костомаровымъ: „...одна Екатерина сумѣла быть достойной подругой этого великаго генія (Петра). Она прожила съ Петромъ 20 лѣтъ, съ терпѣніемъ перенесла крестъ его строптиваго и дикаго нрава, крестъ подчасъ очень тяжелый,—незлобиво и любовно служила ему ангеломъ утѣшителемъ во всѣхъ жизненныхъ путяхъ, провела неусыпно у изголовья его смертнаго одра многіе дни и ночи... Екатерина скончалась, оставивъ по себѣ въ исторіи свѣтлое воспоминаніе, какъ многолѣтняя спутница великаго русскаго государя, нѣжно имъ любимая, и какъ

---

[1]) Что и дало Семевскому поводъ написать книгу „Царица Екатерина, Анна и Виллимъ Монсъ“.

[2]) Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ. Депеши Мардефельда (прусскаго посланника).

[3]) Записки фельдмаршала графа Миниха. „Екатерина была любима и обожаема подданными... Она была въ полномъ смыслѣ слова посредницей между государемъ и его подданными“, стр. 28—29.

добрая женщина, всегда на сколько было возможно, готовая облегчить чужія бѣдствія и никому не дѣлавшая зла" [1]).

Огромные труды Петра Великаго, сѣверная война, внѣшнія сношенія и реформы внутренняго строя Россіи не давали царю возможности слѣдить внимательно за образованіемъ внуковъ. Воспитаніе даже цесаревенъ, дочерей Петра, нельзя назвать блестящимъ. Приставивъ къ великому князю учителя Зейкина, а къ великой княжнѣ — г-жу Каро, царь назначилъ гофмейстеромъ ихъ „двора" князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, отца извѣстнаго впослѣдствіи фаворита Петра II. Желая чаще видѣть внучатъ, Екатерина перевезла ихъ ближе къ себѣ, въ Зимній дворецъ. Жизнь Наталіи Алексѣевны и ея брата текла чрезвычайно однообразно. Они оба были слишкомъ молоды, чтобы принимать участіе въ торжественныхъ царскихъ выходахъ (ихъ тетки, цесаревны Анна и Елисавета, будучи значительно старше ихъ, не принимали участія въ коронаціи Екатерины), ихъ жизнь проходила въ тѣсномъ семейномъ кругу, среди мамушекъ и приближенныхъ женщинъ.

Ближайшими товарищами Наталіи Алексѣевны были великій князь, ея братъ, и великая княжна Наталія Петровна, младшая дочь Петра Великаго, связанная съ своей племянницей тѣсной дружбой. Въ играхъ съ нею проходило время Наталіи Алексѣевны. Обѣ великія княжны вмѣстѣ катались по аллеямъ лѣтняго сада на маленькой, подаренной имъ лошади, въ особой телѣжкѣ [2]), вмѣстѣ ѣздили въ отсутствіе Петра и Екатерины гулять въ Царское село [3]), вмѣстѣ появлялись на выходахъ императорской фамиліи въ тѣ рѣдкіе дни, когда ихъ допускали. Великій князь часто принималъ участіе въ ихъ забавахъ, съ удовольствіемъ предаваясь игрѣ въ карты съ великими княжнами [4]). Изъ прочихъ лицъ, окружавшихъ Наталію Алексѣевну, ея особеннымъ расположеніемъ пользовалась княжна Александра Александровна Меншикова. Письма великой княжны, въ которыхъ она называетъ Меншикову своей „вселюбезнѣйшей сестрицей", дышутъ нѣжностью и, вѣроятно, возбуждали со стороны дочери временщика не менѣе пылкія чувства. Герцогиня Мекленбургская и ея сестра, царевна Прасковья, охотно принимали у себя Наталію Алексѣевну. Ихъ дворцы представляли странную смѣсь европейскаго

[1]) Костомаровъ. Монографіи, т. XIV, стр. 357—358.
[2]) Берхгольцъ, т. III.
[3]) Русскій Архивъ, годъ 1865
[4]) Андреевъ, стр. 48.

комфорта съ остатками стариннаго русскаго быта и, безъ сомнѣнія, великая княжна съ удовольствіемъ ѣздила и къ Екатеринѣ Іоанновнѣ, и къ постоянно хворающей Прасковьѣ. Тамъ она могла слушать сказочницъ и странницъ, смѣяться вмѣстѣ съ тетками надъ шутами и шутихами и видѣть весь тотъ строй русской жизни, къ которому ея поколѣніе уже не принадлежало.

Въ концѣ царствованія Петра Наталія Алексѣевна принимаетъ болѣе активное участіе въ придворной жизни. Въ 1723 году, 21 августа она первый разъ посѣщаетъ театръ, гдѣ была представлена пьеса, названіе которой Берхгольцъ передаетъ такъ: Die unmöglich gemachte Möglichkeit. Составъ труппы и декораціи были таковы, что въ словахъ Берхгольца, оставившаго намъ описаніе этого спектакля, слышится удивленіе, какъ царь съ семействомъ имѣлъ терпѣніе просидѣть полтора часа и смотрѣть на сцену [1]). Далѣе мы видимъ Наталію Алексѣевну съ ея тетками обязательно присутствующей при празднованіи пасхи, новаго года, именинъ царя и царицы и т. д. [2]). Наталія Алексѣевна принимаетъ, подобно цесаревнамъ, поздравленія отъ придворныхъ, отъ посланниковъ; въ этомъ видно вліяніе Екатерины, не проводившей различія между своими дѣтьми и дѣтьми царевича Алексѣя, что является тѣмъ болѣе знаменательнымъ, что при жизни Петра Великаго, имя Наталіи Алексѣевны не появлялось въ придворномъ календарѣ и впервые появилось вмѣстѣ съ именемъ великаго князя лишь въ царствованіе Екатерины. За исключеніемъ рѣдкихъ дней, оффиціальныхъ придворныхъ праздниковъ, обыденная обстановка Наталіи Алексѣевны представляла мало разнообразія. Царь и царица большею частью отсутствовали изъ Петербурга. Но и при нихъ ихъ дворъ не отличался ни пышностью, ни многочисленностью придворнаго общества, въ составъ котораго входили преимущественно лица, прославившіяся своими военными или гражданскими заслугами, и ихъ жены. Стараніями Екатерины дворъ этотъ все-таки носилъ на себѣ, по свидѣтельству иностранцевъ, европейскій отпечатокъ [3]), и великая

[1]) Берхгольцъ, III, 193.

[2]) Берхгольцъ.

[3]) Сестра Фридриха Великаго, маркграфиня Байрейтская, даетъ въ своихъ мемуарахъ вопреки общему голосу другую характеристику русскаго двора. Вотъ какъ она описываетъ придворныхъ дамъ Екатерины, которую она видѣла въ Берлинѣ въ 1718 г.: „Catherine avait avec elle quatre cents soi disant dames. C'étaient par la plupart des servantes allemandes, qui faisaient les fonctions de dames, de femmes des chambre, des cuisinières et des blanchisseuses". Но маркграфиня извѣстна тѣмъ, что ни о комъ и никогда хорошо не отзывалась.

княжна возрастала подъ непосредственнымъ вліяніемъ тогдашнихъ культурныхъ идей, исходившихъ главнымъ образомъ отъ царя и царицы, въ которой, несмотря на недостатокъ ея образованія, Петръ находилъ всегда отзывчиваго собесѣдника и ревностнаго помощника въ своихъ начинаніяхъ.

Насколько представлялось для Екатерины исполнимымъ, она окружала Наталію Алексѣевну и ея брата всевозможной заботливостью, лично наблюдая за ея воспитаніемъ и жизнью. Въ отсутствіе царицы эти обязанности главнаго наблюденія возлагались обыкновенно на Меншикова и его семейство, къ которому, въ особенности, къ сестрѣ княгини Меншиковой, Варварѣ Михайловнѣ Арсеньевой, царица чувствовала большое расположеніе. Меншиковъ посылалъ Екатеринѣ изъ Петербурга своего рода донесенія, въ которыхъ сообщалъ свѣдѣнія о здоровьѣ и времяпрепровожденіи цесаревенъ и Наталіи Алексѣевны. Въ свою очередь Меншиковъ, когда ему случилась покидать въ отсутствіе царицы Петербургъ, поручалъ Девіеру, генералъ-полицеймейстеру столицы, наблюдать за всѣмъ происходящимъ при дворѣ цесаревенъ и великой княжны и извѣщать обо всемъ царицу и самого Меншикова [1]). Нѣкоторыя изъ этихъ донесеній Девіера царицѣ дошли до насъ. По большей части они ограничиваются свѣдѣніями объ ученіи и благополучномъ состояніи здоровья великаго князя и великой княжны, описаніемъ ихъ прогулокъ и т. п. „Ея высочество, всемилостивѣйшая государыня Наталія Петровна, гласитъ одно изъ такихъ донесеній, и великій князь съ сестрицей находятся въ добромъ здравіи и охотно всегда въ ученіи пребываютъ“. Изъ другого донесенія мы узнаемъ, что Екатерина сама вела переписку съ внуками. „Великій князь и великая княжна изволили писать по-нѣмецки письма собственными руками, доноситъ Девіеръ, изъ которыхъ изволите усмотрѣть, кто лучше писалъ, и изволите отписать особливое письмо на то имя съ благодареніемъ, дабы могли впредь наилучше читать и писать, и другъ другу будутъ ревновать и отъ ревности лучше будутъ трудиться“ [2]).

Въ началѣ 1725 г. надъ Россіей и императорской фамиліей разразилась страшная катастрофа. Императоръ Петръ заболѣлъ, болѣзнь оказалась смертельной и 28 января великаго царя не стало. Его мѣсто на престолѣ

---

[1]) Русскій Архивъ, 1865 г.
[2]) Шубинскій, стр. 89.

заступила Екатерина. *Не обладая талантами и могучей энергіей своего супруга, Екатерина, окруженная и поддерживаемая сподвижниками Петра Великаго,* не дала Россіи свернуть съ пути, *назначеннаго* ей Петромъ, и съумѣла, *при помощи своихъ ближайшихъ* сотрудниковъ, удержать *реакціонные порывы*, пробивавшіеся въ русскомъ обществѣ. *Наиболѣе* виднымъ изъ числа этихъ сотрудниковъ *былъ* князь Меншиковъ. Привыкнувъ видѣть въ немъ главнаго совѣтника своего мужа, Екатерина предоставила ему огромное вліяніе на дѣла правленія. Ненасытному честолюбію Меншикова и его жадности представилось обширное поле и въ его головѣ созрѣвали тѣ широкіе планы родства съ императорскимъ домомъ, которые привели его къ гибели.

Черезъ недѣлю послѣ кончины Петра Великаго, скончалась, 4-го февраля, и его младшая дочь, великая княжна Наталія Петровна. Похороны ея и усопшаго, не любившаго при жизни роскоши, императора, происходили совмѣстно и отличались пышностью. За гробомъ шла вся императорская фамилія, за исключеніемъ Наталіи Алексѣевны, которую удерживало дома нездоровье. Но если бы даже великая княжна и могла принять участіе въ шествіи, то заняла бы въ немъ, вѣроятно, скромное мѣсто, такъ какъ ея братъ, великій князь Петръ Алексѣевичъ, шелъ въ траурной процессіи не только позади царевенъ Іоаннова дома и позади герцога Голштинскаго, но даже сзади дѣвицъ Анны и Маріи Нарышкиныхъ [1]).

21-го мая 1725 г. была пышно отпразднована свадьба цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Карломъ Фридрихомъ Голштинскимъ. Празднества длились три дня. Наталія Алексѣевна и Елисавета Петровна были назначены „ближними дѣвицами" высокой невѣсты. 22-го мая состоялся парадный обѣдъ, данный императрицей въ честь молодыхъ, а 23-го у молодыхъ былъ отвѣтный обѣдъ. За стуломъ Наталіи Алексѣевны служилъ новопожалованный голштинскій камергеръ Берхгольцъ, оставившій въ своемъ дневникѣ подробное описаніе этихъ празднествъ [2]).

---

[1]) Марія Львовна Нарышкина, дочь роднаго дяди Петра Великаго. Льва Кирилловича, начальника посольскаго приказа, и его 2-й жены Анны Петровны, рожденной Салтыковой, родилась въ 1703 г.; 22-го августа 1725 г. вышла замужъ за генералъ-маіора князя Ѳедора Ивановича Голицына и умерла въ ноябрѣ 1727 г.

Анна Львовна, ея родная сестра, родилась 9 ноября 1704 г., была замужемъ за княземъ Алексѣемъ Юрьевичемъ Трубецкимъ. Умерла въ 1776 г.

[2]) Берхгольцъ, IV, стр. 150—159.

Дворскія интриги мало касались пока Наталіи Алексѣевны. Объ ея жизни въ эту пору мы можемъ судить лишь по извѣстіямъ о придворныхъ праздникахъ и выходахъ. Ихъ характеръ приблизительно былъ всегда одинъ и тотъ же и мы ограничимся описаніемъ одного такого торжества по случаю новаго года, празднованіе котораго, вошедшее въ обычай съ Петра Великаго, было отправлено въ 1726 г. слѣдующимъ образомъ. Императрица слушала обѣдню въ соборной церкви Живоначальной Троицы и проповѣдь епископа Бѣлгородскаго, продолжавшуюся около трехъ часовъ. Изъ собора Екатерина возвратилась во дворецъ, куда, въ 5 часовъ дня, было предложено собраться особамъ до VI класса включительно и иностраннымъ министрамъ. Для нихъ во дворцѣ были приготовлены столы съ закусками. Вечеромъ была иллюминація и фейерверкъ, по окончаніи котораго герцогиня Голштинская, цесаревна и великая княжна „купно съ знатнѣйшими дамами" вошли въ покои императрицы для принесенія ей поздравленія съ новымъ годомъ и были жалованы къ рукѣ. По ихъ отъѣздѣ государыня приняла герцога Голштинскаго, иностранныхъ министровъ и русскихъ знатныхъ особъ, причемъ также допустила ихъ къ рукѣ. Послѣ этого, всѣ присутствовавшіе, во главѣ съ герцогомъ Голштинскимъ, царемъ Вахтангомъ Грузинскимъ и княземъ Меншиковымъ пили здоровье императрицы, стоя, по принятому тогда обычаю, на колѣняхъ.

Между тѣмъ вліяніе Меншикова на императрицу достигло своего апогея. Вознесенный на необычайную высоту, Меншиковъ все-таки чувствовалъ всю шаткость своего положенія. Поддерживаемый на этой высотѣ милостью къ нему императрицы, онъ, въ случаѣ ея кончины, долженъ былъ неминуемо пасть жертвой ненависти старинныхъ боярскихъ родовъ и реакціоннаго движенія. Желая закрѣпить за собой свое высокое положеніе, Меншиковъ убѣдилъ Екатерину въ необходимости брачнаго союза между его дочерью, княжной Маріей Александровной, и великимъ княземъ Петромъ. Императрица, едва переступившая въ то время сорокалѣтній возрастъ, но уже носившая въ себѣ зачатки смертельной болѣзни, склонилась на убѣжденія Меншикова. Въ этомъ смыслѣ было составлено духовное завѣщаніе императрицы, подписанное сенатомъ и императорской фамиліей.

Честолюбивый князь развивалъ свои мечты и далѣе. Онъ желалъ женить своего сына, князя Александра

Александровича, на великой княжнѣ Наталіи, и такимъ образомъ, двойными узами связать судьбу своего семейства съ судьбой Россіи. Этотъ проектъ встрѣтилъ живой отпоръ со стороны Наталіи Алексѣевны. Перспектива выхода замужъ за молодого Меншикова была для нея слишкомъ нежелательной и болѣе самостоятельная, чѣмъ ея братъ, великая княжна съумѣла избѣжать предполагаемаго замужества и въ жертву Меншиковскаго честолюбія были принесены лишь чувства Петра Алексѣевича, будущаго императора, преданнаго во время брачныхъ переговоровъ играмъ съ сестрой и воинскимъ забавамъ съ собранною нарочно для этой цѣли кадетской ротой изъ сверстниковъ великаго князя. Въ лицѣ Наталіи Алексѣевны Меншиковъ встрѣтилъ врага, болѣе страшнаго, чѣмъ это могъ предполагать „свѣтлѣйшій", видѣвшій въ ней лишь ребенка, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать орудіе своихъ высокомѣрныхъ плановъ. Антипатія Наталіи Алексѣевны къ князю постоянно питалась и поддерживалась ея оберъ гофмейстериной Анною Крамеръ. Это была довѣренная особа императрицы, издавна находившаяся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Меншиковымъ. Его гордость и высокомѣріе оттолкнули отъ него его старинныхъ друзей, его могущество ихъ пугало. Крамеръ, подобно другимъ, начала осматриваться вокругъ себя съ цѣлью найти тотъ спасительный якорь, за который она могла бы ухватиться въ случаѣ волненія. Она нашла его въ лицѣ великой княжны, при которой она состояла, и которая еще раньше выказывала нерасположеніе къ гордому князю. Среди небольшого числа лицъ, составлявшихъ дворъ великаго князя и его сестры, Крамеръ нашла единомышленниковъ въ лицѣ князя Ивана Алексѣевича Долгорукова и молодого Левенвольде [1]), бывшихъ при великомъ князѣ камеръ юнкерами. Нежелательное вліяніе Долгорукова на великаго князя было замѣчено Меншиковымъ, и Долгоруковъ былъ удаленъ. Примѣръ этотъ не устрашилъ Крамеръ и Левенвольде, съ большимъ рвеніемъ старавшихся возстановить великую княжну противъ временщика, который своими поступками подавалъ къ этому не мало поводовъ. Дружба Наталіи Алексѣевны съ княжной Александрой Александровной Меншиковой не мѣшала великой княжнѣ относиться къ отцу своей подруги все съ большимъ и большимъ неудовольствіемъ.

10 апрѣля 1727 г. императрица Екатерина занемогла

[1]) La Cour de Russie il y a cent ans.

горячкой; болѣзнь, несмотря на принятыя мѣры, усиливалась съ каждымъ днемъ и 6 мая, въ 9 часовъ вечера, императрица скончалась. „7 мая, въ девятомъ часу утра, по характерному письму кабинетъ — секретаря Макарова, собрались въ большую залу вся императорская фамилія, весь Верховный Тайный Совѣтъ, Святѣйшій Синодъ, сенаторы, генералитетъ и прочіе знатные воинскіе и статскіе чины, по ея императорскаго величества *тестаменту* учинено *избраніе* на престолъ Россійскій новымъ императоромъ, *наслѣдственному* государю, его высочеству великому князю Петру Алексѣевичу“ [1]).

Петръ II вступилъ на престолъ. Наталія Алексѣевна, какъ сестра императора, вдобавокъ, нѣжно имъ любимая, становится теперь на первомъ планѣ, заслоняя собой цесаревенъ Анну и Елисавету. Предпочтеніе, отдаваемое императоромъ сестрѣ, выразилось сразу. Въ торжественной церемоніи провозглашенія Петра II, изъ всѣхъ присутствующихъ, одна великая княжна занимаетъ мѣсто на стулѣ и съ правой стороны императорскаго трона. Народъ восторженно привѣтствовалъ новаго императора. Потомство царевича Алексѣя пользовалось большой популярностью, легенда окружила имя кронпринцессы Шарлотты ореоломъ ангельской доброты и кротости и эти высокія качества казались вновь воплощенными въ Наталіи Алексѣевнѣ. Дружба, царившая между Петромъ II и его сестрой, еще болѣе располагала въ ихъ пользу народъ, видѣвшій въ нихъ двухъ сиротокъ, дождавшихся наконецъ своего наслѣдія. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Петръ II написалъ своей сестрѣ письмо, въ которомъ высказывалъ программу своего царствованія. Онъ писалъ „Богу угодно было призвать меня на престолъ въ юныхъ лѣтахъ. Моею первою заботою будетъ пріобрѣсти славу добраго государя. Хочу управлять богобоязненно и справедливо. Желаю оказывать покровительство бѣднымъ, облегчать всѣхъ страждущихъ, выслушивать невинно преслѣдуемыхъ, когда они станутъ прибѣгать ко мнѣ, и по примѣру римскаго императора Веспасіана, никого не отпускать отъ себя съ печальнымъ лицомъ“. Эти благія мысли были несомнѣнно навѣяны частыми бесѣдами съ Наталіей Алексѣевной и ея вліяніемъ. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ Остермана, мы находимъ другой документъ, удостовѣряющій насъ въ привязанности, которую питалъ моло-

[1]) Соловьевъ, т. XIX. 1024.

дой императоръ къ своей сестрѣ, и въ его преклоненіи передъ ея высокими качествами и добрыми совѣтами. „Каждый разъ какъ я съ собою разсуждаю, гласитъ эта записка, написанная Петромъ на латинскомъ языкѣ, сколь много надлежащее воспитаніе императора содѣйствуетъ безопасности и благоденствію народа, не могу не принесть неизмѣнной признательности свѣтлѣйшей княжнѣ, моей любезнѣйшей сестрѣ, которая меня поучаетъ полезными увѣщаніями, помогаетъ благоразумными совѣтами, изъ которыхъ каждый день извлекаю величайшую пользу, а мои вѣрные подданные ощущаютъ живѣйшую радость. Какъ могу я когда-либо забыть столько заслугъ ко мнѣ? Воистину, чѣмъ счастливѣй нѣкогда будетъ мое государство, тѣмъ болѣе, признавая плоды ея совѣтовъ, поступлю такъ, что она во мнѣ найдетъ благодарнаго брата и императора“ [1]). Послѣдствія не совсѣмъ оправдали эти намѣренія.

Великая княжна, довольная вниманіемъ своего брата, которое онъ ей расточалъ на каждомъ шагу, тѣмъ не менѣе была огорчена, когда 24 мая состоялось, согласно завѣщанію Екатерины I, его обрученіе съ княжной Меншиковой, чѣмъ, казалось, упрочивалось навсегда нестерпимое господство временщика. Это событіе тѣмъ болѣе должно было огорчить великую княжну, что ея братъ съ ужасомъ смотрѣлъ на свой предполагаемый союзъ съ Меншиковой. Если вѣрить разсказу Лестока, то однажды несчастный женихъ на колѣняхъ умолялъ Наталію Алексѣевну спасти его отъ этого брака, обѣщая подарить ей за это свои золотые часы [2]).

Это обрученіе произошло при возможно пышной обстановкѣ, въ присутствіи императорской фамиліи, въ составъ которой послѣ этого какъ бы вступила высокая невѣста, получившая титулъ великой княжны и особый дворъ съ болѣе богатымъ содержаніемъ, чѣмъ дворъ герцогини Екатерины Іоанновны Мекленбургской и царевны Прасковьи Іоанновны.

3 іюня послѣдовало распоряженіе императора объ освобожденіи изъ Шлиссельбурга его бабки, бывшей царицы Евдокіи Ѳедоровны, что произвело не малое смущеніе среди двора, гдѣ никому не хотѣлось будить непріятныхъ воспоминаній при появленіи этого обломка старины, пережившаго и себя и свое время. Императоръ и Наталія Алексѣевна вѣроятно также предчув-

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ. т. II, стр. 233.
[2]) Büsching Magazin für neue Historie I стр. 18.

ствовали въ свиданіи съ своей бабкой больше взаимной неловкости, чѣмъ родственнаго чувства, и никому не нужная старуха проѣхала изъ Шлиссельбурга прямо въ Москву.

Меншиковъ, достигшій наконецъ кульминаціонной точки власти, находился между тѣмъ на краю гибели. Возстановивъ противъ себя цесаревну Елисавету Петровну чуть ли не насильственнымъ удаленіемъ ея сестры герцогини Голштинской изъ Россіи, Меншиковъ продолжалъ самовольно распоряжаться по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, не обращая вниманія на молодаго императора и рядъ тайныхъ враговъ, подкапывавшихся подъ него. Среди послѣднихъ главное мѣсто занимали баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ. Остерманъ, будучи наставникомъ Петра II, съумѣлъ внушить Наталіи Алексѣевнѣ уваженіе къ себѣ, въ чемъ великую княжну еще болѣе укрѣпляли Крамеръ и Каро, крѣпко державшіяся за Остерманана. Остерманъ и Долгоруковъ, оба дѣйствовали на Петра черезъ лицъ, пользовавшихся его особой любовью, первый — черезъ великую княжну, а второй — черезъ своего сына Ивана Алексѣвича, возвращеннаго Меньшиковымъ изъ ссылки. Въ глазахъ Наталіи Алексѣевны, привыкшей вѣрить каждому слову Остермана, онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, могущимъ принести пользу ея брату и спасти его отъ ненасытнаго честолюбія Меншикова, который, будучи увѣренъ въ своемъ могуществѣ, продолжалъ оскорблять великую княжну мелочными выходками. Исторія съ деньгами, поднесенными императору цехомъ каменьщиковъ и подаренными имъ великой княжнѣ, достаточно извѣстна. Цехъ петербургскихъ каменьщиковъ поднесъ императору 9.000 червонцевъ, которые Петръ сейчасъ же отправилъ великой княжнѣ въ подарокъ. Меншиковъ случайно встрѣтилъ гофъ-юнкера, несшаго Наталіи Алексѣевнѣ царскій подарокъ и, найдя его слишкомъ роскошнымъ, приказалъ растерявшемуся придворному отнести эти деньги къ нему. Увидѣвшись съ сестрой и узнавъ, что его подарокъ, благодаря Меншикова, не дошелъ до нея, Петръ первый разъ съ гнѣвомъ сдѣлалъ замѣчаніе Меншикову, окончивъ свою рѣчь восклицаніемъ, что ему надоѣло повиноваться [1]). Въ другой разъ Петръ потребовалъ у Меншикова 500 червонцевъ; напрасно Меншиковъ добивался узнать, куда понадобилась

[1]) Манштейнъ. Записки стр. 5.

императору такая сумма. На всѣ вопросы Петръ отвѣчалъ, что эти деньги ему необходимы, и, получивъ ихъ, немедленно подарилъ Наталіи Алексѣевнѣ. Въ свою очередь, Меншиковъ, узнавъ о такомъ назначеніи данныхъ имъ денегъ, приказалъ сейчасъ же отнять ихъ у великой княжны [1]).

Неудовольствіе Наталіи Алексѣевны разрѣшилось наконецъ тѣмъ, что она громогласно заявила, что нога ея никогда не будетъ въ домѣ Меньшикова [2]). Подобныя слова, громко повторяемыя любимой сестрой, отвращеніе, питаемое къ Меншикову цесаревной Елисаветой, съ которой императоръ находился тогда въ большой дружбѣ, и вообще доходившій до Петра громкій ропотъ общаго раздраженія сдѣлали свое дѣло, и всемогущій, какъ казалось, временщикъ палъ.

Царская опала поразила неприготовленнаго къ ней Меншикова какъ громомъ. Взоры его и всего его семейства естественно обратились къ Наталіи Алексѣевнѣ въ надеждѣ смягчить гнѣвъ императора заступничествомъ великой княжны, охотно ходатайствовавшей за всѣхъ, кому грозило царское неудовольствіе. Надежда эта не оправдалась. Великая княжна чувствовала слишкомъ сильное нерасположеніе просить за ненавистнаго ей временщика, и просьбы ея друга, княжны Александры Меншиковой, были такъ же напрасны, какъ напрасно было и смиренное письменное обращеніе къ ней гордой невѣсты государевой [3]). Истощивъ всѣ способы умилостивить императора, Меншиковъ самъ бросился къ Наталіи Алексѣевнѣ, надѣясь личной просьбой подѣйствовать на великую княжну. Боясь вліянія, которое на нее можетъ оказать привычное уваженіе передъ авторитетомъ надменнаго князя, боясь, что чувство жалости къ несчастному временщику можетъ заглушить все то неудовольствіе на него, которое такъ долго росло въ сердцѣ Наталіи Алексѣевны, боясь всего этого, великая княжна, проживавшая тогда въ Петергофскомъ дворцѣ, узнавъ, что въ ея апартаменты идетъ опальный князь, выскочила, не долго думая, изъ окна дворца въ садъ, избѣгнувъ, такимъ образомъ, цѣной увѣчья, могущаго произойти въ случаѣ неудачнаго прыжка изъ окна, непріятнаго свиданія. Но попытки Меншикова разжалобить императора черезъ великую княжну еще не кончились. Его жена съ своей сестрой, оберъ гофмейстериной Ар-

[1]) Сборн. Рус. Ист. Общ. т. стр. 492, депеши Лефорта.
[2]) Тоже.
[3]) Щербатовъ. О поврежденіи нравовъ, стр. 117.

сеньевой, добились свиданія съ Наталіей Алексѣевой, но напрасно на колѣняхъ умоляли ее испросить прощеніе „свѣтлѣйшему“,—Наталія Алексѣевна, выслушавъ ихъ, ушла изъ комнаты, не сказавъ несчастнымъ женщинамъ ни слова. Тогда Меншиковъ прибѣгъ къ послѣднему средству. Онъ написалъ Наталіи Алексѣевнѣ письмо, гдѣ, оставивъ мысль о своей полной реабилитаціи, ходатайствовалъ только о помилованіи. „Всенижайше прошу ваше высочество, писалъ несчастный князь, о милостивѣйшемъ къ его императорскому величеству предстательствѣ, дабы изъ подъ ареста былъ освобожденъ и отъ всѣхъ дѣлъ уволенъ вовсе“ [1]). Письмо это осталось безъ отвѣта и участь Меншикова, 9 сентября 1727 г., была рѣшена. О вліяніи, оказанномъ Наталіей Алексѣевой на императора въ этомъ дѣлѣ, о томъ, что личные счеты и неудовольствія великой княжны имѣли значеніе въ данномъ случаѣ, свидѣтельствуетъ современникъ, прусскій посланникъ, баронъ Мардефельдъ. „Нужно сознаться, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ донесеній, что Меншиковъ самъ ускорилъ свое паденіе, поддаваясь своему честолюбію и корыстолюбію. Онъ оскорблялъ царя и великую княжну, сестру государя, отказывая имъ въ исполненіи ихъ желаній; все это онъ дѣлалъ, увлекаясь тщеславной мыслью, что ему надо обоихъ царственныхъ дѣтей держать подъ ферулой“ [2]). Другой современникъ, камергеръ Минихъ, сынъ фельдмаршала, замѣчаетъ: „его (императора) сестрѣ, великой княжнѣ Наталіи, не давалъ Меншиковъ ни малѣйшей вольности даже въ самыхъ малозначущихъ дѣлахъ; черезъ что окружавшимъ молодымъ господамъ не трудно было помрачить его въ мысляхъ императора“ [3]).

Меншиковъ палъ. Его паденіе вызвало нескончаемую борьбу придворныхъ партій, старавшихся завладѣть симпатіями и волей молодаго императора. Рядъ дворцовыхъ интригъ составляетъ за это время исторію Россіи и начинаетъ собою грустную эпоху фаворитизма. Съ его паденіемъ громче заговорили голоса давно забытыхъ лицъ. Къ числу ихъ относилась и бабушка царя и великой княжны, бывшая царица Евдокія Ѳеодоровна, мирно проживавшая до паденія Меншикова въ Москвѣ и какъ бы несмѣвшая въ періодъ его могущества осязательно заявить о себѣ своимъ внукамъ. Ссылка ненавистнаго

---

[1]) Чтенія 1858 г. т. III, стр. 64.
[2]) Сбор. Рус. Ист. Общ. т. XV, стр. 386.
[3]) Записки Миниха сына, стр. 31—32.

князя показалась ей настолько радостнымъ событіемъ, что она поспѣшила поздравить императора и великую княжну съ избавленіемъ отъ Меншиковской опеки, послѣ чего между ними установилась переписка. Трудно думать, что нѣжныя слова, встрѣчающіяся въ письмахъ бывшей царицы съ одной стороны и въ письмахъ великой княжны и ея брата съ другой, были выраженіемъ искренняго чувства. Быть можетъ, несчастная старуха и перенесла на внуковъ всю свою любовь, не нашедшую нормальнаго исхода, но врядъ ли Наталія Алексѣевна и Петръ II могли питать къ ней какія-либо родственныя чувства. Тѣмъ не менѣе, письма Евдокіи Ѳедоровны къ Наталіи Алексѣевнѣ и Петру звучатъ весьма нѣжно. „Здравствуй съ сестрой своею, писала императору бывшая царица 25 сентября, а съ моей дорогой внукой, съ княжной Наталіей Алексѣевной“. „Радуюсь, продолжала она, что имѣю надежду скоро увидѣть очи любезнѣйшей внуки моей и молю Бога, дабы меня немедленно сподобилъ того“ [1]). „Пожалуй свѣтъ мой, писала Наталіи Алексѣевнѣ въ другомъ письмѣ развѣнчанная царица, проси у братца твоего, чтобы мнѣ васъ видѣть и порадоваться съ вами. Какъ вы родились не дали мнѣ, право, слышать не то что видѣть“ [2]).

Кромѣ нѣжныхъ писемъ, между бабушкой и внучкой происходилъ присылъ подарковъ. Въ концѣ 1727 года великая княжна отправила Евдокіи „въ презентъ“ молитвенникъ кіевскаго изданія.

10 октября 1727 года послѣдовалъ указъ о коронаціи. Начались долгіе сборы и приготовленія. Наконецъ, 9 января 1728 года Императоръ выѣхалъ изъ Петербурга, а за нимъ двинулся и весь дворъ. Путь отъ столицы до Москвы представлялъ сплошной тріумфъ для Петра и его сестры, но, предпринятый въ суровое время года, тяжело отразился на здоровьи ихъ обоихъ. Петръ, простудившись, заболѣлъ корью и принужденъ былъ прожить болѣе двухъ недѣль въ семи верстахъ отъ Москвы, цѣли своего путешествія, во Всесвятскомъ, имѣніи царицы Имеретинской [3]), вмѣстѣ съ нимъ заболѣла Наталія Алексѣевна тою болѣзнью, которая въ ея

[1]) Письма русскихъ государей, т. II.
[2]) Тоже.
[3]) Царица Имеретинская Екатерина была дочь царя Кахетинскаго и жена Имеретинскаго князя Арчила Вахтанговича, выѣхавшаго въ Россію въ 1684 г. Ея сынъ, царевичъ Александръ, былъ первый русскій фельдцехмейстеръ и умеръ въ плѣну въ Стокгольмѣ въ 1710 г. Царица пережила своего мужа, умершаго въ 1713 г. Она находилась въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ царицей Прасковьей и царевнами.

время носила названіе „изнурительной лихорадки", но которая, вѣроятно, представляла собой скорѣе симптомы чахотки, чѣмъ что нибудь иное. Вообще здоровье великой княжны никогда не было удовлетворительно. Записки герцога де-Лиріи пестрятъ извѣстіями объ ея „нездоровьи". Послѣдовавшіе въ теченіе 1728 года балы и пріемы окончательно истощили ея организмъ, что въ связи съ нравственными огорченіями, испытанными великой княжной, и свело ее въ раннюю могилу.

Торжественный въѣздъ императора въ Москву для коронаціи совершился 4 февраля. Наталія Алексѣевна, совершенно больная, въѣхала съ цесаревной Елисаветой раньше его на часъ и прямо проѣхала въ Кремль, гдѣ и встрѣтила императора.

Пока шли приготовленія къ коронаціи, царица Евдокія рвалась увидѣть своихъ внучатъ. Первый разъ она ихъ увидѣла въ Всесвятскомъ у царицы Имеретинской. 18 февраля Наталія Алексѣевна ѣздила къ своей бабушкѣ, но, предчувствуя неловкость этой встрѣчи, пригласила съ собой Елиасвету Петровну. Свиданіе, обставленное такимъ образомъ, не носило, вѣроятно, характера задушевности и ограничилось обмѣномъ любезностей.

25 февраля состоялась коронація, происходившая по церемоніалу, составленному для коронованія Екатерины I, и открыла длинный рядъ празднествъ. 26 февраля былъ народный праздникъ, 27—балъ, данный иностраннымъ посламъ. Извѣстіе о рожденіи сына у Анны Петровны, герцогини Голштинской, подало новый поводъ къ торжествамъ и 4 марта состоялся по этому поводу балъ и пріемъ. На всѣхъ этихъ выходахъ и пріемахъ Наталіи Алексѣевнѣ приходилось играть первую роль. Нѣжно любимая своимъ братомъ, она привлекала взоры всѣхъ придворныхъ партій, желавшихъ утилизировать ея вліяніе на императора въ свою пользу. Царь оказывалъ ей вниманіе на каждомъ шагу. Ея имя было поставлено въ календарѣ впереди имени цесаревны, въ ектеніяхъ Наталія Алексѣевна поминалась тоже раньше Елисаветы, хотя, согласно завѣщанію Екатерины I, обѣ цесаревны считались ближайшими наслѣдницами престола въ случаѣ бездѣтной кончины императора. Петръ II осыпалъ ее подарками. Послѣ ссылки Меншикова и конфискаціи его имущеществa императоръ подарилъ своей сестрѣ бриллiанты съ орденовъ Св. Екатерины, отобранныхъ у сына и дочери Меншикова. Остерманъ, имѣвшій значительное вліяніе на Наталію Алексѣевну, старался всячески скрѣпить ея дружбу съ императоромъ. Еще въ сентябрѣ

1727 г. онъ уговорилъ Петра купить для подарка великой княжнѣ случайно продававшіеся алмазы на сумму 85.000 руб. Дѣло о покупкѣ этихъ алмазовъ было передано въ Верховный Тайный Совѣтъ, который, разсмотрѣвъ ихъ, нашелъ, что назначенная для нихъ цѣна крайне дешева. Алмазы были куплены и поднесены императоромъ Наталіи Алексѣевнѣ.

Но среди этихъ знаковъ дружбы и любви въ отношеніяхъ молодого императора и Наталіи Алексѣевны начиналъ выступать замѣтный разладъ. Императора сердило постоянное наблюденіе за нимъ великой княжны. Онъ считалъ себя настолько взрослымъ, что тяготился нотаціями и выговорами сестры, дѣйствовавшей по внушенію Остермана, и не имѣлъ достаточно характера, чтобы отказаться отъ удовольствій, несоотвѣтствіе которыхъ съ его положеніемъ постоянно подчеркивалось Наталіей Алексѣевной и Остерманомъ и вредъ которыхъ онъ сознавалъ самъ. Ухаживаніе за красивой и веселой теткой, цесаревной Елисаветой, дружба съ Иваномъ Долгоруковымъ притягивали къ себѣ юнаго императора болѣе, нежели игры съ сестрой и приготавливаніе уроковъ для Остермана.

Остерманъ воспользовался своимъ вліяніемъ на Наталію Алексѣевну, чтобы при ея помощи противодѣйствовать въ глазахъ Петра партіи Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, за которыми стояла старая Россія. Замѣтивъ, что царь весьма благоволитъ къ своей теткѣ, цесаревнѣ Елисаветѣ, Остерманъ не замедлилъ сблизиться и съ ней. Съ своей стороны цесаревна была рада найти опору въ Остерманѣ отъ чрезмѣрныхъ притязаній Долгоруковыхъ, не желавшихъ дѣлить съ нею свое устанавливающееся господство надъ императоромъ. Великая княжна, въ свою очередь, съ грустью замѣчала, что пора ея дружбы съ братомъ, пора ихъ искреннихъ отношеній уступаетъ свое мѣсто безграничному вліянію князя Ивана Алексѣевича на Петра. Предоставленный самъ себѣ императоръ не долго колебался, чтобы сдѣлать выборъ между самостоятельной разгульной жизнью, сопровождаемой грубой лестью и потаканьемъ всѣмъ его наклонностямъ, среди семейства его фаворита, и между благоразумными, но скучными нравоученіями великой княжны и Остермана. Общество Елисаветы, хотя и совѣтывавшей ему также отказаться отъ дружбы съ Долгоруковымъ, было болѣе по сердцу молодого императора. Незамѣтно для себя и своихъ близкихъ онъ настолько увлекся цесаревной, что уже ея вліяніе на

него явилось опаснымъ въ глазахъ Наталіи Алексѣевны и она употребляла всѣ усилія, чтобы отвратить Петра отъ гибельной, по ея мнѣнію, дружбы его съ Елисаветой. Холодность великой княжны къ Елисаветѣ росла пропорціонально расположенію къ ней императора. Всѣ старанія Наталіи Алексѣевны удержать свое вліяніе на царя были напрасны и она лишній разъ могла убѣдиться, что ихъ дружбѣ пришелъ конецъ. Долгоруковы, опасаясь, что значеніе цесаревны возрастетъ до такой стэпени, что вліянію ихъ не останется мѣста, старались всячески удалить Елисавету Петровну, нашептывая императору о необходимости выдать ее замужъ, и предлагая въ качествѣ жениха графа Морица Саксонскаго, вѣчнаго претендента на Курляндію [1]). Кстати, Долгоруковская партія хотѣла отдѣлаться и отъ Наталіи Алексѣевны, ей былъ пріисканъ женихъ въ лицѣ принца прусскаго. Но холодность, выказанная прусскимъ дворомъ, не дала возможности развиться этому проекту. Огорченная утратой вліянія на брата и преобладаніемъ Елисаветы, Наталія Алексѣевна черезъ силу продолжала бывать на пріемахъ. Брата своего она теперь почти не видала. Проводя все время съ Иваномъ Долгоруковымъ, онъ изрѣдка появлялся въ Москвѣ. Цесаревна видала его чаще, чѣмъ великая княжна. Планъ Остермана о бракосочетаніи между Петромъ II и Елисаветой Петровной, грандіозный по своей нелѣпости, былъ не особенно пріятенъ великой княжнѣ. Этотъ планъ ясно показывалъ ей, что даже Остерманъ, на дружбу и преданность котораго она такъ разсчитывала, и онъ переходитъ въ лагерь той, кого Наталія Алексѣевна считала своимъ врагомъ, отнявшимъ у нея брата. Поведеніе императора, желавшаго скорѣе сдѣлаться, или вѣрнѣе казаться, взрослымъ, вызывало, какъ уже указано выше, сильное неудовольствіе великой княжны. Ея выговоры и наставленія Петру производили обратное дѣйствіе т. е. вмѣсто того, чтобы удержать его отъ предосудительныхъ выходокъ, они еще болѣе располагали его къ нимъ, такъ какъ императоръ, котораго Долгоруковская партія увѣрила, что онъ не нуждается въ опекѣ, въ чемъ со времени паденія Меншикова былъ убѣжденъ и онъ самъ, видѣлъ въ противленіи совѣтамъ своей сестры проявленіе самостоятельности и твердости характера. 13-ти лѣтній императоръ, торопясь возмужать и подра-

[1]) Особенно объ этомъ старался саксонскій посланникъ Лефортъ. См. Карповичъ, Замѣчательныя и загадочныя личности.

жая своему пріятелю Ивану Алексѣевичу Долгорукову, извѣстному женолюбу тѣхъ временъ во вкусѣ былиннаго Чурилы Пленковича, имѣлъ свиданіе съ особо избранною для этого услужливымъ Долгоруковымъ дѣвушкой [1]). Слухи объ этомъ дошли и до великой княжны, старавшейся удержать брата отъ подобныхъ развлеченій, но совѣты ея и упреки вызвали въ немъ сильнѣйшее раздраженіе [2]). Замѣтивъ, что ея ласковые уговоры не дѣйствуютъ на императора, великая княжна рѣшила выказать ему холодность, думая произвести этимъ впечатлѣніе на брата подобно тому, какъ прежде, когда плохое расположеніе духа великой княжны или выказываемое ею неудовольствіе всегда отражалось на поведеніи Петра II. На балѣ, данный 4 марта по случаю рожденія сына у Анны Петровны герцогини Голштинской, Наталія Алексѣевна не поѣхала, выставивъ причиною своего отсутствія болѣзнь, но такое объясненіе никого не удовлетворило, такъ какъ великую княжну видали наканунѣ. Императоръ, подождавъ нѣкоторое время, открылъ балъ съ цесаревной и затѣмъ въ продолженіи цѣлаго вечера, забывъ объ отсутствіи сестры и, можетъ быть, даже пользуясь имъ, посвятилъ все свое вниманіе Елисаветѣ Петровнѣ, увлеченіе которою достигло у него въ то время апогея. Видя императора все рѣже и рѣже, Наталія Алексѣевна проводила время большею частью одна въ обществѣ своего двора [3]). Съ цесаревной она была прямо въ холодныхъ отношеніяхъ и встрѣчалась съ нею лишь при оффиціальныхъ выходахъ. Лучше чувствовала себя великая княжна съ царевнами Іоанновскаго дома и посѣщала довольно часто какъ Екатерину Іоанновну герцогиню Мекленбургскую, такъ и Прасковью Іоанновну. Анна Іоанновна, герцогиня Курляндская, также пользовалась расположеніемъ Наталіи Алексѣевны и выказывала вниманіе ей при всякомъ случаѣ. Ея письма къ Наталіи Алексѣевнѣ всегда сопровождаются просьбами и наполнены увѣреніями въ глубокой преданности герцогини и прошеніями не оставить ее своею милостью. Рекомендуя своего камеръ-юнкера Бестужева великой княжнѣ, Анна Іоанновна пишетъ: „покорно прошу меня не оставить милостивымъ защищеніемъ. А моя вся надежда крѣпкая на ваше высочество“. Въ другомъ письмѣ Анна Іоан-

---

[1]) Сборникъ „Русск. Историч. Общества“ т. III стр. 513.
[2]) Костомаровъ т. XIV стр. 426.
[3]) Гофмаршаломъ коего былъ графъ Левенвольде и гофмейстеринами Крамеръ и Каро.

ловна въ такихъ выраженіяхъ прибѣгаетъ къ милости великой княжны· „о себѣ вашему высочеству нижайше доношу, въ разореніи и печаляхъ своихъ жива. Всепокорно, матушка моя и государыня, прошу не оставить меня въ высокой и неотмѣнной вашего высочества милости, понеже вся моя надежда на вашу высокую милость“ [1]).

Долгоруковыхъ, увлекшихъ и подчинившихъ себѣ императотора, Наталія Алексѣевна нетерпѣла такъ же, какъ цесаревну. Становясь на сторону ихъ противниковъ, Наталія Алексѣевна невольно становилась въ ряды нѣмецкой партіи и, вслѣдствіе этого, казалась иностранцамъ (герцогу де Лиріи) поклонницей западныхъ нравовъ и порядковъ, что, конечно, въ глазахъ испанскаго посланника, попавшаго въ Россіи въ борьбу реакціоннаго движенія съ послѣдствіями реформаторской дѣятельности Петра Великаго, казалось лучшей рекомендаціей. Изъ всѣхъ лицъ, составлявшихъ дворъ и правительство, Наталія Алексѣевна видѣла лишь въ одномъ Остерманѣ человѣка достойнаго руководить Россіей и крѣпко держалась его. Хитрый дипломатъ, увѣряя великую княжну въ своей преданности ея интересамъ, въ то же время, смотря по обстоятелствамъ, заискивалъ и у цесаревны и льстилъ Долгоруковымъ, о чемъ великая княжна не подозрѣвала, считая его вполнѣ преданнымъ ей

Придворная жизнь шла своимъ чередомъ. 21 апрѣля наступила Пасха. При дворѣ былъ большой съѣздъ. Различные сановники и иностранные послы приносили великой княжнѣ поздравленія, послѣ чего имъ предлагался бокалъ венгерскаго за здоровье великой княжны, которая кстати въ немъ чрезвычайно нуждалась. 6 мая по случаю годовщины восшествія на престолъ Петра II при дворѣ былъ новый съѣздъ и тогда герцогу де Лиріи бросился въ глаза нездоровый видъ Наталіи Алексѣевны. Въ этотъ день онъ у нея обѣдалъ и вывелъ заключеніе, что истинной причиной болѣзни великой княжны были императоръ и цесаревна; по его словамъ „царь не говорилъ уже съ ней (Наталіей Алексѣевной) ни о какихъ дѣлахъ и не имѣлъ къ ней болѣе никакой довѣренности. Великая княжна чрезвычайно страдала отъ того, что братъ удалился отъ нея и это страданіе усугублялось еще тѣмъ, что тетка (Елизавета Петровна) совсѣмъ перестала ходить къ ней и обращалась съ ней весьма холодно“. 25 іюня пришло извѣстіе о кончинѣ Анны Пет-

[1]) Письма русскихъ государей.

ровны, герцогини Голштинской, принятое Петромъ довольно безразлично, тѣмъ не менѣе при дворѣ былъ наложенъ 3-хъ мѣсячный трауръ, что не помѣшало императору сейчасъ же уѣхать на охоту, предоставивъ цесаревнѣ оплакивать раннюю кончину Анны Петровны. Трауръ этотъ вообще соблюдался плохо. 29 іюня, въ день св. Петра и Павла, во дворцѣ былъ парадный обѣдъ и балъ, въ которомъ черезъ силу принимала участіе и великая княжна, страдавшая лихорадкой. День рожденія Наталіи Алексѣевны, 12 іюля, былъ пышно отпразднованъ. Дворъ и иностранные представители были жалованы къ рукѣ великой княжны, а вечеромъ былъ балъ. Императоръ, желая придать этому дню большую торжественность, произвелъ массу наградъ. Но эта любезность мало искупала ту холодность, которая установилась между Петромъ II и Наталіею Алексѣевною. Пропадая цѣлые дни на охотѣ и въ имѣніи Долгоруковыхъ, императоръ забылъ и сестру и цесаревну, за которой онъ еще такъ недавно ухаживалъ, находя себѣ удовольствіе въ обществѣ доѣзжачихъ и разгульныхъ прихлебателей, толпившихся въ Горенкахъ. Къ этому времени Долгоруковской партіи удалось поколебать довѣріе императора къ цесаревнѣ; ея поведеніе сумѣли выставить въ самомъ непригляднomъ свѣтѣ и сплетнямъ о Бутурлинѣ [1]) придали важность достовѣрнаго факта.

На балу во дворцѣ 26 августа, по случаю именинъ Наталіи Алексѣевны, Петръ II, не пропускавшій до сихъ поръ случая находиться близъ Елизаветы Петровны, не сказалъ ей ни слова и уѣхалъ съ бала, не простившись съ нею. Перемѣна эта произвела несомнѣнно благопріятное впечатлѣніе на великую княжну, негодовавшую на короткость брата съ цесаревной, но вскорѣ Наталіи Алексѣевнѣ пришлось разочароваться въ надеждѣ, что императоръ возвратитъ ей свое довѣріе, онъ

---

[1]) Александръ Борисовичъ Бутурлинъ род. въ 1694 г. Окончивъ въ 1720 г. морскую академію, онъ былъ назначенъ Екатериною I камеръюнкеромъ, потомъ камергеромъ цесаревны и заслужилъ ея расположеніе. Петръ II произвелъ его въ генералъ-маіоры, но по наговорамъ Долгорукихъ удалилъ его въ Украинскую армію. При Аннѣ Іоанновнѣ Бутурлинъ былъ смоленскимъ губернаторомъ. Елизавета Петровна, вступивъ на престолъ, сперва назначила его малороссійскимъ, а въ 1742 г., московскимъ генералъ-губернаторомъ. 1751 г. Бутурлинъ получилъ св. Андрея Первозваннаго, въ 1756 г. произведенъ въ фельдмаршалы и въ 1760 г. возведенъ въ графское достоинство. Въ 1761 г. онъ командовалъ русской арміею въ Пруссіи и, будучи отозванъ Петромъ III, вновь занялъ постъ московскаго генералъ-губернатора, на коемъ и умеръ въ 1767 г.

все болѣе и болѣе запутывался въ Долгоруковскихъ тенетахъ.

Здоровье Наталіи Алексѣевны продолжало ухудшаться. Изнурительная лихорадка и грудныя страданія тревожили великую княжну. Герцогъ де Лиріа, записки котораго представляютъ богатый матеріалъ для описываемаго времени, предложилъ Бидло [1]), лечившему великую княжну, поить ее женскимъ молокомъ, но совѣтъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Вслѣдъ за именинами Наталіи Алексѣевны, отпразднованными съ обычною пышностью и раздачею наградъ, у Елизаветы Петровны состоялся балъ по случаю ея тезоименитства 5 сентября. Здѣсь императоръ окончательно выяснилъ свои отношенія къ цесаревнѣ: онъ пріѣхалъ лишь къ самому обѣду и уѣхалъ тотчасъ послѣ него, не дождавшись начала бала, который былъ открытъ великой княжной съ герцогомъ де Лиріей. Освободясь отъ вліянія цесаревны на Петра II, окружавшая его камарилья порѣшила избавиться и отъ великой княжны, возможность вліянія которой продолжала устрашать восторжествовавшую партію. Случай этого избавленія представился въ видѣ выдачи ее замужъ. Предположенный бракъ Наталіи Алексѣевны не получилъ дальнѣйшаго развитія лишь вслѣдствіе придуманной ея дѣдомъ, герцогомъ Бланкенбургскимъ дополнительной комбинаціи, сдѣланной черезъ посредство цесарскаго посланника, графа Вратислава, и испугавшей Долгоруковыхъ, имѣвшихъ совсѣмъ другіе виды. Женихъ для великой княжны былъ найденъ въ лицѣ принца Карла Брауншвейгъ-Беверискаго [2]) и конечно, еслибы дѣло касалось одной Наталіи Алексѣевны, бракъ этотъ не встрѣтилъ бы много препятствій, но дѣду Петра II, герцогу Бланкенбургскому, захотѣлось одновременно предложить въ невѣсты императору принцессу Брауншвейгъ-Беверискую, сестру принца Карла. Планъ этотъ, съ радостью подхваченный графомъ Вратиславомъ и сообщенный имъ Остерману, шелъ въ разрѣзъ съ расчетами Алексѣя Григорьевича Долгорукова, пред-

[1]) Николай Бидло, по происхожденію голландецъ, получилъ докторскую степень въ Лейденѣ въ 1697 г. По приглашенію Петра Великаго въ 1703 г. прибылъ въ Москву, гдѣ устроилъ госпиталь, а при немъ первую въ Россіи медицинскую школу. До самой смерти Бидлоо сохранилъ начальство надъ этой школой и преподавалъ въ ней анатомію и хирургію. Бидло умеръ въ 1735 г.

[2]) Принцъ Карлъ Беверискій родившійся въ 1713 г., положилъ основаніе герцогскому Брауншвейгскому дому, угасшему въ недавнее время. Подобно большинству мужскихъ представителей этого дома онъ находился въ прусской службѣ и считался отличнымъ генераломъ. Въ 1733 г. онъ женился на сестрѣ Фридриха Великаго, принцессѣ Филиппинѣ Шарлоттѣ.

помышлявшаго женить молодого императора на своей дочери, и предложеніе объ этихъ бракахъ, сдѣланное Вратиславомъ, было отвергнуто въ виду близкаго родства между дѣтьми царевича Алексѣя и принцами Беверискими, такъ какъ кронпринцесса Шарлотта, супруга Алексѣя, и Антуанета, герцогиня Брауншвейгъ-Беверинская были родныя сестры. Онѣ были дочери Людовика Рудольфа герцога Бланкенбургскаго, впослѣдствіи Брауншвейгъ-Вольфенбютельскаго, и его жены герцогини Христины. Младшая дочь, принцесса Антуанета, вышла замужъ за герцога Фердинанда Альбрехта Беверискаго и была матерью принца Карла, впослѣдствіи герцога Брауншвейгъ-Вольфенбютельскаго, и принца Антона Ульриха, женившагося на Аннѣ Леопольдовнѣ. Въ переговорахъ о бракѣ ни одна сторона не интересовалась мнѣніемъ объ этомъ великой княжны, да и не успѣли этого сдѣлать,—мысль о бракѣ была такъ же быстро отклонена, какъ и внезапно предложена. Проекта новаго брачнаго союза великой княжны дипломаты того времени не успѣли составить. Жизнь Наталіи Алексѣевны видимо угасала. Чахотка, нравственныя огорченія и неудачи дѣлали свое дѣло. Послѣдній разъ великая княжна была на выходѣ 12 октября, въ день рожденія императора, послѣ этого она уже не показывалась изъ своего дворца [1]) и принуждена была слечь. Въ ноябрѣ Бидло призналъ болѣзнь Наталіи Алексѣевны неизлѣчимой, а ея близкую кончину неизбѣжной. Тотчасъ послали за Петромъ II, онъ пріѣхалъ въ Москву 7 ноября прямо съ охоты, на которой проводилъ все время. Растерявшіеся врачи, желая продлить жизнь умиравшей, схватились за рекомендованное де Ліріей средство,—женское молоко. Въ началѣ новое лекарство подѣйствовало отлично, Наталія Алексѣевна стала себя чувствовать лучше; воспользовавшись этимъ облегченіемъ императоръ вновь уѣхалъ въ любимыя имъ Горенки, но 17 числа великой княжнѣ снова сдѣлалось хуже и она впала въ такой продолжительный обморокъ, что ее сочли уже за умершую. Послѣ этого припадка ей вновь сдѣлалось немного лучше. Кровопусканія, къ которымъ прибѣгалъ по обычаю времени Бидло, ослабляли великую княжну и не приносили ей пользы. „Великая княжна, описываетъ де Лірія ея послѣднія минуты, провела ночь со 2 на 3 число (по новому стилю) довольно хорошо, ибо

[1]) Великая княжна и императоръ занимали такъ называемый Слободской дворецъ.

спала около 6 часовъ, но утромъ 4 напала на нее жестокая лихорадка, которая уменьшилась къ вечеру и въ 10-мъ часу она, помолившись, хотѣла лечь спать, но едва только легла въ постель, какъ на нее напали такія жестокія судороги, что она скончалась не болѣе, какъ въ двѣ минуты" [1]).

Императора въ Москвѣ въ это время не было, 5 курьеровъ, посланныхъ къ нему одинъ за другимъ, наконецъ довели до его свѣдѣнія о кончинѣ Наталіи Алексѣевны [2]). Смерть Наталіи Алексѣевны чрезвычайно поразила современниковъ. Остерманъ плакалъ навзрыдъ, а молва повторяла, что великая княжна умерла одна, брошенная всѣми, что ея гофмейстерины Крамеръ и Каро вмѣсто того, чтобы находиться близъ умирающей, дѣлили въ это время между собой ея драгоцѣнности, чтобы не возбудить впослѣдствіи подозрѣній [3]). Императоръ казался страшно потрясеннымъ этой утратой, онъ рыдалъ и былъ безутѣшенъ. Не будучи въ силахъ жить во дворцѣ, гдѣ скончалась его сестра, онъ въ ту же ночь выѣхалъ изъ Слободскаго и переѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ.

Тѣло скончавшейся было выставлено на пышномъ „каструмъ-долорисъ“ во дворцѣ для прощанія съ нимъ народа, чрезвычайно любившаго Наталію Алексѣевну. Вмѣстѣ съ этимъ императоръ наложилъ трауръ и отмѣнилъ всѣ придворные праздники, даже день Св. Андрея, празднуемый съ 1699 года, прошелъ незамѣтно и обычный съѣздъ не состоялся.

Зала Слободскаго дворца, гдѣ покоилось тѣло великой княжны, была обита чернымъ сукномъ и убрана по потолку серебрянымъ глазетомъ съ вышитыми на немъ золотомъ императорской короной и цвѣтами. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, протекшихъ со дня кончины великой княжны по день ея погребенія, при гробѣ ея находилось неотступно восемь придворныхъ „дневальныхъ“ дамъ въ траурномъ платьѣ, а въ изголовьи гроба дежурили кавалергарды съ палашами на-голо. 18 января 1729 года четыре отряда трубачей извѣстили населеніе Москвы о днѣ погребенія усопшей великой княжны, а черезъ два дня, 20-го января, состоялось съ большой пышностью и самое погребеніе. Малороссійскій генеральный подскарбій Марковичъ, жившій въ ту пору

---

[1]) де Лирія стр. 45.
[2]) Herrmann IV, стр. 509.
[3]) Herrmadn IV, стр. 530.

въ Москвѣ, оставилъ въ своихъ запискахъ любопытное описаніе этой печальной церемоніи, которая началась, какъ пишетъ Марковичъ, „около 10-го часа, а кончилась послѣ полудня. Ѣхали сперва три маршала въ рядъ, за ними шли гренадеры отъ гвардіи, съ перьями, въ девять рядовъ, около ста человѣкъ, разные придворные служители представлявшейся великой княжны попарно, а заключили снова два маршала. Потомъ пѣвчіе разные и государевы шли, продолжая пѣніе, діаконы, которыхъ было нѣсколько сотъ, попы, которыхъ было близъ четырехъ сотъ, архимандриты, архіереевъ семь. Три знатныя персоны несли кавалерію Св. Екатерины, другія же три на золотой подушкѣ—императорскую корону, а потомъ везено было тѣло подъ золотымъ, шитымъ многими кутасами, балдахиномъ, везеннымъ восемью лошадьми, обшитыми въ черныя аксамитныя капы, съ приложенными на челахъ и бокахъ императорскими гербами, а близъ всякаго коня по одному человѣку изъ знатныхъ шло, также и около балдахина—придерживая съ кутасами шнуры. Балдахинъ внизу укрытъ былъ серебрянымъ муаромъ, а поверхъ покрывала стоялъ серебряный гробъ съ тѣломъ. Когда балдахинъ поровнялся съ монастыремъ Богоявленскимъ, то изъ онаго вышелъ императоръ съ должайшимъ флеромъ и пошелъ за гробомъ. Подъ руки его величество вели баронъ Остерманъ и князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой; за государемъ шла государыня цесаревна, которую подъ руки вели Иванъ Гавриловичъ Головкинъ и князь Черкасской, потомъ шли дамы, двадцать одна пара, также въ трауръ убранныя и завѣшанныя чернымъ флеромъ съ должайшими хвостами; заключали шествіе три маршала и рота гренадеровъ Семеновскаго полка. Полки отъ слободы до Кремля и въ Кремлѣ до монастыря дѣвичьяго Вознесенскаго стояли и, когда туда принесено тѣло, то всѣ дали бѣгучій огонь трижды; во время же хода съ пушекъ били поминутно“ [1]).

Быть можетъ вслѣдствіе своей болѣзненности, великая княжна Наталія Алексѣевна была развита физически и духовно выше своего возраста. Ея ранняя кончина и любовь къ царственному брату окружили ея имя свѣтлымъ ореоломъ. Этому не мало способствовала характеристика, данная ей де-Лиріей и другими знавшими ее лицами. Фельдмаршалъ графъ Минихъ пишетъ о ней „великая княжна Наталія Алексѣевна, сестра им-

---

[1]) Марковичъ. Записки часть I стр. 306—307.

ператора, одаренная самыми превосходными качествами, умерла къ великому огорченію всѣхъ" [1]. Авторъ книги La Cour de Russie il ya cent ans, составившій свой трудъ пользуясь подлинными депешами иностранныхъ резидентовъ, съ похвалою отзывается объ умственномъ развитіи Наталіи Алексѣевны и говоритъ, что по общему отзыву она воспитана лучше брата [2]. Наконецъ де-Лиріа оставляетъ намъ цѣлый панегирикъ достоинствамъ великой княжны „великая княжна давала удивительные совѣты своему брату... у нея душа была превосходнѣйшая... Она украшалась всѣми возможными хорошими качествами; не была красавицей, но что значитъ красота, когда сердце совершенно! Она была покровительницей иностранцевъ, была идоломъ всѣхъ честныхъ людей, перломъ Россіи; словомъ такъ совершенна, что Богъ не дозволилъ ей жить долго на семъ свѣтѣ" [3]. По прочтеніи этихъ восторженныхъ строкъ увлекающагося дипломата невольно припоминаются слова С. М. Соловьева, сказанныя о той же Наталіи Алексѣевнѣ „мы не имѣемъ надобности вѣрить восторженнымъ отзывамъ о необыкновенныхъ способностяхъ Наталіи, сохранившимся въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ: извѣстно, какъ партія, примыкающая къ высоко поставленному лицу, обыкновенно преувеличиваетъ достоинства этого лица, тогда какъ партія противная, наоборотъ, уменьшаетъ ихъ" [4].

Отличительной чертой Наталіи Алексѣевны является ея безграничная любовь къ брату. Но любовь эта весьма односторонняя. Наталіи Алексѣевнѣ хотѣлось, чтобы Петръ принадлежалъ всецѣло ей одной, чтобы говорилъ только съ нею, слушался бы ея совѣтовъ, смотрѣлъ бы ея глазами. Быть можетъ, подобное обезличеніе императора и было бы ему впослѣдствіи полезнѣе, чѣмъ шатанія съ Долгоруковыми по окрестностямъ Москвы, но столь навязчивая опека отвратила его отъ сестры, а въ удаленіи отъ нея императора Наталія Алексѣевна увидала дѣйствія враждебныхъ для нея лицъ. Когда Наталія Алексѣевна замѣтила, что между ея братомъ и цесаревной Елизаветой устанавливаются дружескія отношенія и приписывая холодность къ ней со стороны Петра проискамъ цесаревны, она не колеблется считать Елизавету лицомъ, разсорившимъ ее съ императоромъ и публично выказываетъ ей свое неудовольствіе.

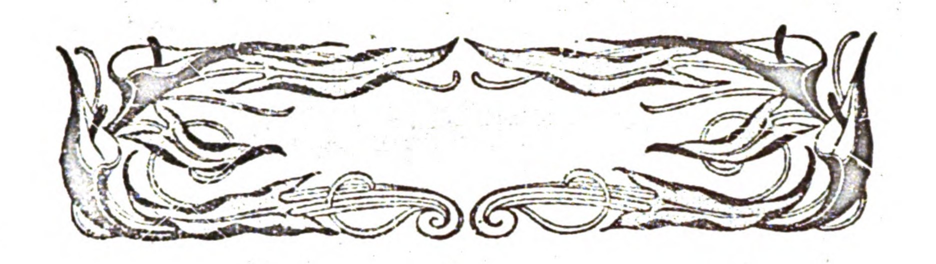
---

[1] Минихъ. Записки стр. 38.
[2] La Cour de Russie, стр. 4.
[3] Де-Лирія, стр. 32, 45.
[4] Соловьевъ XIX, т. стр. 1034.

Слѣпо поддаваясь вліянію лицъ, которыхъ она считала почему нибудь достойными уваженія, и руководствуясь болѣе соображеніями личнаго свойства, чѣмъ какими-либо иными, великая княжна не всегда представляется намъ дѣйствующей въ интересахъ справедливости и поражаетъ насъ отсутствіемъ жалости, сожалѣнія— чувства, такъ присущаго тому нѣжному возрасту, въ которомъ она находилась. Въ дѣлѣ Меншикова Наталія Алексѣевна настолько поддалась своему неудовольствію на свѣтлѣйшаго и настолько была орудіемъ въ рукахъ дѣйствовавшихъ за ея спиною лицъ, что, несмотря на всѣ просьбы неповиннаго ни въ чемъ меншиковскаго семейства и въ томъ числѣ лучшаго ея друга, княжны Александры Александровны, съ которою онѣ называли другъ друга „сестрицами", она ни сдѣлала ни одной попытки облегчить ни участь ссылаемой „сестрицы", ни прочихъ членовъ меншиковскаго семейства и даже не пожелала выслушать ихъ слезной мольбы о помиловании.

Къ концу своей жизни великая княжна не имѣла уже никакого вліянія на императора и, горюя вмѣстѣ съ де-Лиріей и Остерманомъ объ его поведеніи, она невольно возбудила у своихъ собесѣдниковъ мечты о томъ, какъ хорошо было бы вновь подчинить Петра II вліянію его сестры, которая такъ разумно и хорошо разсуждаетъ съ ними о дѣлахъ Имперіи, повторяя въ сущности въ этихъ разсужденіяхъ нашептанныя ей ранѣе Остерманомъ мысли.

Во всякомъ случаѣ личность Наталіи Алексѣевны, не представляя собою ничего выдающагося, возбуждаетъ сочувствіе. Потерявши отца и мать въ самомъ юномъ возрастѣ, предоставленная по кончинѣ Екатерины I сама себѣ, на тринадцатомъ году жизни великая княжна такъ или иначе сумѣла возбудить въ современномъ ей обществѣ симпатію. Она скончалась слишкомъ юною для того, чтобы дальнѣйшія событія могли разрушить иллюзію и затемнить тотъ свѣтлый нимбъ вокругъ ея имени, который создала ей легенда.



Чиновничьи дебри

Очеркъ.

I.

Шурочка Стрѣлкунчиковъ сидѣлъ грустный у своего стола въ департаментѣ „Пессимистическихъ воззрѣній“.

Мало обращалъ онъ вниманія на лежащее передъ нимъ дѣло—о разсмотрѣніи проэктированнаго другимъ учрежденіемъ знака для лицъ, сморкающихся въ носовой платокъ. Шурочка разсѣянно смотрѣлъ то на четко исписанные листы бумаги, то въ окно, на мелкій дождикъ или на мутныя воды Фонтанки. Его не занималъ вопросъ, является ли дѣйстительно польза въ предоставленіи права означенной корпораціи лицъ носить знакъ въ видѣ миніатюрнаго трехъ-угольнаго платка на лѣвой сторонѣ груди или въ видѣ четырехъ-угольнаго на правой сторонѣ? Не смотря на цѣлый рядъ историческихъ справокъ, рисунковъ, описаній разныхъ другихъ знаковъ—это сложное дѣло его мало интересовало.

— Какъ обратить на себя вниманіе начальства? разсуждалъ онъ, какъ заставить его отличить меня предъ остальными?—вотъ вопросы, которые занимали Шурочку гораздо больше, чѣмъ дѣло о знакѣ.

— Надо придумать что нибудь особенное, изъ ряда вонъ выходящее, съ чѣмъ никто не могъ бы конкурировать... но что? легко сказать, придумать... Попасть къ директору въ домъ? Ухаживать за дочкой? ни къ чему не поведетъ, у нея, какъ у всѣхъ богатыхъ невѣстъ,

слишкомъ много поклонниковъ и титулованныхъ, украшенныхъ блестящими мундирами, въ орденахъ разныхъ степеней, не говоря уже о помощникахъ помощниковъ или чиновниковъ для усиленія,—ихъ цѣлый полкъ.

Шурочка приходилъ въ отчаяніе.

Танцы?—другіе танцуютъ лучше... да и при томъ моя фигура не совсѣмъ создана для танцевъ... винтъ?—всѣ въ него играютъ, наконецъ его—ство играетъ по большой; обыгрывать начальство—лучше не играть, а проигрывать—средствъ не хватитъ; усиленно работать на службѣ—это совсѣмъ послѣднее дѣло, ровно ни къ чему не ведущее, такъ какъ все равно бумаги, переписанныя писаремъ, его—ству подаетъ начальникъ отдѣленія и, разумѣется, говоритъ, что все это его работа, а Шурочка, какъ занимающій скромную должность помощника, помощника начальника отдѣленія департамента пессимистическихъ воззрѣній, въ кабинетъ директора ни по какимъ дѣламъ не допускался. Только иногда Стрѣлкунчикову удавалось встрѣтиться съ высшимъ начальствомъ въ коридорѣ, при чемъ директоръ, Иванъ Петровичъ Удинцовъ, человѣкъ неимовѣрно высокаго роста, лысый, худощавый, съ выбритыми усами, иногда удостаивалъ Стрѣлкунчикова, почтительно ему кланявшагося, чести подать два пальца и изрѣдка милостиво къ нему обращался:

— Это вы? м—мъ... да, м—мъ... и проходилъ мимо подчиненнаго, растроганнаго вниманіемъ начальства. Причиной этого вниманія было то, что Стрѣлкунчиковъ, въ прошломъ году, на какомъ то вечерѣ былъ представленъ его—ству, съ тѣхъ поръ послѣдній началъ иногда показывать Шурочкѣ подобные знаки вниманія, чѣмъ вселялъ къ нему не малую зависть со стороны сослуживцевъ.

— Тебя онъ узнаетъ, говорили они, а это много значитъ.

— Да что въ томъ толку, досадовалъ Шурочка;—только мычитъ.

— Ничего, подожди, гораздо хуже когда не знаетъ въ лицо или не замѣчаетъ... попадешься въ хорошую минуту, вдругъ вмѣсто мычанья выпалитъ:—Стрѣлкунчиковъ, я васъ назначаю тѣмъ то, вотъ тебѣ и карьера...

Шурочка ждалъ, надѣялся, но его—ство кромѣ прежнихъ знаковъ вниманія ничѣмъ другимъ не радовалъ. Послѣ года ожиданія, Шурочка пріунылъ и рѣшилъ, что надо что нибудь предпринять, какъ нибудь напомнить о себѣ, рѣзко выдвинуть себя изъ

окружающей среды, а не ограничиваться пассивнымъ ожиданіемъ.

— Но, что сдѣлать?—какъ заставить его убѣдиться, что я человѣкъ блестяще одаренный, что мнѣ должна предстоять будущность, я на голову выше товарищей, и меня надо поощрять, выдвинуть, дать возможность, такъ сказать, развернуть свой талантъ, тѣмъ оказать услугу не только нашему департаменту или Министерству, но, можетъ быть, даже всему русскому образованному обществу.—(Шурочка самодовольно улыбнулся при этой мысли). Именно всему образованному обществу и я чувствую, что созданъ не для исполненія мелкихъ, скучныхъ бумажекъ, а руководить, давать мысль, которую въ подробностяхъ разрабатывать должны другіе не со столь объемлюще—всесторонним взглядомъ... я не могу сосредоточиться на исполненіи какого либо мелкаго, шаблоннаго дѣла, я чувствую призваніе къ инидіативѣ, давать темы другимъ, а не исполнять чужія приказанія въ указанной узкой рамкѣ... но какъ показать имущимъ власть, что мое призваніе не въ писаніи отношеній по существующимъ примѣрнымъ бумагамъ, а гораздо серьезнѣе, такъ сказать, болѣе возвышенное?

Часы пробили пять, Шурочка сложилъ не начатыя сегодня дѣла, рѣшилъ, что послужилъ достаточно и отправился домой.

II.

Стрѣлкунчиковъ прошелъ набережную рѣки Фонтанки, свернулъ на Невскій, дошелъ до угла Надеждинской и хотѣлъ пойти по ней, чтобы попасть на Малую Итальянскую, гдѣ онъ жилъ, какъ вдругъ на углу былъ остановленъ громкимъ возгласомъ:

— Стрѣлкунчиковъ? другъ, сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Шурочка поднялъ глаза и увидѣлъ предъ собою субъекта съ несовсѣмъ чисто выбритымъ лицомъ, въ нахлобученной до бровей шапкѣ и поднятымъ воротникомъ.

— Не узнаешь? Базаряниновъ... помнишь?

Стрѣлкунчиковъ привѣтствовалъ говорившаго пожатіемъ руки. То былъ товарищъ Шурочки по гимназіи. Базаряниновъ курса не кончилъ, выйдя изъ 6 класса и съ тѣхъ поръ Шурочка о немъ ничего не слышалъ.

— Что, братъ, удивленно смотришь: рожа бритая? это что ли тебя удивляетъ? очень просто—артистъ.

— Ты артистъ? какой? опереточный, драматическій или оперный?

— Служу высокому искусству на всѣхъ его поприщахъ—и въ опереткѣ и въ драмѣ... а ты? чиновникъ?

— Да служу въ...

— Такъ и зналъ, я всегда говорилъ, что изъ тебя ничего путнаго не выйдетъ... конечно, чего удивляешься?.. что твоя жизнь? Сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня, постоянно однѣ и тѣ же бумаги, постоянно, всю жизнь подчиненъ кому нибудь, всю жизнь исполняешь приказанія, докладываешь, кляузничаешь, и строчишь, строчишь безъ конца; нечего сказать, завидная участь... а я! свободенъ какъ вѣтеръ, сегодня въ Перми, завтра въ Варшавѣ, въ Одессѣ, Тифлисѣ, Петербургѣ... дѣлаю, что хочу, не понравится—ѣду въ другое мѣсто... живу свободной жизнью... я властвую, да не какимъ нибудь департаментомъ или отдѣленіемъ, гдѣ сидятъ безсловесные исполнители моихъ велѣній, подобострастно смотрящіе мнѣ въ глаза,—я властвую свободной толпой, заставляю ее переживать со мной мои чувства, плакать надъ моими страданіями, смѣяться со мной... я душа, сердце толпы... однако, дождь усилился, пойдемъ куда нибудь поблизости потолковать.

Бывшіе товарищи направились въ ближайшій ресторанъ, сѣли за столикъ, спросили два обѣда, графинчикъ водки (Базаряниновъ заявилъ, что онъ кромѣ національнаго ничего другаго не пьетъ).

— Такъ значитъ ты прозябаешь въ своемъ департаментѣ „Пессимистическихъ воззрѣній“, говорилъ Базаряниновъ, помощникомъ помощника и дальше надежды нѣтъ, такъ оно и должно быть, я тебѣ, помнишь, всегда говорилъ, что изъ тебя толку не выйдетъ никакого...

— Отчего же не выйдетъ? ты бранишь меня за то, что я служу; что же въ этомъ худого, всѣ служатъ.

— Всѣ!.. да, всѣ тѣ, кто склонилъ голову предъ владычествомъ рутины, кто отдался въ рабство служебнаго ярма безъ борьбы съ жизнью, кто предпочитаетъ исполнять и подчиняться, сидя на маленькомъ мѣстечкѣ, а не бороться съ невзгодами за свою свободу, за независимость... хорошо объясненіе—всѣ! Что дѣлаютъ всѣ, то долженъ дѣлать и я и только потому, что это дѣлаютъ всѣ, а самъ я нуль, щепка, плыву по теченію, куда нибудь да приплыву!

— Да полно, наконецъ, это скучно, только бра-

нишься; а чтобы помочь чѣмъ нибудь старому товарищу, я сумѣлъ бы отплатить за услугу... я не плыву по теченію, а бьюсь, борюсь, чѣмъ же я виноватъ, что ничего не могу придумать... и все время кромѣ мычанья ничего не слышу...

— И не услышишь... онъ вѣдь, я думаю, знаетъ съ кѣмъ какъ нужно говорить, а съ тебя и мычанья довольно... Что ты?—безсловесный,—что же тебѣ говорить?.. помычитъ и будетъ съ тебя... однако, шутки въ сторону, хочешь, въ самомъ дѣлѣ, помогу?

Стрѣлкунчиковъ разсмѣялся.

Нѣтъ, я не шучу... говорю помогу, такъ помогу, только я дамъ совѣтъ, а дѣло дѣлать ты долженъ самъ. Ты говоришь дѣльно, надо чтобы на тебя обратили вниманіе, но если хочешь, чтобы съ тобой заговорили—надо говорить самому; нѣтъ — будутъ мычать и больше ничего.

— Хорошо тебѣ болтать—говори, а попробуй-ка заговори...

— И попробуй... теперь слушай серьезно: ты когда то въ гимназіи, помнится, довольно недурно писалъ, за сочиненія получалъ хорошія отмѣтки; на службѣ совсѣмъ забросилъ это дѣло?

— Разумѣется, когда же писать? Надоѣдаетъ и въ департаментѣ...

— Глупо. Ну, а если бы пришлось написать что нибудь большое, можно... а?

Шурочка задумался.

— Я полагаю, отвѣчалъ онъ.

— Отлично, вотъ въ чемъ дѣло: сколько ты не шаркай ножкой передъ твоимъ директоромъ, сколько ни прибѣгай ко всѣмъ вашимъ избитымъ департаментскимъ пріемамъ добиваться расположенія начальства, толку не будетъ; дѣлаютъ это всѣ и ничего ты этимъ не достигнешь... надо придумать что нибудь по сильнѣе; надо, чтобы твой олимпіецъ былъ огорошенъ новопроявленнымъ талантомъ у него въ департаментѣ, надо, чтобы ты показалъ себя во всемъ блескѣ, а для этого ты напиши большую пьесу.

— Пьесу? какую пьесу? я никогда не пробовалъ сочинять даже маленькаго водевиля, а ты вдругъ—большую пьесу...

— Э... мой другъ, не боги горшки обжигаютъ, ничего, больше храбрости, кто нынче не сочиняетъ? Напиши и ты, вотъ и все. Я скоро уѣду и въ Петербургъ вернусь къ осени, буду играть въ Х... театрѣ, а твою

пьесу поставлю въ свой бенефисъ... Посуди самъ: мы этимъ дѣломъ сразу двухъ зайцевъ поймаемъ: ты получишь извѣстность, деньги, начальство оцѣнитъ талантъ и тебя выдвинетъ, а я сорву полный сборъ... въ этомъ я убѣжденъ; ты живешь въ Петербургѣ всю жизнь, у тебя масса знакомыхъ, сослуживцевъ—всѣ придутъ на первое представленіе, дѣло смотришь и сдѣлано — сборъ полный, стоитъ только написать на афишѣ „пьеса Александра Стрѣлкунчикова"—одно жаль: фамилія твоя немного подгуляла—Стрѣлкунчиковъ!—смѣшно, что то въ родѣ Щелкунчика...

— Перестань, поговоримъ лучше о дѣлѣ. Ты думаешь пьеса произведетъ желанное дѣйствіе?

— Еще бы, только надо написать что нибудь изъ чиновничьей жизни, такихъ пьесъ не много; а въ чиновничьемъ городѣ она возбудитъ большой интересъ.

— Что же писать, комедію или драму?

— Все равно, начни писать драму—не выйдетъ, передѣлай въ комедію, а начнешь комедію, будетъ мало смѣшно—перекрой въ драму, словомъ только начни, а тамъ видно будетъ, нынче всѣ такъ дѣлаютъ... Въ пьесѣ надо вывести своего начальника въ довольно благодушномъ видѣ, хотя и указать на нѣкоторые его недостатки; онъ, увидя намеки, пойметъ, что съ тобой надо считаться, и карьера въ департаментѣ совершенно обезпечена...

— Все таки, я думаю, начальство не ловко выводить на сцену, вдругъ обидится, еще бѣду наживешь...

— Вздоръ, говорю тебѣ, повѣрь, Шура, вѣдь мы съ тобой старые товарищи, зла тебѣ не пожелаю.

— Боюсь... вообще весь твой планъ хоть и хорошъ, да смѣлъ... не вышло бы худо...

— Брось, чего бояться! будешь трусить—всю жизнь останешься на послѣднемъ планѣ. Посмотри какое теперь время наступило—кто по нахальнѣе, да по смѣлѣе—тотъ и въ выигрышѣ... мода на „молчалиныхъ" давно прошла, не слушать же мычанье всю жизнь, надо дѣлать что нибудь болѣе серьезное... впрочемъ, ты подумай, я къ тебѣ дня черезъ два-три зайду, съ недѣлю я здѣсь пробуду и до моего отъѣзда надо все рѣшить... а теперь, прощай, мнѣ пора.

Товарищи разстались.

Шурочка вышелъ на улицу. Домой идти ему не хотѣлось; дождь пересталъ и теплый апрѣльскій вечеръ спустился на землю. Въ воздухѣ стояла полная весна.—Шурочка пошелъ безцѣльно бродить по улицамъ. Въ

головѣ его роилась масса новыхъ мыслей, надеждъ, плановъ...

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ Базаряниновъ правъ, думалъ онъ, чѣмъ мы всѣ занимаемся? пишемъ бумаги по предыдущимъ примѣрамъ, шаркаемъ ножкой, цѣлуемъ ручки, дѣлаемъ визиты, ѣздимъ обѣдать и въ театръ, скучаемъ на вечерахъ, увѣряя, что намъ весело— вотъ и все; онъ правъ, надо создать что нибудь крупное, чтобы обратить на себя вниманіе. Положимъ, директоръ узнаетъ, что я исполнилъ бумагу, что же въ томъ толку? Завтра то же сдѣлаетъ другой, третій, какая разница? а если я напишу пьесу, тогда всѣ они поймутъ, что я могу имѣть иниціативу, самостоятельно разработать большое дѣло, а не писать пустячки при помощи примѣрныхъ бумаженокъ... Они поймутъ, что мнѣ душно въ нашихъ отдѣленскихъ стѣнахъ, мнѣ надо большую дорогу, я призванъ стоять во главѣ... воображаю какъ всѣ въ департаментѣ удивятся, прочитавъ афишу съ моимъ именемъ, будутъ завидовать... а спектакль, полная зала, крики браво, автора... я выйду — крики усилятся... я раскланиваюсь... на другой день похвалятъ въ газетахъ, поздравленія на службѣ, наконецъ, пріѣдетъ Удинцевъ, утромъ онъ, конечно, прочитаетъ объ успѣхѣ пьесы, призоветъ меня къ себѣ, поздравитъ, скажетъ, что не зналъ про такой талантъ своего подчиненнаго, припишетъ моей похвальной скромности, что я нигдѣ о себѣ ничего не говорилъ, пообѣщаетъ въ самомъ скоромъ времени устроить мое положеніе сообразно моему дарованію, способностямъ, словомъ, карьера обезпечена—и все это скоро, скоро—7—8 мѣсяцевъ и желанное, ожидаемое будетъ дѣйствительностью...

Шурочка чувствовалъ себя хорошо, сердце его радостно билось...

— Да, рѣшено! я напишу пьесу...

Онъ посмотрѣлъ на часы: было десять часовъ вечера; онъ взялъ извозчика и поѣхалъ на открытіе сада „Неметти".

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Шурочка усердно занялся исполненіемъ своего плана: обдумалъ тему для будущей пьесы и принялся за работу.

— Базаряниновъ увлекается, разсуждалъ онъ, нигдѣ не служа легко говорить: у тебя въ департаментѣ типы

подъ рукой — возьми фабулу, вклей живыхъ лицъ, и дѣло сдѣлано. Все это, хорошо въ теоріи, а на практикѣ выйдетъ иначе. Развѣ можно Ивана Петровича вывести въ смѣшномъ видѣ? Онъ не испугается, что-бы я про него ни сказалъ... чего ему меня бояться—онъ директоръ, а я помощникъ помощника... нѣтъ, это не удобно, надо поступить иначе, такъ сказать, тоньше, политичнѣе: въ лицѣ директора слѣдуетъ вывести типъ во всемъ діаметрально противоположный Ивану Петровичу, напримѣръ Иванъ Петровичъ высокій ростомъ, очень худощавъ, носитъ бороду, брѣетъ усы, лысый, а я вставлю помѣтку, что выводимый мною долженъ быть очень толстъ, возможно маленькаго роста, бороду брѣетъ, носитъ усы, волосы гладко обстрижены; соотвѣтствующія замѣчанія можно вставить въ текстъ пьесы... Начальника моего отдѣленія и вообще лицъ нужныхъ, имѣющихъ значеніе, надо также сдѣлать не похожими... относительно Ивана Петровича слѣдуетъ упомянуть всѣ его привычки, сказать, что онѣ естественно-присущи всякому выдающемуся государственному дѣятелю... напримѣръ, онъ не пропускаетъ представленія ни одной новой скабрезной французской пьесы—слѣдуетъ сказать, что легкая французская пьеса освѣжаетъ утомленный государственными дѣлами умъ... Иванъ Петровичъ любитъ играть въ винтъ по пятидесятой—слѣдуетъ сказать, что винтъ вообще занятіе не для глупыхъ, въ одно и то же время служитъ развлеченіемъ и гимнастикой для ума, заставляя его легко, безъ особаго труда, работать иногда надъ сложнымъ вопросомъ о розыгрышѣ какой нибудь мудреной партіи... затѣмъ можно прибавить, что играютъ въ винтъ порядочные люди не по очень маленькой—что заставляетъ относиться къ игрѣ съ должнымъ вниманіемъ и не по очень крупной—тогда интересъ самого процесса розыгрыша стушевывается предъ результатомъ игры... самое лучшее играть по пятидесятой—это удовлетворяетъ обоимъ требованіямъ... затѣмъ Иванъ Петровичъ строго приказалъ, если являются къ нему дамы, въ особенности, кажется этотъ приказъ наблюдается относительно хорошенькихъ, — чтобы курьеръ тотчасъ же становился у дверей и никого, пока та не выйдетъ, не впускалъ къ нему въ кабинетъ — это можно объяснить изысканной любезностью начальника къ робкимъ, конфузливымъ посѣтительницамъ, которыхъ стѣсняютъ появленія чиновниковъ во время разговора, и подобное запрещеніе только характеризуетъ внимательно—заботливое отношеніе начальства къ нуждамъ

стороннихъ людей... Объ остальныхъ также надо говорить мягко, отдавая должное качествамъ и совершенно сглаживая ихъ недостатки.

Шурочка былъ очень доволенъ всѣми этими соображеніями, не разъ говорилъ, указывая на свою голову:

— Честное слово, не одинъ Шенье имѣлъ право указывать на свою голову, говоря, что тамъ онъ имѣетъ что-то *).

Шурочка рѣшилъ написать драму.

— Легкія пьесы критики всегда почему то бранятъ, считая ихъ чѣмъ то неопредѣленнымъ, созданнымъ, чтобы увеселять и заставлять хохотать, да и сама публика боится хвалить веселую комедію, боится сознаться, что это ей нравится, доставляетъ удовольствіе... сколько разъ мнѣ самому приходилось наблюдать, напримѣръ, въ Михайловскомъ театрѣ, я помню въ „La dame de chez Maxim“, когда La Mome Crevette поетъ скабрезные куплеты или танцуетъ канканъ—театръ дрожитъ отъ рукоплесканій, всѣ лица сіяютъ удовольствіемъ, а въ антрактѣ публика ходитъ насупившись, съ негодованіемъ знакомые обращаются другъ къ другу:—„какая чепуха, можно ли ставить подобную глупость!“ Года четыре тому назадъ—скабрезная пьеса „Le paradis“ выдержала цѣлый рядъ представленій, дала дирекціи столько полныхъ сборовъ, сколько не дали за весь сезонъ всѣ серьезныя пьесы взятыя вмѣстѣ; публика ломилась въ театръ, а при встрѣчѣ другъ съ другомъ знакомые считали долгомъ бранить пьесу... У насъ такъ принято; попробуйте смѣло сознаться, что вы пришли на представленія „Monsieur chasse“ „Hotel du libre echange“ и т. д. затѣмъ, чтобы весело провести три-четыре часа; васъ засмѣютъ, единогласно станутъ удивляться испорченности вкуса; у насъ всѣ ходятъ въ театръ, когда даютъ подобныя пьесы, хорошо знаютъ зачѣмъ идутъ, но увѣряютъ, что не знали содержанія пьесы, хотя бы она шла десятки разъ и была подробно разсказана во всѣхъ газетахъ, иначе ни за что бы не пошли и всѣ дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ этимъ словамъ, считаютъ долгомъ бранить и пьесу и автора... вѣроятно это требуетъ воспитаніе и хорошій тонъ.

— Мнѣ все равно часто ли будутъ давать мою пьесу, надо только чтобы ее похвалили и хвалили громко,

---

*) На мѣстѣ казни Шенье ударилъ себя въ голову и сказалъ: „pourtant j'avais quelque chose là“.

Прим. автора.

указывали на ея достоинство, на глубину мысли что ли, а тамъ, въ душѣ, что каждый подумаетъ, будетъ-ли она давать сборы или нѣтъ, сколько разъ ее сыграютъ, не все ли равно? Наконецъ, если снимутъ съ репертуара за отсутствіемъ сборовъ, газеты начнутъ кричать, что дирекція потакаетъ испорченнымъ вкусамъ публики, ставитъ всякія пошлости лишь бы заполучить полный сборъ, а пьесы, являющіяся школой, столь нужной для нашей публики, представляющія отрадное явленіе при теперешнемъ оскуденіи, какъ, напримѣръ, моя, сдаются въ архивъ, забываются, вслѣдствіе ошибочно понимаемыхъ цѣлей и задачъ театра.

Исходя изъ этихъ соображеній Шурочка къ сентябрю написалъ драму въ четырехъ актахъ и передалъ ее на разсмотрѣніе вернувшагося Базарянинова. Свои занятія онъ сохранялъ въ большой тайнѣ.

— Неожиданное появленіе афишъ съ моимъ именемъ еще больше усилитъ эфектъ, думалъ онъ, воображаю, что заговорятъ въ департаментѣ... Стрѣлкунчиковъ то каковъ, а? отличился, написалъ драму, а написать драму это не то, что какой нибудь фарсъ или водевиль.... многіе обозлятся, станутъ завидовать и все это до представленія... а послѣ.... успѣхъ.... газеты....

Шурочка жмурилъ глаза, нервно вздрагивалъ всѣмъ туловищемъ, сладостно предвкушая будущіе успѣхи и счастливыя минуты.

IV.

Базарянинов прочиталъ пьесу и нашелъ ее порядочно бездарной.

— Впрочемъ, думалъ онъ, одинъ сборъ дастъ—въ чиновничьемъ городѣ, пьеса изъ чиновничьей жизни, да еще чиновникомъ написана, а затѣмъ чэртъ съ ней, будетъ она имѣть успѣхъ или нѣтъ, не все ли мнѣ равно?

Онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, потребовалъ, какъ это всегда бываетъ, нѣкоторыхъ измѣненій, въ особенности настаивалъ на усиленіи эфектовъ выигрышныхъ мѣстъ своей роли; Шурочка исполнилъ всѣ указанія, представилъ пьесу въ цензурный комитетъ и вскорѣ получилъ разрѣшеніе на постановку.

До бенефиса Базарянивова оставался мѣсяцъ, что Шурочкѣ казалось вѣчностью.

Недѣлю спустя Шурочка утромъ, въ одной изъ тѣхъ газетъ, которыя всѣ читаютъ, но, по принятому обычаю,

увѣряютъ, что не берутъ и въ руки, увидѣлъ слѣдующія строки, какъ громомъ его поразившія:

„12 Декабря въ *** театрѣ состоится бенефисъ г. Базарининова, который выбралъ для своихъ артистическихъ именинъ новую пьесу начинающаго писателя А. Стрѣлкунчикова, подъ названіемъ „Чиновничьи дебри". Пьеса возбуждаетъ особый интересъ тѣмъ, что, какъ говорятъ, въ ней живо выведенъ нашъ чиновный міръ, столь близко знакомый автору. Нѣтъ сомнѣнія, что публика заинтересуется новинкой и театръ въ бенефисъ г. Базарянинова будетъ полонъ".

Шурочка нѣсколько разъ перечиталъ замѣтку.

— Начинается, думалъ онъ...

Въ этотъ день онъ съ особеннымъ волненіемъ пошелъ въ департаментъ.

— Тамъ навѣрно, всѣ уже читали ... воображаю, какъ удивились, впрочемъ иные, разумѣется, не повѣрили, что авторъ пьесы я, подумали—однофамилецъ.

Шурочка вошелъ въ учрежденіе.

Швейцаръ всталъ, отложилъ въ сторону газету, въ которой было напечатано извѣстіе о пьесѣ и поздоровался.

— Здравствуйте, особенно привѣтливо отвѣтилъ Шурочка, читаете?

— Да-съ приходится...

— Ну, что сегодня вычитали, нѣтъ ли чего интереснаго? ласково продолжалъ Стрѣлкунчиковъ.

— Нѣтъ, да я не знаю-съ, что для васъ можетъ быть интересно-съ....

— Этотъ еще не дочиталъ или не догадался.

Шурочка поднялся во второй этажъ и вошелъ въ большую комнату, гдѣ сидѣло нѣсколько чиновниковъ.

— А, а, Александръ Семеновичъ, привѣтствовали его сослуживцы, что это вы, въ писатели попали? отчего вы никогда о своихъ трудахъ не говорили? или насъ всѣхъ вывели въ каррикатурѣ, такъ не хотѣли раньше времени эфекта нарушить?

Къ Шурочкѣ подходили вновь являющіеся, всѣ съ любопытствомъ его оглядывали, какъ будто видѣли въ первый разъ или явился онъ къ нимъ въ какомъ нибудь особенномъ образѣ, а не приходилъ какъ и другіе, ежедневно. Его распрашивали о содержаніи пьесы, кто будетъ играть, когда первое представленіе и т. д.

— Везетъ же вамъ, говорили чиновники... писатель, начальство обратитъ вниманіе, отличитъ, а кромѣ того, поспектакльная плата, возможность ходить за кулисы,

въ уборныя, присутствовать на репетиціяхъ, ухаживать за актрисами, такъ сказать, по дѣламъ службы, развѣ не счастливецъ? есть чему позавидовать.

— Вы, Александръ Семеновичъ не вѣрьте имъ, таинственно говорилъ Стрѣлкунчикову, отведя его въ сторону, старый канцелярскій Охременко—за пять минутъ до вашего прихода, они совсѣмъ не то говорили... Борисъ Сергѣевичъ прямо сказалъ, что это Стрѣлкунчикову мало показалось писать глупости въ департаментѣ, такъ дома еще началъ, а Левъ Петровичъ, тотъ сказалъ про васъ, что молъ — „поѣхала кума невѣдомо куда"—и гдѣ ему съ его пѣтушинымъ умомъ пьесы писать, не умѣетъ толкомъ ни одной бумаги исполнить, а тоже драму; послѣ этого наши курьеры станутъ писать поэмы, да еще гекзаметромъ, а Николай Петровичъ, тотъ... но Шурочка его не слушалъ и отошелъ въ сторону.

— Ça commence, думалъ онъ, а все зависть; мнѣ кажется, что они съ удовольствіемъ растерзали бы меня и клочья бросили на съѣденіе дикимъ звѣрямъ...

Черезъ полчаса пришелъ начальникъ отдѣленія. Шурочка пошелъ къ нему въ кабинетъ съ какой-то бумагой.

— Здрасьте... привѣтствовалъ онъ вошедшаго... читалъ... Ну, что-жъ? нынче всѣ пишутъ... дай Богъ и вамъ... увидимъ, сказалъ онъ глубокомысленно и принялся за работу.

— И этого тоже пробрало, подумалъ Шурочка, видно понялъ, что скоро я буду сидѣть на его креслѣ!..

V.

Наступилъ день перваго представленія пьесы „Чиновничьи дебри".

Шурочка съ утра былъ чрезвычайно взволнованъ; между прочимъ его очень занималъ вопросъ, какъ одѣться для театра?

— Надѣть фракъ—не годится: всѣ будутъ въ сюртукахъ; это пожалуй станетъ походить на извѣстный mauvais genre подносить свои сочиненія въ роскошномъ переплетѣ или дарить свою карточку въ богатой рамкѣ, да кромѣ того, на вызовы выйти во фракѣ — значитъ показать, что ихъ ожидаешь, а это обстоятельство явится признакомъ нескромности, что не хорошо...

Послѣ продолжительнаго размышленія—Шурочка рѣ-

шилъ надѣть сюртукъ, черные брюки съ красноватой искрой—болѣе свѣтлыя явились бы признакомъ нѣкотораго вольнодумства и, пожалуй, знакомъ непочтенія къ начальству, которое хотѣло прибыть въ театръ. Галстухъ былъ выбранъ темнокоричневый съ небольшими зелеными точками.

— Какую взять шляпу?.. когда я буду выходить раскланиваться съ публикой вмѣстѣ съ актерами—шляпа не нужна, придется держаться за руки, а вдругъ станутъ кричать: автора solo!

Шурочка не могъ не удержаться отъ самодовольной улыбки при этой мысли.

— Съ пустыми руками вообще трудно красиво поклониться, въ особенности со сцены, при не совсѣмъ спокойномъ состояніи духа...

Въ концѣ концовъ онъ остановилъ свой выборъ на барашковой шапкѣ, что и къ сюртуку идетъ и удобно держать въ рукахъ.

Часа за четыре до спектакля пріѣхалъ Базаряниновъ.

— Поздравляю, дружище, говорилъ онъ Стрѣлкунчикову, тряся его руку, я не ошибся въ расчетѣ — всѣ билеты проданы, я сейчасъ изъ театра... пойми ты, есть чему радоваться, вѣдь полный сборъ.

— Это тебя надо поздравить, скромно, но не безъ достоинства отвѣчалъ Стрѣлкунчиковъ, я почти не сомнѣвался, что мое имя, Шурочка поправилъ булавку на пластронѣ, сдѣлаетъ сборъ, меня гораздо болѣе интересуетъ не матеріальный, а литературный успѣхъ вечера...

— Однако, ты, братъ, о себѣ уже успѣлъ составить мнѣніе... а меня, говоря откровенно, интересуетъ только матеріальный, потому что деньги альфа и омега всякому дѣлу, а будетъ ли успѣхъ литературный, нравственный или еще какой тамъ придумаютъ люди съ толстымъ бумажникомъ, мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла.

— Ты очень эгоистиченъ, только и думаешь о себѣ.

— Нѣтъ, голубчикъ, на этотъ разъ, ты ошибся, я и для тебя постарался: скажемъ откровенно, пьеса—порядочная чепуха, раза два-три сыграемъ не больше, а я довольно твердо выучилъ роль, заказалъ, спеціально для тебя, новый вицъ-мундиръ для втораго дѣйствія... чего тебѣ еще... да не сердись, экій ты какой, вѣдь хуже, если кричать—геніальная вещь, а она пройдетъ безъ хлопка... брось думать о фурорѣ, будешь ожидать слишкомъ многаго,—дѣйствительность, какъ бы она ни была хороша, никогда не удовлетворитъ... Однако, про-

щай, поѣду купить еще два галстуха къ 3-му и 4-му актамъ... опять для тебя, а ты говоришь—эгоистъ...

Базаряниновъ уѣхалъ. Шурочка пришелъ въ мрачное настроеніе духа...

— Что за вздоръ онъ болтаетъ, пьеса—чепуха, зачѣмъ же было ставить... чепуха—такъ не бери, я не навязывался, самъ просилъ, читалъ, указывалъ, исправлялъ... впрочемъ дѣйствительно лучше ожидать меньшаго... хотя я знаю, часть, даже большая часть очень и очень не дурна—въ особенности сцена въ департаментѣ прямо—жизнь, натура.

Шурочка на-скоро, безъ аппетита, пообѣдалъ, приказалъ человѣку завтра утромъ купить по нумеру всѣхъ газетъ, какія только найдутся у газетчика и поѣхалъ въ театръ, куда прибылъ въ началѣ восьмаго. До спектакля оставался часъ времени.

VI.

Шурочка смотрѣлъ сквозь маленькое отверстіе въ занавѣси на публику, которая уже почти наполнила залъ.

— Всѣ, какъ есть всѣ департаментскіе, думалъ онъ,—вотъ и Стрижинцевъ даже со своей благовѣрной, далѣе Стариковъ разговариваетъ съ Гранинымъ, въ ложѣ сидятъ Картеревы, а этотъ подлецъ скупой Агранцевъ идетъ въ десятый рядъ, жаль нѣсколькихъ рублей истратить, чтобы сѣсть ближе, вотъ и Степанъ Артамоновичъ, Иванъ Федоровичъ—всѣ другъ съ другомъ здороваются, улыбаются, пожимаютъ плечами...

— Господа, раздался голосъ режиссера,—сейчасъ начинаютъ... прошу удалиться со сцены, кто не занятъ въ первомъ явленіи...

— Ну, будь что будетъ, подумалъ Стрѣлкунчиковъ и вышелъ за кулисы.

Занавѣсъ подняли, спектакль начался. Въ третьей сценѣ вышелъ Базаряниновъ. Его встрѣтили аплодисментами. Публика, казалось, внимательно слушала пьесу. Актеры играли не важно и почти совсѣмъ не знали ролей. Шурочка, держа въ рукахъ экземпляръ, слѣдилъ за пьесой, выходилъ изъ себя, часто слыша со сцены совсѣмъ не то, что было въ оригиналѣ.

— Подлецы, шепталъ онъ,—зачѣмъ же писать слова, когда ихъ не учатъ, не проще ли, при такихъ обстоятельствахъ, говорить прямо, что въ такой-то сценѣ, такія-то дѣйствующія лица говорятъ о томъ-то, можно

даже написать два-три характерныя выраженія, которыя должны быть заучены, писать остальное безполезный непроизводительный трудъ, все равно ролей не учатъ, говорятъ своими словами одну мысль, да и то часто ее искажая... трудно публикѣ по той пьесѣ, которую играютъ актеры, судить о настоящей, написанной авторомъ... опять Сѣденко пропустилъ; указывалъ я ему на репетиціи, обратите вниманіе на эту фразу, а онъ ее забылъ сказать... просто хоть не слушай ..

Шурочка съ досадой смялъ тетрадь и ушелъ въ глубину сцены...

— Что, волнуетесь? подошелъ къ нему режиссеръ.

— Помилуйте, какъ же не волноваться, чортъ знаетъ что говорятъ, какъ играютъ... никто не знаетъ ни ролей, ни мѣстъ на сценѣ... Это положительно не моя пьеса.

— Вы очень требовательны...

— Какъ, я требователенъ? Я хочу только одного, чтобы говорили то, что я написалъ, передавали бы мои слова, а не всякій вздоръ, который взбредетъ въ голову... Когда я говорилъ вамъ на репетиціяхъ, что ролей никто не знаетъ, что вы отвѣчали?—не безпокойтесь, вы еще неопытный авторъ, новичекъ въ театральномъ дѣлѣ, у актеровъ принято на репетиціяхъ учить роли, такъ легче запоминается, увидите, что будетъ на генеральной... Когда настала генеральная, вы увѣряли, что по ней судить нельзя, что она сходитъ всегда хуже остальныхъ, къ спектаклю всѣ подтянутся, подзубрятъ, совѣтовали быть спокойнымъ, а вышло что? что вышло, говорите мнѣ...

— Не горячитесь, голубчикъ, не требуйте невозможнаго, актеры—люди, играемъ двѣ, а то три новыхъ пьесы въ недѣлю, гдѣ же успѣть на зубокъ выучить роль, посудите сами...

— Что судить, какое мнѣ дѣло до другихъ пьесъ, я хочу, чтобы къ моей отнеслись какъ слѣдуетъ, лучше бы учили роли, срепетовали какъ слѣдуетъ, такъ меньше пришлось бы ставить новыхъ...

Дѣйствіе окончилось. Въ залѣ раздались довольно жидкіе аплодисменты. Занавѣсъ поспѣшили поднять, актеры вышли раскланиваться съ публикой. Шурочка подошелъ къ кулисамъ. Нѣсколько голосовъ робко пробовали вызвать автора, но умолкли, не будучи никѣмъ поддержаны... Занавѣсъ упалъ.

— Вотъ они, товарищи-то, подумалъ Шурочка, —нѣтъ чтобы поддержать, они рады потопить; а какъ всѣ объ-

щали: мы—поддержимъ, свой вѣдь вы, честь вѣдомства; все на словахъ, на дѣлѣ хоть бы кто-нибудь...

Послѣ второго дѣйствія аплодисменты были еще жиже, занавѣсъ не рѣшили поднять, чей-то голосъ громко крикнулъ: автора, но былъ заглушенъ довольно внушительнымъ шиканьемъ.

— Плохо дѣло, обратился Базарянииовъ къ Стрѣлкунчикову,—чортъ знаетъ какая непріятность, я поручилъ поднести себѣ вѣнокъ я мой, помнишь, серебряный портсигаръ, а тутъ какъ на зло ни одного вызова, и все ты виноватъ, написалъ драму, чортъ тебя дернулъ, говорю—пиши фарсъ, кому нужны твои драмы...

Третье дѣйствіе имѣло нѣкоторый успѣхъ; раздались довольно дружные вызовы Базарянинова, которому капельмейстеръ передалъ взятый бенефиціантомъ на прокатъ вѣнокъ изъ искусственныхъ лавровыхъ листьевъ и его же, съ иниціалами, портсигаръ. Попытка вызвать автора не увѣнчалась успѣхомъ.

Шурочка грустно сидѣлъ за кулисами. Третье дѣйствіе было гвоздемъ пьесы, на него онъ возлагалъ главныя надежды, теперь же считалъ дѣло проиграннымъ и дѣйствительно послѣдній актъ, какъ говорится, прошелъ безъ хлопка. По окончаніи пьесы Шурочка, быстро, ни съ кѣмъ за кулисами не прощаясь, поднявъ воротникъ пошелъ на подъѣздъ.

Оставался еще водевиль, но публика расходилась.

— Ну, и чепуха же, услышалъ онъ разговоръ рядомъ съ собою,—много я видѣлъ драмъ на своемъ вѣку, а такой не часто встрѣчалъ...

Въ другомъ мѣстѣ господинъ въ бобровой шапкѣ говорилъ господину въ барашковомъ пальто, что авторъ какой-то ученикъ, который ни жизни, ни сцены не знаетъ, что подобную пьесу не слѣдовало бы позволять ставить, господинъ же въ барашковомъ пальто отвѣчалъ, что отсутствіе знанія жизни и сцены еще не очень большія бѣды и если авторъ молодъ, то это со временемъ поправимо, а по его мнѣнію, авторъ круглая бездарность, которому слѣдуетъ улицы булыжникомъ мостить, а не пьесы писать.

Изъ дверей вышла группа сослуживцевъ Стрѣлкунчикова.

— Н—да, господа, скандалъ-то вышелъ форменный, доложу я вамъ, да и немудрено, синица море сжечь захотѣла... а тоже, какъ кричалъ, приходите, моя пьеса, я авторъ, я написалъ...

— Лучше бы бумаги исполнялъ какъ слѣдуетъ, ска-

залъ начальникъ отдѣленія, не умѣетъ написать ни строчки, а тутъ вздумалъ пьесу, драму.... другихъ учить уму разуму захотѣлъ, въ писатели полѣзъ....

— Съ вами слѣдовало бы посовѣтоваться, обратился къ начальнику отдѣленія молодой человѣкъ, причисленный къ департаменту, ждущій вакансіи,—передъ тѣмъ какъ выступать съ пьесой, вы человѣкъ опытный, могли бы сдѣлать многія цѣнныя указанія...

— Даромъ только вечеръ пропалъ, перебилъ другой, зналъ бы лучше поѣхалъ къ Кулешевымъ въ винтъ играть, у нихъ сегодня журъ-фиксъ,

Стрѣлкунчиковъ еще выше поднялъ воротникъ и быстро пошелъ. Машинально пробродилъ онъ часа два по улицамъ, наконецъ усталый физически и нравственно вернулся домой, выпилъ стаканъ вина и едва раздѣвшись бросился на кровать.

Въ двѣнадцатомъ часу дня его разбудилъ Дмитрій, принеся ворохъ газетъ, при взглядѣ на нихъ у Шурочки болѣзненно сжалось сердце...

— Боже мой, подумалъ онъ, что то въ нихъ написано... изругаютъ и вдоль и поперекъ, на всѣ корки, а сиди да молчи, не могу же я сказать всѣмъ, или написать, что ужъ не такъ я виноватъ, что ролей, никто не зналъ, что пьеса, представленная вчера и пьеса, мною написанная—далеко не одно и тоже.

Онъ развернулъ газеты и началъ читать: вчера въ 1-й разъ въ бенефисъ г. Базарянинова въ *** театрѣ была представлена новая пьеса г. Стрѣлкунчикова „Чиновничьи дебри". Дебри эти оказались непроходимыми для здраваго смысла.

Шурочка смялъ газету, откинулъ ее въ сторону, взялъ другую: вчера началъ онъ читать, это я знаю,—далѣе... а вотъ „пьеса оказалась слабой, автору не удалось вывести цѣльныхъ типовъ, вышли однѣ каррикатуры. Едва ли подобные персонажы существуютъ на свѣтѣ, хотя, говорятъ, что г. Стрѣлкунчиковъ писалъ съ натуры, вывелъ хорошо знакомый ему міръ...

— Этого еще не доставало, вскрикнулъ Шурочка, я, напротивъ, старался выводить не похожихъ на извѣстныхъ мнѣ лицъ, а говорятъ, что я вывелъ ихъ самихъ... Еще въ департаментѣ обидятся въ довершеніе всѣхъ бѣдъ...имѣй пьеса большой успѣхъ всѣ бы молчали, а теперь создадутъ и то, чего нѣтъ...

VII.

Два дня Шурочка не являлся на службу, ожидая, чтобы въ департаментѣ улеглось первое впечатлѣніе, наконецъ, рѣшилъ идти. По дорогѣ встрѣтился Базарянинов.

— Плохо дѣло, обратился онъ къ неудачному автору, пьесу болѣе не повторять, говорятъ сбора не сдѣлаетъ... впрочемъ я предупреждалъ тебя, надо было серьезнѣе отнестись къ работѣ.

— Серьезнѣе то не мнѣ надо было.... а если вещь такъ плоха—зачѣмъ же ставили? отчего ролей какъ слѣдуетъ не выучили?

— Плоха—это еще не причина, чтобы не ставить, мнѣ нуженъ сборъ и я его взялъ... а на счетъ ролей—остальныя пьесы такъ же учатъ—Гоголя и Островскаго всюду въ провинціи играютъ обыкновенно на половину своими словами, а имѣютъ же они успѣхъ?.. да ты не отчаявайся, дальше лучше будетъ, на первый разъ неудача, былъ молодцу не въ укоръ, у кого же бываютъ однѣ только удачи?

— Нѣтъ, слуга покорный, довольно съ меня и одного опыта, порядочно я наслушался да начитался, а что еще впереди...

— Не обращай вниманія, многіе изъ зависти; сами ничего не могутъ сдѣлать, а другихъ ругаютъ; бранить легче чѣмъ дѣло дѣлать, не бранятъ только тѣхъ, кто ничего не дѣлаетъ..

Шурочка, нѣсколько успокоившись, отправился въ департаментъ.

— Васъ директоръ проситъ къ себѣ, сказалъ ему курьеръ въ прихожей.

— Директоръ? развѣ онъ уже здѣсь?

— Сейчасъ пріѣхали-съ, первымъ дѣломъ про васъ спросили-съ, вчера-съ также спрашивали, приказали-съ безпремѣнно, какъ вы пожалуете—сейчасъ же къ нимъ просить-съ.

Шурочка вошелъ въ кабинетъ, уставленный по стѣнамъ шкафами съ толстыми книгами, покрытый темно красным бархатнымъ ковромъ. Его—ство сидѣлъ за огромнымъ столомъ, заваленнымъ дѣлами, книгами и бумагами, спиной къ дверямъ.

Шурочка, прождавъ минутку, тихонько кашлянулъ.—Удинцевъ повернулъ голову, всталъ съ своего мѣста и окинулъ строгимъ взоромъ Стрѣлкунчикова.

— Плохо дѣло, подумалъ тотъ.

— Я васъ нѣсколько дней, нѣсколько разъ, молодой человѣкъ, спрашиваю, васъ никогда нѣтъ на службѣ... не новую ли драму изволите писать?... стыдитесь... вмѣсто того, чтобы трудиться, работать, быть хорошимъ чиновникомъ, вы ничего не дѣлаете, на службу не ходите... Какъ не стыдно писать глупости, позволять себѣ глумиться надъ людьми выше васъ стоящими, у которыхъ слѣдуетъ учиться,которыхъ надо уважать,—наконецъ, какъ я читалъ въ газетахъ и какъ мнѣ говорили лица, которымъ я безусловно вѣрю, вы рѣшились вывести на сцену, въ глупо-каррикатурномъ видѣ даже меня,—директоръ остановился на минуту, сдѣлалъ шагъ къ Стрѣлкунчикову, поправилъ рукой звѣзду на правой сторонѣ вицъ-мундира и повторилъ громко:

— Даже меня!..

— Ваше—ство, пробормоталъ Шурочка, вы не такъ поняли, я не думалъ....

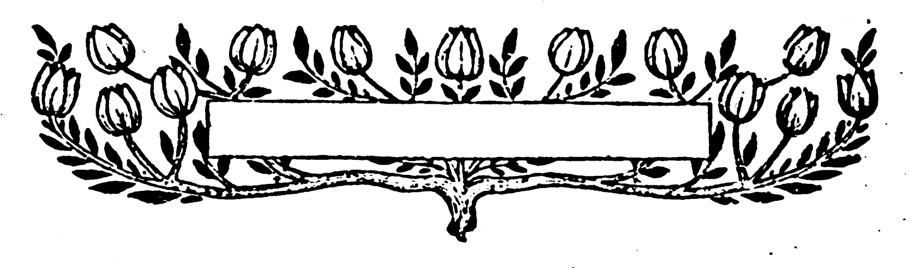
— Вотъ видите, вы утверждаете, что я даже непонимаю, что мнѣ говорятъ.... Я до сихъ поръ всегда все понималъ и это находили люди, до которыхъ вамъ далеко,—директоръ поправилъ рукой звѣзду на лѣвой сторонѣ вицъ-мундира,—вы изволите мнѣ говорить, что я ничего не понимаю. Рано-съ вамъ меня учить...впрочемъ это все равно, я не затѣмъ васъ пригласилъ, вы не маленькій, сами знаете что дѣлаете, на что идете, вы, конечно, сами хорошо сознаете, что вамъ неудобно оставаться въ учрежденіи, гдѣ я имѣю честь служить, послѣ вашей неумѣстной выходки съ пьесой. Я не могу допустить, чтобы подчиненные позволяли себѣ открыто глумиться надъ начальствомъ. Вы подадите мнѣ завтра же прошеніе о причисленіи къ другому департаменту, а черезъ мѣсяцъ уйдете.... я даю вамъ мѣсяцъ для пріисканія мѣста.... видите, я не злопамятенъ и понимаю, что дѣлаю... желаю вамъ всего лучшаго г. писатель.

Директоръ нажалъ кнопку электрическаго звонка. Явился курьеръ.

— Попросите ко мнѣ Петра Степановича.

Шурочка вышелъ изъ кабинета, прошелъ въ прихожую, надѣлъ пальто и направился домой; карьера его въ департаментѣ Пессимистическихъ воззрѣній была окончена.

Сергѣй Сухонинъ.



Memento mori.

I.

Какъ холодно!.. 25 градусовъ мороза и рѣзкій восточный вѣтеръ.

Къ подъѣзду ярко освѣщеннаго дома на набережной застывшей подъ бѣлымъ покровомъ Невы, непрестанно подъѣзжаютъ роскошные экипажи. Дамы и мужчины, закутанные въ дорогіе мѣха, торопливо подымаются по широкой, выложенной коврами лѣстницѣ.

Зеркальныя окна бель-этажа залиты электрическимъ свѣтомъ.—Слышится музыка и мелькаютъ тѣни танцующихъ.

Гости всѣ въ сборѣ;—съѣздъ кончился.

Порывистый вѣтеръ взбиваетъ снѣгъ, подымая вьюгу.

Прильнувъ къ обледенѣвшему граниту набережной стоитъ мальчикъ, лѣтъ десяти. Его дѣтски чистый взглядъ съ удивленнымъ любопытствомъ и инстиктивной завистью устремленъ на освѣщенныя окна. Онъ весь дрожитъ отъ холода, отогрѣвая дыханіемъ посинѣвшія рученки.

Какъ очутился ребенокъ такъ поздно на улицѣ?

Все та-же исторія: отецъ—пьяница, мать—при смерти, окруженная изнуренными голодомъ и холодомъ ребятишками.

Его, старшаго, вернувшись пьянымъ, отецъ выгналъ на улицу, въ ночь и холодъ: „не смѣй возвращаться домой, пока не принесешь денегъ на хлѣбъ! не подадутъ,— украдь!..“ кричалъ извергъ ребенку во слѣдъ.

Просить милостыню!.. Красть!.. Да вѣдь двери и ворота всѣ заперты, а въ такой холодъ улицы пустынны.

Ребенокъ задумался и, какъ будто, о чемъ-то размышлялъ: „Вѣдь въ этомъ богатомъ, освѣщенномъ домѣ есть много богатыхъ людей:- подожду пока они выйдутъ и попрошу у нихъ копеечку...“ Съ разгорѣвшимися глазенками смотритъ онъ на большія, свѣтлыя окна.

Онъ какъ будто не чувствуетъ холода.—Но ножки что-то отяжелѣли;—вѣроятно отъ усталости.—Мальчикъ прижался въ уголокъ подъѣзда, чтобы выждать разъѣзда и копеечку.

Удивительно, онъ будто все еще не чувствуетъ холода.—Прозрачная снѣжная пелена прикрыла вздрагивающее маленькое тѣльце... Онъ уснулъ!—спокойнымъ, мирнымъ, сладкимъ сномъ... долгимъ, спасительнымъ сномъ...

Изъ залитаго свѣтомъ бель-этажа доносятся убаюкивающіе звуки плавнаго вальса... и подъ эти звуки танцуютъ и веселятся.

— Memento mori!

II.

Судьба ему улыбалась.

Отецъ его палъ героемъ на полѣ сраженія; мать, убитая горемъ, сошла въ могилу, вскорѣ за любимымъ мужемъ.—Онъ остался одинъ,—совершенно одинъ, но не одинокимъ: на его долю выпало большое наслѣдство.

Его воспитаніе?—Въ одномъ изъ учебныхъ заведеній для дѣтей дворянъ.

Курсъ пройденъ.—Красивъ, богатъ, превосходно говоритъ по французски и отлично танцуетъ.—Сколько внѣшнихъ качествъ!—Впечатлительный, даже сострадательный,—но истинная душа-разумъ никѣмъ никогда не пробуждалась. Въ обществѣ—повсюду желанный, блестящій юноша,—герой.

Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ получилъ унаслѣдованные милліоны,—имѣлъ много добрыхъ, преданныхъ друзей—и потекла необузданная, беззаботная, безцѣльная, но веселая жизнь. За деньги вѣдь все имѣть можно,—онъ и имѣлъ все.

Все?!

Онъ былъ нищимъ при всемъ своемъ богатствѣ! Несчастнымъ нищимъ!

Безпощадно всевластная природа потребовала отъ него отвѣта; кто дерзнетъ ослушаться ея законовъ,—кто не

чтитъ ея разумныхъ, но строгихъ преградъ земного бытія,—того она бросаетъ на произволъ рока; оступись онъ—и, лишеннаго устоя, его поглощаетъ бездна,—онъ гибнетъ въ неравной борьбѣ.

Усталый... истомленный... пресыщенный...

Пессимизмъ... ненависть... пустое, неудовлетворенное существованіе...

Воля, энергія притуплены.—Слабыя взыванія непробужденной души не находятъ уже отклика въ зачерствѣломъ сердцѣ.—Въ такую минуту онъ собралъ остатокъ силъ своихъ—и застрѣлился.

Memento mori!

III.

Склонивъ сѣдую голову надъ грудою фоліантовъ,—читалъ, мыслилъ, творилъ ученый старецъ. Бремя прожитаго имъ вѣка не томило его; не зная покоя и полный юныхъ силъ работалъ его мощный, пытливый умъ.

Каждый разъ, когда смерть подступала къ нему, старецъ грозно останавливалъ ее: „Жди! мой трудъ еще не конченъ,—еще многое осталось изучить,—онъ посвященъ благу человѣчества!"

Й смерть ждала...

Неустанно творилъ и поучалъ старецъ и зрѣли плоды высокихъ думъ, благотворной росой вновь оживляя забытую душу.—Въ сердца отчаявшихся вселялъ онъ новыя надежды, павшимъ—протягивалъ руку, поучалъ неразсудныхъ, наставлялъ горделивыхъ, озаряя яснымъ, теплымъ лучемъ страждущее человѣчество.

Благодатная, благословенная жизнь.

Пройденъ завѣщанный путь.—За грудой фоліантовъ настигла его смерть и онъ мирно послѣдовалъ за нею съ улыбкой на блѣдныхъ устахъ.

Memento mori!

Максимъ Гольдбергъ.

Зарожденіе Венеціи *).

Очеркъ **П. Мольменти.**

Кому и гдѣ говорить о судьбахъ Венеціи, какъ не вамъ, милостивые государи, и не во Флоренціи,—въ той Флоренціи, которая связана съ городомъ лагунъ еще свѣжими доказательствами симпатій и чувства? — Вы ее знаете, эту Венецію. Но всегда кстати еще разъ напомнить исторію этого венеціанскаго народа, который не ждалъ удачи и успѣха, какъ подачки отъ судьбы, но бралъ все съ бою, храбростью и находчивостью. Венеціанцы окрѣпли подъ мирною сѣнью имперіи византійскихъ кесарей, стали хозяевами огромныхъ портовъ и промышленныхъ предпріятій, подчинили своей власти обширныя провинціи, смирили надменность вельможъ, укротили заносчивость черни, водрузили республиканское знамя на башняхъ императорскаго дворца въ Византіи, стали на стражѣ Италіи противъ невѣрныхъ по вѣрѣ и противъ измѣнниковъ свободѣ, никогда не склоняли своей шеи даже передъ лицомъ наступающаго врага и прошли свой историческій путь то какъ герои, то какъ люди практическаго дѣла, — воины и купцы, государственные люди и поэты, всегда разсудительные, всегда достойные удивленія. О скромномъ возникновеніи этого величія, которое въ античныя времена смѣло могло бы стать рядомъ съ римскимъ, а въ настоящее время съ англійскимъ, я и поведу свою рѣчь. Если же и упомяну о другихъ славныхъ морскихъ республикахъ Италіи, то только съ той стороны, съ которой онѣ имѣютъ какое либо отношеніе къ Венеціи.

Мѣстность, съ одной стороны замкнутая Эчемъ и Тима-

*) Рефератъ, читанный во Флоренціи, во дворцѣ Джинори, передъ избранною аудиторіею.

вомъ, съ другой омываемая сѣвернымъ изгибомъ Адріатическаго залива, закрытая тирольскими и каринтійскими альпами, Римлянамъ была извѣстна подъ именемъ Венеты. Возникновеніе этого города ставятъ въ связь съ Иліономъ въ силу одной традиціи, которая далеко не вся цѣликомъ вымыселъ національной гордости. Она находитъ нѣкоторое подтвержденіе въ стихахъ Энеиды (I, 246). „Eneti" происходитъ отъ греческаго корня и значитъ „достойные похвалы". Но для лѣтописцевъ Венеты было мало благородства сердца. Они полагали, что корень слова „Eneticі" происходитъ отъ слова „Эней" [1]).

Эту область покрывали многолюдные, цвѣтущіе города,— Падуя, Аквилея, Альтино, Верона,—мѣстечки, полныя жизни,—

[1]) Авторъ, какъ итальянецъ, не останавливается на самомъ естественномъ и несомнѣнно славянскомъ корнѣ словъ „венеты" и „Венеція". Венеты, венды — самое употребительное слово для славянъ въ старыхъ рукописяхъ и документахъ. И въ нѣкоторыхъ названіяхъ улицъ и набережныхъ Венеціи замѣтны слабые отзвуки славянства. Такова „Славянская набережная" почти у площади Св. Марка. Въ этомъ блестящемъ рефератѣ Мольменти упоминаетъ между прочимъ о „славянскихъ корсарахъ", которые, какъ нѣкогда римляне сабинянокъ, похитили венеціанскихъ дѣвушекъ. Что это за корсары? И куда увезли они красавицъ Венеціи? Въ одномъ изъ очерковъ того же Мольменти отмѣченъ еще одинъ любопытный и поучительный фактъ. Венеціанскіе синьоры охотно покупали рабынь славянокъ, которыя и въ своемъ зависимомъ положеніи иногда умѣли соперничать съ гордыми венеціанками, законными супругами ихъ новыхъ хозяевъ. Эта любопытная для славянъ страничка проходитъ въ итальянскихъ историческихъ изслѣдованіяхъ незамѣтно, но она несомнѣнно наводитъ на размышленія. Въ жизни и пѣсняхъ южныхъ славянъ на адріатическомъ побережьѣ Венеція играла и теперь играетъ довольно значительную роль. Это, конечно, вполнѣ естественно уже по причинамъ географическимъ. Но мнѣ особенно любопытно то обстоятельство, что воспоминія о Венеціи („венецейскіе гости", городъ „Леденецъ") сохранились и въ русскихъ пѣсняхъ и былинахъ. Правда, это только намеки, но намеки цѣнные какъ для историка, такъ и для романиста, для котораго заманчивы немного туманныя, но колоритныя и оригинальныя картины дальняго прошлаго. Въ описаніи Венеціи у Мольменти останавливаетъ вниманіе еще одна черта. Воинственный и предпріимчивый духъ венецейскихъ гостей прельщаетъ его своею удалью и настойчивостью. Чтобы объяснить его, талантливый итальянецъ останавливается на примѣрѣ современныхъ англичанъ. Какъ ни остроумно это сближеніе само по себѣ, оно все-таки кажется слишкомъ искусственнымъ и во всякомъ случаѣ не служитъ къ чести основателей поэтическаго города лагунъ. У русскаго читателя само собою напрашивается другое сближеніе,—именно съ гостями и ушкуйниками Великаго Новгорода. Въ самомъ дѣлѣ, если выкинуть психологическій смыслъ воинственной предпріимчивости двухъ республиканскихъ общинъ, если присмотрѣться къ формамъ общественнаго и государственнаго строя,— нельзя не замѣтить сходства въ нѣкоторыхъ существенныхъ чертахъ при очевидномъ, конечно, различіи въ подробностяхъ. Если со временемъ найдется историкъ, который соберетъ разрозненныя и отрывочныя данныя по этому вопросу и сумѣетъ создать изъ нихъ законченную картину,—у русскихъ читателей будетъ однимъ побужденіемъ больше, интересоваться историческими судьбами Венеціи, этой царицы Адріатики, этого господина Великаго Новгорода на Адріатическомъ поморьѣ.

Примѣч. переводч.

Атесте, Монселиче, Конкордія, Тревизо, Виченца, Одерцо, Беллюно, Ченеда, Azedo (Азоло). Она занимала мѣсто у восточныхъ воротъ Италіи и поэтому въ V вѣкѣ первою пала подъ напоромъ варварскихъ ордъ, которыя спустились съ Альпъ. Жители, спасаясь отъ этой ужасной катастрофы, искали спасенія тамъ, гдѣ воды верхнихъ итальянскихъ потоковъ, подходя къ морю, останавливаются, застаиваются и превращаются въ лагуны. Но это не создаетъ вредныхъ климатическихъ условій. Лидо, узкая полоса земли, которая отдѣляетъ лагуны отъ моря, во многихъ мѣстахъ изорвано проливами и каналами, которые не задерживаютъ движенія воды. Морской прибой то покрываетъ, то оставляетъ сухими эти илистые наносы, унося прочь всѣ нездоровые отбросы. Здѣсь нѣтъ ничего мрачнаго. Небо, которое не горитъ слишкомъ знойнымъ полуденнымъ блескомъ и не покрыто холодными испареніями сѣвера, глядится въ зеркало водъ и даетъ тѣ волшебныя отраженія, тѣ мягкіе переходы тоновъ, ту гармонію красокъ, которыя воспитали глазъ венеціанскихъ художниковъ. Это были острова не многочисленные и веселые, какъ думаютъ нѣкоторые, — не безлюдные и мрачные, какъ думаютъ другіе, но обитаемые и знакомые морякамъ римской эпохи. Такъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ отрывковъ объ этихъ островахъ у Мелы, Тацита, Плинія, въ „Путевыхъ замѣткахъ“ Антонина, у Эродіана. На двухъ крайнихъ точкахъ этого песчанаго архипелага, защищеннаго водою отъ гнѣва вторгавшагося врага, у котораго не было флота, стояли съ одной стороны Градо, а съ другой Капо д'Арджине.

Кто правилъ этими бѣглецами? Кто руководилъ ими? Поэтическая легенда, какъ отвѣтъ на эти вопросы, сохранена въ одной старой хроникѣ, подъ названіемъ „Altinate“, такъ какъ одинъ изъ анекдотовъ, заключающихся въ ней и записанныхъ до IX вѣка, относится къ Альтино, городу, извѣстному своею торговлею, великолѣпными зданіями, въ числѣ которыхъ былъ императорскій дворецъ, необыкновенною прелестью виллъ, которыя, какъ утверждаетъ Марціалъ, были достойными соперницами виллъ въ Байяхъ: „Aemula Bajanis Altini litora villis“ (Берега Альтино, которые соперничаютъ съ виллами въ Байяхъ).

Первые лѣтописцы Венеты озаряютъ поэтическимъ и религіознымъ сіяніемъ первое мѣсто пребыванія своихъ отцевъ. Всѣ великіе народы, отъ Греціи и Рима, до Венеціи, всегда гордились своимъ легендарнымъ происхожденіемъ. И чѣмъ больше они удалялись отъ своего начала, тѣмъ больше любили прошлое своихъ преданій и не хотѣли довольствоваться скромными и простыми историческими фактами, объясненными вполнѣ откровенно и просто. Они отдавали предпочтеніе неопредѣленной и смутной легендѣ, которая уже въ первыхъ проблескахъ жизни показывала ихъ величіе. Такъ греческіе города свое происхожденіе всегда соединяли съ именами боговъ. Хроника Альтино разсказываетъ, какимъ образомъ

Богъ предупредилъ альтинатовъ и аквилейцевъ о предстоящемъ нашествіи гунновъ. Это случилось въ 452 г. Всѣмъ извѣстно, какъ тѣсно связано происхожденіе Венеціи съ легендою объ Аттилѣ, съ именемъ котораго соединяются всѣ воспоминанія о разрушеніи, крови и грабежахъ. Птицы, которыя гнѣздились на башняхъ Альтино, улетѣли, унося въ своихъ клювахъ своихъ дѣтенышей. Часть гражданъ, которые не могли придумать, гдѣ бы они могли укрыться отъ опасности, послѣ трехдневнаго поста обратились къ Богу съ горячею молитвою, съ просьбою указать имъ, гдѣ лучше спасаться, на землѣ или на корабляхъ. Тогда послышался голосъ: „взойдите на башню и смотрите въ полуденную сторону". Многіе поднялись на башню, увидѣли по сосѣдству нѣсколько острововъ и поняли, что они должны идти туда и поселиться именно тамъ. Толпа гражданъ, во главѣ которыхъ шли трибуны и клиръ, отправилась на баркахъ по лагунамъ и положила основаніе знаменитому Торчелло. Два священника, Геминіано и Мавро, ободряли бѣглецовъ. Люди, смущенные сердцемъ, съ новымъ мужествомъ смотрѣли впередъ и находили утѣшеніе въ видѣніяхъ безконечнаго. Мавру явилось бѣлое облако, изъ котораго вышли два солнечныхъ луча и раздался голосъ Бога, повелѣвающаго построить на этомъ мѣстѣ церковь. За голосомъ Дѣвы Маріи, которая при другихъ обстоятельствахъ дала точно такое же приказаніе, послѣдовало великое чудо: бѣлыя облака разступились и за ними показались цвѣтущія берега, усѣянные народомъ и стадами.

Другіе жители Альтино избрали мѣстомъ своего поселенія Аморіану или Мурано.

Хроника, которая появилась нѣсколько позднѣе Альтинаты, именно хроника Градо, разсказываетъ, что патріархъ Павелъ, возвращаясь съ бѣглецами въ свое прежнее отечество, въ Аквилею, имѣлъ видѣніе, въ которомъ ему было открыто, что лонгобарды въ жестокой ярости разрушили этотъ городъ. Тогда онъ возвратился на Градо, который впослѣдствіи сталъ богатѣйшимъ изъ венеціанскихъ острововъ и резиденціею церковной власти.

Гераклея, населенная почти исключительно аквилейцами и лучшими людьми изъ Опитерджини, стала резиденціею свѣтскихъ правителей.

Бѣглецы изъ Азоло и Фельтре устроились на Эзоло, который позднѣе получилъ названіе Еквиліо по одной породѣ лошадей, которая тамъ водилась.

Тѣ, которые спаслись при разрушеніи Падуи, поселились въ Матемауко, нынѣшнемъ Маламокко.

Населеніе Конкордіи искало убѣжища на островѣ, на которомъ пастухи пасли козъ и который поэтому назывался Капруле, теперь Каорле.

Всѣ эти острова жили блестящею, богатою и веселою жизнью. Тамъ, гдѣ они поднимались, теперь печальная пу-

стыня. То тамъ, то здѣсь валяются обломки и руины. Это осколки прежнихъ вѣковъ, царство запустѣнія и маляріи.

Но до сихъ поръ существуетъ въ несравненной красотѣ искусства и историческихъ воспоминаній Ривоальто, самый скромный изъ всѣхъ островов, который мало по малу слился съ Оливоло, потомъ съ Лупріо, наконецъ съ Гемине и Дорсадуро,—что и составляетъ территорію современной Венеціи.

Энергія, вызванная несчастіемъ, и сила, удвоенная препятствіями, воодушевляютъ эту огромную толпу изъ лицъ, различныхъ по состоянію, по обычаямъ, полу и возрасту. И черезъ 100 лѣтъ послѣ погрома Аттилы, Кассіодоръ живыми красками описываетъ эти острова въ напыщенномъ письмѣ „Къ морскимъ трибунамъ лагунъ",—вѣроятно къ низшимъ готскимъ сановникамъ, которымъ министръ отъ имени короля предписываетъ приготовить корабли для перевозки изъ Истріи въ Равенну вина и молока.

Опытные въ морскомъ дѣлѣ и смѣлые люди не довѣряли морскимъ бурямъ и капризамъ рѣкъ. Они строили свои дома, какъ морскія птицы строятъ свои гнѣзда. Они укрѣпляли землю при помощи фашинника и плотинъ, чтобы задержать разъяренныя волны. Богатые и бѣдные жили въ полномъ равенствѣ. Тамъ не было ни пороковъ, ни зависти. Они соперничали другъ съ другомъ только въ искусствѣ солеваренія и получали отсюда товаръ, который цѣнили выше всѣхъ другихъ продуктовъ и который былъ для нихъ дороже золота.

Это несомнѣнно чарующая картина, хотя министръ Теодорика имѣлъ основаніе нѣсколько прикрасить ее, отчасти по своимъ личнымъ склонностямъ, отчасти потому, что его государю нужно было перевести провіантъ на корабляхъ тѣхъ венетовъ, которые, во всякомъ случаѣ, признавали верховныя права надъ островами—завоевателей Готовъ.

Въ этомъ первомъ историческомъ наброскѣ передъ нами рисуется народъ, возстающій изъ мрака прошлыхъ вѣковъ къ свѣту новой эпохи. Мы видѣли яркую зелень острововъ, которые смотрятся въ блестящее зеркало лагуны. За мутными болотами глазъ отдыхаетъ на волнующемся морѣ. Здѣсь безмятежный міръ вызвалъ въ изгнанникахъ воспоминаніе и сожалѣніе о погибшихъ городахъ, объ утраченномъ прежнемъ блескѣ и о тяжелыхъ первыхъ шагахъ на ихъ новой родинѣ. Шумъ волнъ являлся живымъ отголоскомъ бурной жизни, борьбы, опасностей, славы. Но спокойная меланхолія тихой лагуны не убаюкала этихъ людей, переживших такія скорби, въ безмятежномъ покоѣ. Они бросали смѣлые взгляды вдаль, за свои болота, на зеленое Адріатическое море, ринулись на опасную борьбу съ нимъ и нашли въ немъ свою славу. Борьба и слава — вотъ ихъ девизъ какъ въ прошлыхъ, такъ и въ грядущихъ вѣкахъ.

Энергія этихъ людей всегда поднималась на одинаковый уровень съ новыми затрудненіями и естественными препятствіями. Вся ихъ жизнь ушла на борьбу съ опасностью, на

побѣду, тріумфы надъ нею. Одна и та же страсть поддерживаетъ, возбуждаетъ ихъ и правитъ ими.

За трудовой, напряженной дѣятельностью наступаютъ дни довольства и достатка. Болотистыя поверхности острововъ покрываются землею. Всякій песчаный выступъ, всякій маленькій островокъ заселяется. Проводятся извилистые каналы, строятся пристани и стоянки для барокъ, заводятся соленыя варницы, поднимаются мельницы, выкапываются цистерны, осушаются луга, насаждаются виноградники. Но и въ безопасное убѣжище лагуны доносится эхо битвъ и пораженій, мятежей и борьбы. Въ континентальной Венеціи прежде всего возникаютъ войны между Остъ-готами и византійцами, между византійцами, франками и лонгобардами. Затѣмъ войны патріарха Аквилеи и Градо и венетскихъ епископовъ то съ лонгобардами, то съ византійцами. Возникаютъ столкновенія между папою съ одной стороны, патіархомъ и епископами съ другой. Вскорѣ и въ морской Венеціи миръ былъ нарушенъ.

Первоначальное политическое устройство, правленіе морскихъ трибуновъ, было заимствовано у византійцевъ, верховную власть которыхъ венеты признали, когда они освободились отъ власти Готовъ. Въ числѣ другихъ, болѣе древнихъ источниковъ это подтверждаютъ „*Исторія Готовъ*“ Прокопія, „*Надписи въ Градо*“. отъ VI вѣка, изданныя Филіаси и Момзеномъ, „*Исторія Лонгобардовъ*“ Павла діакона и „*Анналы*“ франка Эгинарда. Когда византійцы потеряли главные города континентальной Венеціи и даже съ острововъ отозвали свои войска, жители острова непосредственно неподчиненные чужой власти, избрали для себя свободное правленіе, состоявшее изъ трибуновъ и имѣвшее военный характеръ.

Когда миновали дни опасности и печали, когда были забыты дни общей бѣды, возникло соперничество между островами болѣе или менѣе важными, между старшими и младшими трибунами. Затѣмъ, когда возникли пограничные споры о правахъ на земельную собственность съ сосѣдними лонгобардами, явилась необходимость поставить надъ островами одного голову, вождя (Dux), котораго народъ на своемъ неотчетливомъ говорѣ называлъ doxe (дожъ),—титулъ, который сохранился навсегда, хотя и съ легкими измѣненіями, и въ языкѣ и въ международныхъ сношеніяхъ. Новому дожу, избираемому на всю жизнь, была предоставлена почти безграничная власть, всѣ подати и военная добыча. Знаки его достоинства—шпага, скипетръ и корона. Онъ былъ судьею въ тяжбахъ и спорахъ. Онъ раздавалъ церковныя бенефиціи; отъ него наконецъ народъ ждалъ благословенія при торжественныхъ собраніяхъ. Но особенно важныя дѣла подлежали разсмотрѣнію общаго совѣта и дожъ не имѣлъ права рѣшать ихъ какъ абсолютный владыка.

Первый дожъ, Паолуччіо Анафесто, въ 697 г. въ общемъ собраніи клира, трибуновъ и выдающихся гражданъ былъ избранъ въ Гераклеѣ, съ согласія греческаго двора или, по крайней мѣрѣ, безъ его противодѣйствія.

Паолуччіо заключилъ съ сосѣдними лонгобардами договоръ,—первый, о которомъ сохранилось воспоминаніе въ венеціанской исторіи. Въ этомъ договорѣ были опредѣлены границы между этими двумя государствами и для обѣихъ сторонъ установлены условія коммерческихъ сношеній.

Условія общественной жизни въ Гераклеѣ слишкомъ не похожи на ту идиллическую картину, которую такъ увлекательно рисуетъ Кассіодоръ. Мы уже показали, какимъ образомъ острова лагунъ стали убѣжищемъ для жителей разрушенныхъ городовъ Альтино, Аквилеи, Падуи, Одерцо, Конкордіи и Виченцы. Значительная часть этихъ бѣглецовъ укрылась въ мѣстности, которая и прежде находилась въ зависимости отъ ихъ первыхъ муниципій; таково, напримѣръ, Градо, которое и прежде входило въ составъ округа Аквилеи. Но другимъ пришлось занимать земли, на которыя ихъ отцы никогда не имѣли никакихъ правъ. На первыхъ порахъ общая бѣда не оставляла возможности точно опредѣлить права каждаго. Бѣдные и богатые, какъ говоритъ Кассіодоръ, жили совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ. Но когда страхъ передъ варварами прошелъ, возникли соперничество и борьба между различными элементами, которые спорили другъ съ другомъ изъ за власти и преобладанія. Внутренные раздоры, поддерживаемые то греками, то сосѣдями, хозяевами континентальной земли, положили начало двумъ партіямъ,—венето-греческой и венето-итальянской. Отсюда постоянно шумныя и бурныя смѣны правительства. Дожъ упраздняется, признается годичное правленіе предводителей войска. Но скоро венеціанцы снова вернулись къ дожамъ, и, дабы устранить всѣ партійные происки, резиденція дожа была перенесена въ Маломокко. Къ соперничеству нобилей, къ борьбѣ двухъ враждебныхъ партій присоединились народные волненія и мятежи. Когда, напримѣръ, дожъ свою пожизненную власть хотѣлъ превратить во власть династическую, народъ, становясь то на сторону сына, то брата дожа, возбуждалъ мятежи, допускалъ кровопролитіе и поджоги. Битвы и погромы съ лихорадочной быстротою слѣдуютъ другъ за другомъ. Въ 717 г. Гераклея подверглась нападенію и была сожжена жителями Эквиліо, которые убили дожа Анафесто и его сторонниковъ. Въ 737 г. дожъ Орсо былъ убитъ возмутившимся народомъ. Въ 741 г. предводитель войска Джіовани Фабричіако былъ низложенъ и ослѣпленъ. Въ 755 г. Галла возмутился противъ дожа Діодато, заключилъ его въ тюрьму, ослѣпилъ и овладѣлъ властью, которою пользовался больше года. Въ концѣ этого періода народъ поднялся противъ Галла и его постигла та-же самая участь, которая по его волѣ постигла и его несчастнаго предшественника. Въ 764 г. нобили организовали обширный заговоръ, подняли страшный мятежъ, стащили съ трона даже Монегаріо и вырвали у него глаза. Около 801 г. дожъ Джіованни Гальбао, сторонникъ византійцевъ, съ частью флота послалъ своего сына въ Градо, чтобы убить патріарха, кото-

рый держалъ сторону франковъ. Сынъ Гальбао осадилъ городъ, заключилъ патріарха въ тюрьму и потомъ сбросилъ его съ самой высокой башни въ замкѣ. Но черезъ три года дожъ Гальбао и его сынъ Мауриціо должны были бѣжать изъ Венеціи, чтобы не пасть жертвами заговора, организованнаго племянникомъ убитаго патріарха Градо. Тогда франкская партія одержала верхъ и дожемъ былъ избранъ Обелеріо. Такимъ образомъ Маккіавелли не ошибался, когда говорилъ, что Венеція, можетъ быть, больше, чѣмъ всякая другая итальянская коммуна въ средніе вѣка, потерпѣла отъ бѣшеной борьбы партій.

Эти постоянныя волненія давали иноземцамъ поводъ для вторженія. Но Венеція, которую судьба предназначила быть хранительницею лучшихъ воспоминаній итальянскаго народа, безъ урона вышла изъ всѣхъ опасностей и не утратила ни своей самостоятельности, ни своей свободы.

Обелеріо, только что избранный дожемъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Беато отправился въ Дьеденгофенъ, гдѣ въ то время находился дворъ императора Карла, чтобы принять ленную присягу на подданство франкскимъ князьямъ, которые страстно желали добиться власти надъ венетскимъ побережьемъ. Но, вернувшись на родину, вѣроломный дожъ, когда греческій флотъ подъ командой Никиты присталъ къ островамъ, измѣнилъ свои планы и примкнулъ къ грекамъ. Сынъ Карла Великаго, Пипинъ, съ большимъ войскомъ и огромною эскадрою напалъ на Венецію, разрушилъ значительную часть венеціанской области и даже угрожалъ Маломокко. Въ минуту крайней опасности былъ принятъ совѣтъ новаго дожа, Аньело Партечипаціо, укрыться на маленькомъ островѣ Ріальто, гдѣ было особенно удобно выдерживать осаду и защищаться. Пипинъ, по преданію, рѣшилъ преслѣдовать бѣглецовъ, приказалъ построить изъ камней и фашинника плотину близъ Ріальто и спустилъ свою кавалерію на приступъ. Но лошади франковъ на этой зыбкой почвѣ пугались и стали то тамъ, то здѣсь бросаться въ воду. Тогда венеціанцы на своихъ корабляхъ ударили на разстроенные ряды враговъ и нанесли имъ такое пораженіе, что за этимъ мѣстомъ на всегда осталось имя „Сиротскаго канала“, въ память того, что здѣсь многія семьи франковъ похоронили своихъ дѣтей. Національная гордость украсила легендарными чертами эту побѣду венеціанцевъ надъ первымъ узурпаторомъ, который осмѣлился вступить на священную почву ихъ родины. Мрачныя тѣни этого бурнаго періода какъ бы озаряются блескомъ античной славы. Дѣйствительно среди междуусобныхъ войнъ того времени, для которыхъ не было другихъ поводовъ, кромѣ ненависти и жажды грабежа, это первая, дѣйствительно итальянская побѣда. Священное имя Италіи, столько разъ покрытое позоромъ, съ великою честью было провозглашено на самомъ краю полуострова, на скромномъ островкѣ Ріальто. Защита его оказалась въ хорошихъ рукахъ.

Но именно эта безудержная страстность по исторической фатальности и должна была лечь въ основу законовъ морали и справедливости для Венеціи. Эти войны были проявленіемъ страстной, кипучей жизни. Это былъ тотъ путь, по которому и слѣдовало идти венеціанскому прогрессу. Когда же на зарѣ народной жизни деспотизмъ поставилъ свою волю на мѣсто народной свободы, которая проявлялась иногда со всѣми своими ошибками и со всѣми своими крайностями,—брошены были первыя сѣмена революціи, которыя выросли позднѣе и были причиною постоянныхъ возмущеній. Также бываетъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка. За бурной молодостью слѣдуетъ спокойная зрѣлость. Иначе для зрѣлаго возраста останутся тѣ глупости и излишества, которымъ не было мѣста въ юности. Жизнь не терпитъ насилій.

Въ Ріальто возникъ блестящій и великій городъ. Его ожидало великое будущее. Ріальто, который называется такъ или отъ маленькаго ручейка Преальто, или отъ политическаго значенія канала и берега, стало центромъ новой области. Въ немъ была резиденція епископа, портъ и магистратура, „чины Риволъто". Въ теченіе долгаго времени Ріальто и назывался „*Venesia*", а вся область, старое государтство отъ Градо до Каподарджине, называлась „*Venecia*".

Достовѣрныхъ свѣдѣній о побѣдѣ надъ Пипиномъ нѣтъ. Извѣстно только, что молодой король, утративъ надежду покорить венетовъ, засѣвшихъ въ надежномъ убѣжищѣ на Ріальто, вынужденъ былъ отступить. Съ этого момента у франковъ пропадаетъ всякая мысль о завоеваніи Венеціи. Въ окончательномъ соглашеніи между Карломъ и императоромъ Востока, въ прелиминарныхъ условіяхъ Ахенскаго мира въ 812 г., Карлъ категорически отказывается отъ всякихъ притязаній на острова Лагунъ, признавая ихъ провинціею Восточной имперіи. При перенесеніи резиденціи правительства на Ріальто имѣли въ виду не только упрочить безопасность государства, но руководились и болѣе серьезнымъ соображеніемъ—соединить и обосновать на мѣстѣ, лишенномъ старыхъ традицій, лучшіе элементы населенія различнаго происхожденія, разсѣянные по берегамъ залива. Первая резиденція, Гераклея, была представительницею греческаго начала. Въ Маломокко были тенденціи къ франкскому владычеству. Ріальто являлось символомъ независимости свободы родины отъ всякаго иноземнаго владычества. И здѣсь, уже на первыхъ порахъ, явилось сознаніе устойчивости и прочности новой родины. Правда, Византія все еще имѣла нѣкоторое вліяніе на Венецію. При византійскомъ дворѣ дожи все еще искали почестей и отличій. Взаимныя сношенія были очень оживленными и многіе интересы венеціанской жизни созрѣвали подъ горячимъ солнцемъ востока. Но эта зависимость въ сущности была только номинальною. Какой авторитетъ могла имѣть имперія, полная изнѣженности и безсилія? Имперія, гдѣ такъ много значили честолюбивые происки женщинъ и низкая лесть царе-

дворцевъ, интриги и ложь, которая, удрученная старостью, уже клонилась къ гибели, какое значеніе могли имѣть для народа, цвѣтущаго молодостью, полнаго молодого задора? — Молодость и сила Венеціи не были отравлены дряблостью и пороками Византіи.

Изъ періода дѣтства Венеція перешла къ крѣпкой и сильной юности. Смуты и безпорядки въ началѣ ея историческаго существованія говорили объ избыткѣ силы, о настойчивой потребности къ дѣятельности, о томъ безпокойствѣ, которое стремится создать порядокъ изъ безурядицы и волненій. Аньело Партечипаціо (811), первый дожъ въ Ріальто, укрѣпляетъ государство, украшаетъ новую резиденцію, соединяетъ 60 или 70 мелей, которыя создаютъ городъ, осушаетъ болотистыя мѣстечки и строитъ плотины, чтобы охранить берега отъ наводненія. Но и здѣсь первая мысль обращена къ Богу: дома ютятся вокругъ церквей, какъ будто ищутъ высокаго покровительства неба. Церкви, — не такъ, какъ въ прежнія времена, дѣлаются уже не изъ досокъ и тростника (fabricae ligneae), но строятся изъ камня, украшаются мраморомъ и колоннами. Джустиніано, сынъ Аньело Партечипаціо и помощникъ отца въ дѣлѣ правленія, между 818—820 г., по порученію Льва, императора византійскаго, основалъ женскій монастырь, посвященный св. Захаріи. Императоръ послалъ изъ Константинополя нѣсколько архитекторовъ, чтобы дѣло было доведено до конца какъ можно скорѣе. Почти въ то же самое время дожъ Аньело положилъ основаніе тому дворцу, который долженъ былъ служить резиденціею правителей самаго энергичнаго государства въ Европѣ. Для того, чтобы показать, что подданическія связи съ расшатанною имперіею въ Константинополѣ уже не существуютъ болѣе, новая свобода признала надъ собою покровительство не прежняго греческаго патрона, Ѳеодора, но того святого, имя котораго было связано съ національными чувствами и стремленіями. Легенда разсказываетъ, что евангелистъ Маркъ, возвращаясь изъ своего путешествія въ Александрію, по пути въ Аквилею, застигнутый бурею, былъ выброшенъ на берега Ріальто, гдѣ ему явился ангелъ и привѣтствовалъ его словами: pax tibi, Marce, Evangelista Meus. И въ наитіи прозорливости посланникъ Божій предсказалъ этому мѣсту, что именно на этихъ островахъ, которые нѣкогда достигнутъ удивительнаго процвѣтанія, упокоятся его кости.

Эта легенда удивительнымъ образомъ соотвѣтствуетъ тому оффиціальному мистицизму, который, по очень мѣткому замѣчанію одного писателя, ни въ одномъ городѣ не достигалъ такой степени развитія, какъ въ Венеціи. Все, что касается постройки храма, гдѣ, по предсказанію ангела, должны были покоиться мощи евангелиста, окутано дымкою тайны и поэзіи. Дивнымъ образомъ изъ Александріи на острова Ріальто были перенесены останки св. Марка. Два купца, Буоно изъ Маломокко и Рустико изъ Торгелло, въ 828 году высадились

въ Александріи гдѣ мусульмане преслѣдовали христіанъ и похищали изъ церквей драгоцѣнности, чтобы украшать ими свои мечети. Тотъ храмъ, гдѣ находилась могила св. Марка, былъ предназначенъ къ разрушенію. Венеціанскіе купцы сумѣли получить отъ греческихъ священниковъ эти священные останки и, чтобы скрыть ихъ отъ подозрительности мусульманской таможни, покрыли свинымъ мясомъ, которое возбуждаетъ такой ужасъ въ исповѣдникахъ Корана. Когда грузъ былъ перенесенъ на палубу корабля, они распустили по вѣтру паруса и благополучно прибыли на родину, гдѣ были торжественно встрѣчены дожемъ и народомъ. Св. мощи были помѣщены во дворцѣ дожей, пока не былъ построенъ храмъ въ честь новаго патрона.

При Джіованни Партечипаціо въ церковь, построенную очень скоро, украшенную колоннами и драгоцѣннѣйшимъ мраморомъ, боевою добычею въ битвахъ съ сарацинами, перенесли мощи евангелиста, имя котораго призывали въ бѣдѣ и въ радости, въ битвахъ и въ дни побѣды. И Венеція, которая стала одною изъ самыхъ богатыхъ странъ Европы, какъ бы ради освященія для своей торговли, выбила на своихъ монетахъ бюстъ св. Марка, окруженный нимбомъ. Символическое животное евангелиста, левъ, скоро сталъ прославленнымъ символомъ республики. Вокругъ храма, священнаго и недоступнаго гроба Святого, современемъ появился рядъ памятниковъ, въ которыхъ отразилось все, чѣмъ особенно могла гордиться венеціанская исторія.

Когда Венеція могла провозгласить свою независимость отъ византійской имперіи, она могла уже не бояться нападеній и съ другой стороны, со стороны сильныхъ сѣверныхъ народовъ. Съ имперіею каролинговъ, которая когда то грозила венеціанской свободѣ, юная республика могла уже сноситься, какъ равный съ равнымъ. Въ 855 г. Людовикъ II вмѣстѣ съ императрицею доходилъ до Брандоло, недалеко отъ Венеціи, чтобы отдать визитъ дожу Піетро Традонико, внука котораго Людовикъ держалъ при крестной купели въ качествѣ крестнаго отца.

Но и въ это цвѣтущее время внутренніе раздоры не прекращались. Время отъ времени они разгорались слишкомъ сильно, особенно между нобилями. Самыя знаменитыя венеціанскія фамиліи, каковы Джустиніани, Баседжи, Полани, стояли на одной сторонѣ, Истоили, Барболани, Сельво — на другой. Самъ дожъ, Піетро Традонико, былъ убитъ. Онъ палъ жертвою не народнаго мятежа, но отъ руки заговорщиковъ, имена которыхъ были особенно славны по всей Венеціи.

Не менѣе печальна была судьба тѣхъ гражданскихъ переворотовъ, которые окружали роковую фигуру Піетро Кандіано IV, сперва изгнанника за гордый и мятежный нравъ, потомъ, съ перемѣною настроенія народа, призваннаго на родину и избраннаго дожемъ. Но скоро онъ показалъ свои когти, желанія всячески добиваться власти насильственнымъ

путемъ. И онъ снова сталъ мишенью разгнѣванныхъ заговорщиковъ, которые напали на него во дворцѣ, но встрѣтили сильное сопротивленіе отъ иностранцевъ-солдатъ, тѣлохранителей дожа. Тогда заговорщики подожгли сосѣдніе дома. Когда огонь сталъ угрожать дворцу, Кандіано убѣжалъ въ притворъ церкви св. Марка, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, еще груднымъ младенцемъ. Заговорщики узнали, гдѣ онъ скрывается, и бросились на него; тогда онъ умолялъ пощадить жизнь, по крайней мѣрѣ его сына. Отвѣтомъ на его просьбу была смерть обоимъ. Тѣла убитыхъ, оставленныя ради посмѣянія непогребенными, были подобраны и похоронены однимъ благочестивымъ человѣкомъ. Джіованни Градениго, котораго возмущали эти ужасы.

Кровавая вражда возникла между двумя фамиліями, Морозини и Калоприни. Одинъ изъ Морозини при выходѣ изъ церкви былъ раненъ однимъ изъ Калоприни. Слуги, пораженные ужасомъ, и не подумали схватиться за оружіе, но подобрали ранепаго и перенесли его въ монастырь, гдѣ онъ и умеръ, оплаканный собравшимися къ его одру родственниками, рѣшившимися мстить за него. Калоприни бѣжали, искали убѣжища при дворѣ Оттона II, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы осадить Венецію со всѣхъ сторонъ, закрыть къ ней подвозъ провіанта и принудить ее сдаться. Венеція оказала сильное сопротивленіе и въ 983 г. дѣло кончилось миромъ въ Веронѣ.

Позднѣе Калоприни, при посредствѣ императрицы Аделаиды, добились прощенія и позволенія вернуться на родину. Но Морозини не забыли своей вражды и мести. Однажды вечеромъ трое юношей изъ семьи Калоприни на баркѣ возвращались домой изъ палаццо дожей. Внезапно на нихъ напали Морозини и убили ихъ, причемъ набросились на нихъ съ токой яростью, что кровь убитыхъ брызнула на сосѣдніе берега. Окровавленныя тѣла убитыхъ вѣрный слуга отнесъ къ бѣдной матери и къ ихъ овдовѣвшимъ женамъ.

Странныя времена и удивительные контрасты! Ненависть бокъ о бокъ съ любовью, суровость съ нѣжностью, безсмысленные порывы черни рядомъ съ разумными и тонкими заботами о будущемъ. Здѣсь въ безоблачной лазури поднимаются бѣлыя церкви, тамъ воздухъ темнѣетъ отъ дыма пожаровъ ради мести. Послѣ удачнаго грабежа даются вклады въ монастырь. Къ подножію алтарей полагается добыча, отбитая у враговъ. Послѣ убійства и крови возносится молитва къ небу. Но какъ только чужеземецъ начинаетъ угрожать родинѣ, оскорблять ее, раздоры прекращаются и всѣ граждане, какъ одинъ человѣкъ, берутся за оружіе, одушевленные однимъ и тѣмъ же чувствомъ.

Въ то же время происходило знаменитое похищеніе венеціанскихъ женщинъ, которое вдохновляло поэтовъ и художниковъ. Что это, легенда или исторія? Объ этомъ ничего не говорятъ самые старые лѣтописцы — Альтината, дьяконъ

Джіованни, который жилъ на исходѣ X вѣка, и Мартино да Канале, который говоритъ о XIII вѣкѣ. Но несомнѣнно, что этому событію, дѣйствительному или вымышленному, обязанъ своимъ происхожденіемъ одинъ изъ самыхъ живописныхъ венеціанскихъ праздниковъ. Не одна исторія имѣетъ свои права. Фантазія тоже имѣетъ свои притязанія. Холодныя изысканія не могли снять съ историческихъ страницъ это преданіе, гдѣ все дышетъ доблестью и силой. Въ Венеціи было въ обычаѣ, чтобы сговоренныя дѣвушки собирались въ церкви Оливоло на второй день февраля, гдѣ епископъ благословлялъ ихъ на будущій бракъ. Одѣтыя въ бѣлое, съ распущенными волосами, украшенныя драгоцѣнностями, онѣ держали въ рукахъ небольшой ящикъ (arcella), въ которомъ находилось ихъ приданое. Славянскіе пираты тайкомъ добрались до церкви Оливоло, ворвались въ соборъ, захватили женщинъ и мужчинъ, а, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, также епископовъ и священниковъ и по направленію къ Каорле отправились въ гавань, которая съ тѣхъ поръ называется „*Гаванью дѣвушекъ*", чтобы тамъ подѣлить между собою женщинъ и добычу. Но венеціанцы, оправившись отъ перваго испуга, быстро вооружили нѣсколько барокъ и подъ предводительствомъ дожа догнали корсаровъ въ Каорле, напали на нихъ, разбили ихъ шайку и вернули своихъ невѣстъ и ограбленную добычу. Въ память объ этомъ событіи былъ установленъ праздникъ, такъ называемый „*Праздникъ Маріи*". Это было странное, но блестящее торжество. Въ числѣ другихъ источниковъ мы знаемъ о немъ изъ одного документа отъ 1142 г. и изъ хроники Мартина да Канале. Эти документы говорятъ о большихъ толпахъ дѣвушекъ, которыя несли серебрянныя вазы и кубки, впереди которыхъ шли трубачи и длинные ряды духовенства, одѣтаго въ парчу и бархатъ Дамаска. За дожемъ всѣ шли въ храмъ Santa Maria Formosa. Двѣнадцать красивыхъ молоденькихъ дѣвушекъ, всѣ Маріи, богато одѣтыя въ парчевыя ткани, съ вѣнками, усыпанными драгоцѣнными камнями, на головѣ, представлялись дожу и потомъ торжественно ѣхали вдоль Canale Grande. Праздникъ продолжался съ 25 января по 2 февраля, съ фейерверками, гребными гонками и зрѣлищами всякаго рода. Такимъ образомъ однимъ изъ первыхъ и наиболѣе торжественныхъ праздниковъ въ Венеціи былъ праздникъ въ честь женщинъ.

Менѣе поэтическимъ, но не менѣе любопытнымъ былъ праздникъ въ воспоминаніе побѣды надъ Ульрикомъ, патріархомъ аквилейскимъ. Побѣдоносные венеціанцы заключили патріарха съ двѣнадцатью его канониками въ тюрьму, имѣя въ виду, какъ говоритъ Маринъ Санудо, князь венеціанскихъ лѣтописцевъ, обезглавить ихъ. Но по настойчивому требованію папы плѣнники были выпущены на свободу, причемъ патріархъ каждый годъ обязался присылать въ четвергъ на масляной недѣлѣ быка и двѣнадцать свиней,—символъ осмѣя-

нія патріарха и его канониковъ,—на зрѣлище толпѣ. Праздникъ въ этотъ четвергъ, когда убивали быка и свиней, повторялся каждый годъ со всевозможными веселыми затѣями и блестящими фейерверками.

Венеціанская республика въ первомъ періодѣ своего существованія достигла вершины своего процвѣтанія при дожѣ Піетро Орсеоло II. Онъ возстановилъ миръ въ мятежномъ городѣ, возвеличилъ государство и своею энергіею, умомъ и настойчивостью сумѣлъ расширить и упрочить собственную власть. Тонко и осмотрительно онъ умѣлъ находить средства и мѣры, чтобы твердо держаться въ сѣдлѣ, имѣя съ одной стороны византійскаго кесаря, а съ другой нѣмецкаго императора. Онъ одержалъ побѣду надъ пиратами нарентанскими, ходилъ войною на славянъ, пріобрѣлъ синьоральную власть надъ приморскими городами Далмаціи, завѣщавъ своимъ преемникамъ титулъ дожа Далмаціи и освободилъ Адріатическое море отъ сарацинъ, которые на немъ хозяйничали. Въ воспоминаніе такихъ завоеваній дожъ съ полнымъ правомъ могъ обручиться съ Адріатическимъ моремъ, причемъ это обрученіе отличалось самыми блестящими церемоніями изъ всѣхъ венеціанскихъ праздниковъ. Великій дожъ не забывалъ и объ искусствахъ мирнаго времени. Въ 1006 году онъ окончилъ часть базилики Св. Марка и построилъ тотъ многобашенный дворецъ дожей, гдѣ принималъ императора Оттона III, который, по словамъ діакона Джіованни, капелана при дожѣ Піетро, много дивился красотѣ и роскоши этого зданія. Спустя 100 лѣтъ, при Орделафо Фаліеро, было положено основаніе арсеналу, самому обширному во всей Европѣ, о которомъ говорятъ всѣ, главнымъ образомъ ради его праздниковъ и ради его поразительнаго описанія у Данте. Таково могущество искусства!

Въ XI вѣкѣ Венеція, можно сказать, дѣйствительно достигла рѣшительнаго преобладанія на моряхъ. На Адріатическое море съ тѣхъ поръ стали смотрѣть какъ на озеро республики. „Свободныя учрежденія и общій духъ античнаго Рима здѣсь сохранились во всей своей силѣ“. Это сужденіе принадлежитъ не какому-нибудь льстивому историку, но человѣку самаго благороднаго и суроваго сердца, какое когда-нибудь существовало въ мірѣ,—Гильдебранду. Смѣлость замысловъ и настойчивость стремленій подняли Венецію на необыкновенную высоту. Удивительный подъемъ военнаго и гражданскаго могущества шелъ рядомъ съ развитіемъ коммерческихъ сношеній. Послѣ внутреннихъ волненій, послѣ гражданской борьбы наступило время спокойствія и силы. Особенно оживилась торговля. Въ старинныхъ документахъ часто говорится о коммерческомъ грузѣ стоимостью въ полтораста тысячъ золотыхъ дукатовъ, о корабляхъ, нагруженныхъ тканями, полотномъ и другими вещами на сумму 200.000 дукатовъ. При этомъ надо замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ, это были сравнительно очень небольшія суда, такъ какъ всѣ стреми-

лись къ торговой дѣятельности и правительство вынуждено было декретомъ установить наименьшія пропорціи корабля, который имѣлъ право выйти въ открытое море.

Также оживились искусства и ремесла. Въ Венеціи, начиная съ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ, уже существовали литейныя мастерскія металловъ, фабрики органовъ, ткацкія мастерскія, красильни, фабрики стекла, шелка, бархата и полотна. Старинныя церкви, каковы церкви Градо и Торчелло, покрыты блестящею мозаикою. Въ лѣтописи Эгинарда подъ 826 г. упоминается Джіорджіо, венеціанскій священникъ, приглашенный въ Ахенъ за его мастерство въ постройкѣ органовъ. Орсо I Партечипацію, который занялъ тронъ дожа въ 864 г., послалъ въ Константинополь въ подарокъ двѣнадцать колоколовъ, а Піетро Орсеоло II, который сталъ дожемъ въ 991 г., подарилъ Оттону III кубокъ тонкой работы, представляющій два трона, обитые пластинками изъ слоновой кости, и серебряный кубокъ. Нельзя сказать, чтобы точно также процвѣтала и литература, если судить по тому, что два документа двухъ дожей, Піетро Традонико и трибуна Мемо, скрѣплены такъ: „знакъ руки сіятельнаго господина, дожа Піетро“, и „знакъ руки дожа-трибуна“. Среди этого практическаго и дѣятельнаго народа, который состоялъ изъ моряковъ и торговцевъ, на первомъ планѣ стояли тѣ искусства, въ которыхъ пріятное соединялось съ полезнымъ. Именно эти искусства поражали необыкновенно быстрымъ и высокимъ развитіемъ.

Мартино да Канале, говоря о коронованіи Лоренцо Тіеполо въ 1256 г., очень живописно и ярко описываетъ пышную процессію венеціанскихъ ремесленниковъ. Впереди шли кузнецы съ своими знаменами и съ гирляндами на головѣ; за ними мѣховщики, богато одѣтые въ костюмы, подбитые горностаемъ и бѣлкой, бархатомъ и шелкомъ. За ними съ пѣснями подъ акомпаниментъ трубъ слѣдовали ткачи и несли серебряные кубки, портные въ бѣлой одеждѣ съ красными звѣздами; мастера парчи и пурпура съ золотыми шапочками на головѣ и съ красивыми гирляндами изъ жемчуга; за ними рядами шли шерстобиты, цирюльники, стекольщики, ювелиры. Золотыхъ дѣлъ мастера достигли необыкновенно тонкаго искусства въ тѣхъ миніатюрныхъ работахъ, гдѣ они подражали византійцамъ, въ орнаментѣ изъ золота и жемчуговъ и въ тѣхъ золотыхъ цѣпочкахъ, которыя были любимымъ украшеніемъ какъ благородныхъ дамъ, такъ и венеціанскихъ горожанокъ.

Въ этотъ первоначальный періодъ городъ представлялъ изъ себя своеобразный видъ. Эти удивительные наносы песку и грязи поражали какою-то неопредѣленностью внѣшнихъ формъ и не имѣли себѣ подобныхъ ни въ какой другой странѣ. Санназаро, во время котораго Венеція, уже вошедшая въ возрастъ, начала благосклонно прислушиваться къ вымысламъ поэтовъ, написалъ эпиграмму и получилъ по сто скуди за стихъ (впрочемъ, стиховъ было только шесть). Въ этой эпи-

граммѣ онъ сравниваетъ Римъ и Венецію и заключаетъ увѣреніемъ, что первый былъ созданъ людьми, а вторая создана богами: Illam homines dices, hanc posuisse dei.

Никогда еще поэты не говорили такой лжи. Венецію создали венеціанцы. Ея божествомъ и патрономъ была энергія, дѣятельность, выдержка, смѣлость и стремительность отважныхъ бѣглецовъ. Для насъ, напримѣръ, родина почти всегда подарокъ, блестящій подарокъ Бога, а для венеціанцевъ дѣло ихъ личной предпріимчивости. Въ предѣлахъ флорентійскаго божественнаго амфитеатра холмовъ, орошаемыхъ холодными и прозрачными ручьями и каналами, въ блистательной роскоши зелени и цвѣтовъ, дышетъ и бьется счастливая жизнь, гдѣ все кругомъ улыбается, гдѣ все наслаждается нѣгой и счастьемъ, въ ясной гармоніи — гармоніи красокъ и свѣта, почвы и простора. Здѣсь трудъ человѣка является только удачнымъ поясненіемъ произведеній природы. И искусство, сдержанное впечатлѣніями окружающей обстановки, пріобрѣтаетъ отпечатокъ элегантной простоты и соразмѣрности линій, то высокое благородство формы, которое ласкаетъ глазъ и мысль. Куполъ Брунелески, колокольня, ложа dei Lanzi, Орсанмикеле—все это какъ бы дополненіе къ Беллосгвардо, Фіэзоле, Монте Оливетта, Санъ Миніато. Линіи пейзажа сливаются съ архитектурными линіями въ одинъ общій аккордъ. Но Венеція, которая возникла среди лабиринта острововъ, среди песчаныхъ отмелей и болотъ, надъ уровнемъ водорослей и лагуны, съ первыхъ дней своего существованія въ своемъ внѣшнемъ видѣ должна была отражать своенравные капризы человѣка, а не подавляющую власть внѣшней природы. Посмотрите на Св. Марка, на это чудо венеціанскаго искусства. Это нѣчто возвышенное и причудливое. Розетки, арабески, завитки, зубцы, поднимающіеся къ небу, даютъ впечатлѣніе какой-то роскошной растительности изъ камней. Аркады въ видѣ трилистника, прорѣзанныя колонны, загибъ острой арки надъ византійской, вся тонкая работа съ ея богатой одеждой изъ скульптуры, въ своей гармоніи и въ своей несиметричности кажется какою-то огромною симфоніею мрамора. Нѣтъ ни одной вольности, которой бы здѣсь побоялись. Символы истощенной печали и цвѣтущей юности, фигуры мистически сухія и по-мірски сладострастныя дѣвы, святые, погруженные въ видѣнія, серафимы, ангелы и праведники, оживленные мірскими помыслами, чудовища и химеры язычества рядомъ съ католической святыней. Такова Венеція. Если мы будемъ спускаться внизъ по Большому Каналу, мы увидимъ по сторонамъ фантастическую архитектуру, дворцы въ арабскомъ стилѣ, похожія на мраморныя пики, суровыя и правильныя зданія Возрожденія, величественную набережную временъ Упадка, изъ массивнаго гипса, изъ тяжелыхъ и вѣскихъ карнизовъ. Здѣсь архитектура не имѣетъ традицій и подъ сіяющимъ небомъ, при радужныхъ переливахъ воды, создается такое же подвижное, разнообразное, фантастическое искусство,

какъ краски заката, какъ переливы лагунъ. Столько разнообразныхъ формъ!

Воображеніе можетъ наслаждаться этимъ зрѣлищемъ, не отступая отъ истины, и именно такъ представлять себѣ внѣшній видъ юной Венеціи. Эти отмели, на которыхъ возникъ городъ, носили самыя разнообразныя наименованія: dossi, scanni, bazene, tombe, velme. Какъ только на болотистой почвѣ возникалъ домъ, къ правительству обращались съ просьбой о дозволеніи расширить это мѣсто при помощи плотинъ. Платою за такое дозволеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ была пара хорошихъ шерстяныхъ перчатокъ для дожа. Каналы (rivuli), которые перекрещивались въ разныхъ направленіяхъ и ради безопасности иногда замыкались на цѣпь, были по берегамъ обсажены деревьями. На нихъ встрѣчались деревянные мосты съ самымъ маленькимъ изгибомъ, безъ ступеней. Вдоль каналовъ шли улицы, которыя назывались fondamenta или iunctoria, попадались и маленькія площадки (campielli). По маленькимъ узкимъ переулкамъ (calli) выходили на открытое мѣсто, къ широкому водному зеркалу (piscina), къ заливчикамъ и къ устьямъ, проходили средп зеленыхъ луговъ (herbidi piani), гдѣ паслись стада, или черезъ густую чащу лѣса. Площадь Св. Марка называлась brolio или садъ, такъ какъ она была покрыта травою и засажена деревьями. Тамъ и здѣсь показывались огороженныя стѣнами соленыя варницы, обнесенныя плотинами и каналами, вытягивали спицы своихъ колесъ мельницы, которыя назывались „aquimoli". Дорога шла по голой землѣ. По улицамъ ѣздили на лошадяхъ, а свиньи монастыря Св. Антонія постоянно валялись на землѣ, „подъ именемъ и покровительствомъ Св. Антонія ходили по городу", какъ говорится въ декретѣ великаго совѣта. Дома на первыхъ порахъ были покрыты деревянными досками или соломой. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ не было другой дороги, кромѣ каналовъ. Вся пышность, все великолѣпіе приберегалось для церквей и для жилища главы государства. Между домами и надъ кровлями, изящно выступая на голубой лазури, виднѣлись паруса, снасти и мачты. За ними длинныя вереницы другихъ домовъ и другихъ парусовъ, а на спокойномъ зеркалѣ лагуны — стройные корабли (ralandrie, dromoni) и галеры,—одно имя, одно воспоминаніе о которыхъ вызываетъ передъ нашими глазами картину славной морской эпопеи итальянскихъ городовъ. Цѣлыя эскадры судовъ, которыя приставали къ берегамъ Азіи и Африки, которыя пѣнили сѣверныя моря. Моряки, которые въ сознаніи своей силы и предчувствіи славы пѣнили кормой тѣ воды, въ которыхъ отражается солнце востока и безконечныя холодныя пустыни сѣвера,— которые смѣло ходили по неизслѣдованнымъ морямъ, посѣщали невѣдомыя земли, побѣждая естественныя препятствія и еще болѣе опасныя препятствія со стороны людей, — то поднимая въ просторъ неба ликующіе крики тріумфа, то

стоны, напрасно умоляющіе о смерти, — это неустрашимый авангардъ человѣческаго прогресса, современной цивилизаціи, итальянской славы.

Только одинъ городъ могъ бы соперничать съ Венеціею, спорить съ ней о первенствѣ. Это Амальфи. Въ городъ, возникшій на горѣ, покрытой зеленью и цвѣтущими жатвами и спускающейся внизъ къ морю, со всѣхъ сторонъ съѣзжались иностранцы. Описаніе Амальфи, вышедшее изъ подъ пера человѣка, въ которомъ поэзія не помрачила ясности и правды сужденія, Вильгельма Апулійскаго, свидѣтельствуетъ, что городъ этотъ не имѣлъ причины завидовать процвѣтанію Венеціи въ самыя счастливыя для нея времена, что это былъ необыкновенно богатый всевозможными сокровищами и въ высшей степени многолюдный городъ. Его моряки, извѣстные во всемъ мірѣ, умѣли находить себѣ дорогу по волнамъ, среди вѣтровъ и бурь. Товары, которые шли изъ египетской Александріи и города Антіоха на востокъ, стекались на прибрежье Амальфи. Въ Аравіи, въ Ливіи, въ Африкѣ, на берегахъ Сициліи не было гавани, куда бы не заходили амальфитанцы. Но это было мгновеніе, точно такъ же, какъ недолговѣченъ былъ блескъ Неаполя, Гаеты, Сорренто, которые повелѣвали морями, прежде чѣмъ изъ руинъ античнаго греко-римскаго величія возникли республики Пизы, Генуи, Венеціи. Въ самомъ началѣ XII вѣка свобода и благоденствіе Амальфи были сокрушены силою тѣхъ норманскихъ героевъ-авантюристовъ, противъ которыхъ въ тогдашней Италіи не смогло устоять ничто, кромѣ Венеціи, которая съ юношескою энергіею своихъ силъ, послѣ суровой войны, продолжавшейся три года съ неодинаковымъ успѣхомъ и окончившейся въ августѣ 1085 г. взятіемъ Дурращо, спасла отъ норманновъ расшатанную византійскую имперію и получила въ вознагражденіе за это серьезныя и значительныя привилегіи, новыя владѣнія, полную свободу торговли и, наконецъ, кварталъ въ самомъ Константинополѣ, предоставленный исключительно ей.

Здѣсь Венеція столкнулась лицомъ къ лицу съ двумя другими приморскими городами, которые въ своемъ могуществѣ поднимались все выше и выше и у которыхъ соперничество не могло не возбуждать подозрѣній и антагонизма, послужившихъ впослѣдствіи поводомъ для кровавыхъ раздоровъ.

Пиза вышла на историческую сцену уже давно. Ея дворянскія грамоты поднимаются до античной этрурской культуры, до римскаго величія. Возродившись послѣ нашествія варваровъ, она была вынуждена бороться съ сарацинами. Но боевая доблесть пизанцевъ шла рядомъ съ разумными коммерческими предпріятіями и глубоко обдуманными гражданскими учрежденіями. Власть графини Матильды скорѣе была номинальною, чѣмъ фактическою и отнюдь не мѣшала широкому развитію свободы, подарившей городу матеріальное благосостояніе. Какой высокой степени она достигла въ коммер-

ческомъ отношеніи, доказываютъ слова монаха Доницоне, который въ своемъ аскетическомъ фанатизмѣ видѣлъ, какъ пизанскіе моряки превращаются въ морскихъ чудовищъ, видѣлъ городъ, оскверняемый толпами язычниковъ, турокъ и ливійцевъ, берегъ, наполненный халдеями.

Послѣ борьбы съ сосѣдней Луккой, Пиза начала борьбу съ Генуей за обладаніе Сардиніей.

Генуѣ нелегко дались ея первые шаги на историческомъ поприщѣ. Ея происхожденіе не было славнымъ. Она вела торговлю съ сосѣдними портами и выдерживала борьбу съ сарацинскими и норманскими пиратами. Мало по малу съ новыми коммерческими оборотами передъ нею открылись новые горизонты. Съ 958 г. она наслаждалась свободою, неомрачаемою гордыми капризами графовъ, маркизовъ и герцоговъ, которымъ, по договору Беренгарія II и Адальберта, былъ запрещенъ всякій доступъ къ городу. Боевыя и коммерческія кампаніи горожанъ процвѣтали. Сначала вмѣстѣ съ пизанцами Генуя отняла отъ мавровъ Сардинію, но скоро братья по оружію превратились въ соперниковъ и междоусобная борьба между двумя городами продолжалась шестьдесятъ лѣтъ.

Росту и соперничеству приморскихъ городовъ Италіи скоро дали новый толчокъ крестовые походы.

По всеобщему мнѣнію при непосредственномъ, но благородномъ энтузіазмѣ, обнаруженномъ во время крестовыхъ походовъ, Пиза, Генуя и главнымъ образомъ Венеція имѣли въ виду только свои матеріальные интересы и воспользовались великимъ религіознымъ увлеченіемъ только ради матеріальныхъ благъ,—только для того, чтобы найти новые рынки для своей торговли. Конечно, у жителей этихъ трехъ городовъ мы не находимъ слѣдовъ суроваго аскетизма или принциповъ догматическаго авторитета. Но религія была близка и понятна и этимъ людямъ, не была для нихъ только лицемѣрною маской для торговыхъ спекуляцій. Бываютъ люди вѣрующіе и въ то же время практическіе, каковы англичане и венеціанцы. Они одинаково искренни въ обѣихъ сторонахъ ихъ жизни и поэтому искренне пожинаютъ плоды какъ той, такъ и другой способности ихъ духа. Англійскій миссіонеръ съ библіею, переведенною на всѣ нарѣчія Азіи и Африки, идетъ въ невѣдомыя страны бросать священныя сѣмена слова Божія и въ этомъ дѣлѣ остается вполнѣ искреннимъ и преданнымъ своему идеалу, даже до пожертвованія своею жизнью. Но, когда онъ одолѣетъ всѣ затрудненія, онъ точно также отдается желанію послужить своей родинѣ, изъ миссіонера становится купцомъ, прокладываетъ дорогу для мануфактурныхъ товаровъ Ланкашира, а иногда—да проститъ ему Богъ!—и для разныхъ сортовъ водочнаго производства своей страны. Такова же была и Венеція. Вѣрная Христу, Венеція ощущала въ себѣ религіозное рвеніе идти на освобожденіе Св. гроба и, свободная отъ всякихъ мірскихъ расчетовъ, была охвачена религіознымъ порывомъ на маленькомъ островкѣ въ

Ріальто, хотя и на свой образецъ, но точно такъ же, какъ и великій повелитель Франціи и Ла-Манша. Но рядомъ съ изображеніемъ Распятаго Іисуса повелители морей видѣли новые горизонты для торговли, новыя колоніи и любовались ими съ увлеченіемъ любви. Въ этомъ смѣшеніи христіанскихъ помысловъ и коммерческихъ проектовъ, религія мирилась съ промышленностью, аскетическій порывъ съ торговымъ разсчетомъ и образъ освобожденнаго креста символизировалъ богатство новой экономической жизни. Таковы же были и предки современныхъ флорентійцевъ. Искренне вѣрующіе христіане, купцы и дипломаты были одновременно мистиками и позитивистами. Огромные барыши отъ смѣлыхъ коммерческихъ предпріятій послѣдовали за ихъ религіозными увлеченіями и изъ ихъ банковъ вышли тѣ художники, которые воздвигали превосходные памятники. Такъ исторія Италіи доказываетъ, до какой степени безплоденъ, ненуженъ и, можно сказать, противенъ религіи тотъ восточный монашескій аскетизмъ, который весь уходитъ въ свои болѣзненныя идеальныя грезы, а, съ другой стороны, какъ гибельна жажда наживы, которая не смягчается, не оправдывается и, такъ сказать, не очищается въ здоровомъ воздухѣ идеализма. Какъ отличаются они отъ итальянскихъ эмигрантовъ нашего времени, которые безъ религіозныхъ идеаловъ и безъ проектовъ полезной предпріимчивости наудачу пускаются въ тѣ мѣста, которыя не были намѣчены для колоній ни нашими античными апостолами, современниками Марко Поло и Колумба! Это именно доказываетъ, почему утрачено искусство дѣлать выборъ колоній съ безошибочною правильностью сужденія и насколько мы далеки отъ здороваго идеализма и мудрой предпріимчивости нашихъ дѣдовъ. Да, въ Венеціи не размышляли о выгодности и о будущемъ великихъ колоній, которыя они занимали, какъ въ Генуѣ не раздумывали о колоніяхъ на Мраморномъ и Черномъ морѣ. Онѣ давали имъ богатую добычу и не возбуждали тѣхъ мучительныхъ сомнѣній, о которыхъ такъ часто говорятъ въ нашихъ парламентахъ. Но будемъ справедливы. Кое чего не хватало и нашимъ предкамъ. Имъ не хватало единодушія и согласія. Близость одинаковыхъ интересовъ, сходство замысловъ возбудили кровавый раздоръ между Пизой, Генуей и Венеціей.

Между тѣмъ этотъ послѣдній городъ былъ взволнованъ необыкновеннымъ предпріятіемъ. Когда Иннокентій III попытался возобновить священную войну, французскіе крестоносцы прибыли въ Венецію, чтобы сѣсть на корабли. Дожемъ тогда былъ Энрико Дандоло, старикъ 80 лѣтъ отъ роду, у котораго года и слабость зрѣнія только подняли смѣлость и энергію, ожесточили его характеръ, упорный и порывистый, въ тоже время хитрый и лукавый. Онъ принялъ предложеніе, но, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, хотѣлъ получить одобреніе отъ народа и для этого собралъ его въ церкви Св. Марка, „la plus belle que soit“, какъ говоритъ о ней одинъ изъ крестоносцевъ,

Готфридъ Виллегардуэнъ. Французскіе рыцари въ блестящемъ вооруженіи, венеціанскіе патриціи въ тяжелыхъ и величественныхъ костюмахъ востока, народъ въ разноцвѣтной одеждѣ,—собрались подъ золочеными куполами, на которыхъ искрились мозаичныя изображенія, среди гордыхъ колоннъ странной архитектуры, поставленныхъ надъ рядами другихъ колоннъ, среди удивительныхъ изображеній живописи и драгоцѣнныхъ мраморовъ.

На возвышеніи стоялъ старый дожъ въ пурпуровой туникѣ, въ плащѣ, отдѣланномъ золотомъ, и въ короткой накидкѣ изъ горностая. Говорилъ Готфридъ Виллегардуэнъ и просилъ Венецію примкнуть къ французскимъ баронамъ, чтобы отомстить за поношеніе Христа. Голосъ этого воина-энтузіаста раздавался торжественно, какъ гимнъ, трогалъ самыя завѣтныя струны сердца и въ концѣ перешелъ въ сладкіе звуки молитвы, въ которой слышалось пламенное дыханіе вѣры. Тогда больше чѣмъ изъ десяти тысячъ устъ вырвался единодушный крикъ, повторенный подъ золочеными сводами церкви, а дожъ и французскіе легаты принесли клятву на своихъ шпагахъ. Но, когда корабли были готовы и когда бароны Франціи не находили ихъ достаточно надежными для переѣзда, Энрико Дандоло предложилъ имъ вмѣсто того, чтобы уплатить долгъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ венеціанцами идти на покореніе возмутившагося города Зары. Во время осады къ крестоносцамъ явился Исаакъ, императоръ константинопольскій, низложенный узурпаторомъ, съ просьбой помочь ему снова занять свой тронъ. Папа Иннокентій, который употреблялъ всѣ средства, чтобы помѣшать походу на Зару и не щадилъ для этого апостолическихъ молній, теперь втайнѣ содѣйствовалъ экспедиціи на Константинополь, имѣя въ виду и въ Греціи возстановить единство церкви. Въ концѣ концовъ онъ нашелъ подходящія для священника извиненія и въ заключеніе высказалъ мысль, достойную современной политики: necessitas maxime cum insistitur opere necessario, multum et in multis est excusa. Слишкомъ свѣжо еще было въ памяти вѣроломство грековъ по отношенію къ республикѣ Св. Марка, чтобы каждый венеціанецъ не почувствовалъ въ своемъ сердцѣ жажды мести. Развѣ не были живы тѣ люди, которые своими глазами видѣли, какъ вѣроломный императоръ заключилъ въ тюрьму всѣхъ венеціанцевъ, которыхъ только онъ могъ захватить въ своемъ государствѣ! И доблесть венеціанцевъ подъ предводительствомъ Витале Микіеле не превратилась ли въ ничто, благодаря нечестности грековъ?—Развѣ они не дѣлали попытки погубить съ помощью самаго низкаго обмана самого Энрико Дандоло, когда онъ въ Константинополѣ пытался спасти честь родины? Не были ли дерзко нарушены византійскимъ дворомъ договоры и трактаты? Съ другой стороны, документы доказываютъ, что, какъ римскій первосвященникъ, такъ и дожъ сходились въ той мысли, что покореніе Константинополя могло бы быть по-

лезнымъ и для завоеванія святой земли. Предпріятіе было начато и доведено до конца. Но его результаты не отличались устойчивостью. Въ виду новыхъ придворныхъ революцій и интригъ, крестоносцы дошли до полнаго разрыва съ греками и Константинополь былъ взятъ во второй разъ. Когда на стѣнахъ Константинополя развилось знамя Св. Марка, греки въ ужасѣ бѣжали при звонѣ оружія, подъ боевые крики, слившіеся въ одинъ безпрерывный шумъ съ рыданіями, стонами и плачемъ. И папа, привѣтствуя окончаніе дѣла, писалъ войсковымъ епископамъ, аббатамъ и вождямъ: „Конечно, Господомъ совершено сіе и дивно въ глазахъ нашихъ",—и сразу же забылъ о святой землѣ.

„Отъ сотворенія міра до нашихъ дней еще никогда не было такой боевой добычи",—писалъ Виллегардуэнъ. Неисчислимыя богатства и драгоцѣнные предметы искусства были спасены венеціанцами отъ грабежа и перенесены на ихъ родину,—картины, статуи, драгоцѣнные камни, украшающіе Pala d'oro и сокровищницу Св. Марка, четыре знаменитыхъ коня изъ золоченой бронзы, которыхъ императоръ Θеодосій II увезъ изъ Хіоса и украсилъ ими византійскій ипподромъ, и которые теперь были поставлены надъ притворомъ венеціанской базилики.

Теперь могущество венеціанцевъ пріобрѣло огромное значеніе на востокѣ. Теперь Венеція могла надѣяться и на внутренній миръ, при новыхъ политическихъ учрежденіяхъ, которыя содѣйствовали развитію ея предпріимчивости, при законѣ, который сдерживалъ и оберегалъ общество, при томъ согласіи, которое давало ей силу и устойчивость. Уже давно отъ народа было отнято право участія въ избраніи дожей. Для этого нужно было быть нобилемъ. Такимъ образомъ правительство укрѣпило власть оптиматовъ, эту великую аномалію между двухъ нормальныхъ явленій, т. е. между правленіемъ всѣхъ и правленіемъ одного, который всѣхъ уравниваетъ передъ своею властью. Но это правленіе оптиматовъ спасло независимость Венеціи. Это было государственное устройство, конечно, нежелательное для настоящаго времени, но удивительное для той эпохи, которое озарило своими лучами одинъ изъ самыхъ славныхъ періодовъ флорентійской свободы, когда, имѣя передъ пытливыми очами примѣръ Венеціи, братъ Джироламо Саванаролла, Паоло Антоніо Содерини, Франческо Валори и другіе великодушные люди пожелали обезпечить свою новую свободу и независимость, довѣривъ верховную власть лучшимъ изъ гражданъ (beneficiati) и учредивъ Великій Совѣтъ. Попытка не удалась, ибо энергія воли не стояла на уровнѣ великаго замысла.

Изъ двухъ главныхъ соперницъ Венеціи, одна Пиза въ короткое время перестала быть опасной. Ея могущество разбилось о скалы Мелоріи, и надъ прекраснымъ и несчастливымъ городомъ расправило свои крылья искусство, ея последнее утѣшеніе. Когда періодъ смѣлыхъ предпріятій про-

шелъ, надъ нимъ загорѣлась свѣтлая заря художественнаго генія.

Оставалась одна Генуя. И знамя Св. Георгія очень долго ни за что не хотѣло склониться предъ знаменемъ Св. Марка. Продолжительныя и упорныя войны, короткіе сроки перемирія, чтобы перевести дыханіе и подготовиться къ новымъ битвамъ, которыя велись съ перемѣннымъ счастьемъ,—вотъ общая картина этой борьбы.

Въ 1256 г. лигурійцы въ гавани Акры захватили венеціанскіе корабли и разграбили венеціанскій кварталъ. Лоренцо Тьеполо рѣшилъ отомстить за это дѣло. Съ большимъ числомъ кораблей при помощи пизанцевъ онъ прорвалъ цѣпь, запиравшую входъ въ гавань, захватилъ и сжегъ вражескіе корабли, проникъ въ городъ, истребилъ пожаромъ кварталъ генуэзцевъ и занялъ замокъ Монжіойа. Напрасно генуэзцы пытались снова собраться съ силами. Тьеполо настигъ ихъ у Тира и снова нанесъ имъ пораженіе. Потомъ, недалеко отъ Акры, въ кровопролитной битвѣ онъ нанесъ имъ послѣдній ударъ.

Въ 1261 г. лигурійская алчность коснулась и греческаго трона въ Константинополѣ. Венеція была противъ этого и возникла новая война, которая окончилась пораженіемъ генуэзцевъ въ водахъ Трапани.

Суровый реваншъ взяла Генуя у Куруолы, когда небольшое количество галеръ подъ командою Ламбо Доріо нанесло пораженіе венеціанцамъ, во главѣ которыхъ стоялъ Андреа Дандоло. Доріо увезъ съ собою въ Геную пять тысячъ плѣнныхъ. Въ числѣ ихъ былъ и Марко Поло. Несчастный венеціанскій адмиралъ ударился головою о мачту своего корабля и умеръ.

Но зачѣмъ въ настоящее время возобновлять въ памяти ряды этихъ славныхъ злодѣяній? На пизанскомъ кладбищѣ, на этомъ жилищѣ мертвыхъ, гдѣ погребено такъ много изъ итальянской исторіи, и до сихъ поръ хранятся—не трофеемъ раздоровъ между братьями, но вѣчнымъ памятникомъ братской любви, цѣпи пизанской гавани, захваченные генуэзцами и подаренныя ими флорентійцамъ. Въ ясномъ сознаніи объединенной родины Флоренція и Генуя рѣшили возвратить Пизѣ эти цѣпи, какъ символъ неразрывнаго единенія итальянскихъ городовъ, какъ залогъ новой эры.

Теперь одинъ свѣтъ озаряетъ всѣ эти мрачныя воспоминанія итальянской исторіи,—свѣтъ братства и мира.

Жива ли въ васъ память о встрѣчѣ далекой
Въ забытомъ, безвѣстномъ краю,
Гдѣ я, истомленный тоскою жестокой,
Озлобленность пряталъ свою?
Былъ вечеръ: склонилося солнце за лѣсомъ
Въ сіяньи багряныхъ лучей;
На дикой тропинкѣ, подъ яркимъ навѣсомъ
Блестящихъ зеленыхъ вѣтвей
Мы встрѣтились съ вами. Владычицей мая,
Царицей несбыточныхъ грезъ,
Вся въ бѣломъ, какъ геній лазурнаго рая,
Въ вѣнцѣ золотистыхъ волосъ,
Вы быстро мелькнули, мечтой окрыленной,—
И чудный вашъ образъ исчезъ,
А вслѣдъ вамъ, какъ юноша нѣжно влюбленный,
Шепталъ колыхавшійся лѣсъ.
Нежданная встрѣча мнѣ душу смутила,
Во мнѣ любопытство зажгла,
И къ вамъ непонятная, тайная сила
Меня неотступно влекла.
И вотъ мы сошлися... Любить неспособной,
Безсильною счастіе дать,
Пустою и лживою, словомъ, подобной
Другимъ я хотѣлъ васъ считать;

Но въ васъ отыскать я напрасно пытался
Подобіе прошлыхъ людей,
Чѣмъ чаще я съ вами, чѣмъ ближе встрѣчался,
Тѣмъ вы мнѣ казались милѣй...
А время чредою обычною мчалось
И сердце, отрады полно,
Отъ гнета мертвящей тоски избавлялось,
Какъ будто свѣтлѣло оно.
Забылася злоба, обиды людскія
Душа научилась прощать,
Понятнѣе стали страданья чужія,
Любить захотѣлось опять.
Предъ вашей улыбкой всѣ мрачныя думы
Смѣнились въ волшебные сны,
Какъ таютъ снѣга на вершинѣ угрюмой
Подъ теплою лаской весны.
Какъ женская клятва, обманчиво счастье:
Вы грезой умчалися прочь,
Быть можетъ, разсѣять другое ненастье,
Другому страданью помочь.
И снова одинъ, я съ тоскою жестокой
Въ груди безнадежность таю,
Печально мечтая о встрѣчѣ далекой,
Въ забытомъ, безвѣстномъ краю.
И хочется мнѣ, чтобы въ часъ избавленья,
Когда ко мнѣ смерть постучитъ
И стихнутъ усталаго сердца мученья,
Предъ тѣмъ, что душа улетитъ,
Мнѣ грезились снова: тропинка лѣсная,
Заката багряный отливъ
И вы, свѣтлый геній лазурнаго рая,
Къ разбитому счастью призывъ;
Чтобъ вы на прощаніе мнѣ улыбнулись
И чтобы на вѣчные сны
Мои утомленныя вѣжды сомкнулись,
Любимымъ видѣньемъ полны.

П. Глушинскій.

Борьба партій во Франціи.

[Окончаніе].

VI.

1883 и 1884 года занимаютъ особое мѣсто въ жизни Клемансо. Въ эти годы проявилась вся сила его боеваго темперамента и политическаго генія. Онъ долженъ былъ бороться съ необыкновенно сильнымъ противникомъ,—съ знаменитымъ министерствомъ Ферри.

Послѣднее и по однородности своего состава и по личнымъ качествамъ своихъ членовъ и, наконецъ, по опредѣленности своей программы, занимаетъ особенное мѣсто въ исторіи третьей республики.

Программа министерства Ферри была самымъ полнымъ выраженіемъ политической эволюціи, происшедшей въ республиканскомъ большинствѣ. Другими словами—она была полнымъ торжествомъ оппортюнизма. Гамбетта—въ это время уже умершій,—никогда не заходилъ такъ далеко. У него время отъ времени бывали повороты къ старымъ традиціямъ. Свидѣтельствомъ можетъ служить не только его содѣйствіе проведенію амнистіи, но и нѣкоторые другіе факты. Напримѣръ его газета «République Française» вела кампанію въ пользу прогрессивнаго подоходнаго налога, а самъ Гамбетта, какъ бы видѣлъ по временамъ ту пропасть, куда новое вѣяніе влекло республиканскую партію и напоминалъ Ферри не обращать «политику результатовъ» въ «политику бездѣйствія».

Ферри сжегъ и послѣдніе корабли прежней республиканской эскадры. Онъ громко и грубо провозгласилъ новую политику, которой давалъ разныя имена, называя ее то «политикою результатовъ», то «научною политикой», но самое вѣрное опредѣленіе этой политики далъ его собственный сотрудникъ Леонъ Сэ, назвавъ ее «политикой интересовъ» *).

Внутри Франціи эта «политика интересовъ» заключалась въ созданіи привиллегій въ пользу имущихъ классовъ, въ подавленіи рабо-

*) Рѣчь, произнесенная Леономъ Сэ 28 марта 1883 г. въ Ліонскомъ обществѣ политической экономіи.

чаго движенія и въ заигрываніи съ клерикалами; внѣ Франціи—въ фатальныхъ колоніальныхъ завоеваніяхъ. Но политика эта имѣла одно достоинство—искренность. Она была ясно формулирована и стремилась сдѣлаться господствующей силою новой, положительной и практичной доктрины.

Палата, уставшая отъ частыхъ перемѣнъ министерствъ, напуганная своей собственной бездѣятельностью, съ радостью оказала поддержку министерству, выражавшему ея собственныя, до тѣхъ поръ смутныя идеи.

Вотъ на какихъ прочныхъ основахъ покоилось министерство, противъ котораго Клемансо предпринялъ такую безжалостную войну. Война эта началась 6 марта 1883 года рѣчью о пересмотрѣ конституціи и закончилась знаменитымъ засѣданіемъ 30 марта 1885 года. Много разъ побѣда склонялась на сторону Клемансо, но страхъ передъ послѣдствіями министерскаго кризиса въ послѣднюю минуту отнималъ у палаты рѣшимость и она голосовала за министерство. Но въ душѣ всякаго депутата, будь то умѣренный, или радикалъ, кромѣ страха передъ министерскимъ кризисомъ, живетъ еще спасительный страхъ передъ избирателемъ.

Клемансо являлся именно какъ бы этимъ анонимнымъ избирателемъ, его устами какъ бы говорила общественная совѣсть, передъ судомъ которой рано или поздно долженъ былъ появиться каждый депутатъ.

Такимъ образомъ въ душѣ депутата всегда боролись два чувства: страхъ министерскаго кризиса, разстраивавшаго установившіяся уже у него личныя дружескія отношенія съ правительствомъ и страхъ передъ избирателемъ. Депутатъ закрывалъ глаза на всѣ ошибки министерства до тѣхъ поръ, пока оно умѣло скрывать ихъ отъ публики, но когда министерство вызывало какой нибудь скандалъ, котораго нельзя было спрятать, депутатъ первый отказывался отъ своего вчерашняго союзника.

Умѣренные республиканцы ненавидѣли Клемансо напоминавшаго имъ о долгѣ передъ избирателями, но вынуждены были идти за нимъ. Клемансо сдѣлался ихъ терроромъ. Впрочемъ онъ былъ пугаломъ и для министровъ, такъ какъ прозвище «tombeur des ministères», «разрушитель министерствъ», уже установилось за нимъ Министры трепетали всякій разъ, какъ онъ появлялся на трибунѣ. Въ одномъ засѣданіи между нимъ и Жюлемъ Ферри завязался слѣдующій небольшой но характерный діалогъ. При обсужденіи вопроса о пересмотрѣ конституціи Клемансо сказалъ между прочимъ слѣдующія слова:

«Министръ-президентъ взялъ на себя обязательство по отношенію къ вамъ, но это было во снѣ: онъ видѣлъ во снѣ, что если его кабинетъ проживетъ еще два года...».

Министръ-президентъ Жюль Ферри, перебилъ его вопросомъ:

«Отъ кого же это зависитъ?»

«Отъ васъ, а не отъ меня»—отвѣтилъ Клемансо.

«Это зависитъ отъ васъ,—возразилъ Жюль Ферн, вы уже свалили два министерства *).

*) Séance à la Chambre du 6 mar. 1883. (Journal officiel du 7 mars).

Такое вліяніе приписывалъ Клемансо самый смѣлый и самый сильный изъ вождей оппортюнизма.

VII.

Первая интерпелляція Клемансо новому министерству касалась пересмотра конституціи. Послѣ принятія амнистіи, пересмотръ конституціи сдѣлался главнымъ предметомъ политическихъ преній. Законодательные выборы 1881 года были произведены на почвѣ этого вопроса. Пунктъ «пересмотръ конституціи» даже былъ вписанъ въ програму многихъ умѣренныхъ республиканцевъ. Пересмотръ конституціи являлся такимъ сократимымъ и растяжимымъ обѣщаніемъ, что каждый могъ дать его не обязывая себя этимъ ко многому. Но и тогда уже среди умѣренныхъ республиканцевъ были противники какого бы то ни было пересмотра. Жюль Ферри также бывшій въ это время министромъ предсказалъ въ своей рѣчи въ Епиналѣ, что большая часть французскаго народа будетъ противъ пересмотра конституціи. Клемансо отвѣтилъ рѣчью въ палатѣ и утверждалъ, что предсказанія Жюля Ферри не исполнятся. И дѣйствительно, 310 депутатовъ республиканцевъ умѣренныхъ или радикаловъ, были за пересмотръ конституціи и онъ фигурировалъ въ ихъ программѣ. Впрочемъ пересмотръ былъ необходимъ. Но умѣренные и радикалы понимали этотъ пересмотръ каждый по своему. Отсюда произошла борьба, послужившая причиною паденія министерства Гамбетты.

Министерство Ферри было противъ пересмотра конституціи, но оно не могло совсѣмъ раздавить этотъ вопросъ послѣ того, какъ 310 депутатовъ дали своимъ избирателямъ положительныя обѣщанія..

Поэтому и министерство избрало средній путь, который состоялъ въ томъ, чтобы дать видимое и внѣшнее удовлетвореніе, произведя совсѣмъ незначительное измѣненіе въ конституціонныхъ законахъ. Интерпелляція Клемансо отъ 6 марта 1883 года разоблачила эти тайныя цѣли. Послѣ этого Клемансо противопоставилъ ограниченному пересмотру, подготовлявшемуся правительствомъ, планъ широкаго и демократическаго преобразованія.

Въ этой интерпелляціи, также, какъ и въ аналогичной рѣчи о пересмотрѣ конституціи въ 1881 г., и рѣчахъ, произнесенныхъ въ народныхъ собраніяхъ, сенатъ былъ главнымъ предметомъ нападковъ Клемансо [1]). Тогда онъ объяснялъ съ какими антидемократическими цѣлями было создано это учрежденіе, теперь онъ, опираясь на самую дѣятельность ея, стремился доказать всю основательность своихъ опасеній.

Сенатъ со своей стороны какъ будто старался оправдать составленное о немъ дурное мнѣніе. И въ самомъ дѣлѣ онъ отбросилъ, или урѣзалъ много республиканскихъ и либеральныхъ реформъ, принятыхъ палатой, напримѣръ реформу о лаицизаціи народнаго образованія, и знаменитую ст. 7, отнимавшую право преподавать у членовъ непризнанныхъ духовныхъ конгрегацій. Сенатъ отвергъ также и избирательную реформу: замѣну выборовъ по округамъ, (scrutin d'arrondi-

[1]) На предстоящихъ на дняхъ сенатскихъ выборахъ, въ Департаментѣ Var Клемансо выставилъ кандидатуру, успѣхъ коей обезпеченъ *Прим. ред.*

ssement), выборами по департаментамъ, (scrutin de liste) которая была принята палатою въ 1881 году.

Реакціонная политика сената была связана съ трехстепенной его избранія. Въ него входили обыкновенно тѣ республиканцы, которыхъ всеобщее избирательное право не пропускало въ палату и они навсегда сохраняли недовѣріе къ палатѣ. Клемансо считалъ уничтоженіе или коренное преобразованіе сената первымъ условіемъ политическаго прогресса, реформой изъ реформъ и предсказывалъ революціонное движеніе въ томъ случаѣ, если эта реформа не пройдетъ.

Эти пессимистическія предсказанія отлично показываютъ, каково было тогда настроеніе многихъ политическихъ дѣятелей и насколько оно различалось отъ теперяшняго настроенія. Теперь во Францію даже самыя крайнія партіи, — я говорю не о націоналистахъ, способныхъ производить только скандалы, а о настоящихъ народныхъ партіяхъ,— рѣдко обращаются къ революціи, какъ къ средству спасенія. Даже въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, какъ борьба съ президентомъ Казиміромъ Перье, они расчитывали исключительно на легальныя средства. Но въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, воспоминанія прошедшихъ революцій и въ особенности о послѣднемъ движеніи 1871 г. были еще свѣжи и всѣ вѣрили, что легко расшевелить парижскія предмѣстья. Поэтому и Клемансо произнесъ въ палатѣ: «Уничтоженіе Сената, или революція».

Нѣкоторые изъ депутатовъ стали горячо обвинять Клемансо въ стремленіи вызвать революцію.

«Это вы безсознательно ее дѣлаете—отвѣтилъ Клемансо, — отказываясь слушать мои предупрежденія».

Въ той же рѣчи о пересмотрѣ конституціи Клемансо произнесъ одинъ изъ тѣхъ демократическихъ афоризмовъ, которые сдѣлались послѣ достояніемъ газетъ и разъ навсегда вошли въ ораторскій репертуаръ радикальной партіи.

Этотъ афоризмъ явился какъ бы отвѣтомъ на рѣчь Ферри. Послѣдній обвинялъ радикальную партію въ томъ, что она поддерживаетъ въ странѣ вредную агитацію.

«Отдыхъ для народа—не существуетъ» отвѣчалъ теперь Клемансо: «дѣятельность есть законъ всякаго организма» [1]).

Нѣсколько дней спустя большія стачки въ Монсо-Ле-Минъ дали Клемансо хорошій случай доказать, что отвѣтственность за агитацію очень часто падаетъ на самихъ защитниковъ порядка.

Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности этой гигантской и шумной стачки, продолжавшейся больше полгода, но она была замѣчательна тѣмъ, что являлась актомъ въ защиту свободы совѣсти. По признанію самого директора копей, извѣстнаго Шаго, послѣдняго представителя династіи шахтовладѣльцевъ, привыкшихъ къ безграничной власти надъ своими рабочими, онъ принуждалъ ихъ ходить въ церковь, участвовать въ религіозныхъ процессіяхъ, выгонялъ ихъ изъ копей, если они женились однимъ только гражданскимъ бракомъ, или присутствовали на гражданскихъ похоронахъ.

---

[1]) Discours sur la révision de la Constitution prononcé a la Chambre le 6 Mars 1883. Edité en brochure par la librairie Marpon et Flammarion.

Помимо этого насилованія совѣсти, Шаго, соединявшій съ католическимъ фанатизмомъ большой соціальный и политическій консерватизмъ, преслѣдовалъ своихъ рабочихъ за ихъ политическія убѣжденія.

Послѣднимъ поступкомъ Шаго, истощившимъ терпѣніе рабочихъ, было изгнаніе изъ копей нѣсколькихъ рабочихъ, выбранныхъ товарищами въ городскіе совѣтники.

Какъ въ большинствѣ подобныхъ случаевъ, стачка приняла буйный характеръ, вмѣшались полиція и войска, что еще болѣе ожесточило рабочихъ.

Клемансо изложилъ въ палатѣ всѣ эти факты съ величайшими подробностями, почерпнутыми изъ судебныхъ документовъ, и потребовалъ правительственнаго вмѣшательства для защиты республиканскаго закона, гарантирующаго свободу совѣсти и убѣжденій.

Правительство осталось глухо ко всѣмъ просьбамъ. Оно объявило, что хочетъ быть нейтральнымъ въ столкновеніяхъ труда съ капиталомъ, что роль его заключается только въ огражденіи порядка.

Очень скоро послѣ преній по поводу стачки въ Монсо-Ле-Минъ, Клемансо снова выступилъ съ рѣчами, для защиты другой категоріи общественныхъ жертвъ—рецидивистовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Вальдекъ-Руссо [1]) выработалъ противъ нихъ строгій, проникнутый полицейскимъ охранительнымъ духомъ законопроектъ, по которому рецидивисты должны были ссылаться въ отдаленныя колоніи.

Произнесенная Клемансо по этому случаю рѣчь чрезвычайно характерна для его обще-философскихъ воззрѣній. Въ этой рѣчи Клемансо противопоставлялъ теоріямъ Вальдека-Руссо о полной отвѣтственности преступника и безграничномъ правѣ государства на его личность, гуманные принципы криминальной философіи XVIII столѣтія, философіи Бекаріа и Монтескье.

Въ этомъ вопросѣ, также какъ и въ преніяхъ по поводу стачки въ Монсо-Ле-Минъ, и въ вопросѣ о пересмотрѣ конституціи, большинство высказалось за министерство.

Къ политической реакціи, разыгравшейся въ это время въ странѣ, прибавился сильный промышленно-торговый кризисъ. Кромѣ того зима 1883—1884 г. была очень сурова, обстоятельство, еще усилившее дѣйствіе кризиса. Во всей Франціи, а особенно въ Парижѣ, тысячи рабочихъ скитались безъ работы и на шумныхъ митингахъ, вродѣ большого митинга на эспланадѣ инвалидовъ, требовали: «работы, или хлѣба». По этому поводу депутатъ Лангдуа, въ засѣданіи 31 января 1884 года внесъ въ палату вопросъ о кризисѣ. Клемансо спросилъ слова и произнесъ длинную рѣчь объ экономической политикѣ правительства. Для устраненія кризиса Клемансо предлагалъ средства, не шедшія дальше личной самопомощи и государственной и частной филантропіи. Но въ отличіе отъ правительства, Клемансо хотѣлъ широкаго парламентскаго изслѣдованія и изученія размѣровъ и причинъ кризиса.

На этотъ разъ палата, несмотря на сопротивленіе правительства, высказалась за предложеніе Клемансо 256-ю голосами противъ 248. Она избрала единственную за все время существованія третьей рес-

[1]) Нынѣ Президентъ Совѣта Министровъ и М-ръ Внутр. Дѣлъ.

публики, парламентскую слѣдственную комиссію для изученія экономическихъ отношеній страны [1]).

Это изслѣдованіе ничего не могло сдѣлать для прекращенія кризиса; послѣдній развивался своимъ естественнымъ путемъ.

Во многихъ мѣстахъ въ странѣ вспыхнули оборонительныя стачки противъ хозяевъ, уменьшавшихъ и число рабочихъ и ихъ заработную плату. Наибольшую извѣстность изъ всѣхъ этихъ стачекъ пріобрѣла стачка въ Анзенскихъ копяхъ. Правительство и здѣсь приняло сторону хозяевъ, подъ предлогомъ сохраненія порядка въ странѣ.

И на этотъ разъ на долю Клемансо выпала честь защищать законъ и рабочій классъ.

Онъ сдѣлалъ это своей интерпелляціей 7 апрѣля. 1884 годъ останется памятнымъ для Франціи, какъ одинъ изъ самыхъ несчастныхъ. Къ переживаемому страною экономическому кризису, къ неблагопріятному обороту, который приняла Тонкинская экспедиція, нужно прибавить и еще одно большое бѣдствіе: холеру. Эпидемія охватила большіе города въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Для прекращенія зла необходимо было принять быстрыя и энергичныя мѣры; нужно было произвести изслѣдованіе пораженныхъ мѣстностей и поступить сообразно результатамъ этого изслѣдованія.

Правительственные органы, — рабы формализма, не были въ состояніи произвести такое изслѣдованіе. Поэтому въ засѣданіи отъ 24 іюня 1884 года, крайняя лѣвая предложила избрать парламентскую комиссію и отправить ее въ мѣстности, пораженныя холерою. Правительство воспротивилось такой узурпаціи его власти и палата, вполнѣ подчинявшаяся Ферри, отвергла предложеніе.

Тогда крайняя лѣвая отъ себя выбрала комиссію и отправила ее въ Марсель, Тулонъ и Арль для произведенія частнаго изслѣдованія. Клемансо былъ между членами этой комиссіи.

Собранный матеріалъ послужилъ Клемансо темой для рѣчи, произнесенной 4 августа. Онъ описалъ ужасныя условія жизни въ пораженныхъ городахъ, нищету рабочихъ семей, живущихъ въ домахъ, и часто даже въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ умираютъ холерные больные. Въ одномъ домѣ, напримѣръ, умерло отъ холеры 17 человѣкъ, а другіе обитатели его не могутъ бросить зараженнаго дома, такъ какъ имъ негдѣ пріютиться.

Въ одной мансардѣ умираетъ отецъ, и дѣти его спятъ въ той же комнатѣ, гдѣ лежитъ мертвецъ. Голодъ, нищета, полная безпомощность и смерть, — самая ужасная смерть въ конвульсіяхъ, — вотъ что они нашли въ рабочихъ кварталахъ. Клемансо приводилъ примѣры одинъ другого безобразнѣе и ужаснѣе. Онъ никого не обвинялъ; онъ призывалъ правительство на помощь, онъ умолялъ его дать субсидіи городскимъ совѣтамъ, которые не въ состояніи собственными силами

---

[1]) Работа этой слѣдственной комиссіи, въ которой участвовалъ и Клемансо, пошла очень быстро. Еще въ томъ же 1884 году она издала первый томъ изслѣдованій, озаглавленный: „Procès verbaux de la Commission chargée de faire une enquête sur la situation des ouvriers de l'industrie et de l'agriculture en France et de présenter un premier rapport sur la crise industrielle à Paris (annexe au journal officiel).

бороться со зломъ. Все было напрасно! Безчувственный Вальдекъ-Руссо, остался неподвиженъ въ своей мертвой позѣ.

Клемансо напрасно старался оттаять это ледяное сердце. Вальдекъ-Руссо отказалъ. По его словамъ государственная помощь — подастъ дурной и заразительный примѣръ, и думы должны обойтись собственными средствами. Клемансо выразилъ свое негодованіе въ сильномъ и мужественномъ протестѣ: «Пусть будетъ такъ; я отмѣчаю, что министръ внутреннихъ дѣлъ явился на національную трибуну, говоритъ представителямъ націи: въ Тулонѣ холера; мы не будемъ оздоровлять Тулона,—это дѣло Тулонской думы; въ Марселѣ холера; мы не будетъ оздоровлять Марселя; это дѣло Марсельской думы! Это не мое дѣло, не дѣло министра. Такой языкъ недостоинъ члена правительства, министра внутреннихъ дѣлъ, республиканца, и я протестую противъ него, со всѣми избирателями всѣхъ коммунъ Франціи, которыя въ минуту опасности, могутъ нуждаться въ помощи націи» [1]).

Когда парламентъ дѣлался тѣсенъ для борьбы, которую Клемансо велъ противъ министерства, онъ переносилъ ее въ народъ.

Въ 1883 и 1884 году Клемансо, по обыкновенію организовалъ два большія народныя собранія: одно въ манежѣ города Лилля, 20 мая 1883 года, а другое въ хорошо извѣстномъ уже читателю циркѣ Фернандо въ Парижѣ, 25 мая 1884 года. На митингѣ въ Лиллѣ, служившемъ манифестаціей въ пользу широкаго пересмотра конституціи, Клемансо предупредилъ правительство о катастрофѣ, которую оно подготовляетъ для республики фразою, какъ пророчество повторявшеюся въ буланжистскій періодъ:

«Бѣдствія Имперіи обратили эту страну въ республику» воскликнулъ Клемансо. «берегитесь, чтобы бѣдствія республики не обратили ее въ монархію».

Рѣчь въ Лиллѣ была проникнута сравнительно спокойнымъ тономъ. Министерство Ферри находилось тогда еще въ началѣ своей карьеры. Но черезъ годъ, когда Клемансо появился на митингѣ въ Парижѣ, результаты дѣятельности этого министерства были на лицо. Свидѣтельства его ретроградной политики изобиловали. Съ одной стороны оно оставалось равнодушнымъ къ бѣдствіямъ Франціи, съ другой — старалось пріобрѣсти симпатіи всѣхъ ретроградныхъ слоевъ. Одинъ изъ самыхъ солидныхъ партизановъ правительства, вице-предсѣдатель палаты Спюлеръ, тотъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ называлъ «новымъ духомъ» примиреніе умѣренныхъ республиканцевъ къ католическою церковью, уже тогда произносилъ хвалебныя рѣчи по адресу папы подъ рукоплесканія роялистовъ и радикаловъ. Такимъ же обращеніемъ къ силамъ прошлаго были и фразы изъ рѣчи Ферри въ Периге, въ которыхъ онъ заявлялъ что «третья республика должна быть республикою крестьянъ».

Это поведеніе правительства и сдѣлалось предметомъ рѣчи Клемансо въ циркѣ Фернандо. Но рѣчь эта особенно поражаетъ тѣмъ, что въ ней, съ перваго и до послѣдняго слова, чувствуется кипѣніе неукротимаго гнѣва. Въ этотъ вечеръ Клемансо могъ удовлетворить и самые крайніе элементы.

---

[1]) Discours du 2 Août 1884.

Даже коллективисты, которыхъ и на этотъ разъ было также много, какъ на предъидущихъ собраніяхъ, должны были почувствовать нѣчто близкое и сродное ихъ собственнымъ идеямъ, когда Клемансо произнесъ слѣдующій строгій приговоръ третьей республикѣ: «Исторія третьей республики есть ничто иное, какъ исторія самозащиты привилегированныхъ всѣхъ категорій».

Въ это время кабинетъ Ферри подготовлялъ то, что радикальныя газеты называли «ревизіонистской комедіей». Онъ надѣялся успокоить общество и обезоружить оппозицію, предложивъ частичный пересмотръ конституціи. Въ первой половинѣ августа 1884 года палата и сенатъ собрались на конгрессъ — такъ назывались ихъ совмѣстныя засѣданія—въ Версали и приняли нѣсколько незначительныхъ измѣненій конституціи.

Клемансо въ обстоятельной и сильной рѣчи напрасно старался убѣдить конгрессъ въ необходимости широкаго пересмотра.

Въ этотъ моментъ большинство было еще тѣсно сплочено вокругъ правительства. Послѣднее широко праздновало побѣду. Нѣкоторые изъ правительственныхъ депутатовъ, намекая на ту рѣчь Клемансо, въ которой онъ предсказывалъ народное движеніе въ случаѣ, если сенатъ не будетъ уничтоженъ, теперь прерывали его ироническимъ вопросомъ:

— «Почему народъ не явился на станцію Санъ-Лазаръ?» [1]).

Но торжество министерства было непродолжительно.

Отъ Капитолія до Тарпейской скалы недалеко. Тонкинская экспедиція близилась къ тому печальному концу, когда она повлекла за собою широкое паденіе министерства.

Эта экспедиція останется самымъ крупнымъ актомъ дѣятельности Ферри. Ее вполнѣ можно назвать «великой идеей царствованія», имя, которымъ Руе, министръ и придворный второй имперіи окрестилъ Мексиканскую экспедію, прежде чѣмъ она завершилась извѣстнымъ трагическимъ концомъ.

Ферри находилъ, что иностранная политика Франціи слишкомъ ограничена и осторожна. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы для широкаго политическаго размаха, для всемірной политики, которая должна была доставить французскому оружію славу, а французскимъ фабрикантамъ, торговцамъ и другимъ предпринимателямъ—почву для приложенія ихъ разнообразныхъ способностей.

Отсюда и родилась идея завоеванія Тонкина. Но такъ какъ раньше, въ аналогическомъ случаѣ, при завоеваніи Туниса,—Ферри посѣялъ много надеждъ, и пожалъ разочарованія, то какъ колонизаторъ онъ имѣлъ сомнительную репутацію.

Поэтому, приступая къ выполненію своего новаго плана, онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Чтобы не встрѣтить противодѣйствія въ парламентѣ и въ странѣ онъ заявилъ, что вся экспедиція сведется къ небольшому усиленію французскаго гарнизона въ Ханаи, городѣ, принадлежавшемъ французамъ и раньше. Это усиленіе гарнизона имѣло цѣлью, по его словамъ, ограничить нападенія пиратовъ, дѣйствовавшихъ какъ въ Ханаи, такъ и во всей Тонкинской области. Для

---

[1]) Станція, откуда депутаты и сенаторы отправлялись въ Версаль.

этой цѣли по его заявленію довольно было кредита въ 2 милліона франковъ. Дѣйствуя ли по заранѣе начертанному плану, или увлеченный событіями, Ферри скоро измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе, и рѣшилъ окупировать всю область. Это рѣшеніе завлекало Францію въ войну съ Китаемъ.

Тутъ же начались недостойные маневры Ферри, онъ скрывалъ отъ парламента свои истинныя намѣренія и истинное положеніе дѣлъ въ Тонкинѣ. Чтобы избѣжать шумныхъ публичныхъ обсужденій, онъ даже отрицалъ существованіе войны между Франціей и Китаемъ. Эта политика была необходимымъ условіемъ избѣжанія дебатовъ, такъ какъ объявленіе войны и заключеніе мира по закону зависѣло отъ парламента. Послѣдній сдѣлался жертвой своей первой уступки и послѣ перваго кредита въ 2 милліона, былъ вынужденъ голосовать четыре новыхъ кредита въ 5, 20, 38 и 60 милліоновъ. Голосованіе кредитовъ сопровождалось отправкой новыхъ войскъ, которыхъ, къ концу марта 1885 года набралось до 40,000 человѣкъ.

Экспедиція продолжалась уже два года и нѣсколько разъ дѣлалась предметомъ шумныхъ парламентскихъ преній.

Въ 1883 году Клемансо интерпеллировалъ министерство два раза, 29 ноября и 10 декабря. Министерство отвѣчало съ большою смѣлостью, скрывая истину. Клемансо обвинялъ Ферри, что онъ вовлекаетъ Францію въ войну съ Китаемъ; Ферри восклицалъ: «Въ Тонкинѣ нѣтъ китайцевъ, ихъ тамъ и не видали». А французскія войска въ это время уже дрались съ китайцами. Въ другой рѣчи Ферри объявлялъ: «Въ Тонкинѣ военный періодъ уже закончился», когда въ сущности онъ едва только начинался. Въ своей рѣчи 27 ноября 1884 года, самой лучшей рѣчи, когда либо произнесенной во французской палатѣ по вопросу о колоніальной политикѣ, Клемансо вспоминалъ обо всѣхъ этихъ искаженіяхъ истины. Ферри въ это время уже запутался въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ и для спасенія своего положенія долженъ былъ продолжать держаться той системы скрыванія истины.

28 марта въ Парижѣ распространился пущенный англійскими источниками слухъ о пораженіи французовъ. Когда Ферри спросили объ этомъ, онъ отвѣтилъ, что положеніе войскъ превосходно, что крѣпость Лангъ-Сонъ отлично охраняется и что вся линія отъ Шу до Лангъ-Сона прочно занята французскими войсками. На другой день въ Парижѣ получилась оффиціальная телеграмма отъ генерала Бріера-де-Лиль—главнокомандующаго въ Тонкинѣ, который извѣщалъ о пораженіи французскихъ войскъ при Лангъ-Сонѣ, о ранѣ генерала Негріе и объ отступленіи войскъ подъ командою полковника Хефдингера. Генералъ Бріеръ оканчивалъ телеграмму просьбою о подкрѣпленіи. Правительство рѣшило послать ему это подкрѣпленіе, предложивъ палатѣ новый кредитъ въ 200 милліоновъ франковъ.

Возмущеніе въ Парижѣ и во всей Франціи не имѣло границъ. Гнѣвные клики со всѣхъ сторонъ повторяли одно и тоже имя,—имя Ферри, виновника катастрофы. На другой день 30 марта Клемансо отъ имени всей страны въ палатѣ потребовалъ отчета, но не какъ у министровъ, а какъ у подсудимыхъ.

«Господа, я не хочу отвѣчать предсѣдателю совѣта министровъ—я считаю, что въ настоящую минуту никакіе споры между мини-

стерствомъ, имѣющимъ его своимъ главою и республиканскимъ членомъ этой палаты невозможны. Да, всѣ споры между ними—кончены, мы не хотимъ больше васъ слушать, мы не можемъ больше обсуждать съ вами великіе интересы родины... Мы васъ больше не знаемъ и не хотимъ знать. (Крики одобренія со всѣхъ сторонъ). Дайте мнѣ говорить, господа. Я имѣю передъ собою уже не министровъ, а обвиняемыхъ. (Аплодисменты со всѣхъ сторонъ, крики: «да, сойдите же съ министерской скамьи!») Это—обвиняемые въ государственной измѣнѣ, на которыхъ не замедлитъ спуститься рука закона, если только во Франціи существуетъ какой нибудь принципъ отвѣтственности и справедливости».

Въ то же время, какъ говоритъ Клемансо — въ рядахъ правой подымаются шумные протесты противъ Ферри, который смѣется...

«Въ Тонкинѣ, не смѣются г. министръ-президентъ, нужно чтобы вся Франція знала, что вы только что смѣялись!»—кричитъ депутатъ графъ де-Менъ.

Другой депутатъ Рауль Дюваль, призываемый къ порядку за свои шумные протесты произноситъ слѣдующія слова: «Есть негодованіе, котораго нельзя сдержать: г. министръ-президентъ сейчасъ смѣялся и мы констатируемъ это! [1])

Но Ферри смѣялся не съ легкимъ сердцемъ! Его смѣхъ — былъ конвульсивнымъ смѣхомъ сумасшедшаго, не знающаго что дѣлать въ припадкѣ своей душевной болѣзни.

А рѣчь Клемансо текла—скорбная и презрительная. Она становилась возвышенной и меланхолической, когда онъ говорилъ о несчастныхъ французскихъ солдатахъ, павшихъ вдали отъ родины и родного крова, гнѣвной и жгучей, когда онъ обращался къ министрамъ.

Если рука правосудія и не коснулась Ферри по чисто политическимъ соображеніямъ, то судъ исторіи надъ нимъ былъ произнесенъ окончательно. Въ этотъ день Клемансо навалилъ тяжелую могильную плиту на политическую карьеру Ферри, самаго смѣлаго и самаго гордаго изъ вождей умѣренныхъ республиканцевъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ своего паденія Ферри уѣхалъ въ Италію оправляться отъ своего потрясенія. Время шло, но ничто не забывалось. 16-го іюля того же года при обсужденіи новаго франко-китайскаго договора, заключаемаго министерствомъ Бриссона, смѣнившаго Ферри. послѣдній опять былъ выставленъ къ позорному столбу. Клемансо въ гнѣвныхъ фразахъ напомнилъ ему всѣ его дѣйствія и приглашалъ его защищаться. Фери прятался, друзья его, депутаты Рувье, Томсонъ, Ранкъ, Ланглуа, должны были почти силой привести его въ залу засѣданія. Онъ сѣлъ на скамью, но у него не хватило мужества встать и защищаться. Вся эта сцена очень живо описана Пельтаномъ въ газетѣ «Justice»: «Ферри четыре мѣсяца тому назадъ наполнялъ прессу своими возгласами и фанфаронадой; этотъ человѣкъ поддѣлывалъ корреспонденціи, чтобы бросить послѣдній вызовъ общественному сознанію. Этотъ человѣкъ говорилъ всюду въ Парижѣ, въ Вогезахъ, въ Римѣ: моя политика хороша, совѣсть моя спокойна, когда настанетъ моментъ говорить, я заговорю; я буду защищаться; тѣ, кто говорятъ,

---

[1]) Journal officiel отъ 31 марта 1885 года.

что я хочу отдѣлиться границею отъ моихъ обвинителей, клевещутъ на меня и т. д. Вчера я не видалъ никакой границы между Трибуной и г. Жюлемъ Ферри, я видѣлъ группу депутатовъ, предававшуюся въ корридорахъ настоящей погонѣ за лисицей, его отыскивали, его преслѣдовали, его выкуривали изъ всѣхъ норъ залы конференцій, библіотеки и залы съ колоннами. Его прямо втолкнули за плечи въ залу засѣданій, и Клемансо съ высоты трибуны, обращался къ нему съ самыми прямыми вызовами и... ничего, ничего, ничего!..» ¹).

VIII.

Новое министерство Бриссона имѣло временное полномочіе: заключить миръ съ Китаемъ и произвести новые законодательные выборы, такъ какъ полномочія палаты приближались къ концу.

Двухлѣтнее безграничное властвованіе умѣренныхъ республиканцевъ еще болѣе расширило пропасть отдѣлявшую двѣ фракціи республиканской партіи. Радикалы и особенно крайняя лѣвая съ Клемансо во главѣ готовились извлечь всю возможную пользу для своей партіи изъ злосчастной политики Ферри.

Сигналъ къ избирательной борьбѣ былъ поданъ Клемансо въ Бордо на большомъ публичномъ собраніи 19 іюля 1885 года.

Нечего и говорить, что колоніальная политика павшаго кабинета составляла главный предметъ этой рѣчи. Кромѣ того, Клемансо обвинялъ павшее министерство еще въ заключеніи такъ называемыхъ «злодѣйскихъ конвенцій» (conventions scélérates), дававшихъ скандальныя привилегіи желѣзнодорожнымъ компаніямъ.

Но негодованіе Клемансо направлялось не только противъ министровъ, а противъ всей умѣренной республиканской партіи. Она несла на себѣ не меньшую отвѣтственность. Годъ тому назадъ эта строгая критика не смутила бы оппортюнистовъ, но теперь положеніе дѣлъ измѣнилось. Тонкинская катастрофа создала въ странѣ необыкновенно сильное движеніе противъ оппортюнистовъ. И въ какой моментъ! Какъ разъ передъ законодательными выборами.

Оппортюнисты чувствовали, что они наканунѣ пораженія. Вліятельные вожди партіи приглашали Жюля Ферри говорить, защищать ихъ, опровергнуть тяжкія обвиненія, которыя взваливали на партію противники.

Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, 29 іюля, Ферри, какъ настоящій виновникъ катастрофы, выступилъ въ палатѣ, чтобы отвѣтить на послѣднюю рѣчь Клемансо.

Ферри оправдывался тѣмъ, что Франція экономически нуждается въ колоніяхъ; кромѣ того, онъ считалъ колоніальныя экспедиціи полезными въ томъ смыслѣ, что онѣ сохраняютъ у французовъ военный духъ, который можетъ исчезнуть въ бездѣйствіи.

Наконецъ Ферри опирался на странное положеніе, что высшія расы имѣютъ право владѣть низшими.

Изложенные Клемансо аргументы противъ колоніальной политики сводились къ двумъ пунктамъ: что каждый народъ, безъ различія расы,

---

¹) „Justice“ du 17 Juillet 1885.

имѣетъ право самъ располагать собственной судьбой; и что спеціально для Франціи колоніальная политика означаетъ матеріальное раззореніе. Франція можетъ развиваться въ экономическомъ отношеніи и безъ колоній. У Швейцаріи и у Бельгіи нѣтъ колоній, что не мѣшаетъ имъ быть на первомъ мѣстѣ по своему промышленному развитію. Кромѣ того онъ утверждалъ, что Франція плохая колонизаторша [1]).

До этого момента одна только Тонкинская экспедиція стоила 477 милліона франковъ и жизни нѣсколькихъ десятковъ тысячъ солдатъ.

Клемансо еще никогда не велъ такую усиленную агитаторскую дѣятельность. какъ во время законодательныхъ выборовъ въ избирательный періодъ 1885 г. Онъ устроилъ рядъ собраній въ Драгиньянѣ, Тулонѣ, Дижонѣ и другихъ французскихъ городахъ. Подъ его руководствомъ въ Парижѣ былъ основанъ избирательный комитетъ радикальной соціалистической прессы.

Результатомъ выборовъ, какъ и слѣдовало ожидать, явилось полное пораженіе оппортюнистовъ. Въ большихъ городскихъ центрахъ они были побѣждены радикалами, по въ деревняхъ—монархистами. Усиленіе послѣднихъ явилось характерной чертой выборовъ 1885 г. Причиною этого усиленія роялизма явилась та же Тонкинская экспедиція. По сообщенію префекта Майенскаго департамента въ кантонѣ, въ которомъ на выборахъ 1880 года было 850 голосовъ за республиканцевъ и 50—за реакціонеровъ, на выборахъ 1885 года получилось какъ разъ обратное отношеніе. Реакціонные кандидаты получили 875 голосовъ.

«Этотъ поворотъ былъ произведенъ смертью двухъ молодыхъ людей, убитыхъ въ Тонкинѣ»—пишетъ онъ.

Въ палатѣ оказалось 201 монархистъ и 373 республиканца, изъ которыхъ большая часть—радикалы.

Новое распредѣленіе партій въ парламентѣ создавало для Клемансо исключительное положеніе. Изъ всѣхъ республиканскихъ вождей онъ одинъ предвидѣлъ и старался предотвратить бѣдствія, которыя готовила Франціи оппортюнистская политика. Онъ естественно сдѣлался теперь властителемъ республиканской партіи. Такимъ его считалъ и Энгельсъ, какъ видно изъ письма, напечатаннаго въ еженедѣльномъ органѣ коллективистовъ [2]).

Клемансо несомнѣнно самъ чувствовалъ, какъ онъ близокъ къ власти. Но съ другой стороны онъ понималъ, что при тогдашнемъ составѣ палаты рѣшительная реформаторская политика. какую бы ему

---

[1]) Мнѣніе, что Франція неспособна управлять своими колоніями и извлекать изъ нихъ всю возможную выгоду чрезвычайно распространено и до сихъ поръ. Французы считаютъ, что англичане представляютъ въ этомъ смыслѣ прямую противоположность. „Колоніи существуютъ для англичанъ", говорилъ два года тому назадъ Жюль Леметръ, и Quarterly Review отвѣтила ему на это, что онъ не знаетъ положенія дѣлъ въ Англіи. Revue Britannique, Octobre 1898, pp. 198—199). Дѣйствительно Англія, которая довела Индію до нынѣшняго плачевнаго состоянія, едва-ли заслуживаетъ названія хорошей колонизаторши.

[2]) Вообще Энгельсъ возлагалъ на Клемансо большія надежды. Въ письмѣ писанномъ въ 1882 г. къ Бернштейну и напечатанномъ теперь въ одномъ парижскомъ журналѣ Энгельсъ говоритъ, что считаетъ „желательной переходной фазой между „Аѳинской республикой Гамбетты" и „соціальной республикой коллективистовъ"—„спартанскую республику Клемансо".

хотѣлось вести — невозможна. Республиканская партія была снова въ такомъ же положеніи, какъ послѣ 16 мая. Всѣ ея усилія должны были быть направлены противъ роялистовъ. Но министерство, составленное изъ однихъ только оппортюнистовъ, или радикаловъ, всегда оказалось бы въ меньшинствѣ. Вслѣдствіе этихъ то обстоятельствъ и была начата другая политика.—«политика республиканской концентраціи». Клемансо обѣщалъ ей свою поддержку. Вотъ какъ впослѣдствіи онъ самъ объяснялъ свое поведеніе:

«Первая мысль всѣхъ безъ различія республиканцевъ на другой день послѣ выборовъ, въ октябрѣ 1885 года, была: соединимся, забудемъ во что бы то ни стало наши недавніе споры, чтобы бороться съ общимъ врагомъ, съ монархистской партіей» [1]).

Вышедшія изъ «республиканской концентраціи» министерства, помимо чисто оборонительной роли по отношенію къ роялистамъ, обѣщали ввести нѣкоторыя реформы, на которыя согласились всѣ республиканцы.

Когда Клемансо замѣчалъ, что министерства республиканской концентраціи идутъ тѣмъ же путемъ, какъ и ихъ предшественники, онъ отнималъ у нихъ свою поддержку. Первыя два министерства республиканской концентраціи: кабинеты Фрейсине и Годле пали по вопросу объ административныхъ реформахъ. При Фрейсине палата рѣшила уничтожить должность супрефектовъ-чиновниковъ, оставшихся отъ второй имперіи, ненужныхъ республикѣ. Правительство не согласилось и пало.

Годле палъ по тѣмъ же причинамъ. Послѣ паденія Годле во французскомъ парламентѣ появилась новая неизвѣстная, до тѣхъ поръ система политики: открытый союзъ оппортюнистовъ съ монархистами. На такую комбинацію опирался новооснованный кабинетъ Рувье.

Этотъ поворотъ въ парламентѣ борьбы развязывалъ руки Клемансо, и онъ снова началъ старую систематическую оппозицію.

Въ пятницу 21 октября 1887 г. Клемансо произнесъ на митингѣ въ Тулонѣ рѣчь противъ министерства Рувье, можетъ быть и не подозрѣвая, что паденіе его такъ близко.

И въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько дней послѣ этого неожиданно разразился скандалъ, извѣстный подъ именемъ дѣла Вильсона. Вильсонъ воспользовался своимъ положеніемъ зятя призедента республики Жюлю Греви и организовалъ настоящую торговлю орденами почетнаго легіона.

Клемансо 19 ноября внесъ интерпелляцію по поводу этихъ раскрытій, министерство Рувье пожелало отложить ее, но палата 317-ю голосами противъ 228 поддержала Клемансо. Это было порицаніемъ не только министерству, но и президенту Греви. Послѣднему не хотѣлось разставаться съ властью, но не находилось никого изъ республиканскихъ вождей, который бы согласился взять на себя составленіе кабинета. Тогда Греви предложилъ власть Клемансо, который также отказался.

Во время этихъ нѣсколькихъ дней республика находилась въ настоящей опасности. Съ одной стороны монархисты были сильны, съ

[1]) Discours à la Cambre du 11 juillet 1987.

другой—оппортюнисты, ободренные такимъ фіаско «республиканской концентраціи» пожелали вернуться къ старой «политикѣ интересовъ». Жюль Ферри не только выступилъ во главѣ умѣренныхъ республиканцевъ, но и былъ публично объявленъ ихъ кандидатомъ на постъ президента республики. Они надѣялись провести Ферри въ президенты съ помощью сената, гдѣ онъ пользовался большою популярностью.

Радикалы хотѣли уничтожить такой планъ и рѣшили не останавливаться для этого ни передъ какими средствами.

Клемансо сталъ во главѣ антиферристовъ. Они два вечера подъ рядъ собирались на совѣщанія, изъ которыхъ второе состоялось въ домѣ депутата Лагера 29 ноября и извѣстно подъ именемъ «исторической ночи». На второмъ изъ этихъ собраній присутствовалъ между прочими и генералъ Буланже. Собравшіеся уговаривали Клемансо согласиться на предложеніе Греви, составить министерство. Другіе предлагали прибѣгнуть къ возстанію, какъ къ крайнему средству. Они могли разсчитывать на полную поддержку какъ предмѣстій, такъ и парижскаго городскаго совѣта.

Вновь появившаяся кандидатура Карно умѣреннаго республиканца, за котораго голосовало много умѣренныхъ, спасло Францію отъ гражданской войны, или отъ президентства «Тонкинца» Ферри. Клемансо и Рошфору первымъ пришло въ голову предложить кандидатуру Карно [1]).

Х. Г. Инсаровъ.

[1]) Rochefort. Les Aventures de ma vie etc.

Молодые.

Разсказъ.

Графиня закрыла книжку Бурже и откинулась въ кресло. Ея немолодое, отцвѣтшее лицо было печально, выглядѣло больнымъ и утомленнымъ.

— Борьба за чувство—какой мучительной рисуетъ ее Бурже, думала графиня, но такъ ли она тяжела какъ борьба за человѣческое достоинство, за право жить по своему разуму, поступать по своей волѣ. Вотъ ей, напримѣръ, бороться за чувство совсѣмъ не пришлось, какъ-то ускользнула эта роскошь „сильное страстное чувство" изъ ея жизни. За то съ первыхъ дней замужества, приходилось оберегать и отстаивать свое право на каждый свободный шагъ: сближаться съ простыми, симпатичными людьми, тратить безъ контроля каждый собственный грошъ заниматься тѣмъ, къ чему лежитъ душа. А когда родился ребенокъ, пришлось бороться за право направлять дорогое дитя по дорогѣ сознательнаго труда, ведущей къ дѣятельности честной на пользу бѣдныхъ и униженныхъ. Богъ взялъ ея единственнаго ребенка и къ ея отчаянію примѣшивалась горькая радость, что ей нечего теперь бояться увидѣть душу своего ребенка искалѣченной, чуждой чистыхъ порывовъ и стремленій.

Вошедшій въ гостинную лакей вывелъ графиню изъ задумчивости. Онъ почтительно подалъ визитную карточку на маленькомъ серебряномъ подносикѣ.

Графиня оглянула себя въ широкое зеркало, помѣщенное надъ каминомъ, противъ ея кресла. Маленькая худая рука, привычнымъ жестомъ поправила кружево на головѣ и бандо почти сѣдыхъ, хотя еще густыхъ волосъ.

Поднеся длинный, черепаховый лорнетъ къ своимъ темнымъ глазамъ она прочла: Петръ Федоровичъ Шнуръ.

Раньше чѣмъ графиня успѣла приказать просить гостя или отказать, въ гостинную торопливой, немного подпрыгивающей походкой вошелъ Шнуръ.

Это былъ господинъ лѣтъ 40, небольшого роста, худой и вертлявый съ усами и остроконечной бородкой рыжеватаго оттѣнка. Небольшіе острые сѣрые глазки гостя пытливо и немного смущенно вглядывались въ лицо графини. Очень тонкій для мущины голосъ, прерывавшійся часто легкимъ, короткимъ смѣшкомъ, похожимъ на покашливанье, проговорилъ:

— Вы не разсердитесь, графиня, что я такъ ворвался, безъ позволенія, кхе, кхе, можно? Мы дуэтомъ.

— Дуэтомъ? что это значитъ?

Но Шнура въ комнатѣ уже не было.

Черезъ минуту гость снова появился, крѣпко держа за руку высокую, стройную, молодую женщину.

Слезы на глазахъ вошедшей, ея красное взволнованное лицо. тѣ усилія, которыя она дѣлала, чтобы вырваться изъ крѣпко державшихъ ее рукъ, показывали какъ сильно она была смущена.

— Моя законная супруга, волнуясь началъ Шнуръ, прошу снисхожденія, графиня, мы очень дики и трусливы, слова отъ насъ не добьетесь,—прошу снисхожденія. Надняхъ повѣнчались. Долго гадалъ да раздумывалъ и, наконецъ, рѣшился, мамаша дѣтокъ жалѣючи уговорила. Вотъ и стала теперь моя Евдокія Александровна настоящей барыней, кхе, кхе.

Говоря это Шнуръ ни минуты не оставался спокойнымъ, то дѣлалъ шагъ къ графинѣ, то нагибался къ женѣ, продолжая все время держать крѣпко ее за руки.

— Пожалуйста садитесь, — моя милая. Графиня указала гостьѣ на кресло рядомъ съ собою, на кончикъ котораго молодая женщина, наконецъ освобожденная мужемъ, опустилась, упорно смотря внизъ, боясь двинуться, боясь дышать.

Внимательно и долго разсматривала графиня свою гостью. Хорошо сшитое платье, въ тонъ ему маленькая шляпа, ничего яркаго, кричащаго во всемъ туалетѣ. Худенькое, теперь очень блѣдное лицо съ высокимъ лбомъ, вокругъ котораго свободно, природными кольцами лежали темные волосы. Глазъ не было видно, съ самаго своего прихода молодая женщина держала ихъ упорно опущенными внизъ. Но стоило перевести взглядъ

на нижнію часть лица гостьи, на ея руки и виднѣвшіяся изъ подъ платья ноги, какъ хорошее впечатлѣніе терялось. Большой ротъ, слишкомъ яркія и полныя губы, грубо очерченный подбородокъ, а главное, огромныя кисти рукъ, еще болѣе бросавшіяся въ глаза въ сверкавшихъ бѣлизною перчаткахъ и почти мужской величины ноги не оставляли сомнѣнія къ какому классу принадлежала гостья.

Почувствовавъ еще большее смущеніе отъ пристальнаго взгляда графини, но не смѣя и не умѣя нарушить молчанія, молодая женщина, стараясь скользнуть взглядомъ мимо лица графини, подняла свои свѣтлые, грустные глаза съ мольбою на мужа, точно прося защиты.

Шнуръ нервно вертѣвшійся на своемъ стулѣ, пока графиня разсматривала его жену, прервалъ долгое молчаніе.

— Она ужасно васъ боится, графиня, силой къ вамъ повезъ, заладила одно: стыдно, да стыдно.

И обратился къ женѣ наставительнымъ тономъ, какимъ говорятъ съ маленькими дѣтьми:

— Нечего такъ трусить, дорогая Дунечка, графиня давно знаетъ нашъ съ вами романъ. Стыдиться вамъ въ настоящемъ тоже нечего, напрасно опускаете такъ низко вашу головку.

На словѣ „настоящемъ" Шнуръ сдѣлалъ замѣтное удареніе.

Графиня прочитала во взглядѣ гостьи такую мучительную боль, когда та, наконецъ, рѣшилась взглянуть на нее, что пожалѣла ее отъ всего сердца.

— Не бойтесь и не смущайтесь такъ, моя милочка, ласково обратилась она къ молодой женщинѣ, стараясь ободрить и приласкать ее, — повѣрьте я желаю вамъ только добра. Вашъ мужъ сказалъ правду, еще три года тому назадъ, когда онъ пріѣзжалъ въ отпускъ съ Кавказа, онъ разсказалъ мнѣ о—о своей къ вамъ привязанности, описывалъ мнѣ васъ какъ милую, кроткую женщину и я тогда еще совѣтывала ему жениться, если у васъ будутъ дѣти. Какъ я узнала изъ писемъ Петра Федоровича у васъ за это время родилось двое дѣточекъ и, слава Богу, вамъ теперь не нужно будетъ краснѣть передъ ними. Вы, конечно, знаете отъ вашего мужа, что онъ выросъ у меня на глазахъ и поэтому я принимаю въ немъ и въ васъ такое участіе. Отецъ его былъ управляющимъ нашего имѣнія и до послѣдней минуты жилъ у насъ, даже совсѣмъ уже больной. Во время болѣзни отца, Петръ Федоровичъ доказалъ, какимъ хорошимъ и добрымъ человѣкомъ можетъ быть: онъ день и ночь ходилъ за параличнымъ стари-

комъ, высказывалъ такую преданность и заботы, тогда какъ до болѣзни отца казалось, что онъ только боится его, а не любитъ. Насъ всѣхъ удивило и умилило это его доброе отношеніе къ старику. Я сказала насъ всѣхъ, имѣя въ виду весь нашъ домъ, старую прислугу и работниковъ, всѣ эти люди раньше не долюбливали молодого человѣка, считали его дерзкимъ, заносчивымъ. Со смерти старика я мало видѣла Петра Федоровича, но въ наши съ нимъ короткія и рѣдкія свиданія всегда старалась помнить, что въ глубинѣ его натуры лежитъ хорошее, доброе основаніе и моя увѣренность въ его добромъ сердцѣ даетъ мнѣ надежду на ваше счастье.

Пока говорила графиня, Дунечка, то со страхомъ, то съ нѣжностью, взглядывала на мужа, точно сама еще не могла рѣшить, которое изъ этихъ двухъ чувствъ, по отношенію къ нему, беретъ надъ нею верхъ.

Шнуръ ерошилъ свою бородку, очевидно, довольный похвалами графини.

— Ваши дѣти теперь съ вами? здѣсь? спросила графиня, непремѣнно желавшая вовлечь свою гостью въ разговоръ.

Но Шнуръ самъ торопливо отвѣтилъ за жену.

— Какъ же съ нами, графиня, и даже прислуга при нихъ отъ самаго дома ѣдетъ. Настоящей барыней стала теперь моя Евдокія Александровна, съ прислугой путешествуетъ— кхе, кхе, прежде сама шубы подавала, а теперь ей подаютъ.

При послѣднихъ словахъ мужа, Дунечка опять багрово покраснѣла.

— Въ томъ позора нѣтъ, что ваша жена прежде жила въ услуженіи и честнымъ трудомъ зарабатывала свой хлѣбъ, а вотъ попрекать ее прежнимъ ея положеніемъ вамъ очень стыдно, сухо замѣтила графиня Шнуру.

Онъ злобно сверкнулъ глазами при этомъ упрекѣ и ядовито возразилъ:

— Это-то, конечно, не позоръ, что она въ горничныхъ жила, и честно ли зарабатывала она деньги, не знаю, а вотъ что она тому господину, отъ котораго ко мнѣ въ одной рубашкѣ прибѣжала, за деньги продалась, даже очень позорно и грязно.— И, какъ бы одумавшись, прибавилъ: Впрочемъ, вѣдь супруга моя во всей этой исторійкѣ неповинна, такъ, по крайней мѣрѣ, она сама утверждаетъ и я не смѣю ей не вѣрить, кхе, кхе. 16-ти-лѣтней дѣвочкой ее опоили и продали. Дунечка увѣряетъ, что даже не понимала, что надъ ней творили,—хочу

вѣрить, хотя, конечно, удивляюсь, какъ 16-ти-лѣтняя дѣвушка изъ грубой, даже, могу сказать, развращенной среды, могла быть столь наивна, что рѣшительно-таки ничего не понимала, какъ барышня институтка какая, да и барышни теперь, въ эти годы, все хорошо понимаютъ.

Въ глазахъ Дунечки выразился ужасъ при словахъ мужа, она, точно защищаясь отъ удара, подняла свою большую руку въ его сторону. Затѣмъ эта дрожащая рука съ тяжелымъ золотымъ браслетомъ безсильно опустилась и громкія рыданія, прерываемыя возгласами: охъ, стыдъ какой, Господи, охъ, стыдъ какой! заставили одновременно графиню и Шнура броситься къ молодой женщинѣ.

— Богъ съ тобой, Дунечка, съ чего ты такъ плачешь, сконфуженно говорилъ Шнуръ, рѣшительно недоумѣвая, почему эти столь привычные, часто бросаемые женѣ упреки прошлымъ, на этотъ разъ вызвали такой взрывъ отчаянія.

Графиня сурово отстранила его отъ жены и сама, вплотную придвинувши свое кресло къ молодой женщинѣ, стала ласково гладить ее по головѣ, какъ маленькаго ребенка.

— Стыдно, Петръ Федоровичъ, такъ мучить беззащитную женщину, мать вашихъ дѣтей, вы обязаны оказывать ей уваженіе, строго обратилась графиня къ Шнуру. При мнѣ, совершенно посторонней для нея, ворошите ея горькое прошлое. Я понимаю теперь, почему она такая запуганная и смущенная, вы тираните ее вашими упреками, чтобы держать крѣпче въ своей власти и куражиться надъ нею. Для меня не новость эта черта вашего характера; съ дѣтства вашего вы любили куражиться надъ слабыми и подвластными вамъ, пока вамъ не давали отпора, теперь вы нашли себѣ жертву въ вашей кроткой, покорной женѣ. Стыдитесь, Петръ Федоровичъ, а еще говорили, что любите ее, стыдитесь, стыдитесь.

— Помилуйте, графиня, бормоталъ Шнуръ, чего же стыдиться, конечно, я люблю Дунечку и если позволилъ себѣ при васъ напомнить ей ея прошлое, то потому только, что считаю васъ какъ бы за родную мать, да и съ того пріѣзда моего вамъ многое, извѣстно, но, если вы не приказываете, я ничего больше говорить не буду обо всей этой авантюрѣ моей супруги.

— Замолчите, рѣзко остановила графиня Шнура такимъ повелительнымъ жестомъ, что онъ робко и молча возвратился на свое прежнее мѣсто и сидѣлъ тихо, несмѣло посматривая

то на жену, то на графиню, въ продолженіе всего времени, пока говорила графиня.

— Полноте, не плачьте, мое милое дитя, и,если, можете повѣрить мнѣ, примите мой совѣтъ, который я, какъ опытная, много страдавшая женщина, даюъ вамъ отъ всего сердца, говорила графиня Дунечкѣ, вытирая своимъ платкомъ ея мокрое отъ слезъ, теперь такое некрасивое и жалкое лицо.

— Вы чувствуете себя несчастной и виноватой? Вашъ мужъ упрекаетъ васъ несчастьемъ, съ вами случившимся? Его упреки держатъ васъ въ постоянномъ страхѣ передъ всѣми? Допустимъ самое худшее, чему я не вѣрю, глядя на васъ, допустимъ, что вы сами по своей доброй волѣ сдѣлали проступокъ, напоминаніе о которомъ такъ тяжело вамъ. Шесть лѣтъ назадъ вы были совершенной дѣвочкой. Дѣвочка безъ поддержки, видящая кругомъ дурные примѣры, ища выхода изъ тяжелой жизни, вы рѣшились на этотъ поступокъ. Но ваша честная натура возмутилась и вы скоро поняли весь ужасъ своего положенія. Судьба свела васъ съ вашимъ теперешнимъ мужемъ и всѣ эти шесть лѣтъ совмѣстной съ нимъ жизни, вы были примѣрной женщиной и хорошей матерью. Подумайте, можно ли вѣчно казнить себя за ошибку, когда цѣлые годы честно искупаешь свою вину. Если бы вы были дѣйствительно дурной и развращенной женщиной, попавъ на привольную жизнь, вы бы продолжали прежнее. Самое ваше смущеніе, страхъ и слезы показываютъ, какъ вы чисты помыслами теперь, когда имѣете возможность жить по своему вкусу. А какое множество женщинъ, имѣвшихъ образованіе, поддержку, средства, мѣняютъ честную жизнь на порочную и, не стыдясь своей грязи, гордо поднимаютъ передъ всѣми голову. Вамъ нечего теперь стыдиться и некого бояться. Вашъ мужъ, котораго вы должны цѣнить и уважать за то, что онъ спасъ васъ, даже онъ не смѣетъ теперь упрекать васъ. Исполняя во всемъ его волю, вы должны оберегать свое достоинство, не должны позволять ему глумиться надъ вами. Вотъ я старуха, ничего въ жизни дурного не сдѣлавшая, съ полнымъ сознаніемъ и радостью говорю вамъ, что вы честная, хорошая женщина и каждая хорошая женщина можетъ быть вамъ равной и дорожить вашей дружбой. Вы много перенесли за эти годы униженія, своими страданіями и честной жизнью. Завоевали себѣ уваженіе. Не позволяйте никому смотрѣть на себя сверху внизъ. Есть одно средство заставить васъ сознательно и разумно добиться этого. Скажите мнѣ, вы, конечно, грамотная?

Дунечка утвердительно кивнула головой.

— Но если и мы всѣ, на которыхъ потрачено такъ много денегъ, полуграмотныя, то васъ уже навѣрно мало и плохо учили, и почти ничему не выучили. Вотъ вамъ мой дружескій совѣтъ: учитесь, учитесь и учитесь. Вы такъ еще молоды, передъ вами вся жизнь впереди. Теперь вездѣ есть образованныя молодыя дѣвушки, которыя за гроши будутъ заниматься съ вами. Каждый свободный часъ, когда ваши дѣти будутъ спать, когда вашего мужа не будетъ дома, учитесь и читайте. По вашему высокому лбу, по серьезнымъ глазамъ я вижу, что вы сможете достигнуть того, чего захотите. Рѣшите и постарайтесь всѣми силами образовать себя и сдѣлаться равной вашему мужу въ умственномъ и нравственномъ развитіи.

Дунечка, затихла и перестала плакать. Съ ея души точно снимали гнетъ, огромной тяжестью лежавшій на ней всѣ эти долгіе, печальные годы. Жадно ловила она каждое движеніе губъ графини.

— Когда вы разовьете вашъ природный умъ, продолжала графиня, вы поймете, что ваша печальная молодость не налагаетъ на васъ несмываемаго, вѣчнаго пятна. Поймете, что ваше честное и чистое настоящее обязываетъ самыхъ лучшихъ людей относиться къ вамъ съ уваженіемъ. Развившись умственно вы поведете своихъ дѣтей сознательно по честной дорогѣ, съ которой такъ легко сбиться въ молодости, по которой васъ некому было направить. Избавите ихъ отъ ошибокъ и страданій, выпавшихъ на вашу долю. Поднимите же смѣло вашу голову и скажите, вѣрите ли вы мнѣ, хотите ли исполнить мой совѣтъ?

Въ первый разъ глаза молодой женщины не опустились передъ взглядомъ графини, она отчетливо и ясно отвѣтила:

— Я вѣрю вамъ, я буду учиться, и, обращаясь къ мужу рѣшительно и смѣло заговорила, не спуская съ него своихъ блестящихъ глазъ:

— Вѣдь ты позволишь мнѣ учиться, чтобы не стыдно было тебѣ и дѣткамъ за меня. Я знаю, ты добрый и жалѣешь меня, и хоть дурой себя не считаю, да слово сказать не смѣла ни при комъ, думалось, что и ротъ, то мнѣ не раскрыть передъ честными людьми, что застыдятъ и засмѣютъ, а графиня, которую ты самъ всегда выше и умнѣе всѣхъ почиталъ, на которую и взглянуть то мнѣ боязно было, говоритъ, что я не хуже другихъ и могу быть равной ей и всѣмъ хорошимъ людямъ. Ужъ такъ я рада, Господи ты мой, и сказать не могу, въ ноги ей поклонюсь за ея слова радостныя, все нутро мое

они перевернули. Не кори ты меня стыдомъ моимъ, легче мнѣ побои твои перенести...

— Онъ билъ васъ, о, Господи! всплеснула руками графиня.

— Дайте мнѣ договорить, дорогая моя барыня, пока я въ силахъ себя чувствую. Легче мнѣ побои твои перенесть, снова обратилась Дунечка къ мужу. Побьешь да приласкаешь. За науку побои твои принимаю, а какъ зачнешь старое поминать, что ножемъ по сердцу рѣжешь. Коли ты его простить, изъ ума выкинуть не можешь, такъ чужіе и честные и смотрѣть то на меня не захотятъ. Какъ супругой твоей стала, все думала, какая же я тебѣ жена, коли не могу ни посовѣтовать ни подѣлить съ тобой твою заботу. Какая я мать дѣтямъ, коли не могу ничему научить ихъ. Иной разъ и понимала, что это хорошо, а это дурно, а сказать не могла. Теперь я смѣлая стала, знаю, что и хорошіе люди мною не брезгаютъ и стыдиться мнѣ нечего, коли соблюдаю себя и по-божьи живу.

Пока говорила Дунечка, Шнуръ сначала слушалъ ее съ удивленіемъ, а потомъ почувствовалъ смущеніе и даже гордость, что вотъ какая его женушка, какъ все поняла и прочувствовала. Этотъ суетливый, маленькій человѣкъ такъ привыкъ считать безсловесной и безропотной бояливую женщину, что теперь, видя ея ясное, спокойное лицо, слыша ея увѣренный громкій голосъ, почувствовалъ, что отнынѣ не будетъ такъ всецѣло властвовать надъ нею. Она пойдетъ твердо по намѣченной дорогѣ и скорѣй его самого поведетъ за собою. Къ его смущенію примѣшивалась даже радость, точно облегченіе. Онъ любилъ свою Дунечку и давно простилъ ей ея прошлое и если часто упрекалъ ее имъ, то только потому, что видѣлъ, какъ эти упреки убивали въ ней всякую самостоятельность, присущую ея уму и характеру. Часто жалѣя ее, онъ все-таки грубо упрекалъ ее, чтобы крѣпче держать возжи въ рукахъ. Не разъ и раньше онъ замѣчалъ безошибочность ея взглядовъ и ясное пониманіе, но всегда подавлялъ эти проявленія ея духовной жизни грубыми напоминаніями ея вины, ея несмываемой грязи. Что-то робкое, непривычное для Дунечки было въ его манерахъ и голосѣ, когда онъ заговорилъ съ нею.

— Я очень радъ, дорогая Дунечка, что ты чувствуешь себя счастливой и смѣлой, я всегда зналъ, какая умница моя дорогая женушка и какъ немного ей недостаетъ, чтобы сдѣлаться лучше другихъ.

Когда молодая женщина, растроганная его словами, стала цѣловать его, онъ отвѣчалъ ей нѣжными ласками.

Они забыли, что не у себя дома и не одни, не видѣли роскошной, большой комнаты съ темными тяжелыми портьерами, изящной мебели, картинъ и цвѣтовъ, не замѣчали старой женщины въ ея креслѣ, смотрѣвшей на нихъ съ радостной улыбкой, женщины, которая дала имъ ключъ къ ихъ будущей семейной жизни.

О, если бы также легко могла эта старая женщина создать нѣкогда собственное свое счастье, если бы судьба столкнула ее съ характеромъ грубымъ, но трусливымъ, съ сердцемъ способнымъ привязываться и уступать. Увы, на ея долю въ продолженіе долгихъ лѣтъ выпала борьба съ жестокимъ упрямствомъ и эгоизмомъ, алчностью и холоднымъ сердцемъ, не уступающимъ ни нѣжности, ни привычкѣ.

Когда гости собрались уходить, Дунечка какъ матери цѣловала руки графини.

— По гробъ жизни не забуду, что вы для меня сдѣлали, всѣ силы свои положу оправдать ваше довѣріе, благодарю, благодарю васъ, ваше сіятельство, говорила молодая женщина, блестящими глазами смотря на графиню.

Какъ не похожа была эта Дунечка, точно выросшая, съ яснымъ, спокойнымъ лицомъ, на ту трепещущую, сконфуженную женщину, которую за часъ силой притащили въ эту комнату.

Шнуръ шелъ за женой сконфуженный, соразмѣряя свои сѣменящіе шажки съ ея походкой. Когда въ дверяхъ молодая женщина еще разъ обернулась и рукой послала графинѣ поцѣлуй, ея мужъ услужливо придержалъ тяжелыя складки портьеръ.

Окруженная темнымъ бархатомъ, какъ въ рамкѣ, стояла Дунечка, серьезная и радостная.

Гости скрылись. Графиня нѣсколько минутъ сидѣла, сохраняя на лицѣ оживленіе, а потомъ глубоко вздохнула и лицо ея приняло обычное выраженіе тоски и утомленія.

Е. Лебедева.

Рашель и Ристори.

(по очеркамъ Ж. д'Эйлли)

Знаменитая итальянская трагическая артистка Ристори недавно отпраздновала восьмидесятилѣтіе своего перваго сценическаго дебюта, который состоялся немного спустя послѣ ея рожденія. Она родилась 26 Января 1822 г. въ Cividale (Frioul) и, какъ сама разсказывала, ей было всего нѣсколько мѣсяцевъ отъ роду, когда однажды вечеромъ директоръ труппы, въ которой подвизались ея родители—скромные драматическіе артисты,—назначилъ будущую великую артистку фигурировать главнымъ аксесуаромъ въ маленькой комедіи „Les étrennes“: въ корзинѣ, наполненной яйцами, фруктами и дичью спрятали съ большою осторожностью бѣлокураго, розовенькаго ребенка, который впослѣдствіи сталъ знаменитою артисткою Аделаидой Ристори.

На третьемъ году ея жизни состоялся второй ея дебютъ въ исторической драмѣ, „Bianca et Fernando“ соч. Avelloni. Съ тѣхъ поръ она появлялась во всѣхъ пьесахъ, гдѣ фигурировали дѣти: 14-ти лѣтъ она играла Les jeunes premières, въ 15—Les grands premiers rôles; наконецъ, 18-ти лѣтъ т. е. въ 1840 г. она выступила въ первый разъ въ трагедіи Шиллера „Марія Стюартъ“, которая впослѣдствіи стала ея коронной ролью. Въ 1847 г. Аделаида Ристори вышла замужъ за маркиза Guiliano Capranica del Grillo, отъ котораго она имѣла 4-хъ дѣтей: изъ нихъ въ живыхъ остались только двое.

M-me Ристори,—сохранившая эту фамилію и послѣ замужества,—была на два года моложе Рашель; ей пришлось быть только кратковременной соперницей послѣдней, такъ какъ къ пріѣзду итальянской труппы въ Парижъ, въ 1855 г., Рашель собиралась совершить большое артистическое турнэ въ Америку и, въ виду этого путешествія, даже прекратила свои представленія въ Comédie Française.

Мы задались цѣлью не столько коснуться драматической

карьеры и тѣмъ менѣе частной жизни Ристори, сколько сообщить, по случаю исполнившагося восьмидесятилѣтія, нѣкоторыя неизданныя, или вѣрнѣе неизвѣстныя подробности о ея многократныхъ путешествіяхъ во Францію. Мы напомнимъ въ особенности о соперничествѣ, въ сущности совершенно искусственномъ, возникшемъ съ первыхъ же представленій въ Парижѣ, между ею и великой французской артисткой, соперничествѣ, которое создало общественное мнѣніе, искусно поддерживаемое прессой и которое злобствовало на Рашель, за ея постоянныя несоблюденія ангажементовъ, вѣчныя скитанія и наконецъ за продолжительное заатлантическое путешествіе, которое она приготовлялась совершить несмотря на Всемірную Выставку, бывшую въ 1855 г.; трудно было предположить, всего менѣе ей самой, что оно отстранитъ ее на всегда отъ театра и въ концѣ концовъ будетъ причиной ея смерти.

I.

Достойно замѣчанія, прежде всего, что, въ 1855 г. имя Ристори, прославленное во всѣхъ театрахъ итальянскаго полуострова, въ Неаполѣ, въ Туринѣ, во Флоренціи и даже въ самомъ Римѣ, и которое должно было въ скоромъ времени стать знаменитымъ въ цѣломъ мірѣ,—было совершенно неизвѣстно во Франціи, тогда какъ слава Рашель заблистала по всему свѣту чуть не на слѣдующій день ея дебюта. Вслѣдствіе этого, когда при открытіи Всемірной Выставки было объявлено о представленіяхъ итальянской труппы, оно было принято съ полнѣйшимъ равнодушіемъ.

Однако, въ этой самой труппѣ находился на первомъ планѣ, вмѣстѣ съ Ристори, вполнѣ достойный ея партнеръ, трагикъ Эрнесто Росси, одинаково извѣстный на всѣхъ первыхъ сценахъ Италіи, и который впослѣдствіи пользовался большой репутаціей во всей Европѣ. Надо сказать, что этимъ двумъ превосходнымъ артистамъ недоставало необходимаго освященія ихъ таланта успѣхами въ Парижѣ, „la ville lumière“, который одинъ создаетъ и разрушаетъ славу, и который въ нѣсколько дней далъ имъ, въ особенности Ристори, такую извѣстность, о какой они не смѣли и мечтать.

Директоромъ королевской сардинской труппы былъ тогда M. Righetti, дѣятельный импрессаріо; онъ, однако, колебался предпринять это артистическое путешествіе въ Парижѣ, помня, вѣроятно, о неудачахъ, которыя ему пришлось уже испытать въ подобныхъ предпріятіяхъ. Пришлось прибѣгнуть къ помощи друга маркиза de Grillo, командора Aléxandre Molvano, который согласился взять на свой страхъ это предпріятіе; и чтобы окончательно убѣдить Righetti, Ристори вмѣстѣ съ мужемъ, обязались раздѣлить съ нимъ убытки, въ случаѣ неуспѣха, такъ что его почти силою заставили принять рѣшеніе, которое принесло ему извѣстность и дало цѣлое состояніе.

Спустя немного времени, послѣ неизбѣжныхъ хлопотъ,

зала Ventadour оказалась свободной въ виду закрытія итальянскаго опернаго сезона и была снята на все лѣто. Наконецъ на 22-е мая было назначено въ Парижѣ первое представленіе королевской сардинской труппы.

Въ началѣ этого мѣсяца итальянскіе артисты пріѣхали въ Парижъ. Ристори привезла съ собой два рекомендательныхъ письма, которымъ она, не безъ основанія, придавала большое значеніе: одно было къ знаменитому критику Journl des Debats, Jules Janin, бывшему тогда на вершинѣ славы; другое къ писателю, можетъ быть и не столь ученому, но тѣмъ не менѣе очень вліятельному, итальянцу Pier-Angelo-Fiorentino, который, подъ разными именами, съ большимъ блескомъ держалъ въ своихъ рукахъ драматическую критику въ Constitutionnel и музыкальную въ Moniteur.

Ристори разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что первымъ ея желаніемъ, по прибытіи въ Парижъ, также какъ и всѣхъ артистовъ, ея труппы было посмотрѣть Рашель въ одной изъ ея главныхъ трагическихъ ролей, которую ни она и ни кто изъ ея труппы никогда не видали. Но съ 23 марта знаменитая артистка прекратила свои представленія, готовясь къ отъѣзду въ Америку. Потерявъ надежду увидѣть ее на сценѣ, Ристори собиралась ей написать просьбу о свиданіи, желая выразить ей свое восхищеніе и, вѣроятно, надѣясь въ тоже время получить отъ нея нѣкоторые совѣты и поддержку. Jules Janin, съ которымъ повидимому, итальянская артистка совѣтовалась поэтому поводу, отговорилъ ее отъ этой попытки, обѣщавъ ей встрѣчу съ Рашелью на обѣдѣ, который, однако не состоялся.

II.

Первое представленіе итальянской труппы произошло въ назначенный день 22 мая 1855 г. въ залѣ Ventadour.

Программа состояла изъ довольно посредственной трагедіи Сильвіо Пеллико: Francesca da Rimini и изъ комедіи Жиро: Les jaloux heureux. Успѣхъ итальянскихъ артистовъ въ этотъ вечеръ былъ удовлетворительный, но по немъ нельзя было судить о его важности и значеніи. Пресса отозвалась скорѣй снисходительно, нежели восторженно; но въ общемъ, газеты указывали на талантъ двухъ главныхъ артистовъ, Эрнесто Росси и въ особенности Ристори.

Слѣдующія представленія, составленныя преимущественно изъ итальянскихъ комедій, какъ напр. „La Locandiera“ Гольдони и „Un curieux accident“, того же автора, не могли привлечь публику, большинство которой, не зная итальянскаго языка, могло оцѣнить только сильныя сцены горячо проведенныя, какъ это было въ трагедіи и даже въ мелодраммѣ, но никакъ не комедію иностраннаго репертуара, характеръ котораго былъ ей чуждъ.

Сборъ съ этихъ первыхъ представленій не окупалъ даже

газетныхъ расходовъ; импрессаріо Righetti начиналъ серьезно опасаться и былъ уже близокъ къ полному отчаянію. Но нѣсколько дней спустя, 30 Мая, афиши возвѣстили первое представленіе Myrrha, трагедіи Alfieri, довольно причудливый сюжетъ которой—дочь, влюбленная въ своего отца—далъ однако возможность блеснуть нѣсколькими трагическими сценами, дѣйствительно выдающимися.

Не оспоримо, что Alfieri съ несомнѣннымъ искусствомъ нашелъ средства заинтересовать зрителей личностью Myrrh'ы; борьба несчастной дочери Cinyras съ собой и своей преступной и невольной любовью, ужасная и въ то же время трогательная смерть, на которую она сама обрекаетъ себя въ наказаніе за преступленіе, а также подъ вліяніемъ стыда, вызваннаго, въ минуту страданій, признаніемъ отцу въ своей пагубной страсти—все это составляетъ сильную драматическую развязку.

Ристори была замѣчательна въ роли Myrrh'ы своей трогательной игрой, увлекательной мимикой, иногда впрочемъ чрезмѣрной, разнообразной блестящей и въ то же время мягкой интонаціей, своего голоса и пластичными позами, вполнѣ выдержанными до конца этой ужасной роли. Она возбудила энтузіазмъ, хотя и перешедшій границы, но вполнѣ ею заслуженный. Въ антрактахъ въ фойе приходили ее поздравлять знаменитые французскіе критики. Александръ Дюма въ особенности восхищался артисткой и, какъ разсказываетъ сама Ристори, онъ цѣловалъ ея руки и одежду и разсыпался съ обычнымъ краснорѣчіемъ и болтливостью въ самыхъ шумныхъ комплиментахъ. При паденіи занавѣса, послѣ финальной сцены, гдѣ она такъ искусно закалывается и умираетъ, публика, стоя вызывала Ристори, также какъ и ея партнера Эрнесто Росси, и на другой день во всѣхъ газетахъ, съ Mousquetaire во главѣ, печатались преувеличенные отзывы о безчисленныхъ оваціяхъ, которыя выпали на долю артистки, мало извѣстной еще наканунѣ и ставшею теперь знаменитостью.

Естественно, что уже въ этихъ статьяхъ, а въ особенности, въ послѣдующихъ, начали проводить параллель между артисткой, проявившей себя съ такимъ блескомъ и той, которую толпа столько лѣтъ привѣтствовала въ Comédie Française и отъѣздъ которой въ далекое путешествіе въ Америку возбудилъ раздраженное сожалѣніе, — чѣмъ вновь появившаяся артистка не замедлила воспользоваться въ свою пользу.

Трагикъ Эрнесто Росси, раздѣлявшій тогда симпатіи парижской публики вмѣстѣ съ Ристори, опубликовалъ въ 1881 г. свои личныя воспоминанія, озаглавленныя „Quarante ans de carrière artistique", гдѣ попадается слѣдующее мѣсто, содержащее довольно безпристрастную оцѣнку преувеличенныхъ восхваленій, расточаемыхъ тогда прессой по адресу Ристори;

„.... Надо сознаться, что критики пересолили; чтобы оскорбить Рашель, они вознесли Ристори за облака и проводили параллель скорѣй подъ вліяніемъ гнѣва и досады, нежели

по чувству справедливости. Прежде всего, сравненіе между ними было невозможно; это парадоксъ. Геній Рашели былъ чисто классическій, Ристори—романтическій. Въ сущности, во всемъ этомъ мнѣніи, я вижу только желаніе наказать расточительную женщину, дать ей урокъ, придумать ей возмездіе за ея проступки и сдѣлано это было безъ всякой осмотрительности: on prit la Ristori par les pieds et on bourra de coups la tête de Rachel". Въ это же самое время А. Дюма пошелъ еще дальше, сообщивъ, что Opéra уполномочено предложить многочисленной публикѣ, толпившейся тогда въ Парижѣ, представленіе съ Ристори и Рашелью, которыя должны были играть поочередно. каждая на своемъ языкѣ. Ниже мы помѣщаемъ воспроизведеніе этого страннаго объявленія, опубликованнаго въ Mousquetaire 10 Іюня и подписаннаго иниціалами А. Дюма.

Вызовъ на драматическій поединокъ. „Вотъ что мы уполномочены предложить для бенефиса кассы авторовъ и актеровъ: въ залѣ Оперы, при возвышенныхъ цѣнахъ, въ одинъ и тотъ же вечеръ m-lle Рашель сыграетъ Phèdre, а m-me Ристори—Myrrha, при чемъ по жребію рѣшать которой изъ нихъ начать и которой кончить спектакль. Издержки обойдутся въ 20.000 франковъ. Конечно, m-me Ристори согласится на эти условія.—А. Д. Этотъ" необыкновенный спектакль, настоящій турниръ, какъ совершенно серьезно А. Дюма объявляетъ своимъ читателямъ, дастъ возможность публикѣ сдѣлать рѣшительную оцѣнку сценическаго дарованія двухъ знаменитыхъ артистокъ, которыхъ онъ называетъ „двумя соперницами".

III.

Чтеніе этихъ статей, ежедневно повторяемыхъ и, въ большинствѣ случаевъ, неблагопріятныхъ для Рашели, задѣли ее за живое. Она также захотѣла видѣть итальянскую артистку и, пріѣхавъ изъ деревни въ Парижъ въ тотъ день, когда Ристори играла „le Bourru bienfaisant" Гольдони, отправилась къ итальянцамъ, чтобы воочію убѣдиться въ талантѣ и успѣхахъ новой соперницы, которую такъ неожиданно и грубо навязали ей.

Выборъ спектакля былъ не особенно удачный, такъ что она не могла вывести никакого заключенія, а потому, нѣсколько дней спустя, 8 Іюня, Рашель незамѣтно явилась въ Ventadour и изъ глубины ложи слѣдила за представленіемъ Myrrha. Она была свидѣтельницей необыкновеннаго энтузіазма толпы и, кромѣ того, могла оцѣнить дѣйствительныя качества великой артистки, исполнительницы главной роли, силу и разнообразіе ея таланта, къ тому же совершенно несходнаго съ ея талантомъ.

Она вынесла изъ этого тріумфальнаго спектакля сильную досаду и какъ бы чувство мести, которое пробудило въ ней

давно забытыя впечатлѣнія. Въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ, приведенныхъ выше, Эрнесто Росси разсказываетъ интересныя подробности объ этомъ вечерѣ, на которомъ присутствовалъ, между прочимъ, въ ложѣ принцъ Наполеонъ, сынъ короля Жерома. Упомянувъ, что всѣ театральныя знаменитости Парижа, включая „даже актрисъ изъ Funambules“ присутствовали по нѣсколько разъ на представленіяхъ итальянской труппы, онъ прибавляетъ, что „только Рашель, эта великая артистка, причудами и скупостью оттолкнувшая своихъ соотечественниковъ и преимущественно критиковъ и авторовъ, еще не посѣтила насъ. Она испытывала адскія муки, читая постоянныя восхваленія, которыми газеты осыпали Ристори и не вѣрила, да и не хотѣла вѣрить въ достоинства своей соперницы“.

„Разъ она рѣшилась ее посмотрѣть. Спрятанная въ глубинѣ бенуара, она просидѣла только часть спектакля, говорю „часть“, такъ какъ послѣ 3-го акта, ее увидали, съ признаками сильнаго гнѣва, въ ложѣ принца крови, котораго двусмысленная хроника навязывала ей въ любовники; она схватила его руку и вывела изъ ложи, со словами: — „А, это-то и есть чудная артистка, знаменитость, которую хотятъ предпочесть мнѣ. Пусть завтра же вывѣсятъ на бульварахъ афиши: M-lle Rachel въ Федрѣ! Я покажу моимъ парижанамъ закатилась ли моя звѣзда!“.

Ей страстно захотѣлось доказать еще въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ многочисленной и избранной публикѣ, собравшейся на Выставку, что великая Рашель „трагическая муза“, какъ нѣкогда ее прозвали, несмотря на скорый отъѣздъ, не боится борьбы, на которую ее видимо вызываютъ. И въ самомъ дѣлѣ она немедленно появилась въ Comédie Française и въ двухъ спектакляхъ, на другихъ сценахъ; она выступила съ 6 по 24 іюля въ 9 торжественныхъ представленій, которыя были уже для нея послѣдними [1]).

Arsène Houssaye, который былъ во главѣ Théâtre Français, послалъ Ристори, отъ дирекціи ложу, чтобы она могла присутствовать на представленіи „Horace“ Корнеля. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Ристори передаетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на нее игрой великой французской артистки, которую она видѣла въ первый разъ.

„Съ перваго же появленія Рашели я поняла тайну ея могущества на толпу: казалось, видишь передъ собою римскую статую. Величественная поступь, королевская, осанка были воспроизведены съ замѣчательнымъ искусствомъ; съ какой удивительной ловкостью она модулирова свой богатый голосъ! Сколько силы влагаетъ она въ свои проклятія, когда ярость наполняетъ ея сердце, заставляя дрожать весь залъ. Я слышала и видѣла только ее, неистово апплодируя ей и не будучи въ состояніи оторвать глазъ отъ этого чуднаго видѣнія.

[1]) Съ 24 іюля Рашель болѣе не появлялась на французскихъ сценахъ.

Съ этого памятнаго вечера я поняла насколько критики справедливо утверждали невозможность сравненія между мною и Рашелью".

Ристори была еще на второмъ представленіи Рашели; на этотъ разъ это было по личному приглашенію и вслѣдствіе довольно любопытнаго и пикантнаго порученія.

На Рашель шила m-me Одъ, портниха императрицы Евгеніи, у которой въ свою очередь одѣвалась и Ристори. Къ этой послѣдней разъ утромъ явилась m-me Одъ, по порученію Рашели, высказать одновременно свое восхищеніе ея таланту и негодованіе на противорѣчивыя и часто оскорбительныя статьи на обѣихъ артистокъ, которыя печатались ихъ друзьями и приверженцами; при этомъ она прибавила, что Рашель, съ своей стороны ничѣмъ не вызывала подобныя статьи. Наконецъ, въ доказательство симпатіи и артистическаго товарищества, Рашель рѣшилась просить Ристори присутствовать на ближайшемъ представленіи „Федры", которое должно было состояться 20 іюля. Послѣ немедленнаго согласія Ристори, она передала ей купонъ ложи, и карточку съ надписью:

à m-me Ristori
sa camarade
Rachel.

По окончаніи этого представленія, даннаго въ бенефисъ артистки Comédie Française m-me Thenard, выходившей въ отставку, Ристори написала Рашели нѣсколько словъ благодарности съ присущимъ ей, какъ итальянкѣ, пыломъ и преувеличеніями, которыя она вносила повсюду. Слѣдствіемъ этого вечера было то, что эти обѣ артистки, раньше никогда не встрѣчавшіяся, порвали навсегда бывшія между ними странныя и мало понятныя отношенія.

IV.

Нѣсколько недѣль передъ этимъ Ристори появилась въ первый разъ на сценѣ залы Ventadour, въ двухъ трагедіяхъ, которыя должны были, подобно Myrrha, привлечь всю космополитическую публику собиравшуюся всякій день въ Парижѣ. Она играла поочередно „Марію Стюартъ" Шиллера въ передѣлкѣ Andrea Maffei и оригинальную трагедію Marenco—„Pia di Toiomei" и своимъ исполненіемъ, въ особенности въ „Маріи Стюартъ", привела въ неописуемый восторгъ зрителей и вызвала необыкновенныя похвалы журналистовъ.

А. Дюма въ своемъ „Le Mousquetair", по поводу игры въ „Маріи Стюартъ", превзошелъ необычайными и обильными статьями тѣ, которыя онъ раньше посвятилъ Ристори. Тутъ онъ указываетъ на огромное преимущество Ристори передъ ея соперницей въ той самой драмѣ, которую Рашель такъ часто играла въ Comédie Française, въ передѣлкѣ Pierre Lebrun.

Надо сознаться, что самый значительный и вполнѣ заслуженный успѣхъ Ристори въ первый годъ ея появленія въ Па-

рижѣ былъ въ „Маріи Стюартъ"; онъ создалъ главной исполнительницѣ всемірную извѣстность; всюду только и говорили о ней и можно съ увѣренностью сказать, что она была виновницей успѣха Выставки 1855 г. Первою мыслью иностранца, пріѣхавшаго въ Парижъ, было запастись билетами на ея представленія; вездѣ появились ея портреты, въ особенности въ спеціальныхъ изданіяхъ, съ ея біографіей и разсказами, болѣе или менѣе правдоподобными, о ея карьерѣ и прошломъ.

Знаменитый поэтъ Ламартинъ, который долгое время безмолвствовалъ, вдохновился новыми стихами въ честь исполнительницы ролей Marie Stuart и Myrrha.

Въ это же время старая артистка Comédie Française, Anne Demerson, выходившая въ отставку рѣшила воспользоваться удобнымъ случаемъ для своего бенефиса за 25-лѣтнюю службу. Она сначала обратилась къ Рашели, прося ее принять участіе въ этомъ спектаклѣ, но та отказалась подъ предлогомъ скораго отъѣзда. Demerson разсказала о своей неудачѣ А. Дюма и онъ посовѣтовалъ ей обратиться къ Ристори, увѣряя, что она не откажетъ придти ей на помощь.

Старая Demerson—дебюты которой въ роли субретокъ происходили 9 іюня 1810 г.—рѣшилась обратиться къ великой итальянской артисткѣ, которая тотчасъ же дала свое согласіе. Прежде всего для Ристори было неожиданнымъ счастьемъ выступить хоть одинъ разъ на подмосткахъ извѣстнаго театра, только что покинутаго Рашелью. Она согласилась играть 8 августа съ артистами сардинской труппы въ театрѣ улицы Ришелье и въ роли Маріи Стюартъ произвела необыкновенный эффектъ.

Публика привѣтствовала ее, вызывая множество разъ послѣ каждаго акта и забрасывая вѣнками и цвѣтами.

Послѣ такого тріумфа Demerson играла въ послѣдній разъ Дорину въ „Тартюфѣ" и, благодаря своему почтенному возрасту была радушно принята публикой, она прожила еще 17 лѣтъ послѣ этого замѣчательнаго вечера, сборъ съ котораго, благодаря участію Ристори, достигъ 8,196 фр. безъ повышенія цѣнъ на мѣста.

V.

Огромный успѣхъ Ристори въ Парижѣ, вызвалъ совершенно неожиданное предложеніе, сдѣланное ей, за нѣсколько времени до отъѣзда, министромъ Императорскаго Двора Fould'омъ отъ имени правительства. Ей предлагали провести, не играя, годъ во Франціи, на счетъ правительства и, подъ руководствомъ профессоровъ-спеціалистовъ, поработать надъ своимъ произношеніемъ, чтобы потомъ занять мѣсто въ Comédie Française, покинутое Рашелью.

Ристори благоразумно отклонила это странное предложеніе, хоть оно и льстило ея самолюбію. Прежде всего, трудно было предположить, что отъѣздъ Рашели окончательно рѣшенъ;

напротивъ, она такъ пріучила Camédie Française къ подобнымъ частымъ побѣгамъ и неожиданнымъ возвращеніямъ, послѣ которыхъ она всегда снова побѣждала публику,—что и на этотъ разъ можно было заподозрить, что ея настоящая поѣздка въ Америку окажется только временнымъ бѣгствомъ, эпилогомъ котораго будетъ ея тріумфальное возвращеніе. И что же произойдетъ, если Рашель неожиданно явится въ Парижъ и, пожелавъ занять снова свое мѣсто въ Comédie Française, столкнется съ иностранной артиской, завладѣвшей ея положеніемъ и ролями? Къ тому же иностранный акцентъ, присущій національности Ристори, долженъ былъ служить всегда непреодолимымъ препятствіемъ къ выполненію вышесказаннаго проекта, какъ мы это и увидимъ впослѣдствіи. Ристори, во всякомъ случаѣ воспользовалась хорошимъ отношеніемъ къ ней министра двора и добилась отъ него разрѣшенія давать въ залѣ Ventadour, въ теченіе 3 лѣтъ, послѣ окончанія опернаго итальянскаго сезона, рядъ своихъ спектаклей. Къ тому же, когда было сдѣлано это неудобное предложеніе, итальянская труппа, во главѣ съ Ристори, уѣзжала изъ Франціи, составивъ себѣ славу и состояніе и оставивъ блестящія воспоминанія, которыя обезпечивали ей новые успѣхи въ будущій ея пріѣздъ, чего нельзя было сказать объ англійской труппѣ, дававшей тоже въ это время свои представленія. Сама Ристори, умомъ своимъ, граціей и достоинствомъ, благородствомъ своей частной жизни, также какъ огромнымъ талантомъ, завоевала себѣ серьезныя симпатіи, не взирая на изъявленія восторговъ, иногда чрезмѣрныхъ и безрасудныхъ. „Я уношу самыя пріятныя воспоминанія, говорила она, „о своей дружбѣ съ Ламартиномъ, Жоржъ-Зандъ, Минье, Анри Мартенъ, Ари Шефферъ, Жаненъ, Легуве, Скрибомъ, Проф. Готье, Ренье, Самсонъ, m-mes Жоржъ, Алланъ, Браганъ и др., о нашихъ чудныхъ отношеніяхъ и постоянныхъ свиданіяхъ, теперь я принуждена проститься съ ними, а также съ очаровательнымъ Дюма, который, такъ сказать, приносилъ намъ ежедневную дань своей неистощимой веселостью. Сколько чудныхъ вечеровъ провели мы съ нимъ, слушая его анекдоты!“.

Однако, между знаменитостями, съ которыми ей приходилось сталкиваться и о которыхъ она сохранила самое хорошее воспоминаніе, два изъ нихъ—директора французскаго театра—произвели на нее особенно сильное впечатлѣніе. Разъ вечеромъ, въ ея отель № 36 въ улицѣ Richelieu, около фонтана Мольера, къ ней явились вмѣстѣ Скрибъ и Эрнестъ Легуве.

Играя въ Италіи Louise de Lignerolles, Adrienne Lecouvreur и другія пьесы этихъ же авторовъ, она знала и цѣнила знаменитыхъ посѣтителей, явившихся такъ неожиданно къ ней. Смущенная, она благодарила ихъ и они долго бесѣдовали преимущественно о театрѣ, даже для ихъ удовольствія продекламировала она имъ одну изъ главныхъ сценъ лучшей ихъ драмы „Adrienne Lecouvreur“, въ которой съ такимъ успѣхомъ

играла Рашель въ Comédie Française. Визитъ этихъ драматическихъ писателей, бывшихъ въ то время въ большой модѣ, имѣлъ важное значеніе для артистической карьеры Ристори. Онъ положилъ начало дружественнымъ и непосредственнымъ отношеніямъ, между итальянской артиской и Легуве и когда разъ Ристори пожаловалась на трудность найти новую роль въ новыхъ пьесахъ, онъ предложилъ ей слѣдующій вопросъ: „Въ самомъ дѣлѣ, почему Вы, которая играетъ съ такимъ талантомъ Myrrh'y и Marie Stuart, не сыграете главную роль въ моей трагедіи „Médée", въ особенности въ виду того, что Comédie Française и Рашель отказались отъ этой пьесы"?

VI.

Легуве, дѣйствительно, написалъ для Рашели трагедію на сюжетъ печальнаго и трогательнаго похожденія Медеи.

8 сентября 1852 г., въ Монморанси, гдѣ жила тогда Рашель, состоялось первое чтеніе новой пьесы, которую Camédie Française получила только вчернѣ. Чтеніе этой пьесы, не произвело на артистку впечатлѣнія ожидаемаго авторомъ. Рашель нашла, что главная роль слишкомъ суетлива, безпокойна и сомнѣвалась, чтобы убійство собственныхъ дѣтей на сценѣ было благосклонно принято публикой. Она отказалась играть. Но вскорѣ, послѣ вторичнаго чтенія пьесы, исправленной авторомъ, Comèdie Française приняла ее окончательно и Рашель согласилась снова ее прослушать у себя; изучивъ потомъ каждую сцену подъ руководствомъ самого Легуве, считавшагося замѣчательнымъ чтецомъ, она согласилась создать Médée для Comédie Française.

Репетиціи, однако, начались только черезъ годъ послѣ перваго чтенія, т. е. 2 Сентября 1853 г. Но черезъ нѣсколько дней, послѣ 10-й репетиціи, Рашель объявила автору, что состояніе ея здоровья не позволяетъ ей продолжать ихъ. Наконецъ, 4 октября, Рашель письмомъ сообщила Легуве, что она приняла „баснословный ангажементъ" въ Россію и что въ Парижъ она вернется только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Страшно раздраженный, Легуве тотчасъ же отправился къ Рашели, но два раза онъ не былъ принятъ; наконецъ ему удалось встрѣтиться съ ней въ театрѣ. Бурное объясненіе произошло между артисткой, которая должна была пустить въ ходъ всѣ свои лучшіе драматическіе пріемы, и обманутымъ авторомъ, результатомъ котораго была отсрочка пьесы, такъ какъ Рашель тѣмъ временемъ уѣхала въ Россію. Но на этотъ разъ Легуве оформилъ это дѣло и рѣшилъ судебнымъ порядкомъ заставить Рашель выполнить данное ему обѣщаніе, сыграть роль въ его драмѣ.

Только на слѣдующій годъ, 9 апрѣля 1854 г., вернувшись изъ Россіи, Рашель обѣщала снова репетировать Médée, но,

получивъ извѣстіе, что Ребекка умираетъ на югѣ, она отправилась туда еще разъ взглянуть на свою любимую сестру, которая умерла 19 іюня того же года, едва достигнувъ 25-ти лѣтъ.

При ея и непостоянствѣ въ обѣщаніяхъ, призрачныхъ и обманчивыхъ, которыя напоминали тѣ же колебанія и невыполненія обѣщаній по поводу пьесы Charlotte Corday, Рашель никогда не играла Médée. 20 сентября 1854 г. она написала ея автору послѣднее письмо, въ которомъ высказала, чтобы развязаться окончательно, что эта роль ей не симпатична.

Легуве не желалъ признать себя побѣжденнымъ или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ оставить за собой послѣднее слово въ этой продолжительной и обманчивой борьбѣ, финалъ которой нанесъ ударъ его самолюбію, а также и его выгодамъ. Онъ принужденъ былъ 3 раза обращаться къ правосудію, чтобы доказать, что артистка и театръ совмѣстно должны выполнить свое обязательство. Послѣ этихъ трехъ инстанцій, не достигнувъ желаемой цѣли, т. е. представленія „Médée, онъ добился приговора, по которому Рашель и Comédie Française принуждены были заплатить за убытки 12,000 франк. Половину изъ нихъ онъ пожертвовалъ въ кассу авторовъ, а другую—въ кассу драматическихъ артистовъ.

Ристори также не сразу согласилась играть въ трагедіи Легуве, проявляя какъ и Рашель, тѣ же опасенія и строгость къ личности Médée, въ которой она также главнымъ образомъ видѣла убійцу своихъ дѣтей на сценѣ, отдающуюся пылу любви, ненасытной, неистовой и въ то же время безутѣшной.

Но Легуве хотѣлъ самъ прочесть, какъ онъ это дѣлалъ для Рашели, всю драму своей новой исполнительницѣ, объясняя ее и доказывая, что сцена убійства дѣтей собственной матерью, которая такъ напугала Рашель и Ристори, была ослаблена тѣмъ, что она нѣкоторымъ образомъ оставалась невидимой для зрителей и поэтому казалась менѣе отвратительной.

Къ счастью Ристори удалось уговорить и она даже страстно полюбила свою роль. „Я думала только о Медеѣ", говорила она во время репетиціи. Montanelli взялся перевести итальянскими стихами трагедію Легуве. Великій артистъ, восхищенный Ристори съ перваго же дня знакомства, знаменитый художникъ Ary Scheffer, авторъ Mignon, Françoise de Rimini и другихъ чудныхъ произведеній, хотѣлъ самъ сдѣлать рисунки всѣхъ костюмовъ, въ которыхъ артистка должна была появиться въ своей новой роли. Сверхъ того онъ лично присутствовалъ въ день перваго представленія въ залѣ Ventadour, 7 апрѣля 1856 г., при туалетѣ Ристори, указывая на окончательныя измѣненія и поправки въ костюмахъ, сдѣланныхъ съ исторической точностью и которые должны были еще болѣе способствовать огромному успѣху артистки въ этотъ памятный вечеръ.

Никогда еще зрительная зала не была такъ переполнена и публика столь избранная На этотъ разъ это не была уже смѣшанная шумная толпа, какъ во время выставки, а настоящая парижская публика, самая интеллигентная и сдержанная въ своихъ сужденіяхъ, въ выборѣ и вкусѣ своихъ удовольствій, ставшей къ тому же, благодаря большому довѣрію, которое она оказала артисткѣ годомъ раньше, расточая ей восторженные знаки своего удивленія и восхищенія, болѣе требовательной и разборчивой.

Однако же, какъ только Ристори появилась въ концѣ перваго акта, можно было предсказать, что успѣхъ ея былъ обезпеченъ. И дѣйствительно, великолѣпная поза артистки, державшей подъ своей мантіей обоихъ дѣтей, бѣлокурыя головки которыхъ приходились наровнѣ съ ея головой,—медленно и устало спускавшейся съ холма при звукахъ музыки, сопровождающей вступленіе Créuse въ храмъ, — произвело огромное впечатлѣніе. Апплодисменты раздались раньше чѣмъ она начала говорить, такъ что успѣхъ возрасталъ съ каждымъ актомъ, съ каждой сценой до конца пьесы, сопровождаемый безчисленными вызовами и цвѣточнымъ дождемъ.

Въ одной изъ ложъ сидѣла дочь автора, m-me Desvallières; она апплодировала и плакала въ одно и тоже время, волнуясь весь вечеръ какъ за успѣхъ пьесы своего отца, такъ и за самую исполнительницу. Что касается Легуве, то онъ, стоя на сценѣ, за кулисами и внимательно слѣдя за игрой Ристори, поздравлялъ и ободрялъ ее, поддерживая въ ней необходимое мужество довести до конца свою трудную роль.

Вся парижская пресса была также на лицо, съ однимъ изъ самыхъ восторженныхъ своихъ членовъ во главѣ — А. Дюма, который въ своей газетѣ Le Mousquetaire отъ 10 Апрѣля писалъ слѣдующее:

„Страшно подумать до какой высоты можетъ дойти геній у этой артистки!

Въ теченіе двухъ часовъ она являлась нѣжной, серьезной, спокойной, пылкой, влюбленной, ревнивой, угрожающей, безнадежной“...

Онъ еще прибавилъ, что самая большая честь для Рашели быть французской Ристори, также какъ Ристори съ этихъ поръ становилась итальянской Рашелью.

VII.

Успѣхъ Ристори въ „Médée“ былъ необыкновенный и это навѣрно было лучшимъ созданіемъ на всемъ ея артистическомъ поприщѣ; можно смѣло сказать, что драма Легуве освѣжила ея истощенный репертуаръ. Médée и Marie Stuart были піесы, въ которыхъ чаще всего появлялась Ристори, какъ во Франціи, такъ и въ цѣломъ мірѣ. Вполнѣ естественно, что парижской публикѣ наскучило слушать Ристори въ однѣхъ и тѣхъ же роляхъ, будь это: Myrrha или Francesca da Rimini

или даже Marie Stuart; только Médée упрочила успѣхъ артистки въ 1856 г., который продолжался еще два года, такъ какъ конечно ни кратковременный успѣхъ въ Camma, трагедія Montanelli (23 Апрѣля 1857 г.) ни роль Phèdre Расина, переведенной d'All Ongaro, въ которой она появилась въ залѣ Ventadour, въ 1858 г., въ годъ смерти Рашели и, гдѣ она, нужно сознаться во многомъ уступала ей—не могли удержать надолго симпатію, которую публика питала къ ней до сихъ поръ.

Это особенно бросилось въ глаза, когда, два года спустя, Ристори попыталась сыграть 4-й актъ Федры на сценѣ Comédie Française, 21 Апрѣля 1860 г., въ бенефисъ внучки Расина, m-lle Trochu. Она провела этотъ актъ съ необыкновенной пылкостью и восторженностью, изобразивъ Phèdre растрепанной, бѣшенной, катающейся по полу какъ бы въ нервномъ припадкѣ. Все это можетъ быть было и въ характерѣ изображаемаго лица древней трагедіи, но современной публикѣ, съ болѣе утонченнымъ вкусомъ показалось черезчуръ преувеличеннымъ. Однакоже впечатлѣніе было не менѣе сильное; публика, вѣроятно, была увлечена этимъ великолѣпнымъ исполненіемъ и наградила артистку обычными аплодисментами, вызовами и цвѣтами. Этотъ вечеръ далъ возможность провести сравненіе между сдержаннымъ и въ то же время сильнымъ исполненіемъ Phèdre великой артисткой, недавно исчезнувшей, и игрой, полной увлеченія ея торжествующей соперницы. Сравненіе какъ этой роли, такъ и другихъ классическаго репертуара Рашели было всецѣло въ пользу послѣдней. Кстати сказать, исполненію роли Phèdre не доставало мягкости и достоинства, какъ въ движеніяхъ, такъ и во всѣхъ пріемахъ, которыми Рашель никогда не поступалась ради трагическихъ эффектовъ. Она не хотѣла для удовольствія публики производить впечатлѣніе, непріятное для себя.

Въ тотъ же вечеръ, на сценѣ Comédie Française, Ристори сдѣлала еще необыкновенную попытку. Она декламировала по французски, одновременно въ честь Расина и Рашели, стихи Легуве, написанные въ память этого вечера названнаго racinienne, такъ какъ онъ начался съ Athalie и долженъ былъ окончиться Plaideur'ами.

Мы помѣщаемъ тутъ какъ литературную рѣдкость эти замѣчательныя строфы, нынѣ уже забытыя, которыя Ристори декламировала съ яснымъ итальянскимъ акцентомъ, но съ строгательною дикціею:

Pardonne à ma présence, ô Racine! pardonne
Si j'osai peindre ici de la fille d' Œnone
    Les sublimes douleurs!
C'etaient d'autres accents que tu devais entendre,
C'etais une autre voix plus aimée et plus tendre
    Qui te devait ses pleurs.
Une voix disparue, hélas! mais immortelle,
Dont le cher souvenir résonne, écho fidèle,
    Même au-delà des mers;
Une voix qu'aujourd'hui, crois le bien, grand poète,

J'ai fait moins regretter que je ne la regrette,
J'en atteste tes vers!
Oui, tes vers tout pleins d'elle! A chaque beau passage
Je voyais devant moi flotter sa jeune image
Et dans le fond du coeur,
De la Phèdre, en peignant les tragiques alarmes,
Pardonne, je donnais la moitié de mes larmes
A cette jeune soeur!
Qui donc à l'étrangère inspira le courage
D'oser mêler ici son inconnu langage
Aux voeux que tu reçois?
Qui? C'est ma conscience et sa vivante flamme!
Qui? C'est de tout mon coeur et de toute mon âme,
L'irrésistible voix!
Quand l'Italie entière au cri de l'honneur vibre,
Lorsque la France au rang d'une nation libre
Fait monter mon pays,
Le devoir, non! le droit de ma reconnaissance
Est d'honnorer en toi, de cette noble France
Un des plus nobles fils!
Je viens donc en ces lieux, calme et l'âme légère.
Non! non! ma voix n'est plus une voix étrangère;
Et je puis dire ici,
Lorsqu'on te rend hommage en ta petite fille:
Laissez-moi, m'approcher, je suis de la famille,
Je suis Française aussi.

Конечно, эти прекрасные стихи, гдѣ были воспѣты Рашель, Расинъ и Францiя, доблестная армiя которой только что освободила часть Италiи, были покрыты безчисленными рукоплесканiями. Впрочемъ, вполнѣ заслуженный успѣхъ, съ которымъ Ристори продекламировала строфы Легуве, имѣлъ прискорбныя послѣдствiя для ихъ превосходной исполнительницы.

Конечно, Ристори, выступая въ благотворительномъ спектаклѣ и впервые декламируя по французски подходящiе случаю стихи, хотя и незначительные по объему и содержанiю, не могла не встрѣтить сочувственнаго прiема, такъ сказать заказного. Но, послѣ этого успѣха Легуве и Ристори ошибочно рѣшили, что если артистка хорошо продекламировала небольшiе стихи на французскомъ языкѣ, то она съ не меньшимъ успѣхомъ можетъ сыграть цѣлую пьесу на томъ же языкѣ.

„Я какъ бы бросилась въ воду,—говорила она объ этомъ вечерѣ; — Легуве увѣрялъ, что я умѣю плавать! Чтобы убѣдить меня въ этомъ, онъ употребилъ присущую ему ловкость. Дѣло въ томъ, что онъ заставилъ меня согласиться на попытку, о которой я никогда не мечтала. Легуве былъ неизлечимъ въ своей idée fixe, заставить меня играть по французски“.

Между тѣмъ, несмотря на появленiе въ ея репертуарѣ Médée, Camma и нѣсколькихъ другихъ драмъ, не имѣвшихъ большого успѣха, слава Ристори стала блекнуть. Этимъ и объясняется, въ слѣдующемъ году осуществленiе проекта Легуве, именно — появленiе Ристори въ драмѣ, которую онъ долженъ былъ написать на французскомъ языкѣ, спецiально для нея. Драма эта, подъ названiемъ Béatrice ou la Madonne

de l'Art, была создана итальянской артисткой на сценѣ театра Odéon, 25 марта 1861 г.

Въ сущности это было вполнѣ посредственное произведеніе, интересъ которому придавалъ не совсѣмъ обыкновенный спектакль; успѣхъ же былъ основанъ исключительно на рискованной попыткѣ. Конечно, Ристори сыграла свою роль съ большимъ искусствомъ, но она заслужила одобреніе только въ сценахъ, гдѣ авторъ далъ ей возможность воспользоваться трагическими эффектами и была слабѣе въ мѣстахъ менѣе драматическихъ.

Что же касается ея родного произношенія, она не только не могла освободиться отъ него, но даже ей не удалось его немного смягчить. Послѣ 40 представленій, давшихъ слабые сборы, Béatrice была снята съ репертуара.

Спустя 4 года, 22 мая 1865 г., Ристори пожелала снова появиться на парижской сценѣ, въ той же самой драмѣ и попыталась сыграть и на сценѣ Vaudeville; но на этотъ разъ драма едва выдержала 20 представленій.

VIII.

Ристори продолжала играть по всему свѣту съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ и только утомленіе, вызванное годами, принудило ее прекратить свою артистическую дѣятельность. Она постоянно обновляла свой репертуаръ новыми пьесами, не игранными еще ею, особенно въ Англіи, гдѣ представленіе Макбета Шекспира и драмы Elisabeth Giacometti очень польстило англійской публикѣ. Она играла еще въ драмѣ, написанной для нея,—роль несчастной французской королевы Маріи Антуанетты, а также въ трагедіяхъ Judith и Jeanne d'Arc, въ которыхъ она появлялась въ Парижѣ; нужно сказать, что самый большой и заслуженный успѣхъ она имѣла все-таки исключительно въ Marie Stuart и въ Médée.

Въ 1884 г., передъ отъѣздомъ въ Америку, Ристори дала послѣднее представленіе во Франціи. Она приняла участіе, 15 октября, въ драматическомъ вечерѣ, въ Théâtre des Nations въ пользу лицъ, пострадавшихъ отъ холеры. Здѣсь она прочитала съ блестящимъ успѣхомъ сцену сомнамбулизма въ Lady Macbeth и 5-ю пѣснь „Ада" Данте.

Теперь, на порогѣ 81 года, послѣ столькихъ счастливыхъ странствованій, посвященныхъ артистической дѣятельности, составивъ себѣ славу и состояніе, великая артистка живетъ на покоѣ, вполнѣ ею заслуженномъ.

Величайшимъ событіемъ въ ея жизни была возможность вызвать сравненіе между своимъ талантомъ и талантомъ французской артистки,—по мнѣнію французовъ, наиболѣе совершенной изъ всѣхъ появлявшихся на театральныхъ подмосткахъ.

Слава артистовъ, память о нихъ, даже имена ихъ забываются вмѣстѣ съ ними. Только нѣкоторые изъ нихъ соста-

вляютъ исключеніе; въ минувшемъ вѣкѣ два имени—Тальмы и Рашели—выдѣляются изъ плеяды великихъ артистовъ, прославившихъ французскую сцену.

Сравненіе между обѣими артистками—не скажу „соперницами", такъ какъ соперничество это не имѣло возможности проявиться въ болѣе опредѣленной формѣ, — доставило Ристори всемірную извѣстность, которою она пользуется и до сихъ поръ. Она сама въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовала разницу впечатлѣній, произведенныхъ игрою обѣихъ артистокъ на французской сценѣ.

„Рашель была восхитительна",—говорила она,—„она была истинной французской артисткой; никто ее не замѣнитъ; я же, во Франціи,—только иностранка".

Дѣйствительно, все, что можно сказать самаго лестнаго и справедливаго въ пользу Ристори, слава которой почти въ теченіе 50 лѣтъ, со времени ея перваго дебюта во Франціи, оставалась неизмѣнной,—это то, что она была иностранкой и, принявъ во вниманіе всѣ разсужденія о разницѣ въ талантахъ между нею и ея знаменитой соперницей, можно безъ преувеличенія подтвердить, что она вполнѣ законно заслужила названіе „la Rachel de l'Italie", какъ это и предсказывалъ ей Александръ Дюма.

Е. Соколова.

Въ замкѣ Принцессы Грезы.

На одномъ изъ самыхъ высокихъ пунктовъ Триполи Сирійскаго, доминируя оттуда городомъ и портомъ, стоитъ воспѣтый Ростаномъ замокъ принцессы Грезы, нынѣ одна изъ важнѣйшихъ турецкихъ тюрьмъ-галеръ.

Проникнуть туда для осмотра считалось едва-ли осуществимою задачею для простого смертнаго, такъ какъ мѣстныя власти ревниво охраняли доступъ въ замокъ, съ настойчивостью, достойной пресловутаго рыцаря зеленыхъ латъ.

Тѣмъ заманчивѣе представлялась перспектива посѣтить замокъ принцессы Мелиссанды и, заручившись, благодаря энергическому вліянію бейрутской консульской власти на тамошняго генералъ-губернатора Решидъ Бея, письменнымъ предложеніемъ этого послѣдняго, своему подчиненному Триполійскому губернатору Бедри-Пашѣ [1], показать мнѣ тюрьму во всѣхъ подробностяхъ, мнѣ удалось наконецъ раннею весною 1898 года привести въ исполненіе мое давнишнее желаніе.

Пароходъ нашъ пришелъ въ Триполи къ ночи и когда я на слѣдующее утро вышелъ въ часу девятомъ на палубу, тамъ уже торчалъ турецкій полицейскій майоръ присланный отъ предупрежденнаго по телеграфу Бедри-Паши привѣтствовать меня и заявить, что мутессарифомъ даны соотвѣтствующія инструкціи, чтобы съ 12-ти часовъ мнѣ были открыты двери тюремнаго замка и замокъ показанъ во всѣхъ подробностяхъ. Майору-же приказано находиться въ

---

[1]) Нынѣ Вали (генералъ-губернаторъ) въ Моссулѣ.

моемъ распоряженіи на все время моего пребыванія въ Триполи.

До назначеннаго времени осмотра оставалось еще около четырехъ часовъ, а потому я, совсѣмъ уже готовый сойти съ парохода, не хотѣлъ потерять это время даромъ и по предложенію майора отправился съ нимъ осмотрѣть оба города Tripoli-Marine и Tripoli-Ville.

Мы плавно и быстро понеслись на каикѣ по гладкому, какъ зеркало, Триполійскому заливу, дивно голубому въ это великолѣпное весеннее утро и точно позлащенному уже довольно горячими лучами апрѣльскаго солнца. На встрѣчу то и дѣло попадались направлявшіяся къ нашему пароходу лодки разныхъ величинъ, нагруженныя ящиками апельсиновъ, предназначенныхъ къ отправкѣ въ Европу. Эти большіе, однородные съ Яффскими, апельсины составляютъ главный предметъ вывоза Триполійскаго порта и главнѣйшую доходную статью торговли Триполи. Миновавъ „апельсинную флотилію", какъ ее назвалъ мой спутникъ, мы скоро причалили къ пристани и очутились въ Триполи-Marine, на узенькой набережной, запруженной опять-таки тѣми-же ящиками съ апельсинами. Пробираться было даже не совсѣмъ легко, Но тутъ намъ на выручку явилась пара полицейскихъ, выросшихъ точно изъ земли при приближеніи начальства. Они раскидали нѣсколько ящиковъ и мы благополучно добрались до зданія, именующаго себя Hôtel de la Marine, у дверей котораго насъ ждалъ высланный Бедри-Пашею экипажъ. Тутъ-же оказался кавасъ моего пріятеля французскаго вице-консула въ Триполи, съ премилою запискою и приглашеніемъ остановиться у него. Это приглашеніе меня несказанно обрадовало, ибо видъ Hôtel de la Marine и въ особенности вышедшаго ко мнѣ ея хозяина, до нельзя неопрятнаго грека, не внушалъ мнѣ никакого довѣрія и я съ ужасомъ думалъ о перспективѣ провести ночь въ такой отчаянной gargotte, на бѣду единственной въ обоихъ Триполи. Если бы не этикетъ, неумолимый въ Турціи болѣе чѣмъ гдѣ-либо, я бы тотчасъ отправился къ моему пріятелю французу; но пришлось пока удовольствоваться нѣсколькими словами горячей благодарности наскоро набросанными на моей визитной карточкѣ, которую тотчасъ понесъ по назначенію кавасъ, захватившій вмѣстѣ съ тѣмъ и мои вещи, въ силу полученной имъ инструкціи его господина.

Я-же, повинуясь этикету, отправился прямо къ мутеса-

рифу, по дорогѣ заглянувъ только по совѣту майора на англійское кладбище, гдѣ похоронены жертвы катастрофы Victoria, послѣ столкновенія ея, передъ Триполи съ Camperdown'омъ. Одиноко на окраинѣ Tripoli-Marine пріютилось безъ одного деревца это песчанное маленькое кладбище, гдѣ подъ знойнымъ Сирійскимъ солнцемъ спятъ послѣднимъ сномъ тѣ изъ жертвъ безумія адмирала Трайона, тѣла которыхъ ихъ родные не потребовали для погребенія въ Англіи. Всего 6—7 могилъ, изъ нихъ 3 офицерскія. Кладбище обыкновенно закрыто и только черезъ рѣшетку можно было взглянуть туда. Розыскивать же сторожа съ ключами было рѣшительно некогда. Прямо съ кладбища по хорошей шоссированной дорогѣ, усаженной акаціями, и соединяющей Триполи-Ville съ Триполи-Marine, (вдоль нея идетъ все время вполнѣ европейскій трамвай, содержимый французской компаніей), пріѣхалъ я къ мутессарифу-Бедри-Пашѣ. Курдъ по происхожденію, Бедри-Паша пользовался по всей Сиріи самой мрачной репутаціей. Говорили о его жестокостяхъ и любостяжаніи, крайней некультурности и ненависти къ христіанамъ. Оба элемента населенія Триполи одинаково угнетались имъ и только родство съ Шейхомъ Абдуллой, приближеннымъ лицомъ Султана, спасало его отъ заслуженной кары изъ Константинополя.

Не могу однако умолчать, что на меня по крайней мѣрѣ, Бедри-Паша, не смотря на все мое предубѣжденіе противъ него, не произвелъ слишкомъ дурного впечатлѣнія, особенно ни въ чемъ не было замѣтно „дикаго свирѣпаго курда“ какъ его всѣ называли. Паша, какъ Паша ни сколько не лучше и не хуже большинства изъ нихъ.

Маленькаго роста, шарообразный, съ круглой сѣдѣющей бородкой и густыми черными бровями надъ заплывшими, но умными сѣрыми глазами, Бедри скорѣе напоминалъ мирнаго хозяина кофейни, чѣмъ грознаго губернатора. Принялъ онъ меня чрезвычайно любезно, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, гдѣ на письменномъ столѣ и каминѣ въ двухъ видахъ красовался портретъ его родственника и покровителя, Шейха Абдулла-Охуда, о коемъ я говорилъ выше. Послѣ обычныхъ комплиментовъ и привѣтствій и неизмѣнной чашки кофе, Бедри-Паша заявилъ мнѣ, что съ особымъ удовольствіемъ (!?) получилъ письмо Бейрутскаго Вали, просящаго его дать мнѣ возможность подробно осмотрѣть главную Триполійскую тюрьму. Для исполненія просьбы Ре-

шидъ-Бея, имъ уже сдѣланы-де всѣ необходимыя распоряженія и я могу теперь-же приступить къ осмотру. При этомъ онъ, Бедри-Паша, предупреждаетъ меня отъ себя, что осмотръ можетъ представить нѣкоторую опасность въ виду буйнаго нрава заключенныхъ, а потому не совѣтуетъ производить его слишкомъ подробно, какъ о томъ пишетъ Вали.

Это заявленіе сопровождалось какими-то довольно продолжительными инструкціями драгоману мутессарифлика (Бедри-Паша ни однимъ изъ европейскихъ языковъ не владѣетъ и нашъ разговоръ происходилъ посредствомъ переводчика). Я возразилъ Пашѣ, что нисколько не опасаюсь буйства узниковъ и, крайне интересуясь всѣми сторонами турецкаго быта, прошу его не дѣлать мнѣ никакихъ ограниченій. Опять какое-то объясненіе мутессарифа съ выслушивающимъ его почтительно драгоманомъ и мнѣ было заявлено что Его Превосходительство сдѣлаетъ все возможное, чтобы исполнить мое желаніе. Почуявъ, однако, (какъ въ послѣдствіи оказалось не безъ основанія) ловушку я просилъ отвѣтить Пашѣ что мое единственное желаніе, отсутствіе всякихъ чрезвычайныхъ мѣръ и назначеніе мнѣ всего одного спутника, бывшаго драгомана упраздненнаго Русскаго Консульства въ Триполи. Бедри мнѣ на это велѣлъ отвѣтить, что къ сожалѣнію названное лицо въ данный моментъ отсутствуетъ изъ Триполи. Зная однако отъ моего пріятеля французскаго вице-консула S., что нашъ бывшій драгоманъ въ городѣ и ждетъ меня у него, я возразилъ драгоману, что мутессарифъ, вѣроятно не точно освѣдомленъ, такъ какъ г-нъ Z (бывшій драгоманъ) въ Триполи и я могу его немедленно представить въ конакъ. Пойманный Паша сталъ извиняться и заявилъ, что я могу идти съ Z, но что онъ непремѣнно проситъ взять съ собою и состоящаго при мнѣ полицейскаго офицера, а равнымъ образомъ командируетъ для необходимыхъ разъясненій драгомана своего мутессарифлика, здѣсь присутствующаго. На этомъ я распрощался съ Бедри-Пашею и въ сопровожденіи майора и драгомана вышелъ изъ конака. Сговорившись съ этими господами встрѣтиться черезъ часъ у тюрьмы, я поѣхалъ къ французскому вице-консулу, гдѣ и нашелъ ожидавшаго меня нашего бывшаго драгомана. За завтракомъ Вице-Консулъ сообщилъ мнѣ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ данныхъ о недавнемъ посѣщеніи имъ тюрьмы, о крайне незавидномъ

положеніи содержашихся тамъ узниковъ-христіанъ, злоупотребленіяхъ въ отношеніи къ нимъ турецкихъ властей и о значительномъ равнодушіи Триполійскаго Митрополита Григорія къ участи своихъ заключенныхъ единовѣрцевъ.

Отъ Вице-Консула я вмѣстѣ съ Z, отправился прямо къ тюрьмѣ. Тамъ меня уже ждали драгоманъ мутессарифлика, полицейскій майоръ и еше какой-то офицеръ, кажется артиллерійскій. Вмѣстѣ съ этими господами я поднялся по узенькой, крутой улицѣ, въ серединѣ которой протекалъ очень быстрый ручей, до самыхъ крѣпостныхъ воротъ. Замокъ, типичный средневѣковый и очень сносно сохранившійся. Черезъ мостъ, перекинутый черезъ крѣпостной валъ, дошли мы до тяжелыхъ масивныхъ воротъ, которыя намъ тотчасъ-же отворили. Подъ воротами стоялъ караулъ человѣкъ въ 10 съ офицеромъ, встрѣтившій насъ установленнымъ—„Селямъ-Дуръ“,соотвѣтствующимъ нашему „Смирно“.

Пройдя узкія, довольно мрачные и хорошо сохранившіяся средневѣковыя ворота, мы очутились въ небольшомъ внутреннемъ дворѣ, на протяженіи котораго было устроено нѣсколько громадныхъ деревянныхъ клѣтокъ, вродѣ тѣхъ, въ которыхъ перевозятъ звѣрей на пароходахъ. Въ нихъ сидѣло по 4—5 человѣкъ заключенныхъ—христіанъ, по большей части критянъ и македонцевъ. Наши проводники заявили, что это наиболѣе виновные политическіе преступники, осужденные за убійства и поджоги на Критѣ и въ виляетахъ Ускюбскомъ и Салоникскомъ. Насъ особенно предупредили не подходить близко къ клѣткамъ, такъ какъ сидяшіе въ нихъ отличаются моль необыкновеннымъ буйствомъ и назойливостью. Однако я настоялъ на своемъ непремѣнномъ желаніи ознакомиться съ этой категоріей преступниковъ и со своимъ драгоманомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ ихъ направленіи. Мои турецкіе спутники нехотя послѣдовали за мной.

Узники дѣйствительно при нашемъ приближеніи заколыхались и сквозь рѣшетку протянулись руки съ прошеніями, но и только. Ни буйства, ни даже особенно громкихъ возгласовъ не послѣдовало. Прошенія были по большей части однородны—жаловались на притѣсненія начальства, на религіозную нетерпимость съ его стороны, на невозможное содержаніе и т. д. На мой вопросъ старшему надзирателю не согласится ли онъ со мною, что содержаніе людей въ этихъ чисто звѣриныхъ клѣткахъ, дѣйствительно идетъ въ раз-

рѣзъ съ самыми элементарными понятіями о гигіенѣ и гуманности, тотъ возразилъ, что это молъ еще облегченіе участи преступниковъ, такъ какъ ихъ такимъ образомъ изолировали и этимъ предупредили постоянныя столкновенія съ ихъ мусульманскими товарищами по тюрьмѣ.

Что притѣснять-де ихъ вѣры не притѣсняетъ никто, а напротивъ они сами случалось просили о принятіи ислама, такъ какъ ихъ священники очень къ ихъ судьбѣ апатичны и не посѣщаютъ ихъ въ тюрьмѣ, какъ то разрѣшено тюремными правилами. Что и въ клѣткахъ имъ живется недурно (!) такъ какъ воздухъ здѣсь-де отличный и случаи заболѣваній въ тюрьмѣ достигли минимальныхъ размѣровъ.

Послѣ столь оригинальныхъ объясненій надзирателя, данныхъ вполнѣ благодушнымъ тономъ, я счелъ необходимымъ показать ему имѣвшееся у меня разрѣшеніе Решидъ-Бея и Бедри-Паши лично задавать православнымъ арестантамъ вопросы о ихъ положеніи и нуждахъ. Надзиратель отвѣтилъ, что сейчасъ проведетъ меня въ пріемную, куда мы и направились. Миновавъ дворъ съ клѣтками, мы прошли черезъ другой гораздо большій дворъ, гдѣ за незначительныхъ размѣровъ оградою, мирно расположились на травкѣ, преблагополучно кейфуя, нѣсколько десятковъ арестантовъ мусульманъ. На ихъ повидиму совершенно здоровыхъ и веселыхъ лицахъ была написана покорность судьбѣ и удовлетворенность своимъ положеніемъ; не было видно ни рубицъ, ни болѣзненной блѣдности, ни грусти по свободѣ.

Они играли въ какую-то игру, курили, перебрасывались словами со стражею и любопытно смотрѣли на нашъ кортежъ, вполнѣ индеферентно относясь къ нему. Потомъ мы прошли мусульманскія камеры, относительно чистыя свѣтлыя и опрятныя и пройдя опять дворикъ попали въ общую христіанскую камеру, болѣе мирныхъ преступниковъ.

Тутъ было значительно хуже. Грязный сырой полъ, до нельзя неопрятныя нары, тяжелый удушливый запахъ и сами арестанты, какіе-то хмурые, жалкіе, оборванные и забитые. Смотритель спросилъ меня кого изъ нихъ я хочу вызвать въ пріемную для опроса.

Посовѣтовавшись съ драгоманомъ, я указалъ на нѣсколькихъ наиболѣе типичныхъ. Начальство велѣло имъ приготовиться, а мы по узкой и невѣроятно крутой лѣстницѣ поднялись въ громко окрещенную пріемной,—какую

то узкую, но длинную комнату, гдѣ возсѣдалъ турецкій чиновникъ съ толстымъ тюремнымъ реестромъ въ рукахъ. Всѣ мы разсѣлись на довольно сомнительныхъ диванахъ, подали неизмѣнный кофе и вскорѣ стали вводить по одному намѣченныхъ нами арестантовъ. Большинство изъ нихъ отвѣчали по гречески словомъ „πολιτικα" на всѣ вопросы о томъ, за что ихъ засадили. Убилъ молъ политики ради, поджегъ политики ради и т. д. Нѣкоторые отвѣчали, что и сами не знаютъ за что засадили: то за то, что прошелъ не во время около дома гдѣ было убійство, то по сходству лица или имени съ преступникомъ и пр. Только два глубоко врѣзались мнѣ въ память: одинъ 74-хъ лѣтній старикъ весьма зажиточный македонскій болгаринъ, осужденный за убійство молодого человѣка, обольстившаго его дочь, от чего та отравилась, да еще ускюбскій купецъ, только ранившій турка, завѣдомаго убійцу нѣсколькихъ членовъ его семьи. Въ особенности замѣчателенъ былъ старикъ—македонянинъ. Огромная до пояса сѣдая борода, умное морщинистое лицо, безстрастный взоръ, и полная покорность судьбѣ. На мое замѣчаніе, что онъ въ правѣ воспользоваться послѣдней султанскою амнистіею, старикъ отвѣтилъ, что не ходатайствуетъ объ этомъ, такъ какъ все равно гдѣ умереть, а тамъ на родинѣ, близъ Битоліи, никто его не ждетъ, ничего и никого у него не осталось. Послѣдняя его цѣль—отомстить за дочь—достигнута имъ, а болѣе въ жизни у него нѣтъ ни смысла ни цѣли.

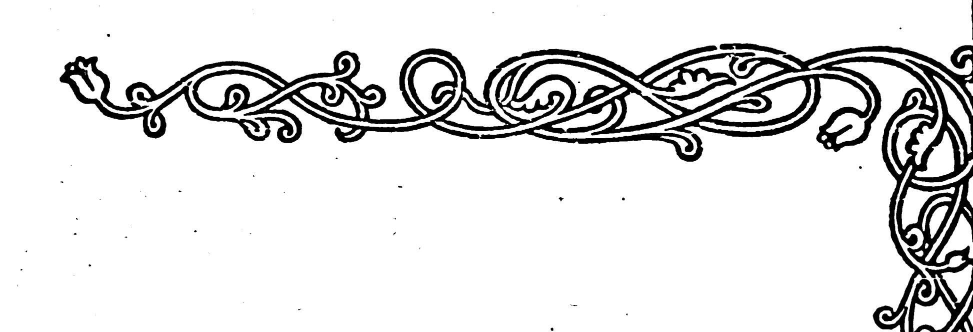
Этимъ замѣчательнымъ старикомъ я воспользовался, чтобы провѣрить содержащіяся въ жалобахъ свѣдѣнія.

Большинство въ нихъ оказалось вѣрнымъ. Такъ, напримѣръ, принудительный переходъ въ исламъ ради облегченія участи. По турецкимъ законамъ, для перехода изъ иной вѣры въ исламъ, требуется, чтобы желающій это сдѣлать, въ присутствіи мѣстной власти отрекся отъ своей прежней религіи. При этомъ должно непремѣнно присутствовать духовное лицо оставляемаго вѣроисповѣданія, на обязанности котораго лежитъ, отговаривать сына своей церкви отъ его намѣренія. И только въ томъ случаѣ если пастырскія увѣщенія останутся тщетными, могъ состояться актъ принятія новаго члена въ магометанскую церковь. Вотъ эта-то необходимая и важная формальность не соблюдалась триполійскимъ православнымъ духовенствомъ, въ противуположность другимъ иновѣрнымъ представителямъ тамошней хри-

стіанской церкви. Въ результатѣ отсутствіе случаевъ перехода въ исламъ мельхитовъ, католиковъ и протестантовъ и нѣсколько случаевъ такого перехода между православными, благодаря частому отсутствію ихъ священниковъ. Какъ я узналъ впослѣдствіи въ этомъ былъ не безъ вины триполійскій митрополитъ Григорій, молодой и чрезвычайно честолюбивый іерархъ, мечтавшій получить вакантный тогда Антіохійскій патріаршій престолъ, а потому избѣгавшій какихъ бы то ни было поводовъ навлечь на себя неудовольствіе турецкихъ властей и даже, напротивъ, не пропускавшій случая быть имъ пріятнымъ. Оттуда и инструкція подвѣдомственному духовенству не раздражать Бедри-Паши и его сподвижниковъ, инструкція уже безспрекословно исполненная, безличными, забитыми и духовноубогими арабскими іереями триполійской епархіи.

Окончивъ осмотръ тюрьмы и повидавши вечеромъ нѣсколькихъ триполійскихъ нотаблей, тоже подтвердившихъ мнѣ о печальномъ положеніи заключенныхъ нашихъ единовѣрцевъ, я на другое утро, простившись весьма дружелюбно съ Бедри-Пашею, уѣхалъ изъ Триполи.

Съ парохода долго былъ еще виденъ замокъ Мелисанды, высоко поднимаясь надъ городомъ и отражаясь въ блестящей синевѣ Средиземныхъ волнъ. Но уже не дивной поэзіей Ростана вѣяло отъ тѣхъ суровыхъ стѣнъ, а невольно одна за другою проходили передъ глазами непривлядныя картины всего мною въ немъ виданнаго и слышаннаго.



Морякъ.

I.

Десять лѣтъ прошло, на горе
Ровно десять долгихъ лѣтъ,
Какъ морякъ пустился въ море,
Чтобъ объѣхать бѣлый свѣтъ.

II.

Шутку море съ нимъ сыграло—
Бурю встрѣтилъ не одну,
Странъ увидѣлъ онъ не мало,
И у дикихъ былъ въ плѣну.

III.

Все онъ вынесъ и вернулся
Наконецъ въ свой край родной...
Безпокойно оглянулся—
Въ сердце кровь стучитъ волной:

IV.

— Гдѣ мой домъ, наслѣдье дѣда,
Мой уютный старый домъ?—
Вопрошаетъ онъ сосѣда,
Озираяся кругомъ.

V.

Говоритъ сосѣдъ, вздыхая:
— Отчій домъ твой былъ бы цѣлъ,
Да стряслась бѣда лихая,
Безъ присмотра онъ сгорѣлъ.—

VI.

— Гдѣ-жъ отецъ, гдѣ мать-старуха,
Правду горькую открой?—
И сосѣдъ отвѣтилъ глухо:
— Оба спятъ въ землѣ сырой.—

VII.

— Гдѣ-жъ хозяйка молодая,
Что, прощаясь у крыльца,
Поклялась, въ тоскѣ рыдая,
Вѣрной быть мнѣ до конца?—

VIII.

Отвѣчалъ сосѣдъ сурово:
— Срокъ не малый десять лѣтъ:
Какъ сдержать такое слово,
Коль на свѣтѣ мужа нѣтъ!

IX.

— Слухъ прошелъ, что въ океанѣ
Ты давнымъ давно погибъ,
Ну, а тутъ къ твоей Сусаннѣ
Молодецъ одинъ прилипъ...

X.

— Былъ онъ ласковъ, щедръ къ тому же,
И къ нему она ушла,
И, забывъ о первомъ мужѣ,
Счастье новое нашла.

XI.

— Ничего, живутъ не худо,
Хорошо живутъ пока;
Ферма есть у нихъ, отсюда
Километрахъ въ сорока.—

XII.

— Гдѣ-жъ ребенокъ, дочь родная?—
— Съ ними дѣвочка живетъ,
И, тебя не вспоминая,
Папой вотчима зоветъ.—

XIII.

— Страшно слышать эти рѣчи!
Гдѣ же Карлъ, мой сводный братъ,
Милый другъ?.. Со мною встрѣчѣ,
Будетъ онъ, быть можетъ, радъ?—

XIV.

— Ну, едва ли... Эхъ, въ обманѣ
Нѣтъ добра; все молвлю вдругъ:
Вѣдь женился на Сусаннѣ
Карлъ Брокэ, твой братъ и другъ.—

XV.

— Онъ?!.. Пошли мнѣ силу, Боже,
Чтобъ ударъ я этотъ снесъ!
Гдѣ же песъ мой? Видно, тоже
Измѣнилъ мнѣ даже песъ!..—

XV.

— Нѣтъ, одинъ тебѣ остался
Вѣрнымъ онъ, какимъ и былъ;
Все на Карла онъ бросался,
И ворчалъ, и грустно вылъ...

XVII.

— Околѣлъ старикъ недавно,
И зарытъ въ оврагѣ тутъ,
И надъ нимъ весною славно
Колокольчики цвѣтутъ.

Н. Никифоровъ.

Письма изъ-за границы.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

(*Продолженіе*).

XIII.

Карнавалъ въ Ниццѣ.

Въ воскренье 26 января въ 8½ час. вечера было назначено прибытіе въ Ниццу, его величества Карнавала XXX. Съ утра на площади Massena и прилегающихъ къ ней улицахъ царствовало необычайное оживленіе. Всюду спѣшно строились эстрады, разставлялись фонари и лампы, прибивались флаги.

Въ этотъ день не вывѣсили въ обычномъ мѣстѣ, надъ аркадами, агентскихъ газетныхъ телеграмъ, какъ это дѣлается обыкновенно. Повидимому, ради прибытія карнавала, все остальное было совершенно забыто.

Съ семи часовъ вечера, по улицамъ, гдѣ должно пройти шествіе было прекращено движеніе экипажей и вагоновъ электрической желѣзной дороги.

Въ восьмомъ часу отовсюду стали стягиваться любопытные; оживленіе увеличивалось съ каждой минутой. Скоро казалось что мѣста не будетъ, а толпа росла и росла... всюду крики, шумъ, смѣхъ... Среди гуляющихъ масса костюмированныхъ. Окна, крыши, балконы—усѣяны зрителями, куда ни посмотришь—море головъ.

Площадь Massena горѣла тысячами огней, два оркестра музыки играли попеременно. Количество танцующихъ постоянно увеличивалось. Даже солдаты, разставленные шпалерами, чтобы охранять мѣсто для процессіи не выдерживали должной роли, и смотришь, то тамъ, то тутъ солдатикъ отдавалъ на по-

держаніе сосѣду ружье, чтобы сдѣлать нѣсколько па съ какою-нибудь развеселившейся ниццардкой.

Какъ эхо пронесся крикъ тысячи голосовъ. Всѣ обернулись въ сторону Avenue de la Gare—откуда должно было появиться шествіе—вдали, еще у самой станціи желѣзной дороги, показался яркій столпъ краснаго пламени, ближе и ближе подвигался онъ къ намъ, стали обрисовываться гигантскія блестящія фигуры—на площадь ступилъ отрядъ муниципальной гвардіи, за нимъ хоръ трубачей, за которыми свита игриваго монарха. Невозможно перечислить всего, что замелькало предъ глазами: здѣсь были пѣшіе, конные, колесницы мира, всевозможныя лица историческія и комическія.

Пестрая, яркая, оригинальная для улицы картина.

Крики усилились, и вмѣстѣ съ многочисленными оркестрами слились въ оглушительный шумъ.

Вся площадь освѣтилась разноцвѣтными бенгальскими огнями—показалась madame Карнавалъ! Колоссальная, доходящая ростомъ до третьяго этажа домовъ, женская фигура съ блестящимъ вращающимся на головѣ солнцемъ—рефлекторомъ, ѣхала она на колесницѣ, представляющей дракона съ огнедышащей пастью. За колесницею—свита царицы; кого тутъ не было—Жанна д'Аркъ, 18 Людовиковъ (Луи) верхомъ на коняхъ, цѣлый рядъ фантастическо-комическихъ фигуръ—наконецъ самъ его величество Карнавалъ XXX, встрѣченный оглушительными привѣтствіями толпы. Карнавалъ XXX представляетъ колоссальную фигуру популярнаго воздухоплавателя Сантоса-Дюмона, сидящаго верхомъ на огромной сигарѣ—воздушномъ кораблѣ. Фигура Дюмона, при посредствѣ механизма, все время приводится въ движеніе, она поворачиваетъ головою и т. д. Надъ ней огромный парашютъ.

За Карнаваломъ XXX слѣдуетъ свита, въ хвостѣ которой огромная колесница съ хоромъ трубачей, одѣтыхъ всевозможными птицами.

Процессія, освѣщаемая бенгальскими огнями, при несмолкаемыхъ крикахъ толпы, дважды обходитъ площадь Massena, затѣмъ направляется къ Casino de la Jetèe Promenade и оттуда идетъ по набережной Средиземнаго моря. Картина, какую трудно забыть: безконечный кортежъ, фантастически освѣщенный, всюду гремитъ музыка—съ боку плескъ волнъ, съ шумомъ бьющихся о каменный берегъ, и вокругъ все кричитъ, поетъ, волнуется, шумитъ, танцуетъ; одна яркая, холодная, блѣдная луна безучастно глядитъ съ далекаго неба...

Кортежъ прошелъ по главнымъ улицамъ и вернулся на площадь, гдѣ происходилъ обрядъ „коронованія": фигура Карнавала торжественно снимается съ повозки и становится подъ особый, ярко освѣщенный павильонъ, гдѣ она остается въ теченіе первыхъ дней празднествъ.

Послѣ встрѣчи карнавала публика направилась на Avenue de la Gare, гдѣ, на улицѣ, около Café de la Régence происходила битва конфетти. Невозможно себѣ представить съ ка-

кимъ ожесточеніемъ закидывали другъ друга бумажками. „Сражающіеся" походили на занесенныхъ снѣгомъ! Всюду крики, смѣхъ, заглушавшіе музыку.

Нельзя не отдать справедливость толпѣ, порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ, ни одного скандала, ни одного пьянаго.

Вечеромъ въ Casino de la Jetée Promenade состоялся блестящій маскарадъ, а на другой день былъ въ Grand'hôtel'ѣ балъ.

Я не буду останавливаться на ихъ описаніи, дабы не удлиннять своихъ путевыхъ замѣтокъ, скажу только, что представители прессы приняты здѣсь съ самымъ изысканнымъ вниманіемъ и на всѣхъ празднествахъ имъ, въ числѣ лицъ приглашенныхъ городомъ, отведены лучшія мѣста.

Въ воскресенье 30 января на набережной (Promenade des Anglais) состоялась первая bataille des fleurs.

Надо быть поэтомъ, художникомъ, можетъ быть музыкантомъ, чтобы передать эту блестящую, оживленную картину.

Залитая солнцемъ набережная переполнена, всѣ трибуны заняты, въ окнахъ, на балконахъ, всюду зрители. Дамы въ свѣтлыхъ туалетахъ, черезъ каждые пятьдесять шаговъ— оркестръ музыки.

Ровно въ два часа раздались пушечные выстрѣлы, музыка заиграла, вдали показалось шествіе. Впереди ѣхали герольды въ цилиндрахъ и красномъ платьѣ, сопровождаемые хоромъ трубачей, далѣе отрядъ съ разноцвѣтными знаменами, украшенными цвѣтами, за ними потянулся длинный рядъ разукрашенныхъ экипажей.

Трудно передать разнообразную, пеструю, изящную картину... то высится огромная оранжерея бѣлой сирени, въ которой, какъ въ гнѣздѣ, едва видны ѣдущіе, также всѣ въ бѣломъ, или цѣлая колесница украшенная бѣлыми розами и васильками, мужчины и дамы въ экипажѣ въ бѣломъ съ голубыми шляпами и галстухами, съ васильками въ петлицѣ. Другой экипажъ — красныя и бѣлыя розы, ѣдущіе въ немъ одѣты въ такіе же цвѣта. Ландо смѣняется огромнымъ кабріолетомъ, представляющимъ изъ себя цѣлую гору цвѣтовъ, за нимъ ѣдетъ коляска, украшенная блѣдно розовыми розами, дамы въ ней одѣты въ розовый цвѣтъ, слѣдующая коляска убрана фіалками, за ней—изъ незабудокъ и бѣлыхъ розъ, далѣе снопъ, корабль...

Трудно даже приблизительно перечислить всего! Проѣхало около 400 разукрашенныхъ экипажей, значительное большинство которыхъ были заняты дамами.

Мои читательницы, разумѣется, будутъ интересоваться ихъ туалетами... увы, я не въ состояніи удовлетворить этого любопытства... Мнѣ пришлось бы писать цѣлый томъ, да и кромѣ того, навѣрно, не хватило бы красокъ. Я сознаюсь въ томъ откровенно и скажу только, что если бы въ моемъ распоряженіи было два десятка призовъ за изящные и красивые туалеты, я былъ бы въ огромномъ затрудненіи кому ихъ пред-

ложить, слѣдовало бы, пожалуй, выдать столько же призовъ, сколько промелькнуло предъ глазами изящныхъ представительницъ прекраснаго пола, которыя въ огромномъ большинствѣ, были одѣты въ самые разнообразные, свѣтлые туалеты, съ соломенными шляпами, украшенными цвѣтами...

Послѣ перваго проѣзда началась битва...

И грянулъ бой,
Полтавскій бой!

Невозможно передать оживленія, царившаго всюду. Какъ говорится, и старъ, и младъ, всѣ кидали цвѣтами другъ въ друга, скоро букетики засыпали всю набережную, такъ что лошади буквально шли не по камнямъ мостовой, а по цвѣтамъ. Носильщики едва успѣвали приносить въ трибуны и подавать въ экипажи огромныя корзины цвѣтовъ. Всюду, вездѣ цвѣты! Въ экипажахъ, въ трибунахъ, въ толпѣ, на землѣ! Два часа подъ рядъ, подъ аккомпаниментъ смѣха и крика, продолжалась бомбардировка экипажей съ трибунъ. Сидящіе въ нихъ отвѣчали тѣмъ же безпрерывнымъ цвѣточнымъ огнемъ... Не только на трибунахъ, но и въ экипажахъ я видѣлъ массу русскихъ, которые принимали дѣятельное участіе въ общемъ оживленіи. Эти русскіе въ Петербургѣ скучно—важны, тамъ, чтобы до нихъ добраться нужно пройти рядъ курьеровъ и лакеевъ—здѣсь они иные, не „совѣтники", а публика.

Подобное развлеченіе какъ bataille des fleurs возможно только здѣсь, на благодатномъ югѣ, гдѣ все улыбается, яркое солнце свѣтитъ, небо ясно... На первой bataille des fleurs одинъ изъ главнѣйшихъ призовъ за изящное убранство экипажа былъ выданъ русской—Л. А. Фонъ-Дервизъ.

Вечеромъ—bal fleuri въ cercle de la Méditerranée. Здѣсь присутствовало все избранное интернаціональное общество Ниццы, Канна, Монако и другихъ городовъ Ривьеры.

Разъѣздъ состоялся подъ утро. Приходится пройти молчаніемъ этотъ балъ, такъ какъ предвижу, что мнѣ, въ моихъ строкахъ, не хватило бы красокъ, ни для описанія фантастическихъ туалетовъ, ни изящества представительницъ прекраснаго пола.

Черезъ три дня новое празднество: дневной маскарадъ на улицахъ. Двое сутокъ было холодно, дурная погода. Въ день празднества, 2 февраля, солнце заблистало на небѣ. Яркими красками играли лучи его, отражаясь въ волнахъ синяго моря и на скатахъ горъ, вершины которыхъ блестѣли снѣжнымъ покровомъ.

Съ полдня электрическіе вагоны отовсюду привозили толпы наряженныхъ. Въ часъ всякое движеніе экипажей прекратилось, магазины стали закрываться. Улицы были запружены толпою. Ряды полицейскихъ едва сдерживали ея напоръ и охраняли трибуны съ платной и приглашенной городомъ публикой.

Въ два часа показалось шествіе. Безконечной вереницей тянулись огромныя колесницы, за ними слѣдовали всадники,

пѣшіе, цѣлый рядъ фигурантовъ одѣтыхъ въ историческіе и комическіе костюмы. Трудно передать всего, что промелькнуло передъ глазами подъ звуки оркестра, крики и хохотъ толпы.

Процессія прошла.

Началась битва конфетти.

Въ одинъ мигъ всѣ зрители, трибуны, улицы, были покрыты разноцвѣтными бумажками.

Кидались ими всѣ, кидались съ какимъ то ожесточеніемъ.

„Рука бойцовъ колоть устала" скажу словами поэта...

Среди этой толпы я бы не хотѣлъ быть хорошенькой женщиной, имъ приходилось совсѣмъ плохо будучи аттакованными со всѣхъ сторонъ.

Вскорѣ все смѣшалось, публика съ трибунъ и толпа за „кордономъ" произошло это вѣроятно потому что нѣсколькимъ десяткамъ шутниковъ пришло въ голову переодѣться полицейскими. Ряженые смѣшались съ настоящими, устроили среди послѣднихъ grand rond, закружились подъ звуки музыки. Настоящіе полицейскіе пришли въ недоумѣніе отъ поведенія нѣкоторыхъ изъ своихъ собратьевъ, затѣмъ приняли участіе въ ихъ весельѣ, цѣпь была прорвана, толпа хлынула на площадь и всю ее заводнила собой.

Солнце зашло.

Дневной праздникъ смѣнился ночнымъ. На улицахъ зажглась причудливая иллюминація.

Снова показалась процессія, украшенная фонарями, бенгальскими огнями. Битва конфетти не ослабѣвала. Будто глубокимъ снѣгомъ улицы были покрыты бумажками.

Въ толпѣ, гуляющаго „какъ простой смертный", я видѣлъ короля Бельгійскаго Леопольда II.

Поздно ночью я возвращался домой. Всѣ кафе и рестораны были еще переполнены. Всюду маски и то искреннее, настоящее веселье, безъ взвинчиванья его винными парами, которое намъ русскимъ, гдѣ „веселье есть пити", трудно понятно.

На шестое февраля была назначена вторая битва цвѣтовъ, но, вслѣдствіе ненастной погоды, отложена.

По долгу мнѣ приходилось жить на Ривьерѣ и я замѣчалъ, что на значительное число дней выпадаетъ дурная погода, о которой не сообщаютъ газеты. Во всѣхъ парижскихъ газетахъ такъ уже заведено: гдѣ сезонъ—оттуда идутъ извѣстія о хорошей погодѣ. Лѣтомъ, судя по газетамъ, въ Трувиллѣ, Діеппѣ и т. д.—по берегамъ нѣмецкаго моря, осенью въ Біаррицѣ, зимой въ Ниццѣ и Монте-Карло—всегда стоитъ превосходная погода. Не то бываетъ на самомъ дѣлѣ. Случается иногда приходить въ отчаяніе оттого, что дождикъ неустанно льетъ цѣлую недѣлю, а въ такіе дни, когда солнца не видно на небѣ, жизнь въ Ниццѣ дѣлается крайне скучной. Здѣсь принято увѣрять всѣхъ пріѣзжихъ, что погода всегда превосходная и только въ видѣ исключенія идетъ дождь.

Пріѣзжему въ дурную погоду говорятъ, что дождь начался только сегодня, а вчера еще было превосходно.

Каждый ниццардъ васъ будетъ убѣждать, приводя всевозможныя причины, что скоро наступитъ temps splendide.

Однажды въ дождь я спрашиваю у швейцара гостинницы гдѣ я жилъ, долго ли въ это время обыкновенно продолжается дурная погода.

— О, нѣтъ, monsieur, при южномъ вѣтрѣ дождь продолжается не болѣе одного дня, другое дѣло если бъ задулъ сѣверный..

На другой день дождь неустанно лилъ и тотъ же швейцаръ меня успокаивалъ:

— Сегодня дуетъ сѣверный вѣтеръ, значитъ скоро мы увидимъ солнце, если бъ дулъ южный вѣтеръ, тогда дождь вѣроятно, продолжался бы еще нѣсколько дней.

Надобно ли вѣрить послѣ этого примѣтамъ старожиловъ!

Вечеромъ шестого февраля состоялся первый маскарадъ— veglione въ оперномъ театрѣ.

Къ 12 часамъ ночи зала театра была биткомъ набита публикою, всѣ дамы были костюмированы.

Не видавшему veglione трудно себѣ представить, что представляетъ изъ себя этотъ маскарадъ. Начиная съ того, что слово маскарадъ не совсѣмъ подходящее,—вѣрнѣе было бы назвать оргіей въ маскахъ или вакханаліей.

Въ залѣ происходитъ дикое, безшабашное бѣснованіе, которому не возможно дать названія танцевъ. Огромная толпа, мужчины и дамы, разбиваются на кружки и въ дикомъ вихрѣ держась за руки, носятся по залѣ. Эти ronds представляютъ изъ себя какой-то порывомъ несущійся ураганъ. Цѣлая вереница людей скачетъ, прыгаетъ, хохочетъ, бѣшенно, держась за руки, описываетъ по залѣ зигзаги, сталкивается другъ съ другомъ и несется дальше.

Въ залѣ, въ корридорахъ, въ фойе, не стѣсняясь изъявляютъ свои симпатіи самыми жаркими поцѣлуями и объятіями, а въ буфетѣ, гдѣ шампанское льется рѣкой, гдѣ, вѣроятно за недостаткомъ мѣстъ, дамы сидятъ на колѣняхъ у кавалеровъ, происходитъ нѣчто настолько неописуемое, что я положительно затрудняюсь подобрать слова для передачи впечатлѣнія...

Veglione можно сравнить съ вакханаліей студентовъ латинскаго квартала по своему безшабашному, до полнаго самозабвенія, доходящему времяпрепровожденію его посѣтителей.

Въ три часа ночи публика стала расходиться, но повидимому, только затѣмъ, чтобы перемѣнить одно мѣсто на другое. Рестораны и кафе не закрывались всю ночь. Я побывалъ въ трехъ и всюду находилъ ту же картину, что въ буфетѣ оперы.

Дальнѣйшихъ празднествъ карнавала я не видѣлъ, такъ какъ на другой день, благодаря полученной телеграммѣ, мнѣ спѣшно пришлось выѣхать въ Россію, сдѣлать рѣзкій пере-

ходъ съ береговъ Средиземнаго моря къ берегамъ Невы, отъ 20 градусовъ тепла къ столькимъ же—мороза.

Мнѣ приходится на этомъ оборвать свои письма, посвятивъ послѣднее, въ слѣдующемъ нумерѣ, описанію нѣкоторыхъ штриховъ жизни въ Ниццѣ, а также Монте-Карло съ его рулеткой и системами этой игры.

С. Сухонинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Confetti.

(разсказъ).

Въ саду при вокзалѣ, на широкой площадкѣ, подъ синеватымъ холоднымъ свѣтомъ электрическихъ шаровъ, волновалась пестрая, по праздничному настроенная, толпа. Надъ нею взлетали мелконарѣзанныя разноцвѣтныя бумажки — конфетти — и дрожа, въ воздухѣ, падали на яркіе цвѣты шляпокъ, на цѣлые вороха перьевъ и бантовъ, на фуражки съ различными околышами, на широкополыя мужскія шляпы и уродливые цилиндры. Отъ конфетти и отъ женскихъ платьевъ подымалась тонкая пыль, все болѣе и болѣе окутывавшая легкимъ облакомъ веселившуюся толпу.

Весело и непринужденно раздавался задорный смѣхъ, слышались смѣлыя, нерѣдко дерзкія фразы. Женщины и мужчины—два враждебныхъ лагеря—хлестали другъ друга конфетти, въ лицо, въ затылокъ, по шляпамъ. Крашеныя бумажки попадали въ глаза, въ ротъ, въ уши, забивались за-воротъ, застревали въ женскихъ волосахъ. Узкія длинныя полосы серпантиновъ быстро развертываясь пролетали надъ головами; онѣ обвивались вокругъ женскихъ платьевъ, смокинговъ и форменныхъ сюртуковъ или, зацѣпившись въ электрическихъ проводахъ, красивыми петлями свѣшивались внизъ. Въ серпантинахъ запутывались, ихъ рвали на куски и снова бросали.

Яркіе, вызывающе смѣлые костюмы нѣсколькихъ женщинъ рѣзкими пятнами выступали на общемъ фонѣ. Онѣ привлекали къ себѣ мужчинъ, какъ привлекаетъ вечеромъ зажженная лампа мелкихъ мошекъ, и цѣлыя тучи конфетти сыпались на

ихъ обладательницъ, развязно отбивавшихся тѣми же цвѣтными бумажками. По ихъ голосу, манерамъ, по вызывающимъ взглядамъ, несдержанному смѣху можно было легко узнать этихъ женщинъ. Вечеръ съ конфетти привлекъ ихъ въ мирную дачную толпу, и онѣ пользовались своей свободой и задѣвали всѣхъ проходившихъ мужчинъ.

Одна изъ нихъ въ желтомъ блестящемъ платьѣ, плотно охватывавшемъ ея роскошныя формы, и лиловой шляпѣ бѣжала за высокимъ блондиномъ, шутливо укрывавшимся отъ конфетти. Она догнала его и полной горстью бумажекъ хлестнула его по лицу.

— Сдаюсь, сдаюсь!—кричалъ весело блондинъ, поворачиваясь въ сторону преслѣдовавшей его женщины. — Пощадите!

— Защищайтесь! отвѣчала она и, остановившись передъ нимъ, продолжала бросать конфетти ему въ лицо. Ея глаза загорѣлись и стали влажны; она улыбалась своими чувственными губами; сильный, пряный ароматъ японскихъ духовъ волной несся отъ ея тѣла; ея рука, бросавшая конфетти, почти касалась губъ блондина.

Отъ близости этой женщины молодой человѣкъ почувствовалъ безпокойство. Онъ сдавался, и не въ шутку.

— Ха, ха, ха!—захохотала она.—Однако вы изъ слабыхъ! Берегитесь: я хочу добить васъ совсѣмъ", —и размахнувшись она выбросила на блондина всѣ свои конфетти изъ изящнаго желтаго мѣшка съ золотымъ кольцомъ.

— Что за безобразіе! — пробурчалъ какой то полный сѣдоватый господинъ, которому она своимъ быстрымъ движеніемъ нахлобучила на носъ цилиндръ.—Какая разнузданность, эти конфетти; каждый считаетъ себя въ правѣ задѣвать всѣхъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ своей дамѣ и поправляя цилиндръ.

— Ха, ха, ха, ха! — слышался ему въ догонку задорный смѣхъ женщины въ лиловой шляпѣ—какъ онъ мило сердится!"—и схвативъ съ витрины, гдѣ продавались конфетти, зеленый мѣшечекъ, она быстро разорвала его и хлестнула по затылку полнаго господина цвѣтными бумажками.

Господинъ вздрогнулъ и брезгливо сталъ смахивать съ себя конфетти. Кругомъ послышался смѣхъ.

— Нѣтъ, это ужасно. Какъ это дозволяютъ — проговорила его дама, еще молодая шатэнка съ темными сѣрыми глазами.— Я оттого и не беру съ собой мою..... Ah, merci monsieur—

вдругъ перебила она себя, обращаясь къ стройному кавалеристу, только что обдавшему ее дождемъ конфетти—je n'ai pas des confetti, — и она улыбнулась ему такъ же, какъ улыбалась женщина въ желтомъ платьѣ и лиловой шляпѣ высокому блондину.

Полный господинъ только покосился на нее и ядовито усмѣхнулся. Всѣ вы, женщины, всѣ вы на одну мѣрку,— говорила его усмѣшка.

Между тѣмъ блондинъ стоялъ около витрины, гдѣ продавала цвѣты одна изъ звѣздочекъ кордебалета, и выбиралъ желтыя полураспустившіяся розы. „Звѣздочка“ улыбаясь помогала ему и раздѣляла своей худенькой ручкой сцѣпившіяся между собой розы, которыя кололись своими шипами и заставляли вздрагивать ихъ обоихъ.

Молодой человѣкъ протянулъ одну блѣдножелтую розу „звѣздочкѣ“ и, собравъ остальныя, направился къ женщинѣ въ лиловой шляпѣ, которая ждала его съ торжествующей улыбкой.

— За что дали вы розу этой дурнушкѣ? — спросила она его, указывая своими красивыми слегка подведенными глазами на кордебалетную звѣздочку.

— А! вы ревнивы?—смѣялся блондинъ.—Такъ возьмите же эти желтыя розы: въ нихъ ядъ любви, онѣ еще болѣе дразнятъ ревность“.

— Ядъ любви? — переспросила она.—Давайте! Вамъ опасно. Вы и такъ отравитесь. А я не боюсь. — И схвативъ розы, она спрятала въ нихъ свое лицо и сильно потянула въ себя сладкій ароматъ.

Блондинъ смотрѣлъ на нее, не отрываясь. Видъ этой роскошной женщины опьянялъ его болѣе, чѣмъ розы.

Она взглянула ему прямо въ глаза вызывающимъ, манящимъ взглядомъ и тихо засмѣялась. Затѣмъ она взяла одну изъ розъ и ударила ею блондина по губамъ.

Токъ страсти пробѣжалъ по нервамъ молодого человѣка. Онъ забылъ на мгновеніе про толпу, про тысячи взглядовъ и, схвативъ за руку молодую женщину, сильно потянулъ ее къ себѣ.

— Сергѣй Алексѣевичъ! Какая низость,—раздался позади него глухой отъ волненія женскій голосъ.

Блондинъ вздрогнулъ. Онъ быстро выпустилъ руку женщины въ желтомъ платьѣ и обернулся. Передъ нимъ стояла Нина N—ова, которую онъ еще вчера только называлъ „своей дорогой Ниной“, „единственной, лучшей своею любовью“

„гордой женщиной, признающей лишь безраздѣльную власть надъ сердцемъ мужчины". И вчера же клялся онъ ей, что для него нѣтъ женщины, кромѣ Нины и что свои свободныя минуты онъ отдаетъ ей. И вотъ теперь, она видѣла всю ложь его словъ, она видѣла его рядомъ, рука-объ-руку съ разгульной женщиной.

Ея глаза смотрѣли на него. Она была блѣдна и губы ея дрожали.

— Несчастный, что я дѣлаю, пронеслось въ головѣ молодого человѣка. Онъ чувствовалъ, что нужно что-то сказать Нинѣ, чѣмъ бы то ни было разувѣрить ее, убѣдить, что ничего не было и не будетъ. Но слова не приходили ему на умъ; волненіе и смущеніе его увеличивались и виноватый, пристыженный, стоялъ онъ передъ молодой дѣвушкой.

— Нина, Нина, что это вы отъ насъ отстали?—кричала ей живая и веселая, совсѣмъ еще молоденькая дамочка, вся усыпанная конфетти.

Нина быстро повернулась.

— Это вашъ знакомый?—тихо спросила ее та.

— Нѣтъ, — сухо отвѣтила Нина, и это „нѣтъ" такой болью отозвалось въ сердцѣ Сергѣя Алексѣевича, что онъ невольно подался впередъ прямо къ Нинѣ и сдавленнымъ голосомъ прошепталъ:

— Нина, умоляю васъ.... все осталось то же..... только выслушайте......

Нина какъ будто колебалась.

— Ха, ха, ха, ха!—раздался вдругъ наглый смѣхъ женщины въ желтомъ платьѣ.—Попался!.

Лицо Нины нервно передернулось.

— Что вамъ угодно? бросила она негодующій вопросъ молодому человѣку.

— Какой нахалъ, —непріязнено сказала молодая дамочка.

Внезапное бѣшенство овладѣло вдругъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ.

— Вы раскаетесь въ своей гордости, Нина Орестовна, — задыхаясь произнесъ онъ.

***

Въ курящемъ отдѣленіи перваго класса, на мягкомъ глубокомъ диванѣ, покрытомъ полосатымъ чехломъ, сидѣли Сергѣй Алексѣевичъ и женщина въ желтомъ платьѣ. Его рука обнимала ея гибкую талію. Волосы ея растрепались и нѣжно щекотали по лицу молодого человѣка. Лиловая шляпа

была снята и лежала на противоположномъ диванѣ. На кончикѣ красивыхъ усовъ блондина замѣтны были слѣды пудры, а на правой щекѣ виднѣлось красное пятно отъ поцѣлуевъ крашеными губами.

Электрическая лампочка на потолкѣ вагона ярко освѣщала немного усталое лицо блондина и бросала легкія тѣни на красивыя чувственныя черты его сосѣдки, на ея золотистые волоса и на желтое блестящее платье. Желтыя розы валялись въ ногахъ молодой женщины; двѣ-три изъ нихъ были приколоты у корсажа; ихъ ядовитый ароматъ струился въ душной этмосферѣ вагона.

У противоположнаго окна дремалъ полный, сѣдоватый господинъ въ цилиндрѣ, котораго такъ раздражали конфетти. Сзади изъ за высокой спинки дивана слышались оживленные голоса и позвякиванье шпоръ: тамъ сидѣла веселая компанія.

— Ты полюбишь меня? — шепталъ страстно блондинъ, привлекая къ себѣ молодую женщину.

— Ну да,—съ усмѣшкой отвѣчала она, и буду дѣлать сцены, какъ та. Сергѣй Алексѣичъ, какая низость, — передразнила она Нину.—Ха, ха, ха, ха!—залилась она торжествующимъ смѣхомъ,—только я не отдамъ такъ легко, какъ она!

Сергѣй Алексѣевичъ грубо оттолкнулъ ее.

— Оставь ее! Не трогай!—произнесъ онъ глухо.

Онъ вдругъ отрезвѣлъ и съ отчаяннымъ жестомъ схватился за голову. „Нина, Нина, я люблю же тебя", — простоналъ онъ и, быстро вскочивъ съ дивана, высунулся въ открытое окно и сталъ втягивать въ себя свѣжій воздухъ.

Его спутница продолжала хохотать, и этотъ хохотъ вакханки сдѣлался вдругъ противенъ Сергѣю Алексѣевичу; но въ то же время предъ нимъ предстала Нина, и онъ какъ бы снова услыхалъ ея безстрастный, пренебрежительный вопросъ: „что вамъ угодно?"

— Нѣтъ, нѣтъ, все потеряно. Не вернуть, — и онъ безсильно опустился на диванъ рядомъ съ молодой женщиной.

Вакханка въ желтомъ платьѣ опять склонилась надъ нимъ. Ея горячее дыханіе коснулось его губъ. Шампанское, выпитое на вокзалѣ, снова бросилось въ голову Сергѣю Алексѣевичу; онъ снова опьянѣлъ и отъ вина, и отъ близости женщины. Онъ привлекъ ее къ себѣ и своимъ поцѣлуемъ задушилъ ея смѣхъ.

* * *

Надъ паркомъ сгущались сумерки. Подъ развѣсистыми вѣтвями старыхъ дубовъ было совершенно темно, и проходившіе черезъ открытую площадку „Старой Сильвіи“ почти не замѣчали мужской фигуры, сидѣвшей на скамейкѣ у ногъ бронзовой Таліи. Только какая-то молоденькая дама, внимательно осматривавшая бронзовыхъ музъ и боговъ, подошла, наконецъ, и къ Таліи и, замѣтивъ вдругъ темную фигуру, вздрогнула и подалась назадъ. Но она тотчасъ же оправилась отъ легкаго испуга и подошла вплотную къ зеленой деревянной скамейкѣ. Наклонившись впередъ, чтобы прочесть надпись на статуѣ, она разглядѣла въ мрачной фигурѣ высокаго худого блондина въ черномъ пальто и опрокинутой на затылокъ широкополой шляпѣ. Черты его лица показались ей знакомыми. „Ахъ, да,—припомнила она,—это тотъ штатскій, который приставалъ къ Нинѣ на конфетти“.

Быть можетъ, и Сергѣй Алексѣевичъ узналъ бы ее, но онъ продолжалъ равнодушно смотрѣть прямо передъ собой на Аполлона, возвышавшагося на кругломъ каменномъ пьедесталѣ посреди площадки.

Сергѣй Алексѣевичъ вспоминалъ такой же тихій немного душный вечеръ, но болѣе свѣтлый, болѣе радостный. Какъ теперь, сидѣлъ онъ на той же скамейкѣ у ногъ Таліи. Какъ теперь, передъ его глазами стоялъ на пьедесталѣ красавецъ-юноша, Аполлонъ, богъ красоты и солнца. Но тогда, какъ казалось Сергѣю Алексѣевичу, даже на застывшихъ губахъ изваяннаго бога играла улыбка, и хоръ музъ радостно привѣтствовалъ двухъ счастливыхъ смертныхъ: Сергѣя Алексѣевича и—какъ тяжело это вспоминать—Нину, все еще дорогую для него Нину.

Да, онъ былъ тогда не одинъ. На этой же самой, удобной, низенькой скамейкѣ сидѣла и Нина въ легкомъ, нѣжномъ платьѣ.....

— Думаете ли вы, Нина Орестовна,—говорилъ онъ тогда ей,—какъ въ прошломъ проходили здѣсь черезъ эту площадку и молодежь, и старые люди; они сидѣли такъ же, какъ и мы на этой же скамейкѣ..... Гдѣ они теперь? а Аполлонъ, и музы, и эти деревья,—все это осталось, все это по прежнему привѣтствуетъ новыя поколѣнія.... И когда вдумаешься въ это, то какъ-то хочется смерти, чтобы только не видѣть ея призрака, не ждать ея каждый часъ.....

— Что за мысли у васъ, Сергѣй Алексѣевичъ,—отвѣчала

тогда Нина.—Я не понимаю этого желанія смерти.... Да его и не можетъ быть когда.... когда чувствуешь, что есть человѣкъ, который можетъ заслонить этотъ призракъ смерти и дать въ будущемъ столько дней счастья....

— А у васъ есть этотъ человѣкъ, Нина Орестовна? — спросилъ ее Сергѣй Алексѣевичъ тихо и нерѣшительно.

— Мнѣ кажется, да, — отвѣчала она и пристально посмотрѣла на него такимъ хорошимъ взглядомъ, который прямо говорилъ, что этотъ человѣкъ и есть онъ самъ, Сергѣй Алексѣевичъ.

И онъ почувствовалъ тогда, точно волна любви прилила къ его сердцу, захватила его всего и долго, цѣлые дни съ этой минуты, держала его въ своихъ ласкающихъ объятіяхъ.

Эти дни пролетѣли, какъ легкій сонъ. Вечеръ съ конфетти грубо оборвалъ начавшуюся любовь и оставилъ одну тупую, давящую боль въ сердцѣ. Напрасно старался Сергѣй Алексѣевичъ заглушить эту боль въ какомъ - то безразсудномъ разгулѣ съ той женщиной, которую онъ увозилъ тогда съ конфетти. Въ ея порывистыхъ, страстныхъ объятьяхъ онъ забывалъ Нину; но опьяненіе проходило, образъ Нины выросталъ предъ нимъ, какъ живой, и его сердце снова сжималось отъ боли, и съ какой-то ненавистью отталкивалъ онъ тогда отъ себя обольстительную вакханку.

Такъ прошелъ мѣсяцъ, и Сергѣй Алексѣевичъ не выдержалъ: онъ бросилъ эту женщину и второй день былъ здѣсь и блуждалъ по старому парку, гдѣ еще такъ недавно онъ ходилъ рука-объ-руку съ Ниной.

Онъ продолжалъ сидѣть не двигаясь у ногъ Таліи. Площадка была пуста. Молоденькая дама давно скрылась. Стало еще темнѣе; подымалась густая роса; очертанія деревьевъ расплывались, становились неясными.

Легкій шорохъ со стороны большой аллеи вывелъ Сергѣя Алексѣевича изъ оцѣпенѣнія. Шорохъ приближался. Можно было ясно различить шумъ отъ резиновыхъ шинъ велосипеда по мелкому песку.

Изъ за стриженыхъ акацій показалась женская соломенная шляпа, и на площадку не спѣша въѣхала стройная, молодая велосипедистка.

Кровь прилила къ сердцу Сергѣя Алексѣевича. Онъ весь какъ-то съежился, точно хотѣлъ скрыться.

Передъ нимъ была Нина.

Все такъ же не спѣша, она проѣхала мимо него, близко

и, ловко и легко соскочивъ съ велосипеда, опустилась на другую скамейку влѣво отъ него.

Сергѣя Алексѣевича она не замѣтила.

— Что же дѣлать? Подойти?—думалъ съ волненіемъ Сергѣй Алексѣевичъ

Нѣтъ, нѣтъ, оставить все! Не тревожить прошлаго!.... Будетъ хуже—больше страданій, муки.... Но пропустить этотъ случай и не подойти? И быть можетъ, никогда, никогда больше не встрѣтиться съ Ниной.... О нѣтъ, нѣтъ"....

При одной мысли объ этомъ Сергѣй Алексѣевичъ вскочилъ со своего мѣста и, точно боясь потерять что-то самое дорогое, незамѣнимое, онъ невольно протянулъ руки по направленію къ Нинѣ и быстрыми шагами подошелъ къ ней.

Нина подняла глаза; узнала тотчасъ же и испуганными глазами смотрѣла на Сергѣя Алексѣевича. Минута прошла въ напряженномъ молчаніи. Нина первая овладѣла собой и потянулась къ велосипеду.

Сергѣй Алексѣевичъ быстро положилъ руку на руль, чтобы удержать молодую дѣвушку.

— Нина Орестовна,—началъ онъ глухимъ, точно не своимъ голосомъ,—останьтесь.... прошу васъ....

— Что вы хотите отъ меня? Спросила она его тихо и повернулась прямо къ нему, положивъ руку на сѣдло велосипеда.

— Я не хочу отъ васъ ничего, началъ Сергѣй Алексѣевичъ—я хочу только сказать вамъ, что вы несправедливы, отталкивая меня отъ себя... Взгляните на меня,—продолжалъ онъ. все болѣе и болѣе приходя въ себя, своимъ мягкимъ искреннимъ голосомъ, — развѣ что-нибудь говоритъ, что я счастливъ? И это только внѣшность. На лицѣ вы не прочтете, что происходитъ въ сердцѣ, вы не увидите скрытыхъ мукъ..... Да я и не буду говорить вамъ о нихъ. Но вѣрьте, Нина Орестовна, что предъ вами тотъ же человѣкъ, для котораго вы находили слова люб...

—Это правда! не сомнѣвайтесь—!поспѣшно и горячо добавилъ онъ, видя, что Нина хочетъ его перебить.—Только взгляните на меня: развѣ съ такимъ видомъ лгутъ и притворяются? Вспомните тотъ вечеръ, нашъ послѣдній вечеръ; я не лгалъ вамъ и тогда. И на другой день, въ этотъ злополучный день „конфетти"...

— Сергѣй Алексѣевичъ, оставьте эти воспоминанія! — рѣшительно перебила его Нина. Я знаю, вы скажете, что вы

въ этотъ вечеръ вы не обманывали меня. Пусть такъ. Но этотъ вечеръ открылъ мнѣ глаза, далъ мнѣ возможность лучше понять человѣка, котораго я, какъ оказалось, мало знала..... Нина уже волновалась. Она схватилась за руль велосипеда и, сильнымъ движеніемъ освободивъ его изъ рукъ Сергѣя Алексѣевича, повела его обратно къ широкой аллеѣ.

— Нина, Нина,—заговорилъ быстро и страстно Сергѣй Алексѣевичъ, спѣша вслѣдъ за ней,—вы, честная, правдивая дѣвушка, вы не можете, вы не должны быть несправедливой, безсердечной... Вы не хотите выслушать меня; ради своей гордости вы презираете чужія страданія..... Пусть онъ мучится, пусть не находитъ себѣ покоя въ неумолчныхъ думахъ о потерянномъ счастьѣ,—вотъ что говоритъ мнѣ каждое ваше слово, каждый вашъ взглядъ...

Нина шла, опустивъ голову. При послѣднихъ словахъ она рѣзко остановилась и взглянула прямо въ глаза Сергѣю Алексѣевичу.

— Вы сами не справедливы, Сергѣй Алексѣевичъ,—сказала она тихо. — Я не хочу ни мести, ни вашихъ мученій. Знайте, я мало вѣрила словамъ влюбленныхъ мужчинъ. Вамъ первому — слышите вы? — я повѣрила.. Почему?—вы это знаете... И васъ-то, на другой же день я увидѣла съ женщиной, которой вы, можетъ быть, такъ же клялись въ любви, въ вѣрности"... Нина задыхалась отъ волненія; губы ея дрожали.

Сергѣй Алексѣевичъ взялъ ее за руку.

— Но этого-то и не было, Нина; все это создала ваша оскорбленная гордость. Я не зналъ этой женщины. Я забылъ бы о ней, какъ только встрѣтился бы съ вашимъ чистымъ взоромъ... Я просилъ васъ только вѣрить мнѣ, но вы повѣрили наглому смѣху той женщины...

— Вы не знали ея?—спросила Нина съ недовѣріемъ—Ну а послѣ? Послѣ этого вечера? Гдѣ же вы были? Отчего не пришли ко мнѣ"?

Сергѣй Алексѣевичъ молчалъ. Краска стыда залила все его лицо.

Нина поблѣднѣла. Глаза ея прищурились. Она отдернула свою руку.

— Оставьте меня! Я знаю теперь, вамъ никогда не нужно было меня: вамъ нужно было женщину, все равно какую, и чѣмъ грязнѣе и развратнѣе, тѣмъ лучше. Я мучусь, мнѣ

тяжело самой— можете быть рады—но послѣ той женщины вы не дотронетесь до меня никогда! ни за что"!

И она съ какимъ-то страхомъ отступила отъ него, заслоняя себя велосипедомъ. Сергѣй Алексѣевичъ молчалъ и не двигался. Не оборачиваясь на него, Нина вскочила на велосипедъ и стала быстро удаляться.

Сергѣй Алексѣевичъ смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Ты не увидишь ея больше,—говорилъ ему внутренній голосъ. Но странно, сердце его не сжималось отъ боли при этой мысли. Онъ сдѣлался какъ-то непонятно спокоенъ. Силуэтъ Нины виднѣлся уже въ концѣ аллеи. Вотъ она пронеслась сквозь низенькія ворота „Старой Сильвіи". Еще разъ мелькнула ея соломенная шляпа, и Нина скрылась среди вечерняго мрака.

Сергѣй Алексѣевичъ вернулся на площадку и прислонился къ каменному холодному пьедесталу Аполлона.

...... Вамъ нужно было женщину,—звучали еще въ его ушахъ слова Нины. Она хотѣла принизить меня,—думалъ онъ,—но сказала правду. Что же могъ я любить въ ней, какъ не женщину? А она, эта холодная, гордая дѣвушка, какъ и всѣ другія такія же гордыя и холодныя,—вообразила, что я полюбилъ въ ней душу.

— Ха, ха, ха!—засмѣялся Сергѣй Алексѣевичъ,—да что же могъ бы я найти въ этой душѣ, чистой какъ кристалъ, но пустой и однообразной, какъ тотъ же кристалъ, чтобы отдать ей всю жизнь?

Душа... душа... а гдѣ же она у васъ, гордыя, самолюбивыя женщины? Изъ-за своей уязвленной гордости вы брезгливо отстраняетесь отъ насъ; вамъ нѣтъ дѣла до нашего раскаянія, до нашихъ страданій. И вы хотите, чтобы мы любили въ васъ душу, вы, бездушныя, самолюбивыя?

Да развѣ душу я полюбилъ бы такой любовью? Развѣ мнѣ нужны были бы поцѣлуи, объятья?..

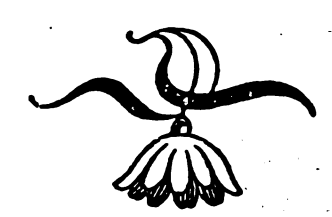
Мнѣ нужно было женщину, и въ первомъ поцѣлуѣ Нины я видѣлъ только женщину. А она, быть можетъ, воображала, что передастъ мнѣ поцѣлуй своей души?..

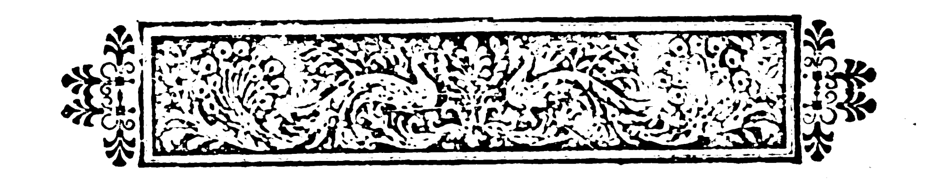
Сергѣй Алексѣевичъ поднялъ голову и взглянулъ на темное, глубокое, синее небо.

— Ни горю, ни слезамъ въ этой таинственной темной дали не было ни отклика, ни утѣшенія: смѣшными, непонятными становились они передъ молчаніемъ неба.

И Сергѣй Алексѣевичъ невольно улыбнулся: ничтожнымъ, до смѣшного маленькимъ представилось ему и его горе отъ любви къ Нинѣ...

Но какъ знать; звѣзды погаснутъ передъ разсвѣтомъ, величіе безконечнаго исчезнетъ, и боль сердца снова покажется страданіемъ.....





Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

Новый варіантъ на старую тему.—Журнальное чествованіе памяти Н. В. Гоголя.—Юмористическое описаніе М. М. Сперанскаго одного изъ засѣданій Государственнаго Совѣта.—Научныя поминки крѣпостнаго права.—О земскомъ представительствѣ.

Въ журналѣ „Образованіе“ помѣщена повѣсть, представляющая новую обработку малороссійской легенды „Сорокъ лѣтъ“, разсказанной историкомъ Н. И. Костомаровымъ, съ послѣдней главой, исключительно написанной великимъ художникомъ-психологомъ. По заявленію „Биржевыхъ Вѣдомостей“, повѣсть эта появилась еще заранѣе въ провинціальномъ сборникѣ; однако не вошла въ собраніе сочиненій ни Костомарова, ни гр. Толстого. Право всеобщей перепечатки распространяется на XIV главу, принадлежащую Л. Н. Толстому. Въ виду поэтическихъ достоинствъ малороссійской легенды, ея художественной обработки и нравственно-общественнаго значенія, ознакомимъ коротко съ содержаніемъ и заключительной главой повѣсти.

Въ слободѣ Мандрикахъ, принадлежавшей гвардіи поручику Мотылину, самымъ богатымъ мужикомъ былъ Денисъ Шпакъ. Односельчане его не долюбливали: „себѣ на умѣ, крутой мужикъ!“ Накопивши не малую толику денегъ, Шпакъ сталъ побаиваться, чтобъ не обокрали, и снесъ на сохраненіе 7.000 ассигнаціями барину-помѣщику. Хмурый Шпакъ ни съ кѣмъ не балагурилъ, въ шинокъ не ходилъ, глядѣлъ изподлобья, ни кому-то ласковаго слова не скажетъ, развѣ что молоденькой дочери. Да и нельзя было не любить статной, рослой красавицы Вассы. Когда она заневѣстилась, стала ходить нарядной да богатой, какъ не одна дѣвушка въ селѣ, и никто не подозрѣвалъ, что въ ея гордомъ сердцѣ зародилась любовь къ бездомному наймиту. Славный хлопецъ Трохимъ, работящій разумный, а другаго дѣла у него нѣтъ, какъ свиней пасти.

Взялъ его Шпакъ къ себѣ, кормилъ, поилъ, одѣвалъ, да часто ворчалъ и упрекалъ въ лѣни и непослушаніи, больше для острастки и поученія, Не доглядѣлъ старикъ, какъ его невѣста-дочь слюбилась съ хлопцемъ.

— Тату, я полюбила всей душой нашего наймита Трохима и ни за кого не хочу выходить только за него. Дочка! сказалъ Шпакъ, что ты шалишь, что батька дразнишь! Не повторяй этого больше. А то, чего добраго! Подслушаетъ твои рѣчи наймитъ и заберетъ себѣ въ голову не вѣсть что.

— Нѣтъ, тату, я не дразню батька, я говорю правду. Люблю Трохима, отдай меня за него, ни за кого другого идти не хочу.—Пріятная неожиданность погрузила въ суровую задумчивость Шпака,—но изъ крѣпкой головы упрямаго мужика ничего не вышло, кромѣ отвѣта:

— Что сказано, такъ тому и быть. Я сказалъ, за кого сама захочешь, за того и выходи. И опять скажу: силовать тебя, дочка, я не стану, Только теперь я тебя за Трохимане отдамъ, а отдамъ, коли Богъ дастъ, послѣ. Пусть твой Трохимъ наживетъ себѣ жупанъ изъ синяго тонкаго сукна, да пріѣдетъ ко мнѣ со сватами на своемъ собствнномъ возѣ, своей собственной лошадью, Тогда я отдамъ тебя за него. А до той поры пусть не порывается: сегодня же сгоню его со двора. Пусть сюда своего носа не суетъ!

— Это загадка! сказала Васса: куда какой ты, тату, добрый на словахъ, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ и ты я вижу, такой же, какъ и другіе батьки, а можетъ быть и злѣе!

— Не тебѣ учить меня, прикрикнулъ Штакъ разсерженнымъ голосомъ: яйца курицу не учатъ. Ты — моя, за кого хочу, за того иди, а противъ моей воли ты не смѣешь!

— Такъ что-же, что я твоя, возразила Васса съ горячностью. Развѣ, коли я твоя, такъ ты меня съѣсть можешь? Ай, тату, тату! Я противъ воли твоей не пойду, да и какъ идти: попы вѣнчать не станутъ безъ твоего согласія. Только я тебѣ, тату, говорю: не пойду ни за кого, только за одного Трохима. А если да ты за него меня не отдашь, то своей дочери свѣтъ завяжешь.

— Иди прочь! не дразни меня! сказалъ Шпакъ: отдамъ тебя за Трохима тогда, какъ Трохимъ пріѣдетъ ко мнѣ въ синемъ жупанѣ, на своемъ возѣ, своею лошадью. Я-жъ тебѣ сказалъ. Чего-жъ тебѣ еще? Слово мое непремѣнно. Любишь отца и почитаешь—жди, а не любишь и не почитаешь — иди себѣ, куда хочешь со своимъ Трахимомъ. Живите себѣ у его тетки, нищей солдатки, вдовы Арины.

Говоря это, Шпакъ стучалъ палкой о помостъ...

Послѣ отказа хозяина, бѣдный наймитъ не зналъ куда идти, что съ собою дѣлать. „Стало Трохиму и больно, и досадно: „вотъ какъ свѣтъ стоитъ", размышлялъ онъ, „однимъ роскошь, другимъ нищета и горе". Озлобился Трохимъ на все, что было богаче и сильнѣе его. И мгновенно сверкнула въ головѣ его мысль—„зачѣмъ мнѣ жить на этомъ свѣтѣ? Счастья—

доли нѣтъ мнѣ и, видно, не будетъ. Я молодъ. Долго придется горевать. Лучше порѣшить съ собой теперь-же, чѣмъ долго терпѣть". Пошелъ онъ къ рѣкѣ, чтобъ утопиться. Такъ и погибъ-бы молодой наймитъ понапрасну, если бы его не удержалъ Придыбалка. Батюшка села говорилъ, что „Придыбалка—самъ лукавый въ человѣческомъ образѣ". Приплелся онъ неизвѣстно откуда и считали его даже иностранцемъ. Придыбалка повелъ Трохима въ шинокъ и, напоивъ хлопца, надоумѣлъ какъ добыть, чего ему не доставало.

„Увлекаемый какой-то непонятной силой, Трохимъ взялъ изъ рукъ Придыбалки суковатую палку и отправился въ путь... Недолго пришлось ему ждать. Черезъ четверть часа не болѣе, онъ услыхалъ стукъ колесъ и лошадиный топотъ. Купецъ ѣхалъ по дорогѣ почти вслѣдъ за Трохимомъ. Какъ только повозка поровнялась въ оврагомъ, выскочилъ Трохимъ, съ размаха удалилъ дубиной по головѣ правившаго лошадьми батрака, потомъ спавшаго въ своей повозкѣ купца. Купецъ закричалъ, но Трохимъ ударилъ еще разъ и купецъ затихъ. Трохимъ вынулъ у мертваго изъ кармана бумажникъ, а потомъ сталъ выбрасывать товарные тюки, какъ вдругъ передъ нимъ, какъ изъ земли, выросъ Придыбалка. Удивился Трохимъ, хотѣлъ было разспрашивать, какъ онъ здѣсь. Придыбалка не сталъ говорить, а оглядѣлъ убитыхъ и велѣлъ Трохиму добить еще работника. Трохимъ сдѣлалъ, что ему велѣлъ Придыбалка. Тогда Придыбалка взялъ одинъ изъ тюковъ и сказалъ Трохиму:

— Вотъ это съ собою бери, а прочее все бросай. Земскій судъ наѣдетъ, пусть увидитъ, что съ мертвыми ихъ товаръ остался, и подозрѣнія въ разбоѣ никакого не будетъ!"

Когда сваты въѣхали на дворъ богатаго мужика и показался женихъ въ синемъ жупанѣ изъ панскаго сукна, а Придыбалка объяснилъ, что онъ пожалѣлъ хлопца и далъ ему денегъ взаймы, чтобы справилъ себѣ жупанъ, возъ и лошадь, Шпакъ принялъ гостей съ почтеніемъ и, пропивъ невѣсту, отправился къ барину. Помѣщикъ согласился на свадьбу, передалъ хранившіяся у него 7 тысячъ и выдалъ новобрачнымъ отпускную. Но еще передъ свадьбой сбѣгалъ Трохимъ ночью на могилку убитыхъ и молился: „Господи помилуй! А вы, души праведныя, простите меня, вашего убійника". И услышалъ онъ голосъ изъ-подъ земли: „Господи, покарай того злодѣя, что насъ побилъ"! А этому голосу отвѣчалъ другой, неизвѣстно откуда: „покараю въ 40 лѣтъ"! И бѣжалъ Трохимъ съ могилки безъ отдыха и оглядки, пока въ слободѣ не пришелъ въ себя, повстрѣчавшись съ Придыбалкой. Тотъ сталъ его упрекать въ бабьемъ страхѣ и наставлять житейской мудрости.—„Вы всѣ боитесь суда за злыя дѣла. А какія такія злыя дѣла и почему они злы, того не знаете. Волкъ задеретъ овцу, кошка задеретъ птичку. Что это развѣ не злыя дѣла. А если злыя, то стало быть и волковъ, и кошекъ, и всякаго лютаго звѣря будетъ судить Богъ.

— Какъ ты скажешь?—Не знаю, сказалъ Трохимъ.

И точно не зналъ онъ., что каково волку и кошкѣ, а зналъ онъ твердо, что тяжело на сердце легла ему человѣческая кровь". Молодыя перебрались въ городъ; Трохимъ записался въ 3 гильдію и принялся, по совѣту тестя, торговать подсолнечнымъ масломъ.

Торговля давала купцу большіе барыши; вскорѣ „онъ купилъ себѣ 2-хъ этажный домъ съ лавками внизу. Замѣтилъ Трофимъ, что всего скорѣе можно разжиться отъ винныхъ откуповъ и сдѣлался откупщикомъ. Въ этомъ дѣлѣ еще болѣе посчастливилось Трофиму,

— Эка! какъ ему деньги-то сыпятся!—говорили торговцы. А кажись, никакой особой мудрости въ немъ нѣтъ".

Похоронивъ тестя, Трофимъ Семеновичъ перебрался въ губернскій городъ. Здѣсь ему еще больше повезло и сталъ онъ богатѣйшимъ купцомъ во всей губерніи. „Онъ уже мечталъ изъ губерніи переселиться въ Петербургъ. Возвращаясь разъ изъ Петербурга домой, онъ услышалъ печальную вѣсть о смерти Вассы Денисовны... Теперь, когда единственнаго друга не стало, нечистая совѣсть жестоко мучила его. Неудержимо хотѣлось ему подѣлиться своей тайной мукой. Вспомнилъ онъ о мѣстномъ ахіереѣ. Архіерей этотъ пользовался во всей губерніи всеобщимъ уваженіемъ за свою мудрость и за свою святую жизнь. Преосвященный Аѳеодоръ былъ знакомъ Трофиму Семеновичу. Къ нему-то и отправился онъ теперь. чтобъ исповѣдать свой грѣхъ". Но прежде исповѣди Яшниковъ сказалъ преосвященному:

— „Я откроюсь передъ вами только тогда, когда вы соизволите дать архіепастырское слово, что...

Архіерей перебилъ его рѣчь.

— По правиламъ св. отцовъ ни одинъ священникъ не можетъ открывать никому чужихъ грѣховъ. Итакъ, не безпокойтесь, даю вамъ архіепастырское слово. Не смущайтесь, говорите смѣло. Что бы вы не сдѣлали, все равно, будьте покойны! Каковъ грѣхъ, таково будетъ и наказаніе, но я не отдамъ васъ на судъ міру и мірской молвѣ".

Выслушавъ разсказъ о событіи, случившемся въ слободѣ Лубки, въ лѣсу надъ оврагомъ, архіерей сказалъ Трофиму Семеновичу: „Грѣхъ вашъ великъ, но вина ваша смягчается обстоятельствами вашей тогдашней жизни. Я не считаю васъ неиспразимымъ грѣшникомъ, потому что, сдѣлавши преступленіе въ юности, вы втеченіи 20-ти лѣтъ прожили честно на пользу общества и при томъ, какъ я слышалъ, вы не оставляли дѣлъ благочестія и христіанскаго милосердія. За одно порицаю васъ, что вы такъ долго не открывали своего грѣха духовнику и заранѣе не постарались очистить свою совѣсть. За это я наложу на васъ эпитимію. Въ память вашей добродѣтельной супруги, которую Господу угодно было призвать къ себѣ, и въ искупленіе грѣха вашего, сдѣланнаго въ тѣ годы, когда волнуютъ человѣка страсти, вы должны построить

церковь съ изящнымъ иконостасомъ, утварью, съ благолѣпнымъ облаченіемъ, и пожертвовать такую сумму денегъ, на какую могъ бы содержаться клиръ. Если совершите сіе благое дѣло, примете сторицей благая и въ семъ житіи и въ будущемъ и отпустится вамъ грѣхъ вашъ. Согласны вы исполнить эту эпитимію?..

Немедленно принялся Трофимъ Семеновичъ за постройку храма. Денегъ онъ не жалѣлъ, и потому дѣло это пошло живо... Въ день освященія владыко произнесъ слово о заслугѣ созидателей и благотворителей св. Божіихъ храмовъ, а „въ своихъ палатахъ" наединѣ сказалъ Трофиму Семеновичу:

— Нынѣ древній грѣхъ отпущается вамъ всецѣло. Писано бо-аще разрѣшите на земли, разрѣшено будетъ на небеси. Я—смиренный и недостойный разрѣшаю грѣхъ вашъ, вѣрьте, что и Господь разрѣшилъ его. Теперь, послѣ исповѣди, можете причаститься Св. Тайнъ".

Но и послѣ отпущенія грѣха архіереемъ мистическій страхъ и неумолимая совѣсть продолжали мучить Трофима Семеновича. Приближался роковой 40-й годъ со времени совершенія преступленія. Проводивши свою вторую жену въ имѣніе, Трофимъ Семеновичъ остался на собственной дачѣ, близъ Царскаго Села, часто наѣзжая по дѣламъ въ Петербургъ. „Состояніе духа его дѣлалось день отъ дня тревожнѣе. Преступленіе совершено было 13 августа и Яшниковъ ждалъ 40-го изъ прожитыхъ имъ съ тѣхъ поръ августовъ съ ужасомъ. Трофиму Семеновичу представлялись разные виды Божеской кары, которая должна была постигнуть его ровно черезъ 40 лѣтъ; то, думалъ онъ, что на него нашлется смертельная болѣзнь, и онъ пробовалъ узнать нѣтъ-ли признаковъ начинающейся водянки или рака и т. п. То приходила ему мысль, что онъ умретъ отъ удара. То воображалось ему, что онъ погибнетъ отъ пожара, либо обвалится сводъ зданія, гдѣ онъ будетъ находиться, и убьетъ его. Иногда золотопромышленникъ опасался тайныхъ враговъ и завистниковъ: они затѣютъ извести его и подкупятъ слугъ, или какимъ-нибудь инымъ способомъ отравятъ его. Все сильнѣе и сильнѣе становились пугающіе его призраки. Въ началѣ августа онъ пригласилъ къ себѣ на дачу сына", и открылъ ему, что страшится суда Божьяго за свое преступленіе въ настоящей или будущей жизни.

— „Послѣ насъ,—утѣшалъ его сынъ,—будетъ надъ нами судъ совершенъ тѣми людьми, что послѣ нашей смерти будутъ на свѣтѣ жить. Родъ человѣческій не прекращается; вымираетъ одно поколѣніе, живетъ послѣ него другое, и это въ свою очередь отживетъ, наступитъ третье, а за третьимъ четвертое и т. д. Новое поколѣніе пріобрѣтаетъ жизнью смысла и свѣдѣній болѣе стараго, и потому новое поколѣніе совершаетъ судъ надъ старымъ, оцѣниваетъ, что хорошаго и что дурного сдѣлало старое поколѣніе. Вотъ тебѣ и страшный судъ, батюшка! А чтобы каждый изъ насъ послѣ своей смерти жилъ гдѣ-то и подвергался суду отъ Господа Бога, такъ на-

ука не представляетъ для этого никакихъ доводовъ, и вѣра въ безсмертіе души есть такое же суевѣріе, какъ и вѣрованія въ мертвецовъ, выползающихъ изъ могилъ и бродящихъ въ ночной темнотѣ по міру, какъ воображаетъ себѣ народъ".

И дѣйствительно, роковой день прошелъ безъ какого-либо физическаго несчастія для Трофима Семеновича; престарѣлый золотопромышленникъ освободился даже отъ всякаго страха наказанія за содѣянное имъ преступленіе... Далѣе слѣдуетъ глава, исключительно принадлежащая перу гр. Л. Н. Толстого, которую приводимъ дословно.

„Въ эту же первую ночь, съ 12-го на 13-е Августа, когда онъ, послѣ разговора съ сыномъ, легъ одинъ спать въ своей комнатѣ, началось его наказаніе. Нѣтъ Бога, нѣтъ души, нѣтъ наказанья! Какъ хорошо! Какъ покойно! И какъ много и долго я понапрасно мучилъ себя. Всѣ боремся другъ съ другомъ, всѣ губимъ другъ друга, чтобы жить, какъ это сказалъ Александръ. Борьба за существованіе—вотъ законъ и другого нѣтъ. И мнѣ Богъ далъ быть побѣдителемъ! Богъ далъ?—все остается эта глупая привычка. Не Богъ какой-то далъ, а я сумѣлъ быть побѣдителемъ, вотъ и хорошо. И всякій борись, а кто поборолъ, пользуйся своей побѣдой. Я поборолъ и пользуюсь. Хорошо мнѣ было жить, только воспоминаніе отравляло. Я понимаю, что имъ завидно. (Онъ вспомнилъ слова схимника). Имъ завидно, каждому хочется, такъ борись. Самъ борись, а не жди, чтобъ тебѣ дали.

Вотъ и Александръ. Онъ вспомнилъ, какъ Александръ на-дняхъ говорилъ ему, что положенныхъ ему 20 т. въ годъ мало. Онъ просилъ прибавить еще 10 т. и, когда я отказалъ, онъ былъ недоволенъ. Положимъ, онъ разсчитываетъ имѣть все, когда я умру и, вдругъ, Трофиму Семеновичу ясно пришло въ голову, что сынъ долженъ желать его смерти. Борись, чтобъ быть побѣдителемъ. Я боролся, убилъ купца, ихъ смерть мнѣ была нужна, и я взялъ ихъ жизнь. А ему, сыну моему Александру, чья смерть нужна? Онъ остановился и привсталъ на постели. Чья смерть? Моя! Да, я ему стою на дорогѣ. Сколько бы я не давалъ ему, ему лучше, чтобъ я умеръ, и онъ-бы былъ хозяинъ. И Трофимъ Семеновичъ сталъ вспоминать взгляды и слова сына и во всемъ онъ видѣлъ то, что сынъ желаетъ его смерти. И не можетъ не желать. А если желаетъ, и онъ образованный человѣкъ, безъ суевѣрій, такъ онъ долженъ убить меня. Положимъ, онъ не захочетъ погубить себя. Но есть ядъ. И, вдругъ, ему вспомнился разговоръ сына о старинныхъ ядахъ такихъ, которые убиваютъ такъ, что слѣдовъ нельзя найти. А если у него будетъ этотъ ядъ, то какже онъ не дастъ его мнѣ? Онъ долженъ дать. Онъ говорилъ уже, что я запускаю дѣла, онъ говорилъ, что можно сдѣлать больше. Да, стаканъ чаю, и готово. Подкупитъ людей, повара. Они всѣ продажны. Онъ сталъ вспоминать своего камердинера-щеголя. Этому дай 1000 рублей, и готово, а повару тоже. Трофимъ взволновался, думая это, и чтобъ успокоиться,

хотѣлъ выпить стаканъ сахарной воды, стоявшій на столикѣ у его кровати. Онъ взялъ въ руку стаканъ, на днѣ было бѣлое. Кто знаетъ, что это? Нѣтъ, не обманетъ, сказалъ онъ и вылилъ воду и пошелъ къ рукомойнику и выпилъ воды оттуда. Да, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Бороться, такъ незѣвать. Буду осторожнѣе. Буду пить и ѣсть то, что будетъ ѣсть жена. Да и она тоже. Она знаетъ, что ей пойдетъ 7-я часть. А ея бѣдные родные давно требуютъ отъ нея. Да, война, такъ война. Надо такъ поставить себя, чтобъ имъ не было выгоды въ моей смерти. Надо написать завѣщаніе такое, которое-бы лишило ихъ всего, чтобъ смерть моя была невыгодна имъ. Да завтра сдѣлаю это и объявлю имъ.

— Онъ хотѣлъ заснуть, но мысли не давали ему спать. Онъ сталъ сочинять завѣщаніе. Надѣлъ халатъ и туфли, подошелъ къ столу и сталъ писать начерно завѣщаніе, въ которомъ онъ отдавалъ все состояніе на богоугодныя заведенія. Окончивъ это, онъ хотѣлъ лечь; но тутъ пришла ему мысль о лакеѣ, о дворникѣ. Онъ самъ переносился въ душу лакея и говорилъ себѣ—что если бы я былъ бѣдный лакей съ 15 р, жалованья въ мѣсяцъ и за 5 комнатъ отъ меня спалъ бы богачъ съ деньгами, и я-бы твердо зналъ, какъ я знаю теперь, что нѣтъ Бога, нѣтъ и суда. Что бы я сдѣлалъ? Я сдѣлалъ бы то, что я сдѣлалъ съ купцомъ. И на Трофима Семеновича нашелъ страхъ. Онъ опять всталъ и сталъ запирать свою дверь, но задвижка не держала, и онъ задвинулъ дверь кресломъ, привязалъ его полотенцомъ къ ручкѣ, и на кресло поставилъ кресло, чтобъ оно загремѣло. Только тогда онъ затушилъ свѣчу и легъ спать. Заснулъ онъ утромъ и проспалъ такъ поздно, что жена обезпокоилась и пошла отворить дверь. Кресла упали, загремѣли. Трофимъ Семеновичъ вскочилъ испуганный, блѣдный. Кто? Что? Караулъ! даже закричалъ. Онъ долго не могъ опамятоваться. Ему при пробужденіи показалось, что его пришли убивать. Когда онъ опомнился, то сказалъ, что онъ изъ осторожности загородилъ и постарался скрыть свой страхъ, но сколько онъ ни старался скрывать, съ этого дня и домашніе и прислуга стали замѣчать въ немъ большую перемѣну.

Завѣщаніе сдѣлалось для него съ этого времени главнымъ занятіемъ. Долго не могъ онъ сдѣлать какого ему хотѣлось сдѣлать. Всѣ приказные, которые пріѣзжали къ нему за этимъ дѣломъ, не могли угодить ему. Онъ писалъ, переписывалъ и перемѣнялъ.

Въ пищѣ онъ также сталъ особенно требователенъ. Иногда самыя вкусныя и любимыя его кушанія онъ оставлялъ, не отвѣдавъ ихъ, часто отказывался отъ обѣда и приходилъ въ срединѣ стола и бралъ у сына, дочери или жены начатую тарелку и тогда только ѣлъ. Вино онъ покупалъ самъ особо и держалъ въ своей комнатѣ въ шкафу. Дѣлами онъ занимался меньше, но когда и занимался, всегда скрывалъ отъ домашнихъ свои барыши и то, сколько онъ получаетъ. Состо-

яніе, деньги, которыя доставляли ему прежде столько радости, теперь только мучали его. Онъ старался уберечь ихъ отъ другихъ и чувствовалъ, что уберечь ихъ нельзя противъ такихъ людей безъ Бога, какимъ онъ самъ былъ.

Онъ чувствовалъ, что если всѣ узнаютъ то, что онъ зналъ, и что знаетъ его сынъ, что Бога и суда нѣтъ, то тогда никакія силы не сохранятъ его. Его убьютъ, отравятъ, отнимутъ состояніе обманомъ или силою. Одно было спасеніе—не показывать людямъ того, что онъ зналъ, что нѣтъ Бога и суда, а, напротивъ, внушать имъ это всѣми силами.

И потому еще послѣдняя перемѣна, которая сдѣлалась съ Трофимомъ Семеновичемъ послѣ 12 Августа была та, что онъ сталъ особенно набоженъ, такимъ, какимъ еще не былъ во всю свою жизнь. Онъ не пропускалъ ни одного поста, ни среды, ни пятницы, не пропускалъ ни одной службы, не пропускалъ никогда случая внушать своимъ семейнымъ и своимъ знакомымъ, и своей прислугѣ того, что есть Богъ и его законъ, и что тѣ, которые не будутъ соблюдать его, тѣ погибнутъ и будутъ жестоко наказаны въ будущей жизни. Онъ внушалъ даже сыну своему объ этомъ, дѣлалъ видъ, что онъ забылъ все, что говорилъ съ нимъ, или что раскаивался въ этомъ.

Съ самаго того срока 12-го августа, когда онъ увѣрился въ томъ, что ему бояться нечего и некого, что Бога нѣтъ, и что теперь ничто ему не помѣшаетъ жить вполнѣ въ свое удовольствіе, отпали всѣ его удовольствія: изъ всѣхъ удовольствій сдѣлались мученія,

Страхъ убійства, отравленія, обмана, самыхъ страшныхъ преступленій въ своей семьѣ и между своими домочадцами не оставляли его. Онъ подозрѣвалъ всякаго человѣка во всѣхъ самыхъ ужасныхъ замыслахъ и боялся и ненавидѣлъ всякаго человѣка, и жену, и сына, и дочь, и всѣхъ существующихъ. Даже маленькіе внуки его, которыхъ онъ прежде любилъ, теперь казались ему злыми звѣрьками. Ему казалось, что они также ненавидятъ его, какъ онъ ненавидѣлъ людей.

Чтобы спасаться отъ своего страха, онъ дѣлалъ не переставая, два дѣла: первое—скрывалъ все отъ всѣхъ, всѣхъ обманывалъ, хоронилъ концы, принималъ мѣры осторожности отъ всѣхъ людей, тогда какъ никто не думалъ ничего замышлять противъ него. Другое дѣло его было то, чтобы обманывать людей и внушать то, что есть Богъ, есть добродѣтель, есть судъ Божій. Онъ считалъ, что его спасеніе въ томъ, чтобъ увѣрять людей въ томъ, во что онъ самъ не вѣрилъ. Состояніе его, которое все увеличивалось, уже не радовало, но пугало его. Семейные были его врагами. Простыхъ радостей—ѣды, питья, сна и тѣхъ у него не было. Онъ во всемъ подозрѣвалъ злые противъ себя замыслы.

Такъ прожилъ несчастный Трофимъ Семеновичъ еще болѣе 10-ти лѣтъ. Другимъ, со стороны, были видны его странности, но никто не видѣлъ его страданій. А страданія

его были велики, особенно что онъ не могъ ждать отъ нихъ облегченія и въ смерти. Онъ мучился, страдалъ самъ, не зная зачѣмъ, и все-таки боялся смерти, потому что зналъ, что послѣ смерти ничего не будетъ, окончится его жизнь навсегда и поправить эту жизнь онъ не могъ ни въ жизни, ни въ смерти.

Такъ промаялся Трофимъ Семеновичъ 13 ть лѣтъ и одинъ разъ, придя отъ обѣдни и, позавтракавъ у себя въ комнатѣ и, выпивъ вина, запертаго у него въ шкафу, онъ легъ спать и больше не проснулся.

Смерть внезапная и, конечно, легкая. Богатый гробъ Трофима Семеновича повезли на кладбище Александро-Невской лавры. За гробомъ шла толпа дармоѣдовъ, ѣздившихъ на богатые обѣды и ужины богача-золотопромышленника. Одинъ проповѣдникъ, славившійся тогда въ Петербургѣ даромъ краснорѣчія, произнесъ надгробное слово и много говорилъ о добродѣтели, благочестіи и счастливой жизни усопшаго. Никто кромѣ Бога, не зналъ ни о преступленіи Трофима, ни о томъ, какое наказаніе постигло его съ той минуты, какъ онъ потерялъ въ себѣ Бога".

Что повѣсть „Сорокъ лѣтъ" является сложнымъ произведеніемъ двухъ авторовъ съ различнымъ художественнымъ темпераментомъ и складомъ ума,—видно изъ сопоставленія историко-повѣствовательнаго и конкретно-законченнаго описанія легендарныхъ фактовъ и обстоятельствъ совершенія преступленія съ тонко-художественнымъ психологическимъ анализомъ душевнаго покаянія и постепеннаго извращенія самочувствія при отрицаніи суда совѣсти. Содѣянное Яшниковымъ преступленіе, произвело на него необыкновенно сильное психическое потрясеніе, подобное разрыву мускульной или хрящевой ткани, перелому, параличу того или другого нерва и, вообще, физическому несчастію, отъ котораго онъ такъ и не могъ отдѣлаться во всю послѣдующую жизнь. Даже если-бъ суевѣрный страхъ, поддерживающій и питающій самовнушеніе неизбѣжности тяжкаго наказанія, вовсе отсутствовалъ или усложнялся психическими движеніями высшаго порядка,—яркая эмоціальная идея, вызванная преступленіемъ, ни какъ не могла-бъ ужиться со всѣмъ складомъ его душевной жизни и внѣшней обстановкой. Рано или поздно внутреннее саморазложеніе должно было начаться, а подобные психическіе процессы всегда сопровождаются болѣзненными симтомами или тѣмъ сокрытымъ внутреннимъ наказаніемъ, которое воспроизводится художникомъ—психологомъ въ заключительной главѣ повѣсти.

Что же касается религіознаго сознанія героя повѣсти „Сорокъ лѣтъ",—то въ „idée-mère" и содержаніи оно представляетъ лишь „пережитки" для большинства культурныхъ людей и довольно распространенное явленіе въ русскомъ простонародьѣ. Относясь научно къ развитію вѣрованій и сопровождающихъ ихъ чувствованій, психологически возможно, какъ показываетъ Рибо, установить въ эволюціи религіознаго чув-

ства три основанныхъ періода: 1) конкретнаго воспріятія и воображенія, въ которомъ преобладаетъ страхъ и практическія, утилитарныя стремленія; 2) средней степени отвлеченія и обобщенія, характеризующихся происхожденіемъ нравственныхъ элементовъ; 3) высшихъ концептовъ, гдѣ аффективный элементъ все болѣе и болѣе исчезаетъ и религіозное чувство стремится слиться съ интеллектуальными чувствами,—тогда, познавая себя, человѣкъ познаетъ Бога и, познавая Бога, познаетъ себя. Религіозное самосознаніе Трофима Семеновича находилось въ періодѣ конкретнаго воспріятія и воображенія, когда преобладаютъ страхъ, практическія и узко-утилитарныя стремленія, т. е. на самой низшей ступени эволюціи вѣрованія.

— „Да здравствуетъ разумъ! да скроется тьма!..“ Ровно черезъ семь лѣтъ, 19-го марта 1909 года, исполнится столѣтіе со дня рожденія Н. В. Гоголя. Недавнее чествованіе памяти оригинальнѣйшаго изобразителя до-реформенной Россіи ознаменовалось оффиціальнымъ признаніемъ великой силы и благотворности его вліянія на общій ходъ отечественной литературы. Извѣстный критикъ Мельхіоръ де-Вогюэ заявляетъ въ „Revue des deux Mondes“ твердую увѣренность „въ наступленіи дня, когда *Мертвыя Души* можно будетъ найти, рядомъ съ *Донъ-Кихотомъ*, въ библіотекѣ каждаго просвѣщеннаго человѣка“... Въ настоящее время сочиненія Гоголя переведены приблизительно на 30 языковъ и нарѣчій: англійскій, французскій, нѣмецкій, польскій, чешскій, датскій, галицко-русскій, шведскій, венгерскій, сербскій, малорусскій, хорватскій, словацкій, словинскій, греческій, финляндскій, испанскій, болгарскій, итальянскій, армянскій, латышскій, татарскій, киргизскій, эстонскій, голландскій и грузинскій.

Недавнее журнальное чествованіе основателя отрицательнаго реальнаго направленія русской художественной литературы не только открыло новыя характерныя черты въ произведеніяхъ и жизни великаго юмориста-подвижника, но также многое выяснило въ плодотворномъ кризисѣ русскаго національнаго самосознанія, непосредственно предшествовавшемъ великимъ соціальнымъ реформамъ. Намъ приходится ограничиться только краткими указаніями на болѣе достопримѣчательное и то не во всѣхъ журналахъ. Февральская книжка „Историческаго Вѣстника“ почти исключительно посвящена статьямъ о Гоголѣ. Въ журналѣ „Міръ Божій“, кромѣ большой статьи г. Котляревскаго,—интересная и талантливая статья г. Богучарскаго „Гоголь, какъ „учитель жизни“. Къ сожалѣнію, авторъ повторяетъ традиціонный взглядъ на „Переписку съ друзьями“ безъ психологическаго анализа вызванныхъ ею сложныхъ впечатлѣній и шумныхъ толковъ — вѣдь безъ этой книги не появилось бы знаменитаго письма В. Г. Бѣлинскаго, — ни выдвинутыхъ на сцену нравственно-соціальныхъ проблемъ крѣпостного права, на которыя слѣдовало, такъ или иначе, обратить серьезное вниманіе общества. Въ „Вѣстникѣ Европы“ г. Кочубинскій обстоятельно раз-

сказываетъ „Будущимъ біографамъ Н. В. Гоголя“ о попыткѣ новообращенныхъ аскетовъ: Семененки и Кайсевича, учредителей католическаго ордена монаховъ, польскаго, славянскаго—воскресенцевъ или ресуррекціонистовъ, склонить Гоголя къ переходу въ католичество. Само собой разумѣется, молодые миссіонеры напрасно утруждали себя: попытка ихъ „обратить“ православнаго реалиста-художника не могла увѣнчаться успѣхомъ.

Наиболѣе дѣльная характеристика литературнаго значенія Гоголя дана г. Шенрокомъ въ „Русской Старинѣ“. Почтенный біографъ Гоголя напоминаетъ по вопросу: „кто былъ родоначальникомъ реальнаго направленія?“ отзывъ Ореста Миллера: „Издавна (въ литературѣ) начинаетъ просачиваться струя жизненная, правдивая. Она сказывается во многихъ мѣстахъ нашей лѣтописи, запечатлѣнныхъ свѣжестью красокъ нашей родной дѣйствительности, въ горячо затрогивающей современность чисто-христіанской проповѣди нѣкоторыхъ духовныхъ писателей, въ стремленіи пѣвца Игорева пѣть „по былинамъ своего времени“, въ его глубокомъ горѣ о розни въ родной землѣ; она сказывается въ яркой прямотѣ посланія Вассіана къ Іоанну III и писемъ Курбскаго къ Грозному, въ прямо христіанскомъ духѣ посланія заволжскихъ старцевъ къ одному изъ столповъ нашего византійствующаго фанатизма. Позже мы видимъ ту же струю, — и въ той вѣрной картинѣ нашихъ до Петровскихъ порядковъ, которую рисуетъ смѣлое перо самоучки Посошкова, и въ различныхъ запискахъ по современнымъ вопросамъ великаго Ломоносова. Та же струя сказывается въ сатирѣ Кантемира, Фонвизина и Новикова, въ лирическомъ сатиризмѣ Державина, неожиданно и пріятно изумившемъ тогдашнюю публику, утомившуюся отъ прежнихъ надутыхъ одъ. Въ XIX вѣкѣ струя эта расширяется въ комедіи Грибоѣдова, въ басняхъ Крылова, въ полныхъ жизненной правды картинахъ русскаго быта у Пушкина и Лермонтова. Но *окончательно* пробивается эта струя и становится цѣлымъ могучимъ потокомъ, *захватывающимъ почти всю нашу литературу, — уже со временъ Гоголя*“. Говоря иначе, Гоголь ближе другихъ подошелъ къ изображенію повседневной дѣйствительности. Предполагая вернуться къ обзору литературы „гоголевскаго чествованія“, когда закончатся статьи о немъ въ журналахъ, замѣтимъ на этотъ разъ, что продуктивное выясненіе даннаго вопроса возможно лишь на вполнѣ научныхъ основаніяхъ экспериментальной психологіи и соціологіи.

Въ той же книжкѣ „Русской Старины“ напечатано интересное сообщеніе изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова: къ біографіи графа М. М. Сперанскаго. Какъ извѣстно, неустанная творческая мысль и громадная энергія дѣятельности реформатора либеральной эпохи Александра I постоянно обращена была, въ той или другой формѣ, на осуществленіе на-

чалъ законности и порядка въ управленіи государствомъ. По его проекту, законодательство должно быть ввѣрено государственной думѣ, судъ или судебная власть—сенату, администрація—министерству; „дѣятельность этихъ трехъ учрежденій соединяется въ Государственномъ Совѣтѣ и чрезъ него восходитъ къ престолу". Важнѣйшая часть его проекта, учрежденіе государственной думы, въ которой была-бъ сосредоточена законодательная дѣятельность, не получила осуществленія. Для наблюдательнаго ума Сперанскаго не скрывались недостатки старыхъ вельможныхъ дѣятелей въ новыхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Такъ молодой статсъ-секретарь юмористически описываетъ одно изъ засѣданій Государственнаго Совѣта, происходившее 23 іюня 1802 года:

„*Разсужденіе Совѣта о возстановленіи въ Ковнѣ складки товаровъ*.

Секретарь. Примѣчаніе барона Бенигсена о возстановленіи складочной пристани для россійскихъ товаровъ въ Ковнѣ. Баронъ Бенигсенъ представляетъ, что...

Графъ Сергѣй Румянцовъ. Пожалуйте... остановитесь... Но знаете ли (обращаясь къ Беклешову)—я увѣренъ, что сихъ подробностей не знаютъ здѣсь—знаете ли, что и въ Ригѣ существуютъ тѣ же самыя притѣсненія, какія здѣсь описаны въ Мемелѣ и Кенигсбергѣ. У меня есть исчисленіе всѣхъ отяготительныхъ правъ, какія тамъ взимаются, и если угодно...

Беклешовъ. Ничего не угодно, потому что они есть и печатныя; но я самъ разскажу, какъ это было по хронологическому порядку. Вамъ извѣстно, что первая торговля въ Ригѣ производима была рыцарями Тевтоническаго ордена, которые...

Графъ С. Румянцовъ. Извините, Александръ Андреевичъ; сіи рыцари не первые были учредители въ Ригѣ промысловъ...

Гафъ Воронцовъ. Вѣдь это тѣ рыцари, что иначе у насъ называются крыжаками.

Князь Куракинъ. Самая истина. Это названіе воспріяли они отъ слова croisades. Вашему сіятельству извѣстно, что большая часть европейскихъ орденовъ въ сихъ, если можно такъ сказать, кроазадахъ получили свое рожденіе.

Правитель канцеляріи. Кроазады, ваше сіятельство, на русскомъ языкѣ именуются крестными походами. Ихъ начало...

Графъ С. Румянцовъ. Но чтобъ возвратиться къ вопросу, я разскажу вамъ, что слышалъ я, такъ сказать, своими ушами отъ нѣкоторыхъ малороссійскихъ дворянъ и торговцевъ, кои торгуютъ въ Кенигсбергѣ. Вамъ извѣстно, что послѣ покойнаго батюшки лучшая часть имѣній, на мою часть доставшихся, лежатъ въ Малороссіи.

Князь Лопухинъ. Справедливо, удивительныя деревни! удидивительное устройство! Проѣзжая въ мои новыя деревни, что покойный государь мнѣ жаловалъ, я имѣлъ удовольствіе видѣть деревни графа Сергѣя Петровича.

Графъ Васильевъ. О да! вашъ покойный графъ Петръ Але-

ксандровичъ былъ великій хозяинъ. (Сказано съ тонкою улыбкою, чтобъ означить, что онъ былъ скупъ).

Графъ С. Румянцовъ. Дозвольте же мнѣ окончить. (Разсказываетъ то, что разсказывали ему малороссійскіе дворяне о торговлѣ въ Кенигсбергѣ. А между тѣмъ на *другомъ* концѣ стола разсуждаютъ).

Графъ Воронцовъ. Мнѣ помнится, графъ Николай Петровичъ, что лучшая часть нашей торговли въ томъ краю есть отпускъ хлѣбный.

Графъ С. Румянцовъ. Пенькою, ваше сіятельство, пшеницею и лѣсомъ.

Графъ Завадовскій. Король прусскій часто подсылалъ закупать и лошадей.

Графъ Воронцовъ. Да знаете ли вы, я скажу вамъ, что въ Пруссіи лошади наши очень уважаются, и не худо бы было учредить на сію статью извѣстную мѣру торговли, дабы пресѣчь контрабанду.

Беклешовъ. Но какъ пресѣчь контрабанду? Тамъ жиды провозятъ во всемъ, даже и въ сапогахъ.

Графъ Н. Румянцовъ. Какъ? провозятъ лошадей въ сапогахъ?

Беклешовъ. Какихъ лошадей? Мы *здѣсь* говорили о товарахъ полотняныхъ, провозимыхъ изъ Пруссіи къ намъ...

Графъ Н. Румянцовъ. А мы *здѣсь* говорили о лошадяхъ. (Общій смѣхъ и минута молчанія).

Секретарь. Баронъ Бенигсенъ представляетъ что возстановленіе въ Ковнѣ складки товарамъ можетъ имѣть слѣдующіе выгоды, *первое*...

Графъ С. Румянцовъ. Изъ того, что я имѣлъ честь донести, видно, что въ Кенигсбергѣ не только нѣтъ притѣсненія нашимъ купцамъ...

Трощинскій. Но неугодно ли прежде выслушать представленіе, а потомъ уже разсуждать.

Графъ Воронцовъ. Это основательно примѣчено, и при покойной императрицѣ всегда въ Совѣтѣ прежде читали бумаги, а потомъ уже разсуждали.

Трощинскій даетъ знаки секретарю, чтобъ онъ читалъ, несмотря на разговоры.

Секретарь читаетъ. Тихій разговоръ членовъ прерывается движеніемъ двухъ стульевъ. Слышенъ звукъ барабана. Большая часть двинулась смотрѣть на разводъ.

Секретарь продолжаетъ"...

Отъ юмористическаго описанія перейдемъ къ научнымъ поминкамъ крѣпостного права. Всякія бываютъ помпнки!.. Въ журналѣ „Міръ Божій" г. Рожковъ дѣлаетъ интересное сообщеніе „Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи". Въ доброе и злое старое время барщинный и оброчный трудъ крестьянъ дополнялся

въ большихъ хозяйствахъ, особенно черноземныхъ губерній, трудомъ пришлыхъ вольнонаемныхъ рабочихъ. По этому предмету находимъ въ „Архивѣ Московскаго Дворянства, дѣло № 16, за 1873 годъ, „Частная переписка“, весьма важное заявленіе предводителя дворянства, кн. А. В. Мещерскаго, тогдашнему министру государственныхъ имуществъ: „Хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и *при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлѣбовъ и травъ дополнительный вольнонаемный трудъ выходившихъ туда ежегодно на лѣтнія полевыя работы крестьянъ изъ густонаселенныхъ украинскихъ губерній*“. На подчеркнутыя слова обращено особенное вниманіе автора статьи.

Дѣло въ томъ, что кромѣ просвѣщенія, гуманности и культуры существуетъ, такъ называемая, экономическая необходимость: „прежде чѣмъ идея извѣстнаго преобразованія приметъ опредѣленныя стройныя очертанія, прежде чѣмъ она сложится какъ нѣчто законченное и главное—практически-осуществимое, должна произойти глубокая и неотвратимая перемѣна въ реальныхъ житейскихъ условіяхъ, перемѣна, которая подчеркнула бы невозможность сохраненія старины и указала бы пути къ созданію новыхъ порядковъ. Такой реальной перемѣны, подготовившей крестьянскую реформу 19-го февраля 1861 года, изслѣдователи ищутъ по преимуществу въ хозяйственныхъ условіяхъ первой половины XIX вѣка“. Нѣкоторые изслѣдователи, на основаніи изученія отдѣльныхъ хозяйствъ, полагаютъ, что уже въ сороковыхъ годахъ стало невыгоднымъ для землевладѣльцевъ крѣпостное право, такъ какъ вольнонаемный трудъ являлся болѣе производительнымъ, не смотря на его дороговизну, болѣе выгоднымъ, чѣмъ барщинный или оброчный и вообще подневольный трудъ.

Статистическія свѣдѣнія о крѣпостномъ хозяйствѣ первой половины XIX вѣка, относящіяся къ нѣкоторымъ нечерноземнымъ губерніямъ, указываютъ на сокращеніе барщины и и ростъ оброчной системы. Одни изслѣдователи объясняютъ это перемѣнами въ условіяхъ земледѣлія, другія—развитіемъ обрабатывающей промышленности. Помѣщику выгоднѣе было отпускать крѣпостнаго по оброку на фабрику, чѣмъ заставлять его работать на барщинѣ. По мнѣнію автора статьи, вопросъ усложняется еще новымъ обстоятельствомъ, особенно для степныхъ черноземныхъ губерній, гдѣ вольнонаемный трудъ игралъ не меньшую роль, нежели барщинный, подневольный.

Въ виду сказаннаго „правильное разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ спасенія, обнародованія и обработки матеріала старыхъ счетовъ, приходорасходныхъ книгъ и хозяйственной переписки крѣпостной эпохи, матеріала еще сохраняющагося во многихъ имѣніяхъ, но легко могущаго скоро погибнуть. Его спасеніемъ каждый можетъ оказать не-

оцѣнимую услугу русской исторической наукѣ“. Все это правда, что однако не умаляетъ значенія научныхъ изслѣдованій уже собраннаго и обработаннаго фактическаго матеріала.

Каковы бы ни были сохранившіяся статистическія данныя въ провинціальныхъ архивахъ, и въ настоящее время возможно установить общій фактъ: разнообразныя формы эксплуатаціи рабочей силы въ сельскомъ хозяйствѣ развиваются послѣдовательно, за малымъ уклоненіемъ въ ту или другую сторону, подъ вліяніемъ мѣстныхъ, частныхъ и преходящихъ условій, въ такой схемѣ: барщина, оброчная система и вольнонаемный трудъ; при чемъ, въ направленіи и интенсивности эволюція земледѣльческаго труда зависитъ отъ возростанія населенія, экономическихъ и техническихъ перемѣнъ въ веденіи сельскаго хозяйства и развитія путей сообщенія и обрабатывающей промышленности.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

M-lle [redacted]юси Форъ, дочь покойнаго президента французской республики Феликса Фора, напечатала въ „Revue des Deux Mondes“ интересную критическую статью о Дантѣ. Приводимъ со словъ „Journal de St.-Pétersbourg“, наиболѣе выдающіяся мѣста этой статьи.

„Въ Дантѣ, пишетъ m-lle Форъ, отразились всѣ вѣянія его эпохи. Въ немъ какъ бы существуетъ тотъ культъ „дамы сердца“, который трубадуры распространили по Сициліи, но культъ этотъ одухотворенъ имъ и переработанъ. Въ немъ мы находимъ также и мистическое вліяніе Умбріи. Происходитъ ли это потому, что онъ воспѣваетъ св. Франциска и превозноситъ бѣдность, или потому, что его хвала Богородицѣ достойна св. Бонадвентуры? Потому ли, что онъ въ прелестныхъ терцинахъ сумѣлъ изобразить всѣ тончайшіе оттѣнки молитвеннаго настроенія. Вездѣ въ Божественной Комедіи замѣтно, какъ ея строгій артистическій характеръ смягчается и украшается тѣмъ чувствомъ „природы“, которымъ полны францисканскія легенды и поэмы. И нельзя отрицать, что Данту были не чужды заботы болонской и тосканской школы, ученіе Гвидо Джіуничелли или дѣятельность Гвидо Кавальканти, Дама сердца, которую любили, какъ путеводную звѣзду, воплотилась въ Беатриче, душа которой отражаетъ божественный свѣтъ, и любовь къ которой сильнѣе смерти. Могилы, надъ которыми съ пытливымъ безпокойствомъ склонялся Гвидо Кавальканти, повѣдали сердцу Данте свою тайну, и это была тайна бытія.

Дантовскія творенія находятся въ связи не только съ поэ-

зіей и философіей, но и со всѣмъ средневѣковымъ искусствомъ вообще: мраморныя изваянія чистилища, — гдѣ является ангелъ Маріи, весь видъ которой какъ бы выражаетъ фразу: Ecce ancilla Domini—сходны съ произведеніями, нѣсколько позже созданными въ Тосканѣ, и когда Гюйсмансъ говоритъ объ огненномъ платьѣ, въ которое старые мастера, посредствомъ отраженій въ зеркальныхъ стеклахъ, облегали лѣсъ готическихъ соборовъ — невольно приходитъ на мысль рай дантовской поэмы. Не одно только тосканское искусство родственно Божественной Комедіи—ей близки соборы и Франціи и даже сѣверныхъ странъ. Какъ извѣстно, геній коренится во времени и въ пространствѣ, но, не поддаваясь ни тому, ни другому, соединяетъ все ихъ съ тѣмъ, что безсмертно.

Среди картинъ дантовской эпопеи, то мрачныхъ, то веселыхъ, проходитъ цѣлый сонмъ образовъ, на каждомъ изъ коихъ легла особая печать его судьбы—это символъ разныхъ фазисовъ могущества католической доктрины. Такъ, древніе мастера ваяли статуи, воскресающія въ нашей памяти олицетвореніе церкви и синагоги, чему, напр., посвящала свое творчество Сабина Штейнбахъ. Церковь изображалась въ царской мантіи и коронѣ, съ чашею въ рукѣ, блистающая чистою и ясною красотою, синагога—прекрасною, но безсильною, съ прозрачною повязкою на глазахъ и упирающеюся на изломанное копье. И такъ же, какъ мы смотримъ на нихъ, слѣдуетъ намъ смотрѣть на героевъ и героинь Данте. Но, между тѣмъ какъ въ большинствѣ соборовъ проявляется однообразіе символовъ, въ произведеніяхъ творческаго генія Данте, видна индивидуальность поэта, проявляющаяся въ выборѣ новыхъ, ему одному присущихъ символовъ, часто тѣсно связанныхъ съ его личною жизнью.

Св. Францискъ Ассизскій проповѣдовалъ птицамъ, Антоній Падуанскій—рыбамъ, въ художественныхъ произведеніяхъ, помѣщенныхъ въ соборахъ, всякое твореніе призывалось къ хвалѣ Всевышнему. Въ Божественной Комедіи Данте часто говоритъ намъ о звѣряхъ, у нихъ онъ заимствуетъ сравненія, имѣющія всегда двойную печать остроумной наблюдательности и изящной законченности. Кто не помнитъ во II пѣснѣ „Чистилища“: „Точно голубки соединились, чтобы похитить колосья“, или въ XX пѣснѣ „Рая“: „Такъ жаворонокъ улетаетъ въ высь и сперва поетъ, а потомъ смолкаетъ, уносимый сладостью последней ноты“—въ pendant къ этому образу, можно привести другое видѣніе Данта:

„Une perle sur un front blanc ne vient pas plus lentement au regard“.

Такихъ мѣстъ много. И Данте по свойству его поэзіи приходится взывать не только къ звѣрямъ и растеніямъ. Конечно, онъ ихъ не забываетъ—слишкомъ онъ ихъ любитъ для этого. Передъ всѣмъ малымъ, онъ дѣлается смиреннымъ и растроганнымъ. Вспомните, какъ онъ говоритъ про Виргилія:

„Мой учитель нѣжно прикоснулся къ травѣ своими простертыми руками“. Люди среднихъ вѣковъ недаромъ слушали, какъ Св. Ассизскій считалъ родственнымъ всякое твореніе, будь оно одушевленнымъ или нѣтъ, и который доказывалъ, что ему понятенъ въ евангеліи гласъ Христа въ пустыни: „Взгляните на птицы небесныя“.

Позднѣе, другой флорентіецъ разостлалъ у ногъ своихъ мадоннъ старательно нарисованные земные цвѣты, извѣстные по имени и съ точными контурами, тогда какъ на фонѣ картины синѣли скалы, какъ будто не съ нашей планеты.

Не было ли это символомъ Флоренціи, этого гордаго и утонченнаго города, сумѣвшаго соединить законченность формы съ безконечностью мечты, проницательность взора съ пространствомъ видѣнія, точность деталей со смѣлостью вдохновенія. Флоренціи, гдѣ мраморъ утончается въ когти, гдѣ въ старыхъ рамахъ дрожатъ точно стаи крыльевъ.

Двойной символъ, такъ подходящій къ городу: когти и крылья! Когти, что проникнутъ въ самую глубину людей и вещей, чтобы вырвать у Джіоконды секретъ ея души; крылья, чтобы съ Фра-Анжелико пребывать въ созерцаніи.

Данте созерцалъ не только животный и растительный міръ, но и природу съ ея солнцемъ и туманами и людей: мужчинъ, женщинъ, дѣтей, двигающихся и дѣйствующихъ въ природѣ.

Онъ схватываетъ всю прелесть небосвода въ тотъ тихій часъ, когда меркнутъ звѣзды. Детали восхитительны... Что можетъ быть прелестнѣе этихъ дорогъ чистилища, по которымъ проходятъ среди пѣнья и слезъ, какъ трубадуръ Арно Даньэль.

Данте, описывая ихъ, вспоминалъ о своемъ земномъ изгнаніи—и какой-нибудь феодальный городъ вызвалъ въ его представленіи образъ Dite.

Въ чистилищѣ есть цвѣтущіе луга и легкій вѣтерокъ обдаетъ пилигриммовъ небеснымъ ароматомъ. Таинственный полетъ ангеловъ, однимъ прикосновеніемъ крыла снимаетъ съ преступнаго чела печать грѣха. Божественная комедія—это полная картина средневѣковаго міра—дѣйствительность, полная интереса, съ ея интимными трагическими нотками и, можетъ быть никакая страничка исторіи не обрисуетъ такъ хорошо любопытныхъ гражданъ, нетерпѣливо толкущихся вокругъ какого-нибудь вѣстника, тропинки, по коимъ одинъ за другимъ двигаются нищенствующіе монахи или толпы паломниковъ, ищущихъ небесной отчизны, поющихъ священные псалмы, которымъ вторятъ звуки органа; слѣпцовъ, сидящихъ у порога часовенъ, и, наконецъ, кровавыя тяжелыя воспоминанія, какъ, напр., воспоминаніе о Буонконте, спасенномъ ради „Lagiemea“.

Въ нѣдрахъ этого міра — мученія, ненависть и ужасъ; но предъ трогательной картиной сумерекъ поэтъ смягчился, онъ тоже сталъ слѣдовать по подымавшимся вверхъ тропинкамъ, вмѣстѣ съ паломниками, нищими и странствующими монахами. Эти странствующіе монахи, какъ и пилигриммы

обхватывали весь тогдашній грубый міръ словно окаменѣлою сѣтью мышленія(?). Тайные посланцы обходили всю Европу и слова, ими передаваемыя, облетали весь цивилизованный христіанскій міръ отъ края и до края. Средніе вѣка имѣютъ свою собственную таинственную исторію, которую было бы крайне интересно изслѣдовать; этотъ періодъ былъ временемъ изустныхъ разсказовъ, запечатлѣвавшихся въ памяти, такъ какъ книги были рѣдки, и всякій, кто былъ глашатаемъ какой-либо истины, собиралъ скоро вокругъ себя учениковъ и послѣдователей.

Души, воспѣваемыя Дантомъ, сами повѣствуютъ о своемъ земномъ бытіи, и въ каждой изъ нихъ есть какая-нибудь яркая моральная черта. Эта моральная черта всюду остается, даже въ описаніи какого-нибудь пейзажа она выражена поэтомъ красивыми словами.

Поетъ ли поэтъ о двухъ рѣкахъ? Онъ говоритъ, что имъ не разстаться, или разлука также тяжела, какъ двумъ друзьямъ. Рѣка По кидается въ море, чтобы найти тамъ покой. Въ какомъ-нибудь единичномъ деталѣ обрисовывается полностью весь сюжетъ—онъ дѣлается исходнымъ психологическимъ пунктомъ, онъ дѣлается душою. Интересъ не разбрасывается, а соединяется воедино, охватываетъ человѣческій характеръ или картину природы и придаетъ имъ индивидуальный характеръ. Синтезисъ самъ собою образуется вокругъ уже названнаго единичнаго деталя, который является полнымъ творческимъ началомъ. Анализъ и описаніе—это банальные пріемы, чуждые Данте; синтезисъ и представленіе—вотъ геніальные пріемы, которые ему естественнымъ образомъ свойственны, ибо разъ можно вызвать представленіе, описаніе не нужно.

Газета „Matin“, въ статьѣ озаглавленной, „Princesse Lise“, даетъ интересныя воспоминанія о жизни въ Парижѣ нашей соотечественницы княгини Елисаветы Эсперовны Т—ой. Приводимъ, въ переводѣ, выдержки этой интересной статьи.

Какъ далеко то время, когда можно было встрѣтить въ корридорахъ національнаго собранія, въ Версалѣ, эту милую иностранку, со вздернутымъ носикомъ, выдающимися скулами, плоскою грудью, взбитыми бѣлокурыми волосами и своевольнымъ подбородкомъ.

Она садилась въ первый рядъ дипломатической трибуны, каждый разъ, когда ожидала услышать что - нибудь выдающееся, точно также какъ занимала первый же рядъ въ Opéra или Comédie Française на представленіяхъ новой пьесы.

Экипажи ея не отличались ни роскошью, ни даже изяществомъ: это было или ландо, немного потертое, пожалуй, годное только для полупарадныхъ выѣздовъ, или же карета нимфы Эгеріи, практичной и занятой, торопящейся на тайныя совѣщанія къ Numa Pompilius; въ общемъ, она пользовалась всѣмъ комфортомъ безъ показной роскоши.

Впрочемъ, „L'Egerie slave“ была симпатичная женщина; единственнымъ ея недостаткомъ было постоянное стремленіе

заискивать въ людяхъ съ громкимъ именемъ и съ извѣстнымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Не входя ни въ какія подробности, она интересовалась каждымъ извѣстнымъ лицомъ и принимала его у себя; но, несмотря на это, не проявляла особеннаго любопытства, по крайней мѣрѣ въ началѣ. Она знала свѣтъ и не пренебрегала никакими средствами, расточая направо и налѣво свои опасныя улыбки, въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, сквозила доброта.

Ея манеры, акцентъ, разговоръ давали ей исключительное мѣсто на всѣхъ спектакляхъ, вечерахъ или пріемахъ, чѣмъ она, можетъ быть, еще была обязана своимъ визитнымъ карточкамъ съ таинственной надписью:

Княгиня Т—ая, урожденная Б—ая Б—ая.

Эта смѣсь Беранже съ Толстымъ очевидно смущала нарождающуюся демократію.

Княгиня Лиза, какъ фамильярно называли ее, жила въ rue de Courcelles, въ чудномъ отелѣ, комфортабельно меблированномъ; въ дни большого стеченія публики, пріемныя залы дополнялись столовой, спальной и даже уборной и, несмотря на это, было очень тѣсно, такъ много въ нихъ толпилось народу.

Если случайно какой-нибудь разсѣянный гость, бродя по гостиннымъ, наталкивался на кровать княгини, покрытую стеганнымъ одѣяломъ съ гербами, то онъ всегда находилъ тамъ разбросанныя прекрасныя гравюры, положенныя, конечно, для того, чтобы любоваться ими, и толпа черныхъ фраковъ бродила кругомъ вышитаго покрывала, при скромномъ свѣтѣ лампъ, любуясь этой интимной выставкой и перебирая рисунки углемъ и на платинѣ... на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько времени спустя будетъ отдыхать радушная хозяйка дома.

Среди любопытныхъ, посѣщавшихъ время отъ времени это святилище, были извѣстные политическіе дѣятели: я видѣлъ тамъ Тьера послѣ его паденія, Emile de Girardin, Gambetta, Barthélemy, Saint-Hilaire, датскаго посланника Moltke-Hoitfeld'а и множество русскихъ...

Но странное дѣло, между послѣдними не встрѣчались никогда лица, принадлежащія къ посольству; сюда попадали путешествующіе принцы, вельможи безъ оффиціальнаго положенія, по крайней мѣрѣ у насъ; генералъ Черняевъ, напр., появился тутъ, будучи въ опалѣ, а генералъ Скобелевъ—до своихъ военныхъ подвиговъ, которыми онъ прославился впослѣдствіи. Дѣйствительно, поразительный контрастъ представляли всѣ эти французскіе политическіе дѣятели, которые даже въ оппозиціи, въ правленіе Тьера, соединялись такимъ образомъ у гостепріимной „moscovite“ съ иностранцами безъ опредѣленнаго положенія, но достаточно извѣстными. Трудно сказать, чему надо было болѣе восхищаться: преданности княгини Лизы къ своимъ французскимъ друзьямъ или ея упорному стремленію создать всемірное единеніе, пока еще предполагаемое. Какъ бы то ни было, салонъ ея считался однимъ изъ пріятныхъ: въ немъ вращались люди, не стремящіеся ни

къ почестямъ, ни къ завоеваніямъ, ни à remanier la carte de l'Europe.

Обѣдая у княгини въ ея пріемные дни, Тьеръ не упускалъ случая вздремнуть у камина и только на короткое время присоединялся потомъ къ ея гостямъ. Любопытное зрѣлище представляла эта Рюриковичка въ то время, когда какой-нибудь изъ замѣчательныхъ ея гостей переставалъ говорить и она, быстро повернувшись, спѣшила къ тѣмъ, кто имѣлъ намѣреніе побесѣдовать съ старымъ президентомъ республики.

— Тсъ! онъ размышляетъ, говорила она, кокетничая и горделиво улыбаясь. И какъ же ей было не быть довольной, когда великій государственный человѣкъ отдыхалъ у нея и всѣ это знали?

Въ сущности было много снобизма въ упорной страсти этой превосходной женщины къ политическимъ дѣятелямъ различныхъ и даже противоположныхъ мнѣній. Она съ одинаковымъ удовольствіемъ наблюдала, какъ Гамбетта, удалясь отъ общества въ уголъ залы, бесѣдовалъ съ двумя-тремя друзьями, также какъ и онъ, съ изумленіемъ видѣвшими себя въ этомъ салонѣ, доставляла собесѣдниковъ Тьеру или говорила нѣсколько словъ новичкамъ, ободряя ихъ на будущее время.

Намъ и потомъ приходилось встрѣчаться съ разными иностранками и даже парижанками, которыя, однако, далеко не были такъ сдержаны въ своихъ симпатіяхъ и такъ преданы своимъ друзьямъ.

Дочь княгини, вышедшая теперь замужъ, молодая особа съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, яснымъ и грустнымъ взглядомъ, находила, повидимому, мало удовольствія въ этихъ чисто-политическихъ развлеченіяхъ, которымъ такъ страстно предавалась ея мать.

Однажды Тьеръ пригласилъ къ себѣ молодого журналиста, только что представленнаго ему на вечерѣ, на другой день въ 6 часовъ утра и, когда нашъ сотрудникъ сообщилъ ей объ этомъ утреннемъ свиданіи, она меланхолически отвѣтила:

— Если бы можно было хоть потанцовать въ одномъ изъ уголковъ салона!.. Вѣдь, вѣроятно, здѣсь есть не мало людей, которые съ большимъ удовольствіемъ согласились бы повеселиться, чѣмъ разговаривать о политикѣ въ ожиданіи пробужденія Тьера!

Конечно, такъ! Но какъ трудно даже и миленькой русской княжнѣ угодить всѣмъ, не исключая и своей матери.

Въ пришедшихъ послѣднихъ японскихъ журналахъ находимъ не мало интересныхъ свѣдѣній. „Kyoi-Ku-Kaho“ печатаетъ талантливый очеркъ виконта Начаока о метаморфозѣ духовнаго міра китайцевъ. Начаока, только что вернувшійся изъ продолжительнаго путешествія по Китаю, разсказываетъ, что очень дѣятельное общество „To-a-Sobun-Kai“ открыло цѣлый рядъ школъ, цѣль которыхъ познакомить Срединную Имперію съ благами западно-европейской культуры.

Въ Нанкинской школѣ названнаго общества производится совмѣстное обученіе китайцевъ и японцевъ. Послѣдніе изучають китайскій языкъ и преподаютъ его своимъ недавнимъ врагамъ, съ которыми теперь у нихъ царитъ полнѣйшій миръ и согласіе. Китайцы покоряются необходимости изученія западныхъ наукъ, дабы этимъ путемъ лучше бороться съ „аппетитами“ стараго свѣта. Въ настоящее время въ Нанкинской школѣ около 80 студентовъ японцевъ, на будущій, 1903 годъ, число ихъ должно достигнуть двухсотъ.

Въ военной школѣ, въ Нингъ-по, главный инструкторъ японскій капитанъ Сайто; ему поручено обученіе 250 китайскихъ солдатъ, которые, по словамъ виконта Начаока, дѣлаютъ блестящіе успѣхи и мало въ чемъ уступаютъ доблестнымъ японцамъ. Вице-король Липъ возлагаетъ большія надежды на японскихъ инструкторовъ, которые одни-де могутъ поднять Китай, и прилагаетъ всѣ усилія, чтобы передать въ японскія руки военное училище въ Кіангъ-Су. Въ провинціи Ву-Чангъ, гдѣ большинство преподавателей въ военныхъ школахъ японцы, школы эти находятся въ цвѣтущемъ состояніи и даже оружіе воспитанниковъ исключительно японскаго происхожденія. Отрицательную сторону японскихъ студентовъ составляетъ страшно развитая система надувательства на экзаменахъ, вслѣдствіе чего приходится прибѣгать къ выдачѣ дипломовъ съ фотографическими карточками владѣльца, дабы избѣжать „профессіональныхъ замѣстителей“, по нѣскольку разъ, подъ разными именами держащихъ одинъ и тотъ же экзаменъ.

По словамъ журнала Tetsugaka Zasshi, въ Японіи замѣчается страстное стремленіе найти новую религію; ни буддизмъ, ни шинтоизмъ, ни христіанство не удовлетворяютъ избранную часть японскаго общества, пустившагося на поиски новой высшей доктрины. Въ числѣ „искателей“ выдающуюся роль играетъ докторъ Инуйэ-Тетсухиро. Но, ведя японцевъ къ обѣтованной землѣ новой вѣры, попутно подвергаются безжалостной критикѣ всѣ существующія религіи и ихъ главы. Отсюда является во всѣхъ журналахъ агитація противъ этого разрушителя кумировъ. Докторъ Инуйэ такъ возражаетъ своимъ противникамъ и критикамъ:

„Моя новая религія не будетъ передѣлкою прежнихъ ученій. Я бы хотѣлъ найти новую суть, а не новыя формы. Формы мѣнялись и вѣками, и всѣ стоятъ одна другой—но суть осталась неизмѣнною“.

Особенно достается отъ доктора Инуйэ католицизму, который онъ ставитъ ниже протестантскихъ исповѣданій и который онъ называетъ отжившимъ, благодаря тому, что въ его основѣ лежатъ слова и внѣшніе обряды. Относительно своей новой религіи самъ пророкъ ея не дѣлаетъ себѣ иллюзій и предназначаетъ ее лишь для избранныхъ умовъ, каковые попадаются исключительно рѣдко; народу же нужны игрушки.

Намъ остается, однако, то утѣшеніе, что крайне несправедливый къ христіанству японскій философъ совсѣмъ уже безжалостенъ относительно шинтоизма и буддизма.

Въ заключеніе обзора японскихъ журналовъ за послѣдній мѣсяцъ укажемъ на приводимую „Taiyo“ замѣтку о крайне характерномъ недостаткѣ японскихъ издателей, никогда не выпускающихъ книгу или журналъ къ обѣщанному сроку, причемъ нерѣдко запаздываютъ на два-три года.

Нельзя не сознаться, что это, пожалуй, уже черезчуръ безцеремонно! **P. G.**

Новыя книги.

А. М. Жемчужниковъ. **Пѣсни старости.** 1892—1898 г. Изданіе второе.

„Не довольно-ли?“—спрашиваетъ себя авторъ, перейдя за 70-ти-лѣтній возрастъ. Но мысль еще бодра, воображеніе легко оживляется—и изъ-подъ пера свободно создаются образы, непринужденно слетаютъ риемы.

Образы однообразные, спокойные, конечно, — образы старости.

О, пѣсни старости—завѣтъ предсмертныхъ думъ
И трепетъ радостный души еще живучей!..
Такъ осенью намъ лѣсъ даритъ послѣдній шумъ,
И листьевъ въ воздухѣ играетъ рой летучій.

Это четырехстишіе авторъ ставитъ эпиграфомъ къ своему сборнику. „Предсмертныхъ думъ“,—да, почти во всѣхъ своихъ послѣднихъ пѣсняхъ поэтъ-старецъ говоритъ о смерти, о послѣднихъ своихъ дняхъ. Но онъ говоритъ безъ страха, съ яснымъ душевнымъ спокойствіемъ: „трепетъ радостный души еще живучей“ спасаетъ его отъ холодности и равнодушія старости. У него одно только желаніе — знать свой послѣдній часъ, „чтобы не больнымъ, не помраченнымъ... проститься съ милой матерью землею“. И прощаніе его будетъ спокойное, безъ страданій:

Съ непокрытой головою
На востокъ, на югъ, на западъ
И на сѣверъ поклонюся
И скажу: Прощай міръ Божій!
Преклоню потомъ колѣни
И земли коснусь поклономъ;
И задумаюсь надъ нею;
И, быть можетъ, затоскуя,
Орошу ее слезами;
И скажу: прими отъ сына
Благодарность зá хлѣбъ, зá соль.

Это стихотвореніе, послѣднее въ сборникѣ, одно изъ луч-

шихъ. Говоря о себѣ, поэтъ находитъ иногда дѣйствительно сильныя строфы:

Что я?.. Пѣвецъ былыхъ кручинъ,
Скрижалей брошенныхъ обломокъ;
Въ пустынномъ домѣ, въ часъ потемокъ,
Я — потухающій каминъ.
То трескъ огня совсѣмъ затихнетъ,
Какъ будто смерть его пришла;
То дрогнетъ теплая зола
И пламя ярко снова вспыхнетъ.
Тогда тревожно по стѣнамъ
Толпой задвигаются тѣни
И лица прежнихъ поколѣній
Начнутъ выглядывать изъ рамъ.

Стихомъ поэтъ владѣетъ все такъ же свободно и по временамъ стихъ его кажется свѣжимъ и легкимъ:

И давно-ль печаль
Сердце мнѣ сжимала?..
То мнѣ пѣсни жаль,
То не жаль нимало.
Радость жизни пусть
Будетъ съ грустью въ спорѣ!
Старческая грусть
Одолѣетъ вскорѣ.

Кромѣ лирическихъ стихотвореній у поэта есть пьесы другого характера, иногда рѣзко обличительныя, какъ стихотвореніе „Пятно“. Оно начинается сильными строфами:

Я понимаю гнѣвъ и страстность укоризны,
Когда лѣнива и тупа,
Заснувшей совѣстью на скорбный зовъ отчизны
Не отзывается толпа.

Я понимаю смѣхъ, тотъ горькій смѣхъ сквозь слезы,
Тотъ иногда нещадный смѣхъ,
Что́ въ юморѣ стиха, иль въ желчной шуткѣ прозы
Клеймитъ порокъ, смущаетъ грѣхъ.

Дальше поэтъ говоритъ, что не понимаетъ только онъ „восторговъ публицистовъ“, радующихся открытію всего нечестнаго, беззаконнаго на своей родинѣ:

.... русскій публицистъ ликуетъ, выставляя
Болѣзни родины своей...
Что-жъ это? Тупость-ли? Политика-ли злая,—
Плодъ крѣпостническихъ затѣй?

Къ стихотвореніямъ подобнаго же характера нужно отнести: „Пустое мѣсто“, „Комедія ретроградныхъ публицистовъ и толпа“, „Замѣтка о нѣкоторой публицистикѣ“ и друг. Ихъ нельзя, конечно, отнести къ чистой поэзіи; они—плодъ привычки поэта мыслить и выражаться стихами.

П. И. Ковалевскій. **Нищіе духомъ**. Спб. 1902—ц. 50 к.

„Нищіе духомъ“—видитъ на обложкѣ читатель, и въ его головѣ возстаетъ удивительная евангельская картина нагор-

вой проповѣди; оттуда извѣстно это слово, и въ этомъ смыслѣ свыклись мы съ нимъ. Но П. И. Ковалевскій хочетъ заставить насъ думать иначе: онъ беретъ это слово не въ знакомомъ намъ метафорическомъ значеніи, а проще и обыденнѣе: нищими духомъ хочетъ онъ назвать слабовольныхъ, анормальныхъ, антисоціальныхъ по своей пассивности. Они вмѣстѣ съ тѣмъ нищіе и тѣломъ, и матерьяльно, и въ этомъ отношеніи еще болѣе нищіе, чѣмъ—духомъ; заглавіе книжки для нихъ немного громко, они сами себя никогда такъ не назовутъ; нищими духомъ будутъ не одни они только, а цѣлые милліоны, все, что остается въ темнотѣ, безъ просвѣщенія. А проф. Ковалевскій беретъ *бродягъ*, *оскудѣлыхъ* и *нищихъ* (въ обычномъ смыслѣ слова), три категоріи, размѣщенныя въ 3-хъ главахъ книжки, категоріи, безспорно, съ пораженной волей или *нищіе волей*.

Послѣ разсказовъ Горькаго, бродяги стали необыкновенно привлекательны; очень можетъ быть читателямъ, въ особенности читательницамъ, они представляются иногда вродѣ трубадуровъ, призывающихъ если не къ свободѣ любви, то къ свободѣ бездѣлья, а всякая свобода дразнитъ и манитъ къ себѣ. Бродягъ П. И. Ковалевскаго за красивыхъ трубадуровъ принять трудно, но зато онъ обрисовываетъ одинъ весьма благородный типъ бродягъ, бродягъ безсознательныхъ, автоматическихъ. Эти бродяги дѣйствуютъ, какъ сомнамбулы; среди обычныхъ занятій ими овладѣваетъ непреодолимое желаніе бѣжать неизвѣстно куда, только бы двигаться, не останавливаясь, только бы не оставаться на одномъ мѣстѣ. Желаніе уйти приходитъ такъ внезапно, что потомъ не остается ни малѣйшаго представленія, почему и какъ все произошло. Проф. Ковалевскій приводитъ примѣръ гимназиста, который во время экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости вдругъ исчезъ изъ дому, хотя все шло благополучно и экзамены онъ сдавалъ успѣшно. Онъ пропадалъ 9 мѣсяцевъ и все это время упорно скрывалъ свое имя; его пересылали изъ мѣста въ мѣсто пока не удалось узнать его настоящее имя. Удивительная страсть къ бродяжничеству, которая заставляла переносить его всѣ непривычныя совершенно лишенія, точно гипнозъ, который оставался необъяснимымъ и для него самого. Позднѣе, когда онъ уже былъ принятъ въ университетъ, онъ пропалъ вторично, и два года никто не зналъ, гдѣ онъ скитается.

Сильнѣе всего тянетъ импульсивныхъ бродягъ весна. Подъ первыми весенними лучами они бросаютъ все и уходятъ въ просторъ степей, лѣсовъ, порывая съ удивительной легкостью всякія связи съ роднымъ домомъ. Эта тоска по приволью имѣетъ много общаго съ тоской по родинѣ, ностальгіей. Подверженные ностальгіи также не въ силахъ владѣть собой; не смотря на строгія кары для дезертировъ, охваченные ею солдаты бѣгутъ изъ строя, не отдавая себѣ яснаго отчета въ своемъ поступкѣ, матросы бросаютъ корабль при первой же

остановкѣ. Но ностальгія проявляется въ болѣе опредѣленной формѣ: стоитъ только достичь родныхъ мѣстъ — и наступаетъ полное спокойствіе; а страсть къ бродяжничеству не знаетъ ни успокоенія, ни мѣста.

Среди бродягъ проф. Ковалевскій различаетъ: *безродниковъ*—вѣчно блуждающихъ, не находящихъ себѣ пристанища, *прошаковъ* или *запрошиковъ*—тихихъ и мирныхъ по характеру, по искреннему влеченію идущихъ по безконечной ширинѣ Руси собирать на церкви; *богомоловъ* и *богомолокъ*, шествующихъ вмѣстѣ съ прошаками по тѣмъ же многоверстнымъ дорогамъ, и *бродягъ-преступниковъ*, скрывающихся отъ преслѣдованія и вѣчно находящихся въ бѣгахъ.

Въ главѣ „Оскудѣлые“ авторъ разсматриваетъ вторую категорію „Нищихъ духомъ“. „Оскудѣніе,—говоритъ онъ,—это дефектное состояніе нравственныхъ и физическихъ силъ, стоящее на границѣ между бѣдностью и нищетою. Самъ человѣкъ своими силами уже не можетъ удержать равновѣсія. Дайте ему этотъ маленькій плюсъ, и онъ опять станетъ на ноги, опять будетъ работать, опять пойдетъ въ борьбу съ жизнью и даже терпѣливо и удачно выдержитъ ее. Не найдетъ онъ помощи извнѣ—погибнетъ, сдѣлается нищимъ духомъ и тѣломъ“. Оскудѣлыми становятся легко люди, живущіе въ бѣдности, едва имѣющіе самое необходимое. Случись съ ними несчастье, пожаръ, наводненіе, — они лишаются всего, имъ не за что ухватиться, чтобы встать на ноги; несчастье въ нихъ „поселяетъ безнадежность и отчаяніе, парализуетъ силу и энергію и низводитъ на степень оскудѣнія, ведущаго къ полному обнищанію“. Для преступленія, нищенства и бродяжничества создается благодарная почва; но чувство честности долго еще не глохнетъ въ „оскудѣлыхъ“; они идутъ просить подаянія, но дѣлаютъ это безъ всякой внѣшней фальши; они не надѣваютъ рубища, не притворяются жалкими, безпомощными—они открыто просятъ помочь имъ подняться и пойти прежнимъ путемъ.

Въ главѣ о нищихъ авторъ обрисовываетъ нѣсколько ихъ типовъ: *богомолы*—попрошайки у церквей, *могильщики*—занимающіеся тѣмъ же на кладбищахъ, *горбачи*—странствующіе нищіе, вѣчно согнутые подъ тяжестью котомокъ. Авторъ описываетъ всевозможныя ухищренія, при помощи которыхъ всѣ эти нравственно извращенные люди обманываютъ сердечныхъ людей и вымогаютъ у нихъ всевозможныя подачки.

„Нищій есть врагъ бѣднаго, обкрадывающій этого бѣднаго“,—замѣчаетъ авторъ; не состраданіе и не участіе должно идти на встрѣчу дерзкому попрошайничеству этихъ людей, а строгія мѣры борьбы противъ нихъ, въ особенности противъ професіональныхъ нищихъ, берущихъ на прокатъ и истязующихъ дѣтей, имѣющихъ особыхъ спеціалистовъ-учителей нищенства и т. п.

К. К. Случевскій. **Пѣсни изъ Уголка.** С.-Петербургъ. 1902.

Послѣ продолжительнаго молчанія, нашъ талантливый

поэтъ старой школы блестящаго періода русской литературы издалъ томъ своихъ стихотвореній.

Въ сборникѣ 184 пьесы; „Уголокъ", какъ видно, постоянно будитъ творчество поэта и навѣваетъ спокойное, ровное настроеніе, дающее свободно и легко развиваться мысли:

Мой садъ оградой обнесенъ;
Въ моемъ дому живутъ не споря;
Садъ весь къ лазури обращенъ—
Къ лицу двухъ рѣкъ и лику моря.
Тутъ люди кротки и добры,
Живутъ безъ скучныхъ пререканій;
Ихъ мысли просты, не хитры,
Въ нихъ нѣтъ нескромныхъ пожеланій.
Весь міръ, весь безконечный міръ—
Внѣ сада, внѣ его забора;
Тамъ цѣнность золота—кумиръ,
Тамъ столько крови и задора!
Здѣсь, очень рѣдко, иногда
Есть въ жизни грустныя страничкя:
Погибнетъ рыбка средь труда,
Въ травѣ найдется тѣльце птички...
И ты въ мой садъ не приходи
Съ твоимъ озлобленнымъ мышленьемъ,
Его покоя не буди
Обиднымъ, гордымъ самомнѣньемъ.
У насъ нѣтъ мѣста для вражды!
Любовь, что этотъ садъ взрощала,
Чиста! . . . .
. . . .

И стихотворенія, сложившіяся въ „Уголкѣ", носятъ на себѣ печать этого настроенія. Всѣ острыя чувства смолкаютъ здѣсь, и поэта тянетъ къ спокойной мысли:

Я мыслить жажду потому, что въ этомъ—
Живой покой, святая тишина,
Все полно яснымъ, нетревожнымъ свѣтомъ,
Въ душѣ легко, и ясно даль видна!
И если мгла за нѣкоторой гранью
Передъ умомъ слегка скрываетъ даль,—
Страдать отъ этого немыслимо сознанью:
Мнѣ жаль, что—мгла, но мнѣ спокойно жаль,
Тогда какъ въ чувствахъ столько острой боли...
Такая мощь безумной толчеи
Терзаній духа и страданій воли,—
Успокоенье только въ забытьи.—
Что всѣ восторги страстныхъ наслажденій,
Всѣхъ оргій чувствъ за время лучшихъ лѣтъ
Не искупятъ безвременныхъ мученій.
Всегда идущихъ оргіямъ вослѣдъ...

Только среди тишины и покоя передъ поэтомъ блестящей картиной ясно встаетъ все прошлое, и видны потерянныя минуты, ушедшія навсегда радости:

Еслибъ все—да, все, что было и утрачено,
Что бѣжитъ меня, опять на встрѣчу шло,
Что теперь совсѣмъ не мнѣ—другимъ назначено,

Но въ минувшій срокъ и для меня цвѣло!
Еслибъ это все возникло по прошедшему—
Какъ сумѣлъ бы я мгновенье оцѣнить,
И себя въ себѣ негаданно нашедшему
Довелось бы жизнь изъ полной чаши пить!
А теперь я что?—Я—пѣсня въ подземельи,
Слабый лунный свѣтъ въ горячій полдня часъ,
Смѣхъ въ рыданіи и тихій плачъ въ весельи...
Я—ошибка жизни, не въ послѣдній разъ...

Мысль, что, взявъ снова свою молодую жизнь, онъ сумѣлъ бы взять и всѣ ея радости, не разъ возвращается снова къ поэту:

Мысли погасшія, чувства забытыя—
Мумiи бѣдной моей головы,
Въ бѣлые саваны смерти повитыя,
Можетъ быть, вовсе не умерли вы?
Жизни былой молчаливыя мумiи,
Время Египта въ прошедшемъ моемъ,
Здравствуйте, спящіе въ тихомъ раздумiи!
Къ вамъ я явился свѣтить фонаремъ.
Вижу... какъ, вглубь пирамиды положены,
Всѣ вы такъ тихи, такъ кротки теперь;
Складки на васъ шевельнулись, встревожены
Вѣтромъ, пахнувшимъ въ открытую дверь.
Всѣ вы взглянули на гостя нежданнаго!
Слушайте, мумiи, дайте отвѣтъ:
Если бы жить вамъ случилося за-ново—
Иначе жили бы вы? Да иль нѣтъ?
. . . .

Все смотря въ то же прошлое, поэтъ видитъ странное явленіе. Его строфы, которыя не разъ вдохновлялись женщиной и писались къ ней,—на лицѣ близкихъ ему женщинъ вызывали только улыбку:

Всегда, всегда несчастливъ былъ я тѣмъ,
Что всѣ тѣ женщины, что близки мнѣ бывали,
Смѣялись творчеству въ стихахъ! Былъ духъ ихъ нѣмъ
Къ тому, что мнѣ мечтанья навѣвали,
И ни въ одной изъ нихъ, ни мало, никогда
Не могъ я вызвать отзывчивыхъ мечтаній...
Не къ нимъ я, радостный, спѣшилъ въ тотъ часъ, когда
Являлся новый стихъ счастливыхъ сочетаній!
Не къ нимъ, не къ нимъ съ новинкой я спѣшилъ,
Съ открытою, еще дрожавшею душою
И приносилъ цвѣтокъ, что самъ я опылилъ,
Цвѣтокъ, дымившійся невысохшей росою.

Но мысли о прошломъ, о потерянныхъ радостяхъ легко проходятъ среди мирной жизни „Уголка“: глубокій покой охватываетъ поэта.

Я такъ преисполненъ покоя,
Я такъ имъ богатъ, что возьми
Хоть часть,—мнѣ достанетъ дѣлиться
Со всѣми, со всѣми людьми.

Размѣръ журнальной замѣтки не позволяетъ намъ привести еще нѣсколько выдержекъ и болѣе подробно поговорить о симпатичной книгѣ К. К. Случевскаго, которая должна явиться заслуживающей полнаго вниманія читателей. К. К. Случевскій имѣетъ большое имя въ литературѣ и „Пѣсни изъ уголка“ являются трудомъ достойнымъ имени своего автора.

В. М. Грибовскій. **Въ годы юности.** Повѣсти и разсказы. С.-Петербургъ. 1902.

Сборникъ повѣстей и разсказовъ „Въ годы юности“ немного, правда, постарше „Студенческихъ разсказовъ“ того же автора; но и въ немъ преобладаетъ надъ рефлексіей и здоровымъ скептицизмомъ наивно - непосредственное благорасположеніе ко всѣмъ людямъ и беззаботно-юношескій взглядъ несовершенства жизни. Въ интересныхъ и увлекательныхъ „Студенческихъ разсказахъ“ набросаны мѣткія характеристики русскихъ и парижскихъ студентовъ, съ отчетливыми, нерѣдко остроумными и поэтическими описаніями условій и особенностей студенческаго быта. При всѣхъ недюжинныхъ достоинствахъ, въ этихъ красивыхъ этюдахъ встрѣчаются лишь слабые намеки на дѣйствительно реальные типы, вѣчныя художественныя явленія, о которыхъ говорятъ: „вотъ жизненная правда!..“ Новый сборникъ содержитъ мелкіе изящные разсказы о необыкновенныхъ случаяхъ изъ обывательской жизни, обширную и, надо признаться, довольно утомительную—несмотря на выдержанность художественнаго стиля—повѣсть „Передъ завѣтной дверью“, изъ современной хроники интеллигентной русской провинціи, три умѣло скомпанованныя историческія повѣсти изъ польскаго средневѣковья и преданія крымскихъ татаръ. Положительно лучшимъ, наиболѣе зрѣлымъ и продуманнымъ намъ кажется разсказъ „Злое право“, посвященный гр. Л. Н. Толстому. По будничной простотѣ и въ то же время глубокой трагичности сюжета, правильности психологическаго анализа и реально-поэтическому изображенію повседневной дѣйствительности, этотъ небольшой, но содержательный и въ соціальномъ отношеніи поучительный разсказъ, можетъ быть смѣло поставленъ наряду съ произведеніями талантливыхъ художниковъ-объективистовъ.

Фабула разсказа „Злое право“ довольно обыденная и несложная. Въ передачѣ самого автора она исчерпывается коротенькой сценкой... Послѣ блистательной защиты въ судѣ тяжбы вліятельнаго и богатаго инженера, молодой юристъ Хохряковъ, возвратясь къ себѣ на дачу, прилегъ на диванъ и отдался, въ ожиданіи обѣда, пріятнымъ мечтаніямъ. „Ему представилось, какъ собственно хороша жизнь, если есть возможность пользоваться ею, и какъ трудно добиться самому даже скромнаго мѣста на жизненномъ пиру. Въ эту минуту онъ ясно сознавалъ высокую задачу добившихся благополучія содѣйствовать тѣмъ, кто нуждается въ помощи счастливцевъ. Молодому адвокату, еще сохранившему въ своей душѣ безотчетные порывы, казалось извинительнымъ думать только о себѣ въ минуту ожесточенной борьбы за существованіе; но первый вздохъ, вырвавшійся изъ груди послѣ удушающихъ тисковъ заботы о хлѣбѣ насущномъ, думалось ему, долженъ быть соединенъ съ мыслью объ удовлетвореніи законныхъ потребностей ближняго. Безъ этого человѣческое сожительство въ обществѣ теряетъ свой смыслъ.

— Кушать подано, обратилась къ Хохрякову Аннушка, все время возившаяся въ комнатѣ.

Молодой человѣкъ поднялъ голову, мелькомъ взглянулъ на горничную и удивился ея измятому, распухшему отъ недавнихъ слезъ лицу. Подъ вліяніемъ недавнихъ мыслей, онъ не захотѣлъ пройти равнодушно мимо чужого горя, какъ бы незначительно оно ни было.

— Аннушка, что съ вами? Вы плакали о чемъ-нибудь?..

Горничная, собравшись съ силами, стала разсказывать о своемъ горѣ. По мѣрѣ того, какъ она говорила, точно черное облако спускалось надъ головой молодого адвоката.

У отца дѣвушки—огородника—съ богатымъ сосѣдомъ инженеромъ начался споръ. Инженеру понравился клочекъ земли съ прудомъ подъ огородомъ; его женѣ хотѣлось имѣть прудъ и лебедей. Отецъ бы продалъ землю, но сосѣдъ не давалъ настоящей цѣны и сказалъ: „не уступишь—хуже будетъ, запру тебѣ дорогу черезъ свой дворъ, и останешься ты со своими огурцами и салатомъ". И заперъ. Отецъ подалъ мировому судьѣ и разсказалъ, какъ было дѣло; судья приказалъ открыть дорогу; сосѣдъ нанялъ въ Питерѣ адвоката, а эти люди за деньги все сдѣлаютъ, на нихъ креста нѣту, и теперь въ городѣ отказали...

Хохряковъ съ вилкой въ рукѣ сидѣлъ, какъ пришибленный.

— А... другой... дороги... развѣ нѣтъ? заикаясь, спросилъ онъ.

— Есть, да пять верстъ по ней... у насъ лошади нѣтъ, плача, отвѣчала огородница,—отецъ съ маленькимъ братишкой въ ручной тележкѣ на станцію и по дачамъ зелень развозили... Разорились теперь мы... Отецъ послѣ суда былъ ужъ у инженера, хотѣлъ огородъ продать, а баринъ смѣется, только половинную цѣну даетъ: „и то мое, говоритъ, будетъ..." Разорились мы... Отцу-то по міру идти... Баринъ, явите божескую милость, не оставьте, заступитесь, чѣмъ можете... Государю просьбу...

И съ этими словами Аннушка съ плачемъ бросилась въ ноги Хохрякову, ловя его сапоги".

Молодой беллетристъ ограничивается художественнымъ абрисомъ житейскаго случая, психологически не разрѣшая столкновенія матеріальнаго интереса съ нравственнымъ чувствомъ. Съ подобной задачей не справиться его герою, среднихъ способностей помощнику присяжнаго повѣреннаго, создающему карьеру безъ покровительства столповъ адвокатуры и обезпеченности въ средствахъ существованія. „Какъ наемникъ на часъ, какъ гетера, онъ обязывался служить чужому интересу, зная, что при отказѣ ставится на карту успѣхъ. Хохряковъ рано пересталъ сочувствовать своимъ кліентамъ душевно, онъ извинчивалъ себя передъ защитой и подвергалъ холодному обсужденію дѣло наканунѣ". За время помощничества Хохряковъ „вполнѣ усвоилъ себѣ внѣшнюю технику

адвокатскаго дѣла: умѣнье одѣваться, чтобы выдѣлиться изъ толпы и имѣть возможность производить на нее впечатлѣніе полнѣйшей обезпеченности въ средствахъ: наружную самоувѣренность. соединенную съ внѣшнимъ выраженіемъ сознанія собственнаго достоинства...: Хохряковъ имѣлъ успѣхъ, но погоня за удачей стоила ему дорого. Въ двадцать семь лѣтъ онъ увидѣлъ свои виски подъ налетомъ ранней сѣдины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всматриваясь въ глубину своей души, онъ съ ужасомъ замѣчалъ, что за четыре года адвокатскій успѣхъ вытравилъ въ ней много нѣжныхъ стыдливыхъ побѣговъ, которыми когда-то такъ гордилось его юное существо". Это постепенное вывѣтриваніе души и тѣла, обнищаніе всего человѣческаго существа, наблюдательный белетристъ изображаетъ въ интимной связи съ обычной житейской обстановкой и условіями адвокатскаго дѣла. Немного ярче и сочнѣе краски, нѣжнѣе и шире фонъ, побольше живой индивидуализаціи въ обрисовкѣ физической и нравственной личности,—и готовый этюдъ возможно было-бъ помѣстить даже въ тургеневской портретной галлереѣ. **И. И.**

И. С. Бѣляевъ. **Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка, И. Т. Посошковъ.** Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ. Изданіе общества Ревнителей Русскаго историческаго Просвѣщенія въ память Императора Александра III. Москва 1902 г. Цѣна 40 к

Въ безконечной вереницѣ славныхъ именъ, которую передъ нами проводитъ исторія. наше вниманіе всегда особенно останавливаютъ на себѣ люди-самородки. Мы ихъ любимъ настолько, насколько любимъ свою націю, потому что ничто такъ не подкрѣпляетъ нашей вѣры въ ея даровитость и славное будущее, какъ эти выходцы изъ народа.

Трудъ г. Бѣляева вызванъ, повидимому, именно этимъ уваженіемъ къ замѣчательному русскому крестьянину XVIII столѣтія, Ивану Тихонову Посошкову.

Авторъ подробно разбираетъ сочиненія Посошкова и на основаніи ихъ дѣлаетъ его характеристику.

Передъ нами встаетъ яркій образъ человѣка до поразительности разносторонняго, сильнаго умомъ и духомъ, искренно любящаго свое отечество.

Такъ и напрашивается сравненіе съ его великимъ современникомъ: оба они „всеобъемлющей душой" были „вѣчными работниками", одинъ — на тронѣ, другой въ средѣ самого народа.

Въ характеристикѣ, сдѣланной г. Бѣляевымъ не чувствуется никакой натяжки, желанія во чтобы то ни стало почерпнуть данныя для своего труда тамъ, гдѣ на нихъ есть только отдѣленные намеки. Приводимыя выдержки изъ сочиненій Посошкова настолько содержательны, такъ дышатъ искренностью, что одна ихъ группировка даетъ уже ясный обликъ ихъ автора.

Посошкова интересуютъ всѣ стороны государственной

жизни. Онъ пишетъ и „о ратномъ поведеніи, какъ военное дѣло управить, чтобы на весь свѣтъ Русь славна была“ и „о просвѣщеніи Россіи ученіемъ“; въ своей же „книгѣ о скудности и богатствѣ“ обнимаетъ слѣдующіе предметы: 1) духовенство, 2) воинскія дѣла, 3) правосудіе, 4) купечество, 5) художества, 6) о разбойникахъ, 7) крестьянство, 8) дворянѣ, крестьянъ и земляныя дѣла, 9) о царскомъ интересѣ.

„И во всѣхъ этихъ вопросахъ,—пишетъ г. Бѣляевъ,—мы слышимъ глубоко убѣжденный, сильный голосъ Посошкова, умудреннаго жизненнымъ опытомъ, много видѣвшаго, думавшаго и испытавшаго“.

Книга эта разобрана г. Бѣляевымъ довольно подробно. Многія мысли Посошкова не устарѣли и теперь, а нѣкоторыя, не смотря на ихъ неоспоримость, еще не осуществлены. Его взглядъ на правосудіе по своей гуманности и по признанію всѣхъ передъ судомъ равными вполнѣ гармонируетъ съ нашими уставами 64 г.: „и ради общежительства любовнаго, еще великій монархъ повелитъ судъ устроить *единъ*, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, солдату и офицеру, полковнику и генералу, и судъ учинить близостный, чтобы всякому и низкочинному человѣку легко-бы его доступать“.

Наше современное судоустройство его удовлетворило бы, но едва ли Посошковъ остался бы доволенъ теперешнимъ состояніемъ грамотности. Вотъ что писалъ онъ о просвѣщеніи: „паки не малая пакость крестьянамъ и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... и видится не худо бы крестьянъ и *поневолить*, чтобы они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали въ ученіе грамоты“...

А взгляды Посошкова на мужчинъ! Въ его наставленіяхъ сыну „они,—пишетъ г. Бѣляевъ,—дышатъ такою убѣжденною цѣломудренностію и желаніемъ чистоты въ человѣческихъ союзахъ, что будутъ живы во всякое время“. Посошковъ внуштетъ сыну имѣть—„съ женою совѣтъ, яко отъ помощницы и безъ совѣта ничего не творить, аще же кто будетъ жену ничтожить и претворять въ рабій образъ, и той будетъ Богу противно чинити: Богъ де нарекъ помощницею, а не работницею“. Мы не поставили своей задачей исчерпать всѣ тѣ мѣста въ трудѣ г. Бѣляева, которыя могутъ представить интересъ: ихъ много, а потому позволяемъ себѣ ограничиться вышеприведенными.

Что касается до свѣдѣній чисто біографическаго характера, то изслѣдованіе г. Бѣляева насъ мало ими обогащаетъ. Авторъ, впрочемъ, за скудностію источниковъ и не претендуетъ пока на какія либо открытія въ этой области.

Мы узнаемъ только, что жизнь Ивана Тихоновича прошла въ кипучей дѣятельности. Чѣмъ только онъ ни занимался! Онъ открываетъ сѣру, устраиваетъ „рогатки огнестрѣльныя“, несетъ казенную службу по водочному дѣлу, ведетъ торговлю „нѣмецкими бѣлыми кружевами“ и „запонками новоманерными“

и проектируетъ завести даже фабрику игральныхъ картъ, но повторяемъ, всѣ эти свѣдѣнія очень скудны и отрывочны, и многое, какъ напр. причина ареста Посошкова въ 1725 г., остается невыясненнымъ. Нѣкоторыя догадки г. Бѣляева о жизни Ивана Тихоновича едва ли можно признать сильно аргументированными. Вотъ, напримѣръ, на что опирается его предположеніе о двукратномъ бракѣ Посошкова: „Посошковъ самъ говоритъ, что онъ пройде бо отъ рожденія 67 лѣтъ, сынъ же мой Николай бѣ токмо 7 лѣтъ. Въ краткомъ же „Завѣщательномъ поученіи отеческомъ", изданномъ въ 1842 году г. Погодинымъ со списка, напечатаннаго въ 1815 году Розановымъ, не называется по имени сынъ, но по тому, что здѣсь сынъ его *единый* и „наслѣдниче" посылается по волѣ Государя заграницу для обученія наукамъ въ 1708 г., когда его вышеназваннаго сына Николая еще не было на свѣтѣ.— очевидно, что оба сына два различныхъ лица и отъ разныхъ матерей" (стр. 64)

Въ общемъ, внѣшнія условія жизни Посошкова, приводимыя г. Бѣляевымъ, характеризовали бы, пожалуй, больше окружавшую его среду, чѣмъ его самого; самъ же онъ весь сказался въ своихъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ, съ которыми авторъ и знакомитъ насъ весьма обстоятельно.

Изученіе старины не мѣшаетъ. однако, относиться внимательно и къ современному. Г. Бѣляевъ на первой же страницѣ своего труда нѣсколько грѣшитъ передъ новой русской литературой: у Некрасова, котораго авторъ цитируетъ, нѣтъ стиха: „по своей и Божьей волѣ сталъ великъ и знаменитъ,"— а—„по своей и Божьей волѣ сталъ разуменъ и великъ".

Съ внѣшней стороны книжка, даже если не касаться ея очень невысокой цѣны, не оставляетъ желать лучшаго. Изданіе очень солидно и изящно. **А. Д—д—шевъ.**

Шведскіе и Норвежскіе разсказы. Переводъ *Е. Я. Поливановой.* Рига 1902 г. Цѣна 50 к.

За послѣдніе годы повсюду замѣчается значительный интересъ къ богатой, самобытной литературѣ сѣверныхъ странъ—Скандинавіи и Финляндіи. И у насъ обратили на себя вниманіе за послѣднее время эти сѣверные народы со своей высокой. своеобразной культурой и оригинальной литературой, которая намъ пока все еще мало знакома. Поэтому слѣдуетъ привѣтствовать всякую болѣе или менѣе удачную попытку познакомить русскихъ читателей съ этой литературой.

Распредѣленіе матеріала въ сборникѣ г-жи Поливановой нельзя признать вполнѣ удачнымъ. Въ этомъ отношеніи только-что вышедшая книжка напоминаетъ собою ея сборникъ шведскихъ разсказовъ 1899 г. Изъ 15 разсказовъ шведскихъ писателей, 9 переводчица удѣляетъ А. Хеденстерну, тогда какъ талантливому представителю современной шведской литературы А. Стриндбергу приходится довольствоваться 3 разсказами. Произведеній же напр. Гейерстама мы и вовсе не находимъ въ сборникѣ. Между тѣмъ, они глубиной и ориги-

нальностью мыслей значительно превосходятъ довольно-таки поверхностнаго и нѣсколько сентиментальнаго Хеденстерна. Кстати, мы находимъ страннымъ встрѣчать эту фамилію, неизвѣстную даже многимъ и шведскимъ читателямъ, такъ какъ этотъ авторъ издалъ всѣ свои 17 сборниковъ подъ псевдонимомъ Сигурдъ. Не приходитъ же никому въ голову при переводѣ на иностранные языки, напр., Горькаго называть его Пѣшковымъ. А такъ-то именно и поступаетъ г-жа Поливанова. Далѣе, Сигурдъ справедливо пользуется репутаціей лучшаго шведскаго юмориста, а изъ всѣхъ его разсказовъ въ сборникѣ мы находимъ одинъ только юмористическій разсказъ: „Когда обращаются къ спеціалистамъ". Самыми интересными въ книжкѣ г-жи Поливановой являются три разсказа Стриндберга, въ особенности „За плату". Эти разсказы являются очерками брачной жизни, на которую, какъ и на женщину, геніальный авторъ высказываетъ вообще пессимистическій взглядъ, доводящій его, крайне прогресивнаго мыслителя, нерѣдко до негуманныхъ и даже ретроградныхъ сужденій, въ родѣ слѣдующаго: „Тутъ нѣтъ несправедливости (рѣчь идетъ о регламентаціи проституціи). Продавая себя, одна сторона дошла до крайняго униженія и стала источникомъ страшной заразы. Государство поступаетъ съ нею, какъ съ бѣшеной собакой. Найди мнѣ мужчину, который дошелъ бы до такой степени униженія,—хорошо,—тогда я и его отдамъ подъ полицейскій надзоръ!"

Норвежскихъ разсказовъ въ книжкѣ г-жи Поливановой всего 4. По нашему мнѣнію, было бы гораздо цѣлесообразнѣе посвящать такіе, сравнительно небольшіе, сборники произведеніямъ одной какой-либо литературы. Книжка читается во всякомъ случаѣ съ большимъ интересомъ, и переведена вполнѣ удовлетворительно. Только отъ названія шведскихъ монетъ въ первомъ разсказѣ „марками" и „пфеннигами", вмѣсто „риксдалеровъ" („riksdaler") и „öровъ" оригинала, вѣетъ скорѣе переводомъ съ нѣмецкаго, нежели съ подлинника, какъ и раньше въ сборникѣ г-жи Поливановой 1899 г. отъ словъ „фрау" и „фрейленъ". **В. С—въ.**

Фр. Паульсенъ. **Общеобразовательная школа будущаго. Перев.** съ нѣмецкаго. Подъ редакціей проф. К. А. Поосе. С.-Петербургъ. 1901. Изданіе т-ва „Знаніе".

Интересъ брошюры сосредоточивается въ чисто-научной точкѣ зрѣнія на трактуемый вопросъ, которую проводитъ въ этой брошюрѣ Паульсенъ. Онъ ставитъ избитый вопросъ о классицизмѣ и реальной школѣ, но рѣшаетъ его иначе, нежели принято обыкновенно рѣшать этотъ сложный и важный вопросъ. Въ попыткѣ рѣшить указанный вопросъ возможно объективно и жизненно, Паульсенъ удѣляетъ одинаково серьезное вниманіе какъ аргументамъ pro, такъ и аргументамъ contra. Для него и классицизмъ и реальная наука имѣютъ одинаково важное значеніе, разъ они способны достигать общеобразовательныхъ цѣлей. Такая постановка вопроса при-

водитъ Паульсена къ соотвѣтствующему, единственно вѣрному и научному рѣшенію вопроса. Паульсенъ находитъ, что одинъ классицизмъ не въ состояніи выполнить собой общеобразовательную программу, что необходимо рядомъ съ нимъ и реалистическое образованіе. И необходимо ничуть не меньше, чѣмъ классическое направленіе, ибо оно расширяетъ сферу знанія и жизненный горизонтъ. Мы, впрочемъ, не будемъ излагать соображеній Паульсена относительно реализма, ибо послѣдній при нынѣшнемъ направленіи русской мысли ни въ какой защитѣ не нуждается. Гораздо важнѣе поднять престижъ классиковъ и Паульсенъ дѣлаетъ это очень хорошо. Настаивая на необходимости классическаго образованія, Паульсенъ съ такой же энергичностью настаиваетъ и на необходимости изгнанія изъ школы древнихъ языковъ. Это—не абсурдъ, не ошибка, а напротивъ, правильное рѣшеніе школьнаго вопроса. Можно изучать древніе языки и не знать совсѣмъ „классицизма"; можно, съ другой стороны, не знать древнихъ языковъ и изучать успѣшно и—въ смыслѣ достиженія общеобразовательныхъ цѣлей—съ большой пользой то, что именуется „классическимъ міромъ". Именно это имѣетъ въ виду Паульсенъ, когда, настаивая на уничтоженіи классическихъ языковъ, совѣтуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя бы по переводамъ, изучать въ школѣ возможно полно и обстоятельно классическій міръ, богатый и глубокой истинно-философской мыслью и яркимъ свѣтомъ того идеализма, который на много возвышаетъ классическую жизнь надъ уровнемъ современнаго матеріалистическаго міровоззрѣнія. „Я думаю—говоритъ въ заключеніе своей брошюры Паульсенъ—греки и впредь могутъ быть источникомъ обновленія для всѣхъ умовъ, ищущихъ правды и свободы, стремящихся избѣгнуть рутины, педантизма, неподвижности, въ которую неизбѣжно впадаетъ всякая школьная система. Не нужно только пользоваться ими для принудительныхъ школьныхъ упражненій. Быть можетъ, тогда они скорѣе сдѣлаются такимъ источникомъ". Реальное образованіе должно быть только одной изъ сторонъ, но не единственной—*общаго образованія*, къ которому естественно должна привести реформа школы. Интересная брошюра Паульсена не во всѣхъ своихъ частяхъ можетъ вызвать одинаковое сочувствіе читателя. Но главная сторона брошюры—широкая постановка вопроса о школьной реформѣ и соотвѣтственно этому широкое же научно-объективное рѣшеніе его, несомнѣнно, должна заинтересовать его. **С. С—въ.**

Путеводитель по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ. 1901—1902 гг. Подъ редакціей *Дмитріева-Мамонова*. Цѣна 3 р. **50 коп.**

Трудно путешествовать съ такой увѣсистой книгой, какъ этотъ путеводитель. Если посмотрѣть на Бедекеры, а затѣмъ на сибирскій путеводитель, то невольно приходитъ мысль, что подобныхъ размѣровъ путеводители составляются для гармоніи съ необъятностью и шириною страны, для которой

они предназначены, а красныя толстенькія книжки Бедекера годятся только въ тѣхъ краяхъ, гдѣ въ нѣсколько часовъ долетаешь до границы, откуда и въ какую сторону ни началъ бы свой путь.

Громоздкости выпущеннаго путеводителя способствуетъ плотная бумага и сотни страницъ объявленій, которыя важны были для доходности изданія, но вовсе не составляютъ необходимой принадлежности путеводителя. Если бы это была книга научнаго или литературнаго содержанія, то, конечно, за подобное изданіе на хорошей бумагѣ, съ виньетками и недурными рисунками слѣдовало бы только хвалить, но здѣсь требовалось изданіе, и по формату, и по объему приспособленное для спеціальныхъ цѣлей.

Зато содержаніе путеводителя составлено хорошо. Прежде всего, общій очеркъ Сибири: ея географическое положеніе, геологическое строеніе, перечисленіе ея богатствъ; описаніе золотопромышленной и горнозаводской дѣятельности; климатъ, растительность, фауна. Затѣмъ, нѣсколько историческихъ свѣдѣній; краткій очеркъ заселенія Сибири вмѣстѣ съ переселенческимъ вопросомъ; современное ея экономическое положеніе и т. д.

Великій Сибирскій путь обозрѣвается въ его главныхъ составныхъ частяхъ: Самаро-Златоустская жел. дорога, Пермь-Тюменская, Сибирская, Забайкальская и паровая желѣзнодорожная переправа черезъ Байкалъ, Шилко-Амурскій водный путь, Уссурійская жел. дорога, Китайская, Восточная и Маньчжурская. Соотвѣтственно этимъ частямъ пути и путеводитель разбитъ на главы. Въ началѣ каждой главы предпосылается нѣсколько краткихъ замѣчаній объ общемъ значеніи дороги, особенностяхъ ея техническихъ сооруженій, экономическомъ положеніи края и т. п. Затѣмъ идетъ перечень станцій съ краткими статистическими свѣдѣніями по населенію, промышленности и торговлѣ съ указаніемъ на достопримѣчательности. Эти свѣдѣнія сопровождаются рисунками, ясно и отчетливо исполненными; въ нихъ передъ глазами проходятъ важнѣйшіе типы изъ населяющихъ Сибирь инородцевъ; другіе рисунки иллюстрируютъ наиболѣе крупные пункты дороги.

Хорошо составленъ и очеркъ Маньчжуріи, съ интересными рисунками; здѣсь проходятъ названія, такъ недавно ставшія всѣмъ хорошо знакомыми: Хайларъ, Цицикаръ, Харбинъ, Мукденъ.

Въ концѣ путеводителя помѣщены росписаніе движенія поѣздовъ и алфавитный указатель станцій.

П. Столянскій. **Описаніе старинныхъ книгъ публичной Самарской Александровской библіотеки (1745—1825). Самара. 1901 г.**

Самарская публичная библіотека не богата старинными книгами. Авторъ брошюры приводитъ ихъ всего 165 №№. Наиболѣе старыя относятся къ 40 годамъ XVIII столѣтія. Какъ видно изъ предисловія, авторъ не имѣлъ въ виду кри-

тическаго изслѣдованія этихъ книгъ: онъ ограничился описаніемъ ихъ внѣшности и содержанія. Принятая имъ на себя задача исполнена съ знаніемъ дѣла и весьма добросовѣстно.

П. Первовъ. **Н. В. Гоголь. Его жизнь и произведенія.** Москва. 1902 г. Цѣна 10 к.

Небольшая брошюрка, заключающая въ себѣ лекцію, читанную авторомъ въ народной аудиторіи Московскаго общества народныхъ развлеченій. Въ текстѣ нѣсколько рисунковъ, иллюстрирующихъ главнѣйшія произведенія Гоголя.

А. Вагнеръ. **Удобреніе плодовыхъ деревьевъ.** Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія съ примѣчаніями и дополненіями И. И. Пузыревскаго. Спб. 1901. Цѣна 25 к.

Брошюра эта—изданіе журнала „Школьное Хозяйство"; въ текстѣ помѣщены рисунки. Статья Вагнера дополнена И. Пузыревскимъ оригинальной главой: „Обрѣзка деревьевъ въ плодовомъ саду".

М. А. Дерновъ. **Устройство улья Дадана.** Изданіе 2-е. Спб. 1902. Цѣна 35 к.

Авторъ объясняетъ появленіе своей небольшой работы тѣмъ, что улей Дадана находитъ себѣ все большее и большее распространеніе въ Россіи. Брошюра его издана журналомъ „Земледѣлецъ" въ ряду выпускаемой имъ „Библіотеки Земледѣльца". Къ брошюрѣ приложены 4 таблицы въ краскахъ и 27 рисунковъ въ текстѣ.

С. И. Коробовъ. **О праздничномъ отдыхѣ.** Москва. 1902. Цѣна 15 к.

Брошюрка заключаетъ въ себѣ нѣсколько газетныхъ статей автора, имѣющихъ своимъ предметомъ праздничный отдыхъ приказчиковъ.

J. H. Rosny. **Thérèse Degaudy.** Roman. Paris. 1902.

Личные интересы должны быть приносимы въ жертву общимъ. Жизнь въ ея прогрессѣ, успѣхи будущаго лежатъ въ рукахъ не отдѣльныхъ лицъ, а всѣхъ вмѣстѣ. Нельзя заключить себя въ узкія рамки эгоизма и исключительныхъ заботъ о себѣ. Общество есть организмъ, который состоитъ не изъ отдѣльныхъ лицъ, существующихъ порознь, а изъ элементовъ, имѣющихъ тѣсную связь между собою. Цѣли жизни не можетъ быть личной—цѣль должна быть общая. Внѣшнія преимущества отдѣльныхъ единицъ являются вовсе не ихъ заслугой, а случайностью судьбы. Слѣдовательно, не поднимать голову должны они передъ другими, а дѣлиться по мѣрѣ возможности своими матеріальными преимуществами съ тѣми, у кого ихъ нѣтъ.

Таковы идеи, которыя приводитъ авторъ въ своемъ романѣ. Герой романа, Франсуа Оданъ, является человѣкомъ, заботящимся только объ удовлетвореніи собственныхъ потребностей. Его богатство, создавшее ему внѣшнюю независимость, мнимо возвышаетъ его надъ остальными въ его же вообра-

женіи. Одаренный отъ природы способностями, крѣпкимъ здоровьемъ, избалованный съ малыхъ лѣтъ семьей, жизнью, онъ представляется въ своихъ собственныхъ глазахъ отличнымъ отъ другихъ, какимъ-то избранникомъ судьбы. Духъ гордости владѣетъ имъ и заставляетъ свысока и съ пренебреженіемъ смотрѣть на остальныхъ. Въ немъ развивается исключительное преобладаніе воли, которой, кажется ему, все должно подчиниться.

Устами его друга, Маллуара, авторъ критикуетъ взгляды и убѣжденія, которые порождаютъ ложное самомнѣніе Одана. Но слова его не оказываютъ никакого вліянія. Перерожденіе Одана совершается при помощи второй жены его, Терезы.

Тереза — свѣтлая личность романа. Отрадно встрѣтить этотъ рѣдкій типъ женщины во французской литературѣ. Личное счастье и спокойствіе не могутъ удовлетворить ея. Она хочетъ жить для другихъ, помогать обездоленнымъ, отдавать силы слабымъ. Не во внѣшнихъ развлеченіяхъ находитъ она удовольствіе. Протекающая возлѣ жизнь будитъ ея мысли и заставляетъ вѣчно работать ея мозгъ. Она возмущается сухимъ и черствымъ эгоизмомъ своего мужа, основывающаго всю свою силу на богатствѣ. И онъ подъ вліяніемъ ея мѣняетъ всѣ свои убѣжденія. Онъ приходитъ къ сознанію, что сила, которую онъ находилъ въ своемъ богатствѣ, ложно истолковывалась имъ. Нужно умѣть распоряжаться богатствомъ, дѣлиться съ неимущими, памятуя при этомъ, что это лишь исполненіе своей обязанности, а не великодушіе, требующее благодарности. Онъ приходитъ къ сознанію, что люди возвышаются тогда только, когда они раздѣляютъ общіе труды своего времени, идутъ на встрѣчу его нуждамъ. И онъ готовъ отказаться отъ всего, что составляло ложную гордость его прошлой жизни.

Эту перемѣну въ мысляхъ Одана авторъ хочетъ представить глубоко сознанной и раскаяніе его въ прошломъ — искреннимъ. Но у читателя все-таки остается впечатлѣніе, что перерожденіе совершается лишь изъ боязни его потерять Терезу, къ которой его влечетъ ничѣмъ не удержимая страсть. И всѣ его новыя мысли кажутся не глубоко и искренно прочувствованными, а искусственно вызванными необходимостью, безъ которой онъ не могъ бы удержать возлѣ себя Терезы. И заключительныя слова его о томъ, что чувства, которыя приноситъ онъ ей, соединяются въ немъ съ чувствами ко всѣмъ людямъ, что онъ любитъ ее отъ имени всѣхъ ихъ,—звучатъ приподнято, фальшиво. Романъ кончается мелодраматично. Конецъ скомканъ; кажется, точно надъ дѣйствующими лицами по ошибкѣ опускается занавѣсъ раньше времени: лица исчезаютъ съ глазъ читателя, и ему самому предоставляется догадываться, будутъ-ли и могутъ-ли быть счастливы Франсуа и Тереза.

Непонятнымъ вообще является выходъ Терезы замужъ за Франсуа. Она его не любитъ, въ чемъ прежде всего и при-

знается ему. Что же руководило ею при этомъ выборѣ? Вначалѣ у Терезы нѣтъ другого чувства къ Одану кромѣ отвращенія, кромѣ обиды за сестру, первую жену Одана. Она не могла простить ему торжества матеріальной силы, торжества воли мужчины надъ женщиной. У ея сестры, Женевьевы, не было своей воли, своихъ желаній. Пробуя возражать мужу, она сейчасъ же сдавалась и подчинялась ему во всемъ. И эта слабость, эта пассивность ея, полное неумѣнье проявлять свою личность заставили мужа съ пренебреженіемъ отнестись къ ней, какъ къ человѣку, и видѣть въ ней только женщину. Не эти-ли чувства заставили Терезу выйти за Франсуа Одана, чтобы отомстить за сестру, чтобы сломать, въ свою очередь, его самого? На это нѣтъ отвѣта на страницахъ романа.

Или, быть можетъ, желаніе исполнить волю родителей? Но и это мало вѣроятно. Мать, у которой главнымъ доводомъ за бракъ Терезы съ Оданомъ являлось его богатство, убѣдить ея не могла. Деньги, по мнѣнію ея матери, помимо всѣхъ матеріальныхъ удовлетвореній, доставляемыхъ ими, — цѣнны и сами по себѣ тѣмъ, что даютъ общее уваженіе. Давая власть, онѣ создаютъ характеръ; „Слава бѣднаго создается изъ сожалѣнія, а слава богатаго—изъ преклоненія и уваженія“, — вотъ какъ понимаетъ она силу денегъ. Тереза не могла съ этимъ согласиться: ея взгляды были рѣзко противоположны.

Слѣдовательно, проникнуться убѣжденіями своей матери она не могла; а принуждать ее выйти замужъ мать никогда бы не стала и едва-ли была въ состояніи по своей слабохарактерности.

Такимъ образомъ, остается предположить, что и сама Тереза находилась подъ обаяніемъ воли Франсуа, той воли, которая подчиняла ему его товарищей, когда онъ еще учился, и которая подчинила ему позднѣе сестру Терезы, Женевьеву, и ея родителей. Но если эта воля подчинила Терезу внѣшне и заставила соединить свою судьбу съ Франсуа Оданомъ, то душа ея осталась свободной, и она пошла на нравственную борьбу со своимъ мужемъ, чтобы сломать его ложное самомнѣніе, чтобы вмѣстѣ съ нимъ жить мыслью о другихъ. Начинается нравственное перерожденіе Одана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первоначальное чувство ненависти къ нему Терезы замѣняется новымъ чувствомъ,—чувствомъ любви.

Въ общемъ романъ производитъ впечатлѣніе протеста противъ идей индивидуализма. Себялюбіе, признаніе правъ только за собственнымъ „я“, полное неуваженіе и презрѣніе ко всѣмъ чужимъ правамъ, насколько они являются помѣхой и препятствіемъ для удовлетворенія личныхъ интересовъ, эгоизмъ,— вотъ черты Франсуа Одана, напоминающія модные признаки сверхчеловѣка.

Противъ этого индивидуализма, въ данномъ случаѣ грубаго индивидуализма Одана, и возстаетъ авторъ, развивая идеи общественности и довольно неискусно заставляя своего

героя переродиться въ человѣка, соціально добродѣтельнаго. **М—я.**

P. Hough. **Dutch Life in Town and Country**. London. 1902. (Published by Newnes).

Извѣстная фирма „Newnes" издаетъ серію книгъ, посвященныхъ бытовымъ очеркамъ изъ жизни различныхъ европейскихъ странъ. Въ прошломъ году вышли двѣ книжки этой интересной серіи, трактовавшія о Франціи и Германіи. На дняхъ вышла книжка, посвященная Голландіи, написанная очень живо и занимательно. Отдѣльныя главы трактуютъ о различныхъ классахъ голландскаго общества, о національныхъ увеселеніяхъ, о музыкѣ и театрѣ, о школахъ и воспитаніи, о голландскомъ искусствѣ и современной литературѣ и т. д. Какъ извѣстно, страсть голландцевъ къ чистотѣ вошла въ пословицу, но, по словамъ автора книги, эта пресловутая чистота имѣетъ своеобразный характеръ.

„Обиліемъ воды, — говоритъ авторъ, — можно объяснить страсть голландцевъ къ чистотѣ: они не довольствуются тѣмъ, что моютъ домъ внутри, но ухитряются мыть дома снаружи, моютъ даже деревья (!), находящіяся на тротуарахъ вблизи домовъ. Но, какъ это ни странно, страсть къ чистотѣ простирается лишь на неодушевленные предметы и ванна является излишней вещью не только среди бѣднѣйшихъ классовъ, но даже и среди сравнительно зажиточныхъ. Знакомый голландскій докторъ разсказывалъ мнѣ однажды, что когда онъ прописалъ паціенту, богатому фермеру близъ Утрехта, ванну, фермеръ воскликнулъ: „Ну, нѣтъ! Я приму сколько вамъ угодно лѣкарствъ, но ванну ни за что въ мірѣ!" Голландскія хозяйки, въ свою очередь, оправдываются тѣмъ, что у нихъ не хватаетъ времени на все и на этомъ основаніи тщательнымъ образомъ ежедневно моютъ даже тротуары передъ домомъ, но очень рѣдко проявляютъ ту же заботливость по отношенію къ самимъ себѣ. Даже дождь не мѣшаетъ голландкамъ предаваться своей страсти и вы нерѣдко можете видѣть голландку, стоящую на колѣняхъ передъ домомъ *подъ зонтикомъ* и моющую тротуаръ. Немудрено, что эта своеобразная забота о „чистотѣ" вмѣстѣ съ обязанностями матери и хозяйки поглощаетъ у голландскихъ женщинъ все время и имъ некогда взять книгу или газету въ руки".

Не лишены интереса замѣчанія автора о современной голландской литературѣ, которая почти неизвѣстна въ Европѣ.

„Съ 1880 года,—говоритъ авторъ,—голландская литература разрываетъ со старыми литературными традиціями страны. Во главѣ этого новаго литературнаго движенія становятся Лодеврикъ фанъ-Дессель (Lodewryk van Deyssel), Альбертъ Вервей (Albert Verwey) и Вильгельмъ Клоссъ (Willem Kloss), которые въ основанномъ ими журналѣ „De Nieuwe Gids" (Новыя теченія), обрушились съ безпощадной критикой на голландскихъ литераторовъ стараго стиля. Страницы „Nieuwe Gids" открыты лишь дѣйствительно даровитымъ и, главное, ориги-

нальнымъ произведеніямъ; поэтому журналъ этотъ оказалъ и оказываетъ громадное вліяніе на голландскую литературу, давая не только критику, но и высокіе образцы искусства, при чемъ журналъ не стѣсняетъ политическихъ тенденцій авторовъ, а требуетъ отъ нихъ лишь талантливости и оригинальности, такъ что на страницахъ „Nieuwe Gids" не рѣдкость встрѣтить бокъ-о-бокъ талантливаго соціалиста-поэта и консервативнаго романиста. На ряду съ этой заботой о повышеніи внутренняго достоинства литературныхъ произведеній идетъ забота о возможномъ совершенствѣ формы и въ этомъ отношеніи голландская литература сдѣлала громадные успѣхи, доведя обработку языка до высокой степени совершенства.

„Особенной извѣстностью среди современныхъ голландскихъ писателей пользуется поэтесса Свартъ (Helena Lapidoth Swarth) и поэтъ Луисъ Куперусъ (Louis Couperus). Лучшія изъ его произведеній, романы: „Элина Веръ", „Величіе" и „Всеобщій миръ", переведены на многіе европейскіе языки.

Въ противоположность голландкамъ, всецѣло занятымъ „чистотой" и хозяйствомъ, голландцы большіе любители чтенія, и въ Голландіи имѣется около двухъ тысячъ книгопродавцевъ и масса самыхъ разнообразныхъ газетъ и журналовъ.

В. Б—скій.

Vincent A. Smith. **Asoka, the Buddhist Emperor of India.** London. 1902. (Published by Clarendon Press).

Въ книгѣ Смита въ популярной формѣ разсказана жизнь знаменитаго императора Индіи, Асоки, такъ много сдѣлавшаго для распространенія буддизма, какъ въ самой Индіи, такъ равнымъ образомъ и далеко за ея предѣлами. Несмотря на популярный характеръ книги, въ нее включены послѣдніе результаты научныхъ изслѣдованій европейскихъ ученыхъ по исторіи буддизма, и Асока, являвшійся до сихъ поръ полумиѳическимъ созданіемъ пламенной восточной фантазіи, едва ли не въ первый разъ представленъ предъ читателями, облеченный въ плоть и кровь несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ.

Главнѣйшимъ матеріаломъ для исторіи царствованія Асоки служатъ воздвигнутые имъ самимъ монументы и высѣченные, по его приказанію, на скалахъ и столбахъ эдикты. Каково было дѣйствительное число этихъ своеобразныхъ „документовъ" теперь трудно опредѣлить. Народныя легенды приписываютъ Асокѣ постройку 84.000 „ступъ", но, конечно, число ихъ значительно преувеличено поклонниками великаго императора. Тѣмъ не менѣе, количество этихъ надписаній довольно велико: ихъ можно встрѣтить почти во всѣхъ частяхъ Индіи, начиная отъ Гималаевъ вплоть до моря; они разсѣяны отъ Кабула до западнаго Бенгала, отъ лѣсныхъ чащъ Непала до самыхъ отдаленныхъ уголковъ южной Индіи. На основаніи этихъ надписаній можно составить довольно ясное представленіе о тѣхъ „правилахъ жизни", которыя Асока считалъ обязательными и для себя самого и для его подданныхъ, такъ какъ Асока стремился, говоря его собственными словами,

„заплатить свои долги живущимъ людямъ, дабы дать имъ счастье, возможное на землѣ и обезпечить имъ доступъ къ небу".

Когда послѣ смерти Александра Великаго владѣнія его были раздѣлены, сатрапомъ Вавилоніи оказался Селевкъ. Въ Индіи въ это время произошли крупныя измѣненія. „Человѣкъ низкаго рода", нѣкій Чандрагупта Маурія (основатель Маурійской династіи) изгналъ чужеземцевъ, убилъ короля Магады и возсѣлъ на тронъ въ Паталипутрѣ (теперь—Патна). Ко двору этого Чандрагупты (извѣстнаго грекамъ подъ именемъ Сандрокоттосъ) Селевкъ послалъ въ качествѣ посла Мегастенеса, которому греческіе и латинскіе авторы обязаны большинствомъ своихъ свѣдѣній объ Индіи въ тѣ времена. Послѣ смерти сына Чандрагупты, короля Биндусары, тронъ Магады (главнымъ городомъ которой былъ городъ Паталипутра) занялъ *Асока* (В. С. 272). Имперія, которую онъ унаслѣдовалъ и расширилъ новыми завоеваніями занимала почти всю Индію, вплоть до Гималаевъ, включая Непалъ, Кашмиръ, долину Сватъ и Афганистанъ.

Власть императора была абсолютной, но въ управленіи страной ему помогали вице-императоры, которые въ громадномъ большинствѣ случаевъ были сыновьями или близкими родственниками императора. Слѣдующее за вице императорами мѣсто въ административной лѣстницѣ занимали „управители", нѣчто въ родѣ губернаторовъ и, наконецъ, „завѣдывающіе уѣздами". Словомъ, это была довольно сложная и упорядоченная административная машина, которая подъ неусыпнымъ надзоромъ геніальнаго императора хорошо исполняла свои многосложныя обязанности.

Армія Асоки состояла изъ 600.000 чел. инфантеріи, 30.000 чел кавалеріи и 6.000 боевыхъ слоновъ. Завѣдываніе этой арміей было поручено главнокомандующему, стоявшему во главѣ военнаго совѣта, контролировавшаго его дѣйствія. Имѣются указанія, что, кромѣ военнаго, существовали и другіе спеціальные совѣты, завѣдывавшіе дѣлами столицы имперіи, ирригаціей и канализаціей страны, наблюдавшіе за исправностью путей сообщенія и т. д.

Законы имперіи были суровы: всякое уклоненіе отъ уплаты установленныхъ податей каралось смертью; пораненіе наказывалось соотвѣтственнымъ пораненіемъ и отнятіемъ правой руки; ложное показаніе наказывалось отсѣченіемъ рукъ и ногъ и т. д. Асока внесъ духъ гуманности въ эти безпощадно-суровые законы, назначивъ цензоровъ, которые должны были доносить ему о случаяхъ неправильнаго примѣненія законовъ судьями и уменьшать мѣру наказанія, когда преступникъ заслуживалъ милости, вслѣдствіе преклоннаго возраста, внезапно постигнувшаго его несчастія, или же былъ главою большой семьи, благосостояніе которой зависѣло отъ его работоспособности.

Асока скончался В. С. 232 г., процарствовавъ 38 лѣтъ и оставивъ неизгладимый слѣдъ въ исторіи Индіи не только

какъ мудрый администраторъ, но и какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ насадителей буддизма въ Индіи и за ея предѣлами. Онъ наложилъ на себя обѣты буддійскаго монаха и строго выполнялъ ихъ. Въ его царствованіе многочисленные буддійскіе миссіонеры проникли въ самые глухіе уголки Индіи и пробрались даже въ Цейлонъ. Всѣ оставшіяся послѣ него „надписанія", свидѣтельствуютъ о его любви къ неподкрашенной правдѣ, высокой терпимости, стремленіи сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми и обезпеченными.

Однимъ изъ главныхъ достоинствъ интересной книги Смита является его аккуратность въ выборѣ источниковъ и умѣлое пользованіе народными преданіями и легендами. Нѣкоторымъ неудобствомъ является отсутствіе карты Индіи временъ Асоки, такъ какъ книга изобилуетъ географическими именами мѣстностей, мало знакомыхъ и часто странно звучащихъ для неспеціалистовъ.

В. Б—скій.

Редакторъ-издатель С. Сухонинъ.

Digitized by Google

Приложеніе къ журналу „ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ“.

ФРИНА.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

съ прологомъ, въ стихахъ

(СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО)

Баронессы А. И. Радошевской.

С.-Петербургъ.
1902.

Тип. Исидора Гольдберга.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гиперидъ, ораторъ.
Праксптель, скульпторъ.
Евѳія, Архонтъ Аѳинскій.
Аристиппъ, **Менандръ**, **Сенократъ**, **Эрастъ** — ученики Платона.
Гіерофантъ, великій жрецъ Деметры.
Атлетъ.
Воинъ.
Иностранецъ I.
Иностранецъ II.
Рабъ I.
Рабъ II.
Посвященный въ тайны Элевзинскихъ обрядовъ.
Судья I.
Судья II.
Глашатай.
Фрина, **Вакхида**, **Телезилла**, **Миррина** — Гетеры.
Каллисѳена, молодая рабыня.
Сумасшествіе, **Память**, **Счастье**, **Легенда** — маски.
Жрица Деметры, молодая дѣвушка.
Старуха I-я.
Старуха II-я.
Молодая женщина.

Воины, народъ, судьи, посвященнные въ таинства Элевзинскія.

Дѣйствіе пролога происходитъ въ 320 году до Рождества Христова.

Прологъ, 1-е, 2-е и 4-е дѣйствіе — въ Аѳинахъ, а 3-е дѣйствіе — въ Элевзинѣ.

ПРОЛОГЪ.

Площадь въ Аѳинахъ. Направо дорога въ городъ,—налѣво въ Академію. Въ глубинѣ стѣна, выложенная въ нижней своей половинѣ бѣлымъ плитнякомъ для надписей. Вдоль стѣны устроены сидѣнья. На первомъ планѣ справа и слѣва скамейки. Полное оживленіе на площади. Пестрая толпа. Люди снуютъ взадъ и впередъ. Отдѣльныя группы въ глубинѣ.

Явленіе 1.

Аристиппъ и Менандръ сидятъ; въ рукахъ у нихъ папирусы, въ которые они углублены.

Менандръ.

Послушай, Аристиппъ, не медли,—поздно!

Аристиппъ (вставая).

А ты, Менандръ, нейдешь?

Менандръ.

Я не рѣшилъ
Еще. Мнѣ не совсѣмъ ясна задача —
Теорія Платона.

Аристиппъ.

Да? Сказать
Тебѣ по правдѣ,— самъ я въ размышленьи
Глубокомъ. Въ ней онъ столько изложилъ
Богатыхъ мыслей, что при самомъ сильномъ
И вдумчивомъ умѣ—вникай весь день, —
И все-таки всего ты не усвоишь.
Какая смѣлость мысли, глубина,
А слогъ какой прекрасный—наслажденье!
Какая форма, сколько въ ней ума!

Менандръ.

Не даромъ славится Платонъ-учитель!

Аристиппъ.

(Оглядывая площадь, разсмѣялся).

Менандръ.

Надъ чѣмъ смѣешься ты?

Аристиппъ.

Сейчасъ пришла
Мнѣ мысль... Что если-бъ нашъ Платонъ суровый
Засталъ своихъ учениковъ вотъ тутъ,
На рынкѣ красоты продажной!.. Что бы
Сказалъ о насъ, рѣшающихъ вопросъ
Объ истинѣ, на этомъ злачномъ мѣстѣ?

Менандръ.

Повѣрь, онъ мудрецовъ бы въ насъ призналъ.

Аристиппъ.

Ты думаешь?

Менандръ.

Клянусь Палладой! Развѣ
Керамиконъ не ѳема для задачъ
Ума философа достойныхъ.

Аристиппъ (усмѣхаясь).

Ѳема,
Ты говоришь?

Менандръ.

Взгляни направо — тамъ
Раскинулись могилы предковъ, павшихъ
За родину, за честь отчизны: здѣсь —
Арена, для служенія любовнымъ,
Продажнымъ наслажденьямъ на показъ
Сбираются сюда гетеры наши,
Торгъ также чести, тѣла и любви —
Идея для глубокихъ размышленій.
Любовь и смерть—начало и конецъ!
И альфа и омега въ жизни нашей.

Аристиппъ.

И два понятія о чести тутъ.
Ты правъ вдвойнѣ — я Зевсомъ поклянусь!

Законъ гармоніи въ мірѣ утвержденъ
Въ согласіи различныхъ силъ природы,
И въ сочетаніи контрастовъ въ ней.
Представь себѣ завидную картину:
Тѣнь Аристида — воина съ копьемъ,
Мечомъ и со щитомъ въ рукахъ, съ Лаисой,
Съ Аспазіей!.. Любовный поцѣлуй
И нѣжный, страстный лепетъ съ Аристидомъ!

Менандръ (хохочетъ.)

Завиднаго въ твоей картинѣ нѣтъ,
Мнѣ жаль Аспазію съ Лаисой.

Аристиппъ.

Еслибъ,
Сдается мнѣ, бывали часто тутъ
Такія зрѣлища, такъ вся бы площадь
Отъ скуки умерла.

Менандръ.

Ну, нѣтъ, мой другъ.
Отъ смѣха не было-бъ покоя мертвымъ.

Аристиппъ.

Скажи мнѣ, другъ Менандръ, вѣдь деньги — все!
А есть-ли у тебя ихъ, сколько надо
На прихоть, напримѣръ?

Менандръ.

Вопросъ, который
И самъ не разъ себѣ я задавалъ.
Вотъ видишь-ли: отецъ мой оружейникъ,
Куетъ военные доспѣхи онъ
И золота сбираетъ очень много,
Но я въ расходахъ все-таки стѣсненъ.

Аристиппъ.

А мой торгуетъ всѣмъ, что Аѳинянкамъ
Красивый видъ ихъ лицамъ придаетъ
И ароматъ душистый одѣянью.
Скажи же мнѣ теперь, мой другъ Менандръ,
Который изъ отцовъ побольше денегъ
Для насъ съ тобою соберетъ?

Менандръ.

Вопросъ.

Вѣдь женское тщеславье красотою
Равняется наивной пустотѣ
Блестящихъ латъ военнаго наряда.
Къ тому же обѣ нынче въ модѣ.

Аристиппъ (улыбаясь).

Да!

И мнѣ сдается: въ мірѣ будутъ вѣчны
Двѣ эти жертвы глупости.
Имѣешь ты любовницу?

Менандръ.

Еще-бы!

Я двухъ имѣю, знаешь ли такихъ
Доступныхъ, по карману, у которыхъ
Не только имя на фронтонѣ...

Аристиппъ (перебивая).

Даже

На черной лѣстницѣ стоитъ? я понялъ.
Совѣтую такихъ спустить въ трубу,
Чтобъ не краснѣть, извѣстную гетеру
Возьми: гетеры—гордость Аѳинянъ!
И я ищу такую.

Менандръ.

Я согласенъ.

Поищемъ вмѣстѣ.

Аристиппъ.

Нѣсколько именъ

Я зналъ. Гликерія, потомъ Вакхида,
Миррина, Телезилла—хоть куда!

Менандръ.

Свободны ли онѣ?

Аристиппъ.

Узнать легко!

Менандръ.

Но какъ?

Аристиппъ.

А вотъ сейчасъ ты убѣдишься... (поднимаетъ у стѣны два угля, одинъ даетъ Менандру).

Вотъ этими углями на стѣнѣ
Напишемъ имена избранницъ нашихъ.
Здѣсь пишутъ каждый день... Пиши, а позже
Зайдемъ сюда провѣрить вызовъ нашъ.
(Пишутъ на стѣнѣ).
Я выбралъ „Телезиллу". Ну, а ты?
Мое такъ имя поэтессы древней.

Менандръ.

„Миррина", поэтессъ я не терплю:
(Имена пишутъ въ строку слѣва направо, входитъ Сенократъ).

Явленіе 2.

Тѣ же и Сенократъ.

Сенократъ.

Ластенія—избранница моя!

Менандръ.

Какъ?
И ты здѣсь появился, Сенократъ.

Аристиппъ.

И ты, стыдливый юноша—философъ,
Ты—образецъ невинности! пришелъ?
Любви приносишь жертву?

Менандръ.

Онъ туда же.

Сенократъ.

Нѣтъ, не любви я жертву приношу,
А женщинѣ, тутъ разница большая.
Одной мы жизнь и сердце отдаемъ,—
Другой же дань каприза организма.
Любовь опасна ядомъ намъ смертельнымъ,
Попробуй броситься въ объятья къ ней—
Погибнешь. Женщина—напротивъ, вѣчно
Спасаетъ нашъ отъ увлеченья умъ.

Менандръ.

Безусый циникъ.

Аристиппъ (читая).

Кто-жъ она такая
„Ластенія" твоя?

Сенократъ.

Серьезный типъ
Гетеры Мантинеи, интересный,
Одѣта по мужски, угрюмый видъ.
На лекціяхъ почтеннаго Платона
Ее я видѣлъ.

Аристиппъ (шутя).

Значитъ предстоитъ
Взаимное цинизму обученье.

Менандръ.

Ученый споръ о дѣйствіи на умъ
И мысль любовнострастныхъ побужденій.

Аристиппъ.

Среди глубокихъ мыслей, вздоховъ... трудъ
Совмѣстный и дуэтъ любви и чувства.
Мнѣ нравится такое совпаденье.

(Вбѣгаетъ Эрастъ).

Явленіе 3.

Тѣ же и Эрастъ.

(Эрастъ пишетъ на стѣнѣ имя „Адіотея").

Эрастъ.

Скорѣй друзья, на лекцію идемъ! (уходитъ).

Аристиппъ (читая).

Онъ написалъ „Адіотея".

Сенократъ.

Тоже
Поклонница Платона.

Менандръ.

И она?
Ну, время—нечего сказать, къ Платону
Мыслителю сбѣгутся скоро всѣ
Гетеры слушать новыя идеи
И отобьютъ всѣ выгоды мужчинъ
У насъ, и всѣ удобства нашей жизни.

Явленіе 4.

Тѣ же и Гиперидъ съ рабомъ.

(Рабъ, подходя къ стѣнѣ и показывая на записи).

Вотъ, господинъ, гдѣ надо записать
Названье. Имя будетъ пятымъ.

Гиперидъ.

Ладно.
Такъ думаешь сюда она придетъ?

Рабъ.

Увѣренъ, господинъ.

Гиперидъ.

И такъ красива?

Рабъ.

Подобной красоты не видѣлъ міръ.
Надъ берегомъ обрывистымъ Илисса
Она стояла и смотрѣла вдаль,
Какъ грустная, безмолвная богиня.
Я пораженъ былъ красотой ея
И тотчасъ вспомнилъ про тебя. И только
Рѣшилъ пойти за ней, какъ вдругъ
Она взглянула на меня и знакомъ
Къ себѣ подозвала. Я подошелъ.
— „Скажи мнѣ,—говоритъ—ты знаешь вѣрно,
Кто самый щедрый и богатый здѣсь
Въ Аѳинахъ?“—„Господинъ мой!—я отвѣтилъ—
Ораторъ Гиперидъ!“—„Такъ познакомь насъ
Иль сдѣлай такъ, чтобъ онъ меня увидѣлъ.
Понятно, я привелъ ее сюда
И все ей объяснилъ. Сейчасъ ты можешь
Здѣсь увидать ее,—я позову,
Позволишь?

Гиперидъ.

Вотъ чудакъ! Иди скорѣе,
Веди ее сюда. Вернусь назадъ—
Желалъ бы здѣсь ее найти. Ступай же!

(Рабъ убѣгаетъ).

Болванъ! „Позволь позвать“, а самъ ни съ мѣста.

(Подходитъ къ стѣнѣ, поднимаетъ уголь и пишетъ имя „Фрина“ и съ поклономъ предъ записью уходитъ).

Явленіе 5.

Тѣ же, безъ Гиперида.

Менандръ.

И Гиперидъ кого-то вызываетъ.

Аристиппъ (подходя и читая).

Посмотримъ, что ораторъ начерталъ,
Прочтемъ сейчасъ... Онъ написалъ тутъ: „Фрина",
Какое это имя?

Менандръ (припоминая).

Фрина?.. Фрина!
Мнѣ это имя незнакомо... нѣтъ!
Не помню я такого.

(Сенократу).

Ты не знаешь?

Сенократъ.

По беотійски „блѣдное лицо"
— Такое слово значитъ.

Менандръ (съ презрительнымъ жестомъ).

Понимаю!
Такъ Беотійка!.. странно, что богачъ,
Ораторъ Гиперидъ и выбираетъ
Любовницу себѣ среди невѣждъ.
Вѣдь беотійцы—варвары.

Сенократъ (шутя).

Какъ знать!
Быть можетъ эта Фрина—воплощенье
Ума и красоты.

Аристиппъ.

Да! Да, ты правъ,
Вопросъ весь въ красотѣ. Уйдемъ, однако,
Дадимъ слетѣться нашимъ птичкамъ тутъ.

Сенократъ.

Да и Платонъ, должно быть, насъ заждался.

Менандръ.

Идемъ. Пока мы въ мудрость погрузимся,
Онѣ тутъ гимнъ любви намъ пропоютъ.

Сенократъ.

И обругаютъ кстати насъ, быть можетъ.
Всегда, хоть любятъ, все-таки ругаютъ.
(Всѣ уходятъ. Входятъ рабъ и Фрина, она одѣта скромно).

Явленіе 6.

Фрина и Рабъ.

Рабъ (указывая на ея имя на стѣнѣ).

Вотъ, имя здѣсь твое. Садись и жди.
(Уходитъ—Фрина садится).

Фрина (одна. Сильно взволнована).

И такъ въ Керамиконѣ Фрина... Боги!
Свершилось!.. Какъ возмущена душа (вскакиваетъ).
— Нѣтъ, не могу, не въ силахъ помириться
Съ такою жизнью... Убѣгу, (дѣлаетъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ и останавливается).
Куда?
Отъ роковой судьбы вѣдь мнѣ не скрыться,
Мою всю жизнь мнѣ точно предсказали.
И начинаетъ все сбываться вотъ
Мой первый шагъ свершился: я у дѣла!
Да будутъ же пророчества боговъ
Въ грядущемъ мнѣ звѣздою путеводной:
Я вамъ послушной буду до конца.
Въ Аѳинахъ я. О, Ѳивы! О, руины
Святыя, городъ мой родной, надѣйся!
Твой стонъ меня терзаетъ... По ночамъ
Мнѣ чудится твой вопль и слышу я
Ужасный крикъ растерзанныхъ родныхъ
И близкихъ мнѣ людей. О, Ѳивы, Ѳивы!
Мой городъ дорогой, тебя-ль забыть?
Всю жизнь я посвящу и честь и славу,
И молодость все въ жертву принесу,
Продамъ за золото, чтобъ вновь воздвигнуть
Тебя, погибшій городъ мой родной!
О, Ѳивы! въ дѣтствѣ отдаленномъ
Мнѣ помнится кровавый, страшный день.
Въ сраженьи съ Македонскимъ ты, огнемъ
Объятый, погибалъ... Бойцы всѣ пали...

Въ безумномъ страхѣ женщины и дѣти
Спасались бѣгствомъ въ поле... нѣтъ спасенья!
По трупамъ мчатся колесницы, бьютъ
И топчутъ бѣшенымъ конемъ отставшихъ
И губитъ варваръ безъ разбора всѣхъ:
Ни раненымъ, живымъ, ни мертвымъ нѣтъ
Пощады. Рушатся дома... А пламя
Ровняетъ все съ землей... Погибло все!
Ужасная картина разрушенья
Сейчасъ воскресла живо предо мной...
О, Өивы, Өивы!.. Здѣсь мой жребій брошенъ
Закуйся грудь моя въ холодный ледъ
И защити меня отъ увлеченья.
Сама себѣ я больше не служу.
Воспрянь мой умъ и научи искусству
Любви и чарамъ обольщенья въ ней.
Зажгитесь вы, мои глаза огнями
И страстью, пожирающей сердца,
Мутящей умъ отъ чада наслажденья,
Вы покорите все къ моимъ ногамъ,
Что чувствовать любовь и страсть способно.
О, вы души моей и воля и законъ
И силы сердца моего, создайте
Побѣду мнѣ для Өивъ моихъ родныхъ.
Аөины городъ славы и богатства!
Безумному успѣху красоты
Алтарь для жертвъ моихъ я здѣсь воздвигну.
Имѣла Греція Гомера—я
Ей Фрину дамъ. Ему вѣнокъ поэта—
Мнѣ поясъ Афродиты будетъ данъ...
И такъ, впередъ. (подходитъ къ надписямъ).
Вотъ первая ступень
Во храмъ мой новый—здѣсь бросаю жребій—
Вступаю.....
(Садится, опирается локтями на колѣна и руками закрываетъ глаза).

Явленіе 7.

Вакхида, Телезилла, Миррина и Фрина (одѣты элегантно, но безъ золотыхъ украшеній). Каждая изъ нихъ имѣетъ во рту миртовую вѣтку, кромѣ Фрины: быстро подбѣгаютъ къ надписямъ, не замѣчая Фрины.

Телезилла (указывая пальцемъ).

Имя здѣсь мое.—Была
Увѣрена я въ томъ.

Миррина.

Мое тутъ также.
Я счастлива. Ты не записана
Вакхида.

Телезилла.

Надъ моею спальней утромъ
Сегодня пѣла ласточка.

Миррина.

Тебѣ
Везетъ: хорошій признакъ птички пѣнье.
А я сгребала золото во снѣ.
На утро вышла съ горбуномъ столкнулась;
Несчастный въ грязь упалъ. Всѣ говорятъ:
Горбунъ приноситъ счастье—я не вѣрю.

Телезилла.

А я послѣдній золотой вчера
Истратила—взяла себѣ на счастье
Волшебныхъ косточекъ, а то долги
Меня заѣли. Новый мой любовникъ
Положимъ ихъ заплатитъ.

Миррина.

Ты заставь.
Ихъ надо выбирать съ умомъ, богатыхъ.
Я требую, чтобъ лошадей имѣлъ
И колесницу мой поклонникъ.

Вакхида.

Деньги,
Жену ты въ счетъ не ставишь?

Миррина.

Деньги я
Беру безъ счета, а жена для дома,
Такъ что намъ до нея касаться—пусть
Ведетъ свое хозяйство въ Гинекеѣ.

Телезилла.

Конечно такъ, жена тутъ не причемъ.
Жена вѣдь проза жизни, мы—веселье,

Поэзія. Обязанность жены—
Дѣтей рожать, смотрѣть за всѣмъ хозяйствомъ;
Мужья же созданы для насъ.

Миррина.

Люблю
Съ тобою говорить. Вѣдь это умный
И жизненный законъ, и кто создалъ
Его, былъ истинный философъ въ жизни.

Телезилла.

Да всѣ философы имѣли женъ! (къ Вакхидѣ).
Тебя забыли, милая Вакхида?

Вакхида.

Ну, что жъ, по крайней мѣрѣ, отдохну!

Миррина (замѣтивъ Фрину).

Смотрите, это кто? Каріатида?

Телезилла (подходя).

Видъ мертвой у нея... Жива-ль она?

Миррина.

На мумію изъ древняго Египта!
Она похожа. (Фрина поднимаетъ голову).

Вакхида (въ восхищеньѣ).

А! Вотъ красота!
Какая прелесть! Вотъ лицо! Откуда,
Дитя мое, явилась ты? Глаза
Твои несмѣтныя сберутъ богатства.

Телезилла.

Молчитъ, не понимаетъ...

Миррина.

Иностранка?

Телезилла.

Да, въ Греціи не встрѣтишь ты такой
Суровый видъ.

Фрина.

Ты грубіянка!

Телезилла.

Это
Ты мнѣ?

Фрина.

Тебѣ.

Телезилла (съ угрозой въ голосѣ).

Я въ Спартѣ родилась
И силою прославилась на играхъ.
Запомни это!

Фрина.

Ну, за то умомъ
Тебя обидѣла природа, сердцемъ!

Телезилла.

Ага! ты выдала себя, - она
Навѣрно беотійка. Звукъ гортанный
Въ ея рѣчахъ.

Фрина.

Да, беотійка я.
И тѣмъ горжусь. Изъ Беотіи Пиндаръ,
Коринна и Орфей. И тамъ растетъ
Святая роща музъ... Глупа ты, вижу!
Иди, учись сперва, чтобъ знать надъ чѣмъ
Смѣешься.

Вакхида (Телезиллѣ).

Что влетѣло? (Фринѣ).

Всей душой
Завидую тебѣ: ты избрана
Богами въ поклоненье красотѣ.

Фрина.

Какъ ты добра ко мнѣ. Скажи мнѣ имя
Свое.

Вакхида.

Вакхида.

Фрина.

Запишу въ душѣ
Его и въ сердцѣ.

Миррина. (насмѣшливо).

Вотъ такъ милосты!

Телезилла.

Тише!
Кто знаетъ, можетъ быть сама Киприда
Предъ нами въ одѣяніи людскомъ.

Миррина.

Такъ кланяйся скорѣй богинѣ...

Телезилла (смѣясь).

„Фрина".

Ты—Фрина?

Миррина.

Вотъ такъ имя!

Телезилла (пренебрежительно).

А зачѣмъ

Пришла-то ты сюда, въ Керамиконъ?

Фрина.

Затѣмъ же, что и вы.

Телезилла.

Вотъ какъ! Ты хочешь—

Любовниковъ отбить у насъ?

Фрина.

Негодны

Твои поклонники для Фрины, нѣтъ,
Хотя и служимъ Афродитѣ равно,
Но знай, что только золото блеститъ
Безъ порчи всюду вѣчно, а желѣзо
Вѣдь разъѣдаетъ ржавчина легко.

Вакхида (про себя).

Однако, язычекъ у ней презлой!

Телезилла.

А гдѣ же у тебя зеленый миртъ,
Почетный знакъ гетеры?

Фрина.

Мирта нѣтъ.

Вакхида (подавая ей свою вѣтку).

Вотъ

Тебѣ хоть мой въ знакъ дружбы отъ меня.

Фрина.

Отъ сердца я благодарю за дружбу.
Ты будешь мнѣ подругой навсегда! (ко всѣмъ).
Покончимте мы ссору,—сядемъ...

Телезилла.

Рядомъ

Съ тобою? никогда...

Миррина.

И я съ тобой
Не сяду въ рядъ и предпочту оставить
Твоимъ побѣдамъ поле... Я уйду.

Телезилла.

Теперь ты можешь здѣсь одна сбирать
Все золото.

Вакхида (Фринѣ).

Я отъ души желаю
Тебѣ, моя подруга, счастья. Спи
Спокойно.

Телезилла (проходя и толкая Фрину).

Спи, но не забудь, что счастье
Тебѣ сулитъ судьба: ты на стѣнѣ
Записана послѣднею—и будешь
Послѣдней изъ гетеръ Аѳинъ! (уходитъ).

Фрина (вскакивая).

Ты лжешь.

Я буду первой! (быстро схвативъ камень, стираетъ на стѣнѣ свое имя и другое и пишетъ себя на первомъ мѣстѣ, гдѣ и садится. Входитъ Гиперидъ).

Явленіе 8.

Фрина и Гиперидъ.

Гиперидъ.

Кто смѣлъ коснуться
Стереть мою здѣсь запись?

Фрина (поднимается и подходитъ къ нему съ гордостью).

Я.

Гиперидъ (пораженный ея красотою).

Ты?

Фрина (величественно, спокойно).

Я!

(Пауза.--Нѣмая картина).

Гиперидъ (тихо).

О, кто же ты, подобіе богини?

Фрина (указывая на свое имя на стѣнѣ).

Смотри!

Гиперидъ.

Ты—Фрина? Дивной красоты
Такой не видѣла земля. Ты—нимфа,
Слетѣвшая съ высотъ Олимпа къ намъ.

Фрина.

Тебя зовутъ ораторъ Гиперидъ?

Гиперидъ.

Да.

Фрина.

Дай руку мнѣ... (Гиперидъ протягиваетъ руку, но Фрина жестомъ отклоняетъ ее).
Не надо, не пожму
Руки тому, кто оскорбляетъ.

Гиперидъ.

Чѣмъ же?

Фрина.

Какъ смѣлъ послѣднимъ написать въ концѣ
Ты имя Фрины. Сколько оскорбленій
Изъ-за того я здѣсь перенесла
Сейчасъ! Нѣтъ, кто меня не уважаетъ,
Тотъ не достоинъ быть моимъ. Иди!
Ищи другихъ. Я остаюсь на мѣстѣ.

Гиперидъ.

Прости меня. О, если-бъ зналъ, кого
Здѣсь встрѣчу я въ твоемъ лицѣ! О, боги!
Да я поставилъ бы тебѣ сидѣнье
Изъ золота въ священномъ нашемъ храмѣ
И рядомъ съ Афродитой!

Фрина (задумчиво).

Да?.. Ужель.
Ты думаешь я на слово повѣрю?

Гиперидъ (гордо).

Безспорно ты по красотѣ своей
Великолѣпна и горда по праву:
Не знаю равной я тебѣ. Но знай!
Что не со мной такую рѣчь вести.
Я самъ великолѣпенъ, гордъ и знатенъ.

Фрина.

Оставь меня!

Гиперидъ.

Я ухожу. Никто
Изъ смертныхъ не заставитъ Гиперида
Унизиться до словъ мольбы. Прощай! (хочетъ уйти, Фрина останавливаетъ его жестомъ).

Фрина.

Ты въ этомъ гордомъ гнѣвѣ такъ божественъ,
Что я мирюсь съ тобою—вотъ рука
Моя. Всю Грецію мы въ удивленье
Союзомъ нашимъ приведемъ.

Гиперидъ (взявъ ее за руку).

Идемъ!

Фрина.

Отсюда Фрина не уйдетъ вдвоемъ
Рабыней плѣнной, купленной на рынкѣ...
Въ Аѳинахъ встрѣтимся съ тобой. Иди!

Гиперидъ.

Такъ до свиданья! (уходитъ).

Фрина (одна).

Да! Красивъ и гордъ. Вотъ
Моя побѣда!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Прошло 10 лѣтъ.

Домъ Фрины. Въ глубинѣ сцены входъ: въ серединѣ двѣ боковыхъ двери. Терраса на море. На первомъ планѣ:—направо столикъ, возлѣ него сидѣнье, налѣво кровать.

Явленіе I.

Пракситель и Вакхида.

Пракситель (входя).

Вернулась Фрина?

Вакхида.

Нѣтъ еще.

Пракситель.

Она

Спокойнѣе сегодня?

Вакхида (грустно).

Нѣтъ, все тоже.

Ее какая то волнуетъ мысль,
Тревога тайная... Она страдаетъ.
Вчера въ безсонницѣ прошла вся ночь.
Сперва стояла молча на террасѣ,
Смотрѣла на вечернюю звѣзду
Въ созвѣздіи Пирея, Афродиту,
Потомъ я слышала ея слова:
„Молю тебя, святая Афродита,
„Приди на помощь мнѣ, спаси меня
„Спаси, о цѣломудрая Паллада"...
А что потомъ то сталось съ ней—бѣда!
Она ломала руки, такъ кричала
И плакала, металась въ тишинѣ
Ночной... И столько слышалось досады
На прошлое за что-то, злобы...

Пракситель (задумчиво).

Да?

Замѣтила ты вѣрно, есть въ ней что-то,
Къ чему она стремится всей душой,
Но не желаетъ высказать. Досадно!
Она мнѣ дорога. Я такъ люблю,
Что отдалъ бы въ уплату за улыбку,
Ея улыбку, понимаешь, все
Свое богатство!

Вакхида.

Фрина такъ богата,

Что удивить подаркомъ ты своимъ
Ее не можешь. Цѣль у ней другая.

Пракситель.

Тебѣ она извѣстна?

Вакхида.

Нѣтъ. Спросить

Выпытывать я не хочу, она же,
Какъ видно, не желаетъ разсказать.

Пракситель.

Загадка для меня твоя подруга.
Куда она уходитъ каждый день?

Вакхида.

Какъ жрица Афродиты и Паллады
Во храмъ она уходитъ на зарѣ,
Слѣдить за жертвой тамъ и ѳиміамомъ.

Пракситель.

Ты думаешь, что тамъ она сейчасъ?

Вакхида.

Навѣрно тамъ. Она ушла сегодня
При первыхъ утреннихъ лучахъ зари,
Была одѣта жрицею Паллады.

Пракситель.

Хотѣлъ бы мнѣніе твое я знать,
Вакхида: есть ли для меня у Фрины
Хоть капля чувства, не скажу, любви,
Объ этомъ что и говорить, ты видишь
Сама, насколько велика ея
Привязанность ко мнѣ,—а чувство страсти?

Вакхида.

Да какъ тебѣ сказать? Ты самъ назвалъ
Ее загадкой. Фрина—сфинксъ, какъ видишь,
И мнѣ сдается, что въ ея душѣ
Средь множества любовниковъ,—ихъ было
Ты знаешь самъ, не мало, ни одинъ
Не сохранилъ о ней воспоминанья,
Она не любитъ никого.

Пракситель.

Ну, нѣтъ!
Я знаю одного: онъ первый былъ
У ней, его она такъ не забыла.

Вакхида.

А! Гиперидъ! Вотъ вспомнилъ ты кого.
Ужъ десять лѣтъ, какъ порвано межъ ними
Все! ревность говоритъ въ тебѣ, одна
Фантазія.

Пракситель.

Я Фрину обожаю.

Она мнѣ вдохновляетъ всѣ мои
Творенья.

Вакхида.

Такъ люби ее спокойно,
Свою натурщицу, не мучь себя...

(входитъ Фрина).

Она!

Явленіе 2.

Тѣ же и Фрина.

(Фрина входитъ усталая, угрюмая; у нея измученный видъ; одѣта Палладой:—блестящій серебряный шлемъ, латы, щитъ и копье. Красная мантія, обшитая золотой каймой. Бѣлая туника. Ноги обуты въ сандаліи съ золотыми пряжками. Въ правой рукѣ горящая головня).

Фрина (подавая головню).

Вакхида, потуши водою
Священный этотъ алтаря огонь,
Потомъ омой ты этой же водою
Порогъ и первую въ мой домъ ступень.
Хочу, чтобъ боги были благосклонны
Ко мнѣ.

Вакхида.

Бѣгу исполнить твой приказъ,

(уходитъ).

(Фрина отдаетъ Пракситепю копье и щитъ и садится у стола).

Пракситель (нѣжно).

О, Фрина!

Фрина.

Какъ тяжелъ мнѣ этотъ шлемъ мой!

(Снимаетъ шлемъ и ставитъ на столъ).

Я такъ устала... Голова горитъ.
Ты помоги мнѣ распустить... вотъ этотъ
Ремень... Сдавили латы эти грудь...

(Пракситель помогаетъ ей снять латы).

Ну вотъ теперь могу вздохнуть свободно...

Пракситель.

Что-жъ такъ.... не дашь ты мнѣ руки?

Фрина (протягивая ему равнодушно руку).

Ты ждалъ
Меня?

Пракситель.

Я тутъ давно ужъ поджидаю.
Ты въ Пареенонѣ время провела?

Фрина.

Да.

Пракситель.

Жертву приносила?

Фрина.

Приносила.

Пракситель.

Ты за кого же это?

Фрина.

За себя.

Пракситель.

И что же, жертва принята богами?

Фрина (грустно).

Нѣтъ, пламя разостлалось по землѣ.
И подъ ножемъ жреца ревѣлъ зловѣще
Ягненокъ мой..., Вѣдь плохо для меня?

Пракситель.

Обманчивы бываютъ заключенья
И знаменья такія часто врутъ.

Фрина.

За то намъ сердце вѣрно предвѣщаетъ.

Пракситель.

А что твое пророчитъ сердце намъ?

Фрина.

Недоброе, щемитъ, болитъ и ноетъ.

Пракситель.

Ужель не вѣришь ты въ мою любовь?

Фрина.

Вѣдь я твоя—чего же больше хочешь?

Пракситель.

Ну, этого мнѣ мало:—сердце мнѣ

Отдай, что бьется, чувствуетъ, счастливитъ
Подъ этимъ чуднымъ тѣломъ у тебя.

Фрина.

Нѣтъ сердца у меня.

Пракситель.

Мое несчастье! (садится на кровать).

Фрина (садясь рядомъ съ нимъ).

Дитя!

Пракситель.

Я такъ безумствую, люблю
Тебя, что если бы я могъ, умчалъ бы
На крыльяхъ молніи тебя въ ту даль
Небесъ, гдѣ были-бъ мы одни съ тобою.

Фрина (улыбаясь).

А свой рѣзецъ бы захватилъ съ собою?
Я вспомнила сейчасъ твое созданье
И славы лучъ — Эрота: — Для себя,
Ты помнишь, я взяла его обманомъ.
То было на зарѣ твоей любви.
— „Пракситель"! я сказала: „подари
Мнѣ статую!" — „Бери изъ всѣхъ любую!...."
Отвѣтилъ ты тогда. — „Какую жъ взять?"
Подумала, а взять то мнѣ хотѣлось.
— „Такъ дай изъ лучшихъ лучшую ты мнѣ!"
А ты смолчалъ, скупецъ, въ то время, помнишь?
Прошло затѣмъ, забыла, сколько дней....
Но было утро. Ты держалъ въ объятьяхъ,
Кого — не помню: кажется меня....
Какъ вдругъ вбѣгаетъ рабъ и крикомъ страшнымъ
Онъ испугалъ тебя: — „Иди! Пожаръ!
Горитъ твой домъ!" Какъ леопардъ голодный
Вскочилъ и закричалъ ты вслѣдъ ему:
— „Пусть все сгоритъ, спаси лишь мнѣ Эрота!"
Расхохоталась я тогда. Смѣшно
Самой, но радостно забилось сердце.
— „Пожара нѣтъ", сказала я тебѣ, —
Хотѣлось только мнѣ узнать навѣрно,
Что цѣнишь ты дороже для себя
Изъ всѣхъ твоихъ созданій геніальныхъ.
И такъ Эрота я взяла!

Пракситель.

Скажи

Мнѣ, гдѣ онъ у тебя?

Фрина.

Я отослала

Его на родину свою.

Пракситель (въ отчаяніи)

Такъ вотъ

Мнѣ приговоръ! Тебѣ мое созданье,
Мой геній въ немъ ничто! и заняла
Тебя одна лишь хитрость, да задача
Добыть его... Тебя я разгадалъ
Съ твоею тайной:—ты меня не любишь!

Фрина.

О, какъ отъ тайны ты моей далекъ!

Пракситель.

Но ты должна открыть мнѣ эту тайну!

Фрина

Ты требуешь — узнай! Пора сказать.
Какъ море поглощаетъ наши рѣки,
Такъ замыселъ одинъ наполнилъ умъ
И охватилъ мои порывы сердца,
Всю силу воли, мысли — всю меня.
Для этой цѣли я живу, страдаю.
И если въ томъ поможетъ мнѣ судьба,
Прославлюсь я и стану знаменитой
И Греція гордиться будетъ мной,
Завидовать мнѣ станутъ въ цѣломъ мірѣ.

Пракситель.

Какой огонь блеститъ въ твоихъ глазахъ!
Я слушаю тебя, дрожа въ восторгѣ.
Какое вдохновенье у тебя!

Фрина.

Скажи мнѣ, кто разрушилъ городъ Ѳивы,
Кто сжегъ его и стеръ съ лица земли
И кто съ тріумфомъ проѣзжалъ по трупамъ,
По улицамъ и площадямъ въ крови
Со смѣхомъ торжества въ чаду побѣды,

Кто перебилъ въ немъ женщинъ и дѣтей?....
Что скажешь ты про этотъ подвигъ славный?

Пракситель

Не подвигъ это, а позоръ! его
Считаю я пустымъ, жестокимъ, глупымъ!

Фрина.

Все это сдѣлалъ Македонскій.

Пракситель.

Онъ.

Фрина.

А міръ назвалъ его героемъ, богомъ,
Ему воздвигли статуи и храмъ
За то, что этотъ извергъ тронъ свой создалъ
На трупахъ, на несчастіи чужомъ,
Среди руинъ и городовъ погибшихъ.
За это міръ въ безуміи своемъ
Простерся ницъ предъ нимъ, поднесъ короны.
О, боги! гордый варваръ Ѳивы стеръ
Съ земли: я снова ихъ хочу воздвигнуть.
Кто болѣе изъ насъ великъ, пусть міръ
Рѣшитъ.....

Пракситель (восхищенный)

О, Фрина!

Фрина (съ энтузіазмомъ)

Вотъ мечта всей жизни
И цѣль моя и тайна: знай теперь,
Для ней все въ жертву принесла: — и счастье,
И родину и даже честь свою
Дѣвичью!.... Да!.... Такъ ты пойми, Пракситель,
Что въ этомъ бѣдномъ сердцѣ у меня!

Пракситель.

Да кто-жъ вселилъ твой замыселъ святой
Въ тебя?

Фрина.

Живая память, ужасъ крови
И долгъ предъ родиной моей.

Пракситель.

Великъ
Твой замыселъ и славенъ. Преклоняюсь!

Какой же благодарностью воздать,
Почтить тебя за подвигъ благородный!

Фрина.

Одной лишь надписью.

Пракситель.

Во храмѣ?

Фрина.

Нѣтъ!
Надъ новыми воротами, при входѣ,
Рукой Праксителя, у Ѳивъ моихъ,
Должны мнѣ посвятить такую надпись:
„Разрушилъ Александръ —
Воздвигнутъ волей Фрины!" (входитъ рабъ).

Явленіе 3.

Тѣ же и рабъ.

Рабъ.

Архонтъ пожаловалъ, войти желаетъ!

Пракситель.

Ему что надо отъ тебя!

Фрина.

Въ Совѣтъ
Аѳинскій поступило предложенье
Мое отстроить Ѳивы, а народъ
Изъ Ѳивъ о томъ же проситъ, умоляетъ.
Я думаю, Архонтъ пришелъ ко мнѣ
Не даромъ:—обсудить со мной, быть можетъ
Желаетъ что нибудь.

Пракситель.

Тебѣ знакомъ
Архонтъ?

Фрина.

Я въ первый разъ его увижу.

Пракситель.

Уменъ, но гадокъ сердцемъ и лицомъ.
Изъ всѣхъ боговъ Киприду чтитъ и Вакха.
Будь осторожна съ нимъ. (Уходитъ).

Фрина (сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ и впередъ, въ раздумьи).

Ну!.... пусть войдетъ
Архонтъ ко мнѣ.

Явленіе 4.

Евѳія и Фрина.

Евѳія.

Хариты пусть осыпятъ
Тебя дарами счастья на землѣ.

Фрина.

Садись Архонтъ.

Евѳія.

Привѣтомъ ты довольна?

Фрина.

Чего желаешь отъ меня!

Евѳія.

Скажу!
Молву народную хотѣлъ провѣрить,
Желалъ тебя я видѣть...

Фрина.

А затѣмъ?

Евѳія (съ легкой ироніей).

И похвалить...

Фрина.

За что?

Евѳія.

Вѣдь ты съумѣла
Всѣмъ намъ въ Аѳинахъ головы вскружить.
Ты славу отняла у всѣхъ и лавры.
Забытъ поэтъ, и воинъ, и герой...
И только ты одна въ почетѣ, въ славѣ...

Фрина.

Твои слова и слушать я боюсь,
Не только вѣрить имъ.

Евѳія.

Я лгать не стану:
Сейчасъ всѣ заняты у насъ тобой.

Фрина.

Съ чего бы... вѣдь въ Аѳинахъ я не новость.

Евѳія.

Да!.. ты не новость... это такъ!.. но ты
Прославилась теперь другой молвою:
Намѣрена ты городъ воскресить?..

Фрина.

Ты, кажется, смѣешься надо мной
И думаешь, что это только бредъ
Больной фантазіи моей? не такъ-ли?

Евѳія.

Воздвигнуть стѣны, храмы и дома
Легко—вопросъ тутъ, видишь, только въ деньгахъ.
Но надо разрѣшенье получить...

Фрина.

Указъ Совѣта?

Евѳія (многозначительно).

Да... и вотъ сегодня
Ареопагъ сберется обсудить...

Фрина.

Сегодня?

Евѳія.

Да... и будетъ предложеніе
Твое сегодня рѣшено... принять
— Иль отказать!

Фрина.

Скажи, а что же можетъ
Въ такомъ великомъ дѣлѣ помѣшать?

Евѳія.

Что?... Мнѣнье разное умовъ въ Совѣтѣ!

Фрина.

Могу я знать твое.

Евѳія (льстиво).

Не потаюсь.

Скажу тебѣ его я откровенно:
Колеблюсь я, чью сторону принять,
И къ чьей склониться мысли, я не знаю
Хожу пока во тьмѣ и жду луча,
Вотъ освѣтитъ и мнѣ внушитъ рѣшенье...

Фрина.

А я такъ жду отъ мудрости твоей
Луча... Вѣдь памятникъ себѣ заслужишь!
Его тебѣ поставимъ—помоги!

Евѳія (съ усмѣшкой).

Гм... Ту ли мнѣ награду обѣщаешь,
Которой я добиться бы хотѣлъ?

Фрина.

Не знаю я твоихъ, Архонтъ, желаній,
Но думаю, что памятникъ имѣть
Себѣ за подвигъ благородный въ жизни
Равняется безсмертію боговъ!
Жить вѣчно въ сердцѣ, въ памяти народа,
Забвенья избѣжать, восторгъ толпы
И за могилой сохранить навѣки
Не значитъ развѣ культъ себѣ создать?
Ужель не льститъ такая перспектива?

Евѳія (зло смѣется).

Гм... Да!.. Я согласился бы съ тобой
Вполнѣ въ такомъ расчетѣ на безсмертье,
Но можемъ ли навѣрное сказать,
Что будемъ чувствовать мы послѣ смерти
И смаковать такой восторгъ толпы?
Оттуда вѣдь никто не приходилъ!
Сократъ умершій, право меньше стоитъ
Сандаліи простого пастуха.

Фрина.

Архонтъ! ты циникъ.

Евѳія.

Да, я поклоняюсь
Ученью Діогена.

Фрина.

Не люблю
Его я отрицаній и цинизма.
Ему послѣдовать — съума сойдешь...
И жизнь противна станетъ...

Евѳія.

Ты напрасно
Его ученье осуждаешь — въ немъ

Великій смыслъ, практическій, житейскій,
Онъ отрицаетъ непріятный трудъ,
Но наслажденье въ жизни допускаетъ.
Онъ ищетъ человѣка съ фонаремъ...

Фрина (перебивая).

А ты?

Евѳія (сладострастно).

Я женщину ищу.

Фрина.

Задача
Легка: — ихъ очень много..

Евѳія (обидчиво).

Но не всѣ
Достойны Евѳіи, вѣдь я разборчивъ!

Фрина (смѣясь).

Еще бы, при значеніи твоемъ
Ты вправѣ быть разборчивымъ, капризнымъ.

Евѳія (взявъ Фрину за руку).

Желаешь этой женщиной мнѣ быть?

Фрина.

Увы! Пресыщена любовью Фрина!
Ты опоздалъ...

Евѳія (горячо).

Я дамъ тебѣ за то,
Чего ты не имѣла въ жизни—славу,
Почетъ и все, что хочешь, за твою
Любовь?

Фрина.

Сперва мнѣ принеси рѣшенье,
Указъ Совѣта...

Евѳія.

А потомъ?

Фрина. (уклончиво).

Потомъ
Я буду благодарной!

Евѳія (смотритъ на нее откинувшись).

Гм... Туманны
Слова твои... А я люблю въ дѣлахъ
Увѣренность и ясность... Ну, такъ какже?..
Не довѣряешь мнѣ?

„**Фрина**“ съ картины Семирадскаго.

Фрина.

Довѣрься ты.

Евѳія.

Ты женщина и хитрая... опасно!

Фрина.

И знаю цѣну хорошо, добавь,
— Аѳинскихъ льстивыхъ обѣщаній!

Евѳія (вставъ, презрительно).

Также
И золоту въ карманахъ Аѳинянъ.

Фрина.

Копить его себѣ я не сбиралась:
Въ уплату все за Ѳивы я отдамъ.

Евѳія.

Которыхъ нѣтъ пока и врядъ ли будутъ!

Фрина. (вспыхнувъ).

Безчестная угроза!—Если такъ,
Не сынъ ты Греціи, ты больше варваръ,
Чѣмъ тотъ, кто ихъ разрушилъ! Ты не грекъ,
Когда посмѣешь помѣшать воздвигнуть
Вторыя Ѳивы.

Евѳія (надменно).

Не тебѣ учить
Меня, что долженъ дѣлать я... Гетера!

Фрина (съ одушевленьемъ).

Гетера... Вотъ названье—чудный звукъ,
Въ которомъ все слилось въ одну идею:—
И обаянье красоты, и страсть,
И чувство нѣги, наслажденья жизнью
И прелесть человѣческой весны,
Когда присутствуютъ въ насъ сами Боги.
Спасенье въ насъ отъ скуки и заботъ
И вдохновеніе творца въ искусствѣ!
Не стало бы безсмертнымъ безъ гетеръ
Созданье Фидія въ Аѳинскомъ храмѣ!
Прощай, Архонтъ. Ты можешь вонъ идти!

Евѳія.

Ну, сильно ты раскаешься, попомни!

(уходитъ).

Фрина.

Вотъ врагъ, всю жизнь который не проститъ,
Но не одинъ же онъ въ Ареопагѣ.

(Слышны голоса приближающихся гетеръ).

Я слышу голоса моихъ подругъ.

(Идетъ на встрѣчу).

Явленіе 5.

Фрина и Телезилла, Миррина и Вакхида.

(Входятъ весело и окружаютъ Фрину).

Телезилла.

Честь Фринѣ!

Миррина.

Слава щедрости твоей!

Вакхида.

О, милая подруга, мы приносимъ
Пріятное извѣстіе тебѣ.

Фрина.

Ахъ, если бъ это было правдой!

Телезилла (слышенъ отдаленный гулъ голосовъ).

Слушай!

Восторженно привѣтствуетъ тебя
Народъ Аѳинскій. Крики — Слава Фринѣ!

Миррина.

Божественной зовутъ, хочу обнять
Тебя! (обнимаетъ).

Фрина.

Вотъ счастье! значитъ предложенье
Мое извѣстно всѣмъ?

Телезилла.

Конечно, всѣмъ, (гулъ голосовъ громче).

Ты слышишь ли, кричатъ-то что,—вѣдь славу!

Фрина.

О, слышу, слышу, милыя!....

Миррина (восторженно).

Врагомъ

Была—теперь тебѣ я поклоняюсь!

Телезилла.

Изъ за тебя сегодня праздникъ намъ —
Вѣдь въ имени твоемъ гетеръ побѣда!

Миррина.

Ты увѣнчала знамя всѣхъ гетеръ!

Телезилла.

Отъ зависти вѣдь лопнутъ Аѳинянки!

Миррина.

А ихъ мужья удвоить намъ должны
Теперь подарки.

Телезилла.

Это непремѣнно!

Миррина.

И отмѣнить должны для насъ законъ —
Зачѣмъ носить во рту намъ вѣтку мирта?

Телезилла.

Да это что! Всѣмъ поясъ золотой
Носить должны намъ разрѣшить!

Миррина.

Проклятый
Миртъ! (бросаетъ свою вѣтку)
Вонъ его!

Фрина (задумчиво).

Еще что скажетъ намъ
Ареопагъ!

Вакхида.

Предъ волею народа
Онъ преклониться долженъ... Слышишь шумъ? (Сильный шумъ. Слышны голоса: „да здравствуетъ Фрина").

Фрина (въ экстазѣ).

О, боги! Вотъ восторгъ! (Голоса: „да здравствуетъ Царица Ѳивъ").

Миррина (Фринѣ).

Зовутъ Царицей!
Ты слышишь до чего дошелъ восторгъ
Народа? А? Начнется царство наше
Теперь! царицами мы будемъ всѣ! (Бросается на террасу и кричитъ):
„Благодаримъ! Благодаримъ!"

Явленіе 6.

Тѣ-же и Аристиппъ, Менандръ съ лавровымъ вѣнкомъ; позже Гиперидъ.

Аристиппъ (Фринѣ).

Привѣтъ тебѣ отъ имени Платона,
Великаго мыслителя! Тебя
Признать рѣшили мы безсмертной, Фрина!

Миррина.

Безсмертной — мало! Вы должны назвать
Ее богиней!

Менандръ.

Лавры эти, Фрина
Присуждены тебѣ всей школой! (возлагаетъ на ея голову вѣнокъ).

Фрина.

Ахъ!
Отъ радости, отъ счастья я умру,
Друзья!

Аристиппъ.

Твоя побѣда неизбѣжна.

Фрина (нетерпѣливо, но радостно).

Почемъ ты знаешь?

Аристиппъ.

Такъ сказали намъ.
Сейчасъ мы знатныхъ гражданъ повстрѣчали: —
Всѣ за тебя стоятъ и мысль твою.
Вѣдь Ѳивы колыбель Эпаминонда,
А имъ гордится каждый!

Миррина.

Это такъ
Пріятно сердцу—надо намъ предъ Вакхомъ
Хвалу воздать и Фринѣ и богамъ!
Вина намъ чашу, милая подруга!

Телезилла.

Вина, вина за добрыхъ къ намъ боговъ!

Миррина.

За всѣхъ и за противныхъ намъ мы выпьемъ!

Фрина.

Распорядись, Вакхида! Все за насъ!

Менандръ.

Да славится и Вакхъ весельемъ Фрины!

Всѣ.

За все и всѣхъ и весь Олимпъ! Идемъ!

Вакхида.

Идемте всѣ въ Триклиній....

Всѣ.

Слава Фринѣ.

(Юноши берутъ за руки Миррину и Телезиллу и уходятъ за Вакхидой; Фрина идетъ послѣдней и вдругъ останавливается съ легкимъ вскрикомъ, увидя входящаго Гиперида).

Явленіе 7.

Фрина и Гиперидъ.

Фрина.

А!.. ты?.. пришелъ ко мнѣ?. ты? Гиперидъ!

Гиперидъ.

Да, я... пришелъ тебя я образумить...

Фрина.

Ты бредишь?

Гиперидъ.

Я?.. Безумная!.. Спасти
Тебя хочу... Ты что себѣ одѣла?

Фрина.

Вѣнокъ... (Гиперидъ срываетъ и бросаетъ его).
Что дѣлаешь?

Гиперидъ.

Позоръ съ тебя
Срываю... на огонь глупцомъ зажженный
Летишь, какъ бабочка во тьмѣ ночной...
Мнѣ жаль тебя: — погибнешь въ немъ, слѣпая!

Фрина (растерянно).

Ну, вотъ, я такъ и знала!.. Вотъ бѣда
Еще!.. не даромъ сердце испугалось...

О, боги!.. Радость мнѣ ты отравилъ
Сейчасъ... За что? Зачѣмъ ты зло пророчишь?
Накликать хочешь на меня несчастье?
Всегда мечты мои ты разбивалъ...
Не другъ ты мнѣ, ты злой мой геній въ жизни.

Гиперидъ.

Эхъ Фрина! Злымъ меня ты назвала,
А этотъ злой, несчастный человѣкъ
Счастливымъ въ жизни былъ, пока не встрѣтилъ
Тебя... Околдовала ты меня!
Тебѣ я отдалъ все и жизнь и состоянье...
И званіе свое желалъ я дать,—
Ввести тебя въ семейство Гиперидовъ;
Но это ты отвергла, раззоривъ
Меня въ конецъ, надъ сердцемъ надругавшись,
И бросилась въ объятія другихъ.
Кому же, какъ не мнѣ, пылать бы местью,
И встрѣчу нашу проклинать?.. А я не мщу,
И злобы ни малѣйшей не питаю...

Фрина.

Но отвращенье чувствуешь ко мнѣ?...

Гиперидъ.

Ты мнѣ жалка!..

Фрина (вспыхнувъ).

Зачѣмъ же ты явился
Сюда? Иль чувствуешь, что день насталъ
Для мести, да?.. и хочешь насладиться
Моимъ мученьемъ?...

Гиперидъ.

Отомстить тебѣ
За все сейчасъ Совѣтъ Аѳинскихъ гражданъ.

Фрина.

Зачѣмъ же ты сейчасъ не тамъ? Ступай
И смѣйся за одно ужъ надо мною;
За всѣ мои измѣны предъ тобой,
Используй злость свою—удобный случай!
Въ презрѣнье преврати любовь ко мнѣ
Народа.

Гиперидъ.

Смысла нѣтъ въ такомъ поступкѣ.

Да и за что презрѣнье возбуждать
Къ тебѣ въ народѣ? Мысль воздвигнуть Ѳивы —
Божественно великая въ другомъ —
Въ тебѣ смѣшна, нелѣпа и безумна!

Фрина (выкрикивая).

Скажи мнѣ почему?

Гиперидъ.

Да потому,
Что ты...

Фрина.

Что я... Доканчивай!.. гетера?
Что-жъ замолчалъ, дружокъ? зови меня
Продажной жрицею любви свободной...
Вѣдь такъ не разъ меня ты величалъ.
Любилъ слова ты эти съ наслажденьемъ
Въ глаза своей любовницѣ бросать...
Но ты забылъ одно:—мое призванье!
Пусть предложеніе мое Совѣтъ
Мнѣ разрѣшитъ и ты со всей толпою
Аѳинскаго народа на поклонъ
Придешь ко мнѣ,—позоръ былой исчезнетъ,
И храмъ воздвигнешь мнѣ въ своей душѣ!
О! пусть воскреснетъ только Ѳивы городъ
И буду ждать тебя я у воротъ!..
И ты придешь, придешь туда съ восторгомъ!

Гиперидъ.

Несчастная въ тебѣ родилась мысль...
Да слишкомъ поздно я узналъ объ этомъ.
Цѣною бъ крови я отвлекъ тебя
Отъ ней...

Фрина.

Ты?!..

Гиперидъ.

Я!.. Тебѣ внушилъ Пракситель
Мысль эту... Но къ несчастью для тебя
Великъ онъ сердцемъ—не умомъ, любовникъ
Твой!.. и тебя погубитъ онъ. Нельзя
Шутить въ такихъ дѣлахъ съ толпой народа.

Фрина.

Ошибся ты во всемъ:—я не люблю

Праксителя и мысль воздвигнуть Ѳивы,
Повѣрь мнѣ, не его!

Гиперидъ.

Не все-ль равно:—
Она безумна для тебя!

Фрина.

Такъ ты
Рѣшилъ надежды всѣ мои разрушить...
И ты—мой другъ? Имъ не былъ никогда!

Гиперидъ.

Пусть будетъ такъ. Я родины и чести—
Ея достоинства защитникъ.

Фрина. (вызывающе).

Да?
И оскорбленьемъ для нея считаешь,
Что золото мое ей городъ дастъ?

Гиперидъ (тихо, но съ удареніемъ).

Скажи, мое—не будетъ ли вѣрнѣе?

Фрина (вспыхнувъ).

Какъ смѣлъ такую пошлость мнѣ сказать?

Гиперидъ.

Ты знаешь, я не льстецъ!

Фрина (внѣ себя).

Довольно!.. (Вставъ, дѣлаетъ величественный жестъ, указывая на выходную дверь)..

Гиперидъ (съ достоинствомъ).

Гонишь?...
Меня?!.. Ну! знай же—надъ тобой гроза
Боговъ близка и день тотъ не далеко,
Когда нуждаться будешь ты въ моей
Защитѣ! Мнѣ спасать тебя придется!

Фрина.

Ну, этотъ день еше далекъ!

Гиперидъ.

Твоя
Заносчивость его приблизитъ.

(Слышится шумъ. Гиперидъ хочетъ уйдти, но Фрина его останавливаетъ).

(Крики: „да здравствуетъ Фрина").

Фрина (Гипериду).

Слышишь?

Останься!

(Вбѣгаетъ Пракситель).

Явленіе 8.

Тѣ же и Пракситель.

Пракситель (радостно).

Побѣдила Фрина!

Фрина (Гипериду).

Что?!.. (Бросается къ Триклинію).

Сюда, друзья, сюда скорѣй, о, боги!

(Входятъ всѣ и окружаютъ Фрину. Гиперидъ все время остается, какъ статуя, нѣмымъ зрителемъ).

Явленіе 9.

Тѣ же и Менандръ, Аристиппъ, Телезилла, Миррида и Вакхида.

Всѣ.

Ну, что?

Фрина (Праксителю).

Разсказывай!

Всѣ.

Намъ все скажи.

Пракситель.

О, Фрина! что тамъ было, что тамъ было.
Пригорки всѣ покрылись, какъ волной
Морской, народомъ... Я едва пробился.
Со всѣхъ сторонъ собралась тамъ толпа
И крики: „Фрина!“ потрясаютъ воздухъ.
Вошелъ въ Ареопагъ, а тамъ—хаосъ.
Борьба въ разгарѣ! Мнѣнья раздѣлились.
Одни кричатъ, что рѣдкій ты примѣръ
Великодушія даешь потомству
И предложеніе твое принять
Желаютъ съ восхищеньемъ, а другіе
Зовутъ его позоромъ для Аѳинъ
И дерзостью клеймятъ и оскорбленьемъ.
Вдругъ на трибуну Евѳія вскочилъ...
Ну... что онъ говорилъ, сказать обидно.

Фрина.

Я требую богами:—все скажи!
Я—Фрина! не боюсь я оскорбленій
Отъ Евѳіи принять:—я выше ихъ!

Пракситель.

Такъ слушай же! Не я то говорю,
То Евѳія сказалъ—„Аѳинцы, греки!
Опомнитесь, кому хвалу воздать
Хотите вы—презрѣнной куртизанкѣ!
Вѣдь Фриною ее зовутъ! Она
Свои намъ сбереженья предлагаетъ,
Безстыдная! отъ грабежа любви
Продажной! Вотъ позоръ! И вы хотите
На Ѳивскій тронъ гетеру посадить,
Корону Фринѣ дать?.. Да кто-жъ захочетъ
Изъ нашихъ матерей и женъ дышать
Однимъ съ ней воздухомъ въ несчастныхъ Ѳивахъ?..

Менандръ (пьяный).

Ну, говорить такъ можетъ только тотъ,
Кто былъ когда-нибудь отвергнутъ Фриной.

Аристиппъ.

Тутъ злоба и досада говоритъ!

Фрина.

Доканчивай, горю я нетерпѣньемъ.

Пракситель.

Рѣчь Евѳіи изъ залы понеслась
На улицу къ народу... Тамъ раздался
Такой, тебѣ въ защиту, крикъ угрозъ,
Что вызвалъ страхъ и панику въ Совѣтѣ
И вырвалъ общее рѣшенье...

Фрина (задыхаясь).

Да?

Какое же, скажи!

Пракситель.

Я слышалъ только,

Что въ урнахъ сосчитали голоса...
Твое принять рѣшили предложенье.
А дальше я не слушалъ, убѣжалъ,
Чтобъ первымъ принести тебѣ извѣстье.

Фрина.

О, если-бъ знали вы, мои друзья,
Какою радостью забилось сердце!

Пракситель.

Да вотъ и самъ Архонтъ!

Фрина (въ волненіи, ко всѣмъ).

Забудемъ все
И примемъ мы его съ почетомъ должнымъ
Пріятный вѣстникъ онъ сейчасъ!

(Входитъ Евѳія).

Явленіе 10.

Тѣ же и Евѳія.

Евѳія.

Гдѣ тутъ
Счастливая царица Ѳивъ, скажите?

Фрина (выступая, гордо).

Она передъ тобой!

Евѳія. (оглядывая ее съ головы до ногъ).

Привѣтъ тебѣ!
Ты побѣдила!

Фрина.

Да? хоть ты былъ противъ!

Евѳія.

Я битву проигралъ, но пожелалъ
Вручить тебѣ счастливое рѣшенье
Я лично самъ:—таковъ былъ твой приказъ,
Ты помнишь? Мнѣ отрадно насладиться
И радостью и гордостью твоей.
Ну, слушай, вотъ: (читаетъ).
„Нѣтъ въ Греціи закона,
Чтобъ запрещать въ заброшенныхъ пустыхъ
Мѣстахъ построить стѣны, арки, храмы,
Дома и зданья... Потому Совѣтъ
Рѣшенью Фрины помѣшать не можетъ:
За золото свое она всегда
Имѣетъ право вновь воздвигнуть Ѳивы!

Аристиппъ и Пракситель.

Да здравствуетъ Царица Ѳивъ!

Евѳія.

Молчать!

Еще не кончилъ я—прошу вниманья! (читаетъ).
„Одно лишь только ей запрещено:—
Нельзя ей тамъ, ни статуи поставить,
Ни камня положить, ни словъ писать
На память о себѣ. Одна колонна
Потомству передастъ, что городъ сей
Воздвигнутъ волею народа!“

Фрина (дрожа).

Славу
И честь мою подстроилъ ты украсть?

Евѳія (съ презрѣніемъ).

Героямъ только слава подобаетъ,!
А Фринѣ—жалость и забвенье!

Фрина (внѣ себя).

А!
Будь проклятъ ты, злодѣй!

(Евѳія уходитъ. Всѣ молчатъ въ смущеніи).

Явленіе 11.

Тѣ же безъ Евѳіи.

Фрина.

Мечта разбита!
Чѣмъ славу думала создать и счастье,
Нашла я въ томъ позорное клеймо.
Нельзя оставить въ памяти народа,
Что Ѳивамъ жизнь свою передала,
Воззвавши ихъ отъ смерти къ новой жизни!
Гетера—я, и подвигъ мой—ничто!
И долженъ быть въ умахъ забвенью преданъ...
Зачѣмъ же жить тогда... какая цѣль? (къ Гипериду).
Доволенъ?.. Ты любилъ меня когда-то...
Быть можетъ, любишь и теперь.. Убей
Меня! Возьми мое все состоянье...
Оно—твое! ты правъ. Убей меня!..

Сейчасъ меня ты задуши... Иначе
Тебя убью сама... вѣдь ты свое
Богатство положилъ въ основу мысли
Моей—воздвигнуть Өивы! А! молчишь
Теперь... Иль трусишь? Всѣ теперь притихли?..
Восторговъ нѣтъ... настала тишина!..
И Фрины больше нѣтъ! О, что со мною?..
Съ ума схожу?.. Забвенью предана... (къ Праксителю).
Убей меня, молю! (рыдаетъ).
О, горе, горе!..

Пракситель.

Послушай, Фрина! Планъ твой не погибъ!
И Евѳіи интрига не удастся!
Тебя боготворю и жизнь отдамъ
Тебѣ. Мнѣ запретить никто не можетъ
Моимъ искусствомъ статую создать.
Божественной Киприды въ храмъ твой Өивскій...
И это будешь ты!
(Фрина вскакиваетъ и падаетъ предъ нимъ на колѣни).

Фрина (восторженно).

О, ты мой богъ!
Ты спасъ меня и я твоя на вѣки.

Картина.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

У Праксителя.

Галерея передъ студіей скульптора. Дверь въ студію въ серединѣ. Общій входъ въ галерею слѣва. Направо дверь въ помѣщеніе Фрины. Въ галереѣ стоятъ бюсты, статуи, сидѣнья.

Явленіе I.

Аристиппъ, Менандръ, Сенократъ, Эрастъ; позже рабъ, при поднятіи занавѣса входятъ въ атріумъ изъ студіи, куда дверь оставляютъ открытой.

Аристиппъ.

Сказать по правдѣ, Афродита — чудо!

Менандръ.

Какая тонкость линій всѣхъ, какой
Контуръ — глядишь — не наглядишься ею.

Эрастъ.

Какія плечи, руки, ноги... грудь
Какая... Формы истинной богини!

Менандръ.

Слается, дышетъ, какъ живая!

Аристиппъ.

Да.

Праксителя искусство завоюетъ
Міръ, Грецію прославитъ онъ своимъ
Рѣзцомъ. Дѣйствительно его Киприда
Въ скульптурѣ новость — диво!

Менандръ.

Апеллесъ

Киприду тоже написалъ; я видѣлъ
Ее: фигура, формы хоть куда,
Живыя краски — нечего сказать!
Но далеко до мрамора картинѣ!
Нѣтъ въ ней той прелести...

Аристиппъ.

Живой!..

Менандръ (Сенократу).

Тепломъ

Какимъ-то отдаетъ... Живое тѣло!
Порою кажется, что вотъ сойдетъ,
Тебя обниметъ... Правда?

Сенократъ.

Ну, и мысли

Въ башку тебѣ приходятъ!

Эрастъ.

Красотой

Киприда — Афродита побѣдила
И статую Паллады, вамъ скажу.

Сенократъ.

Сравнилъ! Тутъ мраморъ, жизнь сама и прелесть

Въ немъ женской наготы, а тамъ одно
Величіе изъ золота и кости.

Менандръ.

Дѣвичья красота съ семью замками.
Съ мечемъ, копьемъ и вь латахъ! о любви
Не смѣй и думать... Нѣтъ, я преклоняюсь
Предъ мудростью Паллады... но...

Эрастъ (перебивая).

Любовь
И обожанье, знаемъ, въ Афродитѣ!
Тѣмъ болѣе, что создана она
Съ живой натуры.

Аристиппъ.

Фидія работалъ
Умомъ холоднымъ, а Пракситель внесъ
Въ свое творенье сердце, много чувства,
Душу!

Эрастъ.

Одно досадно въ немъ: лицо
Сурово, безъ улыбки!

Аристиппъ.

Ты не знаешь?!..
Вѣдь статуя — вторая Фрина — та
Смѣяться не умѣетъ.

Сенократъ.

Вотъ кощунство:
Живой гетеры формы передать
Богинѣ!

Менандръ.

Говорятъ, не знаю, правда-ль:
Пракситель въ статую влюбился самъ
И днемъ, и ночью все ее цѣлуетъ.

Сенократъ.

Вотъ умственный развратъ! имѣть всегда
Живую Фрину у себя и мраморъ
Холодный цѣловать!.. Да онъ съума
Сошелъ....

Аристиппъ.

Молчи! вѣдь Фрина тамъ... услышитъ
И статую съ досады разобьетъ.

Менандръ.

Не бойся, другъ, вѣдь это месть за Ѳивы!
О, статую Киприды бережетъ
Она побольше, чѣмъ себя!..

Рабъ (на порогѣ студіи).

Позвольте...

Я студію запру сейчасъ.....

Аристиппъ.

Скажи

Отъ насъ ты господину: — мы рѣшили
Всей школою Платона здѣсь сейчасъ,
Что статуя его—восьмое чудо міра.

Сенократъ.

Прибавь при томъ, что образецъ, быть можетъ,
Похуже копіи его, но мы
Того не знаемъ.

Менандръ.

Передай ты проще:

Не слушай ты его — онъ шутитъ все —
Его искусство превзошло натуру. (Уходятъ. Рабъ запираетъ тудію. Входитъ Фрина взволнованная).

Явленіе 2.

Фрина потомъ Вакхида.

Фрина (нетерпѣливо)

Ушли!.. Вакхиды нѣтъ еще... А что,
Какъ онъ откажется придти?.. Вотъ странность!
Въ груди моей пылаетъ чувство страсти,
Хотя его я не люблю совсѣмъ,
Сказала-бъ больше: ненавижу... Врагъ мой!..
И все таки влечетъ меня къ нему:
Хочу его я видѣть... Пусть посмотритъ,
Какое торжество въ моей душѣ.
Для всѣхъ, кто видѣлъ статую Киприды,
Мое — второе я! и пусть рѣшитъ
Грозитъ ли мнѣ забвеніе потомства... (Увидя входящую Вакхиду).

Ну, наконецъ, скорѣе говори.
Придетъ онъ? нѣтъ?

„Фрина передъ судомъ“ съ картины Жерома.

Вакхида.

Онъ слѣдуетъ за мною.

Фрина.

Что онъ сказалъ?... Да говори мнѣ все!

Вакхида.

При имени твоемъ онъ измѣнился
Въ лицѣ и голосъ задрожалъ... Тебя
Онъ ненавидитъ!...

Фрина (съ улыбкой недовѣрія).

Онъ?.. Меня!... Пожалуй... (Входитъ Гиперидъ. Вакхида уходитъ).

Явленіе 3.

Фрина и Гиперидъ.

Гиперидъ.

Зачѣмъ тебѣ я нуженъ?.. я пришелъ!...

Фрина.

Ужъ очень тонъ суровый... Такъ и вѣетъ
Холодной злобой отъ тебя... Боюсь
И говорить... зачѣмъ тебя позвала...

Гиперидъ.

Я жду.

Фрина.

Благодарю — и то вѣдь милость
Я чувствую: — на зовъ мой снизошелъ!

Гиперидъ.

Къ чему сарказмъ? Ты хочешь издѣваться?

Фрина.

Скажи мнѣ, ты когда-то былъ правдивъ
До дерзости! Ужель среди занятій
Твоихъ, быть можетъ, увлеченій тайныхъ, —
Объ явныхъ было-бъ слышно, — у тебя
Минуты не нашлось, чтобъ вспомнить Фрину
И навѣстить ее?..

Гиперидъ.

Я не желалъ
Присутствіемъ своимъ туманить счастье,

Которому такъ страстно отдалась
Ты всей душой!...

Фрина.

Ужъ будто такъ?... Туманить!
Скажи яснѣе:—просто не хотѣлъ
Придти пока не позовутъ... ломался...

Гиперидъ.

Ошиблась:—зова твоего не ждалъ.

Фрина.

И не желалъ сюда придти провѣрить,
Взглянуть на то, что такъ волнуетъ всѣхъ?..
Вѣдь въ этомъ храмѣ перебылъ весь городъ,
И новое созданіе рѣзца
Праксителя съ восторгомъ превозносятъ,
Какъ чудо, всѣ... Единственный профанъ
Не заглянулъ сюда...

Гиперидъ.

И ты послала
За нимъ... Его отсутствіе тебѣ
Досадно?... Торжество твое не полно?
. . . .
Такъ захотѣлось новыхъ жертвъ тебѣ
И новыхъ алтарей?.. Былыхъ ужъ мало?
Ты новый культъ задумала внушить
Смущенной Греціи — культъ Фрины?

Фрина.

Мнѣ ли
Мечтать о томъ съ своею красотой?

Гиперидъ.

Что вдругъ скромна ты стала, — не обманешь.
Извѣстно всѣмъ твоимъ врагамъ, что месть
Праксителя создала Афродиту,
Что сходство этой статуи съ тобой
Для всѣхъ бросается въ глаза... И кто же
Богиню обожая, не впадетъ
Въ ошибку, видя Фрину предъ собою?
И если это правда—берегись!
Тебѣ смертельная грозитъ опасность.

Фрина.

Я это знаю и иду на то...
Сейчасъ же я хочу тебя поставить
Предъ мраморомъ судью—посмотри!

Гиперидъ.

Профанъ въ искусствѣ я... Возьми другого
Для этой цѣли...

Фрина (въ волненіи).

Слушай Гиперидъ!..
Мнѣ видно небомъ суждено съ тобою
Быть связанной на вѣкъ... Когда тебя
Увидѣла я въ первый разъ, невольно
Пошла я за тобой... Съ тѣхъ поръ
Ты овладѣлъ моимъ умомъ и сердцемъ
Какой-то силой роковой... Въ душѣ
Борьба: — я чувствую, что ненавижу,
А между тѣмъ ловлю твой взглядъ, хочу
Тебя я видѣть, голосъ твой услышать.
Я сознаю: — виновна предъ тобой...
И по ночамъ въ слезахъ я призываю
Тебя, молю простить... Порой убить
Готова, уничтожить... Да!.. Желала-бъ мертвымъ
Тебя я увидать и, какъ Орфей,
Я бросилась бы въ царство смерти вырвать
Тебя и возвратить назадъ живымъ...
Какая мука для меня не видѣть,
Не знать, гдѣ ты и что съ тобой! Молчанье
Твое меня тревожитъ и страшитъ...

Гиперидъ.

Я долженъ уклоняться поневолѣ
И... избѣгать тебя.

Фрина.

Ты полюбилъ?..
Другую... любишь... да?.. скажи... сознайся!

Гиперидъ.

А если бы и такъ?!.. Тебѣ то что?..
Какое дѣло...

Фрина.

Никакого!.. (про себя). Вотъ что!..

Гиперидъ.

Прощай (идетъ къ выходу).

Фрина (бросаясь къ нему).

Постой... (страстно).

Ужели у тебя
Исчезла память Фрины той, которой
Ты посвящалъ когда-то гимнъ любви
И столько обожанья... Ты не помнишь
Ея?

Гиперидъ.

Та Фрина умерла.

Фрина (съ одушевленіемъ).

Жива
Она и будетъ жить пока исчезнетъ
Міръ... Убѣдишься въ томъ сейчасъ:—иди...
Замри на мѣстѣ тамъ...

(Вталкиваетъ его въ студію и дожидается его выхода съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, въ разсчетѣ, что красота формъ статуи должна произвести на Гиперида ошеломляющее впечатлѣніе, возбудивъ въ немъ чувственность и воспоминаніе о прошломъ. Она не ошиблась: спустя нѣсколько мгновеній Гиперидъ выбѣгаетъ изъ студіи въ безумномъ восторгѣ.—Нѣмая картина.—Фрина бросается къ нему и обвиваетъ руками его шею, страстно прижимаясь къ его устамъ).

Фрина (задыхаясь).

Дрожишь?... ты блѣденъ!..
Ну, что же, Фрина умерла?!..

Гиперидъ (опомнившись).

Пусти...
Оставь!.. Волшебница!.. я умъ теряю...
Пусти меня...

Вырывается и хочетъ убѣжать, но въ дверяхъ встрѣчаетъ Праксителя).

Явленіе 4.

Тѣ-же и Пракситель.

Пракситель.

Ты. (Вопросительно оглядываетъ Фрину и Гиперида).

Гиперидъ (взволнованно).

Я пришелъ сюда
По приглашенію Фрины.

Пракситель (спокойно).

Афродиту

Ты видѣлъ?

Гиперидъ.

Видѣлъ.

Пракситель.

Съ Фриной ты знакомъ.

Давно и съ нею близокъ былъ когда-то...
Скижи мнѣ откровенно, Гиперидъ,
О статуѣ моей твое сужденье.

Гиперидъ.

Изволь. Твоимъ искусствомъ изумленъ.
Въ ней сходство съ Фриной до того большое,
Что въ памяти моей воскресли дни
Прекрасной юности ея, весенней,
Которой ты ужъ не увидишь...

Пракситель.

Да!

Ты былъ счастливѣе меня... А все же
Я не доволенъ статуей моей;
Въ ея лицѣ чего-то не хватаетъ.
Я это чувствую, но не могу
Пока найти въ немъ то, что жизнь дало бы
Ему...

Фрина.

Такъ изучай меня.

Пракситель.

Въ тебѣ

Не разъ пытался я улыбку вызвать,
И все напрасно... Жизни радость дай
Прочесть мнѣ на лицѣ твоемъ суровомъ
И я схвачу, что надо мнѣ... А то
Похожа ты на тучу грозовую...

. . . .

Оставь меня тутъ одного, или
Хоть въ садъ, авось въ лицѣ твоемъ природа
Найдетъ свой откликъ, освѣтитъ его
Своею радостью весны... Я буду
Тебя здѣсь ждать...

Фрина.

Я слушаю тебя,
Иду... (Гипериду). А ты пойдешь со мною?

Гиперидъ (Праксителю).

Прощай,
Сынъ Апполона!..

Пракситель.

Я былъ радъ, великій
Ораторъ, встрѣтиться съ тобой... Прощай.

Явленіе 5.

Пракситель (одинъ).

Вотъ снова съ нею Гиперидъ! Онъ первый
Сорвалъ съ невинныхъ чистыхъ губъ
Весны безумный поцѣлуй... и любитъ
Она его, увѣренъ, до сихъ поръ;
Не даромъ ходитъ мрачная, какъ туча...
Но нѣтъ ни ревности въ моей душѣ,
Ни гнѣва... О, любовь моя къ искусству...
Хотѣлъ бы я всѣ страсти заглушить,
Чтобъ быть жрецомъ твоимъ единымъ въ мірѣ!

(Подходитъ къ студіи, отворяетъ дверь и смотритъ на статую Киприды—Афродиты).

Во всей своей красѣ была бы ты
Всемірнымъ воплощеніемъ богини —
Будь жизнь въ тебѣ... Холодный мраморъ твой
Огнемъ палилъ бы всѣхъ людей любовнымъ
При взглядѣ на тебя... Но нѣтъ въ тебѣ
Движенья жизни, радости духовной,
Чѣмъ насъ дивитъ—чаруетъ красота!
Одна лишь черточка, одна улыбка
И жизнью засіяетъ, расцвѣтетъ
Богиня—статуя моя!.. Но гдѣ мнѣ,
Въ комъ тайну эту мнѣ схватить?.,

(Входитъ Каллисѳена съ жемчужнымъ ожерельемъ въ рукахъ).

Явленіе 6.

Каллисѳена и Пракситель.

Пракситель.

Что надо
Тебѣ, дитя?

Каллисѳена

Нашла въ твоемъ саду,
На берегу ручья вотъ этотъ жемчугъ...
Должно быть госпожи моей...

Пракситель.

А ты
Откуда въ домѣ? Я тебя не знаю.

Каллисѳена.

Рабыня Фрины я.

Пракситель.

Ты здѣсь недавно?

Каллисѳена.

Четвертая заря минула.

Пракситель.

Кто-жъ
Купилъ тебя?

Каллисѳена

Слуга твой, управитель...
Онъ мнѣ сказалъ, что нравятся ему
Красивый ротикъ мой и ручки, ножки...
Что я могу и Фринѣ услужить
И быть полезной для тебя въ искусствѣ.

Пракситель (присматриваясь къ ней съ любопытствомъ).

Онъ правъ — покупка хороша!

Каллисѳена.

Скажи,
Что дѣлать я должна?.. Служить я рада.
Ты ласково такъ смотришь, говоришь...

Пракситель.

Пока не надо ничего... Но позже
Раздѣну, посмотрю тебя.

Калисѳена (невинно).

Меня

Раздѣнешь, какъ на рынкѣ? Я готова.

Пракситель.

Ты нравишься невинностью своей
Мнѣ, нѣжное созданье...

Каллисѳена.

Господинъ!

Ты добрый!?

Пракситель.

Отдѣлю тебя отъ прочихъ

Рабынь...

Каллисѳена.

Изъ нихъ есть очень злыя.

Пракситель.

Да?..

Обидѣли тебя? за что?

Каллисѳена.

Купаться

Я вздумала съ дѣвицами въ ручьѣ...
Подъ лаврами въ саду, среди платановъ...
И потому что тѣло у меня
Красивѣй чѣмъ у нихъ, бѣлѣе плечи...
Насмѣшками осыпали... (плачетъ).

Пракситель.

Не плачь,

Дитя мое...

Каллисѳена.

Какъ будто я виновна!

Я такъ родилась... плечи... руки... все
Красиво... Закрывала, какъ могла я...
Но надо же раздѣться въ воду лѣзть...

Пракситель.

А кто тебѣ сказалъ, что ты красива?

Каллисѳена.

На рынкѣ говорили обо мнѣ...
Сначала было стыдно... Покупатель
Кругомъ осмотритъ всю и повернетъ

Хозяинъ... — „Ну показывай, красотка,
Свое сложенье!“ да толкнетъ при этомъ...
Я плакала, стыдилась... и привыкла.
Такая участь всѣхъ рабынь...

Пракситель.

Скажи,
Что надо, сдѣлать, чтобъ тебя утѣшить?
(Каллисѳена смотритъ на ожерелье).
Ты хочешь это ожерелье, да?
Изволь, возьми себѣ его на память.

Каллисѳена (вскрикиваетъ отъ радости).

Мнѣ это ожерелье?!. На себя
— Одѣну тотчасъ... Вотъ красивой буду!
Благодарю, мой добрый господинъ! (убѣгаетъ).

Пракситель (одинъ).

Какое милое дитя природы!
Наивной прелестью смѣется въ ней
И плачетъ жизнь со всей ея тревогой...
Невинный, чудный ротикъ у нея,
Смѣхъ гордости и женскаго тщеславья...
Какая мысль!.. Вотъ жизнь въ ея лицѣ,
Которой не хватаетъ у Киприды,
У статуи моей!...

(Задумывается, какъ будто что соображаетъ, затѣмъ быстро уходитъ въ студію и закрываетъ за собою дверь. Входитъ Фрина).

Явленіе 7.

Фрина (одна).

Съ какой досадой
Онъ мнѣ сказалъ:—„въ твоемъ лицѣ природа
Найдетъ свой откликъ, освѣтитъ его
Своею радостью весны...“ Веселой
Желаетъ увидать меня... Въ саду
Такъ радостно, свѣтло, въ цвѣту деревья
И птичекъ щебетанье... а въ душѣ
Моей темно и сердце плачетъ, стонетъ...
„Тебя я презираю“, такъ сказалъ
Мнѣ Гиперидъ... ушелъ не обернулся...
Но память въ немъ о счастіи быломъ

Живетъ... Въ его крови еще кружится
Горячихъ поцѣлуевъ тонкій ядъ.
Какимъ онъ страстнымъ вылетѣлъ отсюда!
Желаньемъ опьяненный, онъ забылъ
Все прошлое мое и помнитъ лишь объятья
И счастье съ Фриной, счастье безъ конца!
Дрожанье губъ и взглядъ вдругъ потемнѣвшій
И голосъ дрогнувшій—все выдало его!
Не выдержалъ предъ статуей Киприды
Своей холодности ко мнѣ... Потомъ
Лишь спохватился... Въ садъ вошелъ надменный
И гордо оттолкнулъ меня... Теперь
Я статую возьму для Гиперида...
Отдать Пракситель долженъ мнѣ ее,
Хотя-бъ все золото пришлось истратить,
Моею будетъ... О, я отрекусь
Тому въ угоду отъ безумной мысли...
Создать себѣ когда-нибудь тріумфъ...
Будь то капризъ, иль жгучее желанье,
Но я хочу, чтобъ этотъ человѣкъ
Имѣлъ въ своемъ владѣньи Афродиту
И, опьяненный страстью, умиралъ
Съ желаньемъ на устахъ, съ мольбой во взорѣ,
Предъ статуей холодной... Месть моя
За все презрѣніе ко мнѣ...

(Изъ студіи выходитъ Пракситель, довольный своей работой).

Явленіе 8.

Пракситель и Фрина.

Пракситель (оживленно).

Ну, Фрина!
Сейчасъ мнѣ улыбнись!..

Фрина.

Я не могу!

Пракситель.

Но умоляю—улыбнись!.. провѣрить
Хочу свою работу.

Фрина.

Надоѣлъ

Ты мнѣ, оставь меня, иди, замучилъ...
Заканчивай ты статую свою!

Пракситель.

Она сейчасъ докончена... и завтра
Ее поставлю я открыто въ храмъ!..
И весь народъ воздастъ тебѣ съ восторгомъ
Тріумфъ! отомщена ты будешь!..

Фрина.

Ты
Пожертвовать желаешь Афродиту?!
Нѣтъ!.. никогда!.. Она—моя!.. Мой домъ
Ей храмомъ будетъ!

Пракситель.

Вотъ капризъ нежданный!

Фрина.

Скажи ея мнѣ цѣну!..

Пракситель.

Бредишь ты?

Фрина.

Я не жалѣю денегъ — дамъ за мраморъ
Все золото свое!

Пракситель.

Не оскорбляй
Меня: — моя работа не продажна...
Корону предложи — я откажусь!..
(Подходитъ къ ней и говоритъ съ нѣжностью).
Но попрошу я у прелестной Фрины
Сокровища дороже всѣхъ земныхъ
Богатствъ...

Фрина.

Чего еще?

Пракситель.

Прошу я славы
Создать другую статую съ тебя...
Пока же я дарю тебѣ Киприду.
Какъ отдалъ я Эроса для тебя...

(Фрина тихо вскрикиваетъ и бросается въ студію радостная... Оттуда черезъ нѣсколько мгновеній слышится ужасный крикъ негодованія и она выбѣгаетъ гнѣвная и возмущенная).

Фрина.

Пракситель! Что ты сдѣлалъ? Вотъ несчастье!..
У ней лицо теперь ужъ не мое!?.
Смотри сейчасъ въ глаза мнѣ... Ты смутился?..

Пракситель.

Твою улыбку придалъ ей...

Фрина.

Ты врешь!..
У ней улыбка не моя — чужая!..
Ее укралъ у женщины другой...
Скажи мнѣ, кто она? Ее я видѣть
Хочу... Ты гдѣ ее нашелъ, Скажи!

Фрина (зоветъ и хлопаетъ въ ладоши)

Пракситель.

Прошу тебя я, успокойся...
— Кто тамъ?
Сюда!..

Пракситель.

Зовешь ты для чего?

Фрина.

Хочу
Узнать, какая жнищица... такъ дерзко
Посмѣла сскверпить мое лицо!..
Напрасно скрыть желаешь—не удастся...

(Зоветъ опять).

Сюда, сюда!.. Скорѣй!..

(Вбѣгаетъ Каллисѳена).

Явленіе 9.

Тѣ-же и Каллисѳенія.

Каллисѳена (Праксителю).

Ты звалъ меня?

Фрина.

Ко мнѣ, а не къ нему ты обращайся!
Тебя не знаетъ онъ!

Каллисоена.

О, да... Но я

Недавно здѣсь была...

Фрина.

Ты!.. Гдѣ?

Каллисоена (нерѣшительно).

На этомъ...

Фрина (подхватывая слово).

На этомъ мѣстѣ... здѣсь?... позволь, позволь...
Дай посмотрѣть мнѣ на тебя... (оглядываетъ ее).
Красива!..
Засмѣйся-ка, дитя... засмѣйся... ну?...

Каллисоена (испуганно).

Меня пугаешь ты...

Фрина (принуждая себя говорить нѣжно).

А ты не бойся!..
Имѣешь ты любовника, скажи...

Каллисоена (разсмѣявшись).

Любовника?..

Фрина (вскрикивая).

А! — вотъ она — улыбка!
Клянусь я Стиксомъ!

Пракситель.

Фрина! что за мысль?..

Фрина (внѣ себя въ бѣшенствѣ, съ гнѣвомъ и презрѣніемъ).

Молчи... А!.. ты искалъ улыбку Фрины
И на губахъ рыбыни ты нашелъ
Ее?!. (нервно смѣется). Похвально! О какъ обманчивъ
Твой видъ!.. и лживы всѣ твои слова!..
И я повѣрила ему... Проклятье!..
Вѣдь издали посмотришь на тебя,
Подумаешь, что полубогъ какой-то
Отмѣченный божественнымъ огнемъ...
А ты такой же, какъ и всѣ...

Пракситель.

Довольно.

Ужель ревнуешь, — образумься!

Фрина (заносчиво).

Я?!.

— Ревную?!. я? къ кому?.. рабыню эту?..
Разсудокъ потерялъ, Пракситель!..

Пракситель.

Фрина!..

Фрина.

Ты ослѣпленъ самимъ собой, своимъ
Тщеславьемъ... Отъ стыда-бъ я покраснѣла
При мысли, что тебя еще люблю...

Пракситель. (задѣтый, болѣзненно).

Что говоришь ты?..

Фрина.

Не люблю тебя я!..

И ты меня не любишь... оба мы
Ошиблись, были въ заблужденьи горькомъ:—
Отъ шума и побѣдъ твоихъ, а ты
Отъ блеска красоты моей... Ты ранилъ
И гордость оскорбилъ мою... И ты
Мой богъ!.. Любовникъ мой! (злобно хохочетъ).

Ужасно!..

(указывая на рабыню).

Ничтожное созданье это... я
Могла бы уничтожить приказаньемъ
Засѣчь ее бичемъ... Но я дарю
Тебѣ ее!.. (Схватываетъ ее за руку и бросаетъ съ презрѣньемъ Праксителю).

Она — твоя... Улыбкой
Своею пусть возноситъ въ высоту
Твоей Аѳинской славы — ты достоинъ
Ея!.. А мнѣ не мѣсто здѣсь!.. Прощай!

(Убѣгаетъ).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

„Великія Элевзиніи“.

Площадь въ Элевзинѣ.

Съ правой стороны храмъ Деметры, выстроенный Перикломъ; къ нему ведутъ ступени; рядомъ съ храмомъ колосальная статуя богини. Слѣва улица къ морю, которое виднѣется вдали. Въ глубинѣ, уходя въ правую сторону старая роща. На авансценѣ большой камень. Вечерѣетъ.

Явленіе 1.

Евѳія и Гиперидъ (встрѣчаются).

Евѳія.

Что вижу?.. Гиперидъ?.. ты въ Элевзинѣ?..
И въ таинства Деметры посвященъ?

Гиперидъ.

Нѣтъ, просто мнѣ пришло желанье видѣть,
Какъ будетъ веселиться здѣсь народъ.
Я думаю, что много любопытныхъ
Сберется тутъ на празднество... Обрядъ
Великихъ Элевзиній въ честь Деметры
Бываетъ ночью.

Евѳія.

Да... чего, чего
Не будетъ поразыграно народомъ!
Увидишь зрѣлище на рѣдкость здѣсь...
Поэты, музыканты и жонглеры...
И пѣнье съ пляской, маскарадъ... Театръ
Съ актерами сюда пріѣхалъ также.
Толпа большая собралась...

Гиперидъ.

А ты
Зачѣмъ пожаловалъ сюда?

Евѳія.

По службѣ:—
Республика прислала. Я— Архонтъ.
На празднествахъ Великихъ Элевзиній
На мнѣ верховный здѣсь лежитъ надзоръ
За всѣмъ... а главное, чтобъ не былъ страшный
Обрядъ священныхъ таинствъ оскорбленъ.

Вѣдь мало-ль, что бываетъ — самъ ты знаешь.
Изъ года въ годъ обязанъ быть Архонтъ
На этихъ праздникахъ Деметры...

Гиперидъ.

Знаю.

Давно ты изъ Аѳинъ уѣхалъ?

Евѳія.

Да,

Я тутъ гощу давно. Здоровье слабо,
Хочу бальзамомъ дольше подышать
Въ раздольѣ этой рощи, покупаться
Въ водахъ Пирея.

Гиперидъ.

Счастливъ ты такой
Возможностью...

Евѳія.

А ты привезъ намъ новость?

Гиперидъ.

Какую?

Евѳія.

Фрина, говорятъ, сошла
Съ ума?

Гиперидъ.

Была больна и тяжко. Слышалъ.
Теперь она здорова.

Евѳія.

Навѣщалъ
Ее?

Гиперидъ.

Нѣтъ, мы не видѣлись давно ужъ.

Евѳія.

Такъ, значитъ, вы враги?

Гиперидъ.

Нѣтъ!

Евѳія (смотритъ на него подозрительно(.

Гм!.. Она
Съ Праксителемъ все возится еще?..

реннѣе, съ каждымъ днемъ выходитъ она побѣдоноснѣе изъ трудной борьбы съ грѣхомъ и укрѣпляется въ добродѣтели. Тутъ являешься ты, несчастный, видишь духовнообновленную въ объятіяхъ ея ангела-хранителя, присуждаешь ее власти ада и самъ же стремишься привести въ исполненье этотъ приговоръ. Горе тебѣ! Ты обнимаешь ея колѣни, но она вырвется изъ твоихъ объятій и ты одинъ полетишь въ бездну. Бѣдный Иксіонъ, ты обнимаешь вмѣсто богини облако и только то извиняетъ задуманное тобою преступленье, что оно неисполнимо и невозможно. Строцци!" Бембо со слезами на глазахъ сжалъ мнѣ руку—„Развѣ ты не видишь, какъ трогательна и прекрасна обновленная Лукреція, тихо и обдуманно дѣлающая добро и безъ напыщеннаго покаянья довольствующаяся обыкновенными утѣшеньями церкви. Когда ты наблюдаешь простодушную прелесть этого явленья, не закрадывается ли въ тебѣ подозрѣнье, что клевета, всеобщій порокъ нашего времени, особенно несправедливо, коснулся этой женщины, исковеркавъ общечеловѣческій образъ страдалицы въ какое то исчадье ада?".

Громкій смѣхъ друга прервалъ Строцци. — „Ловко сказано!" вскричалъ донъ Джуліо. „О, вѣкъ беззастѣнчивой празды и коренной лжи!".

Тутъ онъ слегка вздрогнулъ, почувствовавъ легкое прикосновеніе къ плечу. Быстро обернувшись, онъ увидалъ передъ собой изнуренное и враждебное лицо кардинала. „Герцогъ ждетъ насъ обоихъ", сказалъ Ипполитъ, невольно улыбаясь словамъ брата, которыя онъ успѣлъ подхватить. „Идите за мной немедля". Съ этими словами онъ скрылся въ домѣ.

„Я ухожу, Геркулесъ!" сказалъ Эсте. „Но вотъ что я еще долженъ спросить: какая причина твоей блѣдности, которая такъ меня напугала?"

„Такъ выслушай же конецъ этой сцены и предательскія слова герцога. „Ваше описанье герцогини мѣтко и не льстиво. Бембо". Герцогъ испытующе посмотрѣлъ на насъ обоихъ. Моимъ видомъ онъ остался повидимому недоволенъ и грозно заговорилъ: „Боюсь, Строцци, какъ бы ваша страсть не поколебала, на горе вамъ, вашей преданности отечеству и закону. Не на почвѣ юридическихъ вопросовъ, тутъ я считаю васъ неподкупнымъ и подчиняюсь вашимъ рѣшеньямъ. Я увѣренъ, напримѣръ, что въ дѣлѣ моего фиска съ графомъ Контраріо вы найдете виновнаго. Тутъ герцогиня, не смотря на свое покровительство графу, не будетъ имѣть на васъ вліянія. Но можетъ наступить часъ, когда она лишится своего свѣтлаго разума. Ея братъ снова появится въ Италіи поднимать смуту. Я запрещу своимъ подданнымъ всякое сношеніе съ нимъ. Однако первая изъ моихъ подданныхъ— герцогиня — непослушается меня, такъ какъ это не въ ея власти. Я приму строгія мѣры къ тому, чтобы она не нашла себѣ посредника и всетаки она его найдетъ... Она ухватится за васъ, Строцци. Это будетъ вашей гибелью. Я

васъ казню. Не публично, такъ какъ это семейное и государственное дѣло и требуетъ тайны. Но васъ найдутъ мертвымъ на улицѣ".

Тутъ поблѣднѣлъ Бембо и, какъ ты говоришь, съ моего лица до сихъ поръ не сходитъ блѣдность. Однако герцогъ спокойно продолжалъ: „Бембо, вы мнѣ свидѣтель, что онъ умираетъ судимый. Ты же Строцци, попытайся спастись отъ герцогини и отъ меня!"

Писецъ вручилъ Бембо свитокъ для папы и мы получили позволенье удалиться. Я проводилъ Бембо до лошадей. Уже ставя ногу въ стремя, онъ шепнулъ мнѣ: „Берегись самого себя, Строцци!"

Донъ Джуліо дрожалъ. Строцци слегка коснулся губами его устъ и проговорилъ: „Теперь уѣзжай поскорѣе и ты".

„Сегодня же вечеромъ!"

„Нѣтъ, какъ только выйдешь изъ замка!" возразилъ судья и сталъ спускаться съ лѣстницы. Джуліо поспѣшилъ за братомъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Онъ нашелъ послѣдняго вмѣстѣ съ герцогомъ въ узкой, высокой комнатѣ, освѣщенной однимъ большимъ окномъ. Это было святое-святыхъ, которое строго воспрещалось переступать придворнымъ.

Стѣны покрывали планы и карты, посрединѣ на обширномъ письменномъ столѣ, у котораго, подперевъ голову рукой, сидѣлъ герцогъ, стоялъ глобусъ.

Братья враждебно взглянули другъ на друга и кардиналъ обрушился на дона Джуліо злобными рѣчами.

— Я требую, чтобы ваше высочество запретили этому негодяю доступъ ко двору. Я хочу, чтобы онъ навсегда оставилъ Феррару и не досаждалъ намъ больше своимъ ничтожествомъ. Онъ позоритъ нашъ родъ, выгони его, братъ!

Донъ Джуліо вздрогнулъ при этомъ неожиданномъ оскорбленіи.

— Кардиналъ, сказалъ онъ, — я одинъ отвѣчаю за свои грѣхи. Къ тому же мнѣ кажется, что откровенно наслаждающійся жизнью человѣкъ невиненъ рядомъ съ государственнымъ дѣятелемъ, который умышленно и обдуманно пользуется зломъ для своихъ цѣлей!

— Эту-то необузданность я и ставлю тебѣ въ упрекъ, потому что, не зная чистыхъ радостей, ты предаешься однимъ лишь низменнымъ наслажденіямъ. И такъ какъ я хорошо знаю, что ты называешь любовью, то запрещаю тебѣ посягать на донну Анджелу. Да не коснется ея твое дыханіе, да не коснется ея даже мимолетная твоя мысль...

Донъ Джуліо со слезами въ голосѣ возразилъ:

— Зачѣмъ ты меня толкаешь въ грязь, тогда какъ раньше старался поднять? За что ты меня такъ ненавидишь, тогда какъ когда-то братски любилъ?

— Это я тебѣ объясню, Джуліо. Когда ты былъ ребенкомъ, я радовался твоему всегда ясному духу, открытому выраженію лица. Красивый, богато одаренный, ты покорялъ всѣхъ окружающихъ и мнѣ казалось, что ты рожденъ подъ счастливой звѣздой, на преуспѣяніе нашего дома и государства, утѣхой, опорой тысячамъ людей. Одно время, въ тотъ періодъ, когда индивидуальность составляла для меня все, моей гордостью было развивать твои способности. Прошло блестящее дѣтство и ты, ставъ на жизненномъ распутьѣ, пренебрегъ трудомъ и честью и весь отдался забавамъ и веселью. Тебѣ было угодно безполезно размотать свои богатые дары. Ты остался равнодушенъ и къ государству, и къ наукѣ, даже къ военной службѣ, которая такъ привлекаетъ каждаго молодого человѣка, и сталъ прожигать жизнь въ безчинствахъ всякаго рода. Ты ограбилъ нашъ домъ! И, такъ какъ ты не можешь ему принести ничего кромѣ безчестья, я охотнѣе видѣлъ бы тебя мертвымъ! Вѣдь ты же самъ отрекся отъ насъ, украсивъ свой Прателло, на который бросилъ несчетныя суммы, не нашими славными гербами, а такими же безразсудными и пустыми существами, какъ ты самъ!

— Братъ, возразилъ донъ Джуліо, чувствуя угрызенія совѣсти,—перестань топтать меня въ грязь за то, что я по-своему воспользовался свободой и жизнью. И безъ меня довольно Эсте, которые служатъ государству! Повѣрь, мораль тебѣ не къ лицу...— Однако, въ одномъ можешь быть совершенно спокоенъ, Ипполитъ д'Эсте,—донъ Джуліо ободрился, найдя почву, на которой чувствовалъ себя правымъ: — въ моемъ отношеніи къ доннѣ Анджелѣ! Клянусь тебѣ жизнью нашего брата герцога, что Анджела Борджіа ничего для меня не составляетъ, враждебна мнѣ! Эта Вираго не въ моемъ вкусѣ. Да и она не можетъ меня любить, потому что думаетъ обо мнѣ не лучше тебя... И справедливо, такъ какъ я не перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ она меня всенародно стыдила".

Это признаніе не только не успокоило кардинала, но еще разожгло его ревность.

Онъ вѣрилъ словамъ Джуліо, такъ какъ зналъ, что, несмотря на свои преступленія, послѣдній остался чуждъ лжи и фальши; и онъ чувствовалъ, что этотъ таинственный источникъ добра, свѣтившійся въ его чудныхъ глазахъ, долженъ былъ имѣть непреодолимую притягательную силу для жаждущей правды Анджелы — иначе она не увлеклась бы до того, чтобы всенародно обличать его. Ревность Ипполита перешла въ ярость, когда донъ Джуліо невиннымъ тономъ продолжалъ:

— Нѣтъ, братъ, повѣрь, во мнѣ говоритъ не увлеченіе, онъ убѣдительно прижалъ руку къ сердцу.—Клянусь Бахусомъ, эта дѣвушка такъ же мнѣ безразлична, какъ богиня Діана! Но

надо же имѣть состраданіе ко всякому существу... Что съ ней будетъ, скажи пожалуйста, при твоей неистовой страсти? Жениться на ней ты не можешь, какъ духовное лицо. Еще менѣе соблазнить, она слишкомъ цѣломудренна! Что же ты ей готовишь? Ты убьешь ее!

Въ голосѣ его слышалось столько теплоты и состраданія, что кардиналъ пришелъ въ бѣшенство.

— Кто тебѣ сказалъ, — вскричалъ онъ, — что я ее убью! Что мнѣ препятствуетъ разорвать въ лоскутья вотъ это—онъ обѣими руками ухватился за свое пурпурное одѣяніе—и прижать къ сердцу Анджелу, какъ законную жену? Я для этого еще достаточно молодъ и плюю на церковныя скоморошества!

— Не волнуйся, братъ! вмѣшался, наконецъ, герцогъ. — Ты этого не сдѣлаешь. Нѣтъ ничего удивительнаго, что ты безумно полюбилъ женщину. Это общечеловѣческое несчастіе! Но бросать духовный санъ ради брака—значитъ выставлять себя на посмѣшище! Но ты не пойдешь на это, гордый! Что же касается Анджелы, герцогиня позаботится устроить ее, это лежитъ на ея обязанностяхъ родственницы. И ты, Ипполитъ, оставишь въ покоѣ дѣвушку, покровительствуемую донной Лукреціей, которую ты боишься и уважаешь.

— Которую я боюсь и уважаю! — разсѣянно повторилъ кардиналъ.—А за кого же выдастъ ее замужъ донна Лукреція, осмѣлюсь спросить?

— Это мы предоставимъ ея благоразумію, — отвѣчалъ герцогъ.—Что касается меня, я нахожу, что не глупо было бы выдать ее за графа Контраріо.

Какъ ни странно, при этомъ имени, обозначавшемъ въ Италіи богатство и высокое положеніе, оба брата — врага, единодушно разразились смѣхомъ. Но черезъ мгновеніе кардиналъ обернулся къ Джуліо съ новымъ взрывомъ ненависти:

— Пусть такъ и будетъ!—вскричалъ онъ. — Пусть донна Лукреція займется этимъ вопросомъ. Она найдетъ кого-нибудь другого, либо донна Анджела сама себѣ сумѣетъ помочь. Лишь бы этотъ отбросокъ рода Эсте—онъ указалъ на младшаго брата—ушелъ съ дороги.

Ипполитъ, дойдя до апогея раздраженія, почувствовалъ, что теряетъ силы и близокъ къ обмороку. Опершись о спинку кресла герцога, онъ прошепталъ прерывающимся голосомъ:

— Если тебѣ дорога жизнь, Джуліо, скройся съ моихъ глазъ, уѣзжай изъ Феррары... Сейчасъ, сію секунду...

Донъ Джуліо испуганно смотрѣлъ на кардинала. Онъ понялъ, что Ипполитъ не шутитъ, и рѣшилъ послушаться его совѣта.

— Я такъ и сдѣлаю, братъ,—отвѣчалъ онъ, намѣреваясь удалиться. Но герцогъ остановилъ его.

— Не спѣшите! Вашъ отъѣздъ не долженъ бросаться въ глаза и давать поводъ ко всякимъ догадкамъ и сплетнямъ. Займите, какъ всегда, свое мѣсто въ обществѣ герцогини. Въ разговорѣ съ ней замѣтьте вскользь, что въ васъ снова про-

будилась любовь къ военному дѣлу и, такъ какъ препятствія къ вашей службѣ въ Венеціи удалены, вы возвращаетесь туда. Я даю вамъ отпускъ, хоть и очень неохотно.

Донъ Джуліо послушно склонился въ отвѣтъ. Тутъ раздался чей-то рѣзкій голосъ и всѣ трое обернулись къ входу, откуда появился донъ Ферранте и началъ декламировать—на ряду съ другими причудами онъ любилъ иногда говорить стихами:

Пріятный видъ изъ рѣдкихъ, но правдивыхъ:
Три благородныхъ брата обнялись,
Они отъ разныхъ матерей красивыхъ,
Но отъ отца того же родились!
Другъ къ другу льнутъ; въ объятьяхъ торопливыхъ
Они чуть дышатъ; ихъ сердца слились
Въ одинъ огонь огромнаго желанья,
Въ одинъ восторгъ горячаго свиданья.

Четвертый къ нимъ идетъ и говоритъ,
Что тамъ въ боскетѣ, гдѣ любовь связали,
Тамъ, гдѣ ученыхъ властвуетъ синклитъ,
Серьезный споръ философы подняли,
Вопросовъ разныхъ обострили видъ,
А имъ отвѣтовъ все не подыскали.
Вамъ не удастся ль, принцы, трудность дѣлъ
Распутать мѣткостью краснорѣчивыхъ стрѣлъ...

— Иди-ка, братецъ! Королева Феррарская ждетъ тебя!

Онъ взялъ подъ руку Джуліо и движеніемъ руки предложилъ герцогу и кардиналу пройти первымъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

При появленіи герцога и кардинала въ главной аллеѣ рощи прогуливавшіеся тамъ придворные, не успѣвшіе скрыться въ боковыя дорожки, почтительно разступились по обѣ стороны, привѣтствуя ихъ.

Кому бы изъ нихъ пришло въ голову, что этотъ человѣкъ въ пурпуровой мантіи, съ значительнымъ выраженіемъ лица, всегда, повидимому, погруженный въ разрѣшеніе важныхъ государственныхъ вопросовъ, плѣненъ дѣвушкой и, какъ осужденный, страдаетъ, когда она его отталкиваетъ. Невѣроятная вещь!

Въ такомъ духѣ думалъ герцогъ и Ипполитъ безъ словъ угадалъ его мысли.

— Не безпокойся, братъ, — началъ онъ успокоительно — обо мнѣ и этой дѣвчонкѣ. Я осилю... Одно изъ двухъ: себя или ее. Только ты долженъ удалить съ моего пути этого мальчишку съ вызывающими глазами!

Герцогъ удивленно взглянулъ на все еще дрожавшаго отъ волненія кардинала. Потомъ онъ бросилъ черезъ плечо взглядъ на дона Джуліо, котораго Ферранте почти насильно увлекалъ

въ кусты. Посмотри,—обратился герцогъ къ Ипполиту, вонъ Ферранто уводитъ куда то Джуліо, чтобы посвятить въ какой нибудь изъ своихъ дурацкихъ замысловъ противъ насъ. Но, ты долженъ согласиться, чистосердечный мальчикъ не станетъ заговорщикомъ".

— Смотря по обстоятельствамъ, прошипѣлъ кардиналъ, оправляя сутану, такъ какъ они подходили къ обществу герцогини.

Подъ густымъ сводомъ изъ листьевъ было нестерпимо душно. Небо, просвѣчивавшее между стволами деревьевъ, то и дѣло прорѣзали безшумныя молніи. Собравшіеся въ боскетѣ придворные поднялись навстрѣчу герцогу съ низкихъ каменныхъ скамей; только герцогиня, у ногъ которой примостилась Анджела, осталась сидѣть, жестомъ предлагая супругу мѣсто рядомъ съ собой. Тутъ же, прислонившись къ изваянію купидона, стоялъ персіянинъ Бенъ-Эминъ и, какъ показалось Альфонсу занималъ общество восточными сказками; за спиной разсказчика находился Аріостъ, поощряя его и подсказывая правильныя итальянскія выраженія.

— О чемъ шла рѣчь, герцогиня? спросилъ герцогъ.

— О томъ, отвѣчала она,—что слава великихъ личностей нашего племени разносится иногда и въ иновѣрныя страны, хотя бы въ видѣ отголоска. По этому поводу Бенъ-Эминъ разсказалъ намъ одно интересное персидское сказаніе.

— Догадываюсь, сказалъ донъ Альфонсо, заинтересованный, повидимому, вопросомъ.—Такимъ образомъ восточныя сказанія часто пользуются нашими героями для сюжета. Взять хотя бы Карла Великаго и его паладиновъ. Хотя наши поэты—изъ нихъ не послѣднимъ былъ вотъ этотъ, что прячется за купидономъ—такъ ужъ ихъ неправдоподобно изобразили, что персамъ мало осталось добавить.

Донна Лукреція улыбнулась.

— Не угадали, герцогъ!

— Такъ не Барбаросса ли это и его невѣроятный дѣдъ Фридрихъ? Они оба, безъ сомнѣнія, показали жителямъ востока свои настоящія физіономіи, которыя персы и могутъ списывать прямо съ натуры.

— Опять не то! покачала Лукреція головкой. Но боюсь, что я сама ввела васъ въ заблужденіе, говоря о несравненномъ и недоступномъ, какъ о простомъ смертномъ. Бенъ-Эминъ не о Карлѣ Великомъ и не о Барбароссѣ говорилъ, а о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Простите мою неосторожность! Я далека отъ мысли оскорбить церковь, съ которой связана рожденіемъ и судьбою и отъ которой ожидаю своего спасенія. Милосердье Божье, проявляющееся къ самымъ негоднымъ и отвратительнымъ существамъ—вотъ содержаніе прельстившаго меня сказанія. Но лучше выслушайте его сами и посудите.

Бенъ-Эминъ началъ:

— Однажды Спаситель вышелъ изъ воротъ одного города

со своими учениками. На дорогѣ лежала дохлая собака, отъ которой ученики съ отвращеніемъ и бранью посторонились. Но Учитель остановился надъ падалью и, поднявъ единственное, что еще осталось чистымъ, воскликнулъ: О, посмотрите, какъ ослѣпительно бѣлы ея зубы!

Придворные, которымъ пріятнѣе было бы послушать что-нибудь въ духѣ Боккачіо, нашли эту персидскую легенду непонятной и неприличной. Герцогъ молчалъ.

Донна Лукреція, все еще подъ впечатлѣніемъ сказанія, взволнованно заговорила:

— Не странно ли, герцогъ! Какъ на драгоцѣнномъ коврѣ, сотканномъ по рисунку одного изъ нашихъ святыхъ мастеровъ, яркой краской намѣчено въ языческомъ преданіи безграничное милосердіе Спасителя. Языческое преданіе изображаетъ Христа, какъ и церковь—божественнымъ источникомъ милосердія. И въ падали находитъ добро, красоту!..

Крупныя слезы струились по щекамъ Лукреціи. Придворные были поражены, слыша подобныя рѣчи изъ устъ своей герцогини. Было очевидно, что подъ впечатлѣніемъ внезапно охватившей ее жажды правды и покаянія она намекаетъ на свои ужасные грѣхи въ Римѣ. Одни изъ присутствующихъ насмѣшливо улыбнулись, пользуясь сгустившимися сумерками, другіе подумали—она чувствуетъ въ воздухѣ грозу.

Альфонсо ни слова не отвѣчалъ, но любовно и съ сочувствіемъ смотрѣлъ на жену. Продавецъ ковровъ Бенъ-Эминъ радовался употребленному герцогиней сравненію легенды съ ковромъ.

Въ воцарившемся молчаніи еще чувствительнѣе стала гнетущая духота. Вдали слышалось кваканіе лягушекъ и крикъ сыча; кардиналъ, не принимавшій участія въ разговорѣ, внимательно прислушивался къ этимъ звукамъ.

Вдругъ изъ-за деревьевъ вышелъ донъ Ферранте.

— Вѣроятно, здѣсь говорилось о назидательныхъ и возвышенныхъ предметахъ, началъ онъ насмѣшливо.—Я читаю это по выраженіямъ лицъ. Жаль, что я опоздалъ! У меня всегда есть въ запасѣ что-нибудь назидательное, какъ и у брата Джуліо, который шелъ сюда со мной, но застрялъ въ персиковомъ саду, гдѣ помогаетъ дочери новаго садовника собирать персики для герцогскаго стола. Свою помощь онъ сопровождаетъ веселыми шуточками и играми, что со временъ Адама составляетъ усладу благороднаго человѣчества.

Донна Анджела, сидѣвшая до сихъ поръ, спрятавъ лицо въ колѣняхъ герцогини, вскочила и хотѣла поспѣшно скрыться изъ боскета, такъ какъ каждое мгновеніе могъ появиться недостойный, котораго она избѣгала; но мрачная фигура кардинала загородила ей дорогу.

— Назарянинъ нашелъ прекрасное въ дохлой собакѣ, но въ собакѣ донъ Джуліо онъ ничего не могъ бы найти! проговорилъ онъ вызывающе.

При этомъ клейменіи порочнаго человѣка, къ которому, странное дѣло, она одна считала себя справедливой, въ душѣ Анджелы закипѣло раздраженіе противъ кардинала.

Она покачала головкой и что-то дрогнуло въ ея губахъ.

— Или, можетъ быть, вы знаете ему что-нибудь въ похвалу, донна Анджела? продолжалъ онъ.

Анджела отвѣчала, возвысивъ голосъ:

— У дона Джуліо удивительные глаза, которымъ всѣ завидуютъ! Этого вы у него не отнимите, кардиналъ!

— Вы въ этомъ увѣрены? Увѣрены? дрожащимъ голосомъ воскликнулъ кардиналъ и быстро скрылся въ деревьяхъ. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ возвратился, совершивъ неслыханное преступленіе.

Что же произошло?

Едва оставилъ кардиналъ боскетъ и издалъ тихій призывный звукъ, изъ кустовъ подползъ къ нему, какъ змѣя, Острый Коготокъ, который давалъ ему раньше знать о своемъ присутствіи кваканьемъ и подражаньемъ крику сыча, а съ противоположной стороны такимъ же образомъ появились Фирлефанцъ и Драконова Кровь—это были самыя отчаянныя головы его бывшей банды.

— Чего вамъ отъ меня надо, мерзавцы? грубо спросилъ кардиналъ.

— Золота, золота, золота!.. въ одинъ голосъ отвѣчали бандиты.—Мы дольше другихъ служили вамъ и заслужили большей награды! А между тѣмъ ва пъ казначей разсчиталъ насъ всѣхъ одинаково.

Въ кардиналѣ проснулся злой духъ. Онъ вытащилъ изъ кармана тяжеловѣсный кошелекъ.

— Эй, вы! началъ онъ.—Если вы донъ Джуліо...

— По рукамъ, ваше преосвященство!—Фирлефанцъ сдѣлалъ ножомъ краснорѣчивый жестъ.

— Не такъ! А..—онъ пріостановился—Надо его ослѣпить!..

Сперва бандиты не хотѣли его понять.

— Знаете вы его? спросилъ кардиналъ.

— Онъ мой другъ! гордо отвѣчалъ Острый Коготокъ.

— Черезъ нѣсколько минутъ онъ будетъ тутъ проходить. Прислушайтесь! Уже слышны его шаги!..

Дѣйствительно издали доносился звукъ шаговъ по хрустящему гравію аллеи.

Острый Коготокъ бросился въ ноги кардиналу.

— О, я, окаянный! Лучше бы не приходить мнѣ на свѣтъ! Прикажите мнѣ его убить, кардиналъ! Пронзить сердце!.. Только не прекрасные милые глаза... Этого я не могу сдѣлать!—заключилъ онъ рѣшительно.

Фирлефанцъ оттолкнулъ его въ сторону:—Такъ предоставь же это намъ. Тѣмъ лучше, что не прійдется дѣлиться съ тобой!

Но это тоже было не по душѣ Коготку. Кардиналъ кинулъ кошелекъ и, не оглядываясь, пошелъ обратно къ боскету.

Въ боскетѣ съ трудомъ дышалось отъ духоты. Сумерки

настолько сгустились, что еле можно было различить черты сосѣда. Свинцовое утомленье и страхъ ожиданья грозы сковывали члены.

Вдругъ въ воздухѣ разнесся крикъ, полный такого ужаса и страданья, что сердца всѣхъ дрогнули и остановились...

— Такъ реветъ быкъ Ѳалариса!..—вскричалъ Аріостъ.— Но гдѣ же донъ Джуліо?—Онъ кинулся на поиски.

Черезъ мгновеніе онъ вернулся, ведя несчастнаго Джуліо, безпомощно, цѣпляющагося за него.

— Братъ! Герцогъ!—стоналъ обезумѣвшій отъ боли страдалецъ.—Гдѣ ты? Помощь! мщенье!

— Что случилось, бѣдный Джуліо? Что тебѣ сдѣлали?— спрашивалъ герцогъ.

— Кардиналъ велѣлъ предательски напасть на меня и выколоть глаза!

Раздались крики;—Давайте огней! Приведите скорѣе врачей!..—А донъ Джуліо, оттолкнувъ Аріоста, бросился впередъ, протягивая руки къ кардиналу, стоявшему рядомъ съ герцогомъ и присутствіе котораго онъ угадалъ чутьемъ.

Крѣпко ухватившись за сутану брата, онъ упалъ на колѣни и спряталъ окровавленное лицо въ его одеждѣ.

— О, зачѣмъ отнялъ ты у меня свѣтъ?—всхлипывалъ онъ. Зачѣмъ отнялъ ты у меня все, чѣмъ я обладалъ—такъ какъ я не могу жить безъ солнца! И это сдѣлалъ ты, всѣмъ обладающій, у котораго я ничего не бралъ, ничему не завидовалъ!.. Я вьюсь у твоихъ ногъ, какъ слѣпой червь... Раздави меня! Убей меня!

Кардиналъ ужаснулся своему дѣлу. Вырвавъ сутану изъ рукъ брата, онъ вскричалъ измѣнившимся голосомъ:—Не я виноватъ... Женщина толкнула меня... Она хвалила твои глаза!..

Слова эти не достигли слуха лишившагося чувствъ слѣпца, но острымъ ножемъ вонзились въ сердце Анджеллы.

Явились слуги съ носилками и факелами. Смущенное общество разошлось группами, не прощаясь съ хозяевами.

Темная роща опустѣла.

Молнія освѣтила томящагося въ цѣпяхъ Амура, порывы вѣтра засвистали въ лѣсу, сгибая стволы деревьевъ. Атмосфера наполнилась молніями и ударами грома. Наконецъ, черныя тучи обрушились на землю и омыли оскверненную грѣхомъ и кровью землю.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Много времени протекло послѣ ослѣпленія Джуліо Кардиналомъ. Это первое преступленье неминуемо должно было повлечь за собою другія. Сѣмя было посѣяно и пускало ростки.

Несчастный Джуліо томился въ Прателло, куда его отвезли въ тотъ же злополучный вечеръ. Иногда онъ приказывалъ водить себя по аллеямъ своихъ садовъ; ему доставляло наслажденье хоть ощущать солнечный свѣтъ, который не суждено ему было больше видѣть. Придворные его не посѣщали: онъ считался впавшимъ въ немилость, такъ какъ герцогъ повидимому и не думалъ судить кардинала за его ужасное преступленье. Бандиты, бѣжавшіе въ Неаполь, были вскорѣ убиты своими же товарищами и головы ихъ отосланы въ Феррарскій судъ, назначившій большую награду за доставку ихъ живыми или мертвыми. А настоящій преступникъ Ипполитъ д'Эсте, былъ наказанъ такъ легко, что было-бы лучше еслибы совсѣмъ не признавали его виновнымъ. Герцогъ удовольствовался тѣмъ, что на нѣсколько недѣль запретилъ ему показываться ко двору. Кардиналъ даже не подвергся изгнанію. Впрочемъ онъ лежалъ опасно больной въ самой тихой и отдаленной изъ комнатъ своего городского дворца. Такъ отвѣчали его слуги на вопросы Феррарезцевъ. Была ли это правда, либо умный Ипполитъ только представлялся умирающимъ, чтобы смягчить явно возбужденное противъ себя общественное мнѣніе, осталось неизвѣстно.

Слухи о болѣзни кардинала не доходили до дона Джуліо, такъ какъ единственные два Феррарезца, посѣщавшіе его— донъ Ферранте и Аріостъ изъ разныхъ видовъ, остерегались говорить съ нимъ объ этомъ.

Аріостъ былъ придворнымъ кардинала и цѣнилъ благоволеніе своего грознаго покровителя. Онъ старался не очутиться въ фальшивомъ положеніи между жертвой и предателемъ. Жалѣя друга онъ не гнушался покровителя. Имя кардинала никогда не срывалось съ его губъ въ Прателло, такъ какъ онъ боялся нарушить душевный покой страдальца и въ то же время не хотѣлъ слушать проклятій, посылаемыхъ имъ своему предателю.

Дономъ Ферранте руководили другія соображенія. Онъ упивался страданьемъ брата, такъ какъ строилъ на немъ цѣлые планы. Онъ растравлялъ его рану; въ его видахъ было, чтобы она жгла все сильнѣе, такъ чтобы одновременно разгоралась въ незлобивомъ по натурѣ Джуліо ненависть къ старшимъ братьямъ. Поэтому онъ остерегался, какъ бы слѣпой не узналъ, что кардиналъ не остался безнаказанъ, но посѣщенъ тяжелымъ недугомъ: это могло-бы пробудить въ немъ состраданье.

Донъ Джуліо пережилъ въ Прателло разныя ступени несчастья. Послѣ первыхъ безконечныхъ дней и ночей, когда лихорадка оставила наконецъ душу его и тѣло, онъ сталъ стремиться на воздухъ, къ цвѣтамъ. Онъ зарывался во влажныя листья надъ самыми душистыми изъ вѣтвей своего сада.

Въ этотъ періодъ Аріостъ началъ посѣщать друга, неизлѣчимое горе котораго наводило на него сначала непреодолимый ужасъ. Онъ бродилъ вмѣстѣ съ Джуліо по садамъ Пра-

тело, вмѣстѣ съ нимъ отдыхалъ на душистой травѣ, наслаждаясь чуднымъ виномъ и сочными фруктами, которые по его приказанью въ изобиліи доставляла въ садъ экономка.

Поэтъ вмѣстѣ съ Джуліо обвинялъ судьбу, какъ нѣчто безличное. Онъ восхвалялъ умѣнье сдерживать свои чувства какъ въ счастьи, такъ и въ несчастьи и находилъ, что все зависитъ отъ окраски души — и въ счастьи бываютъ темныя стороны, а горе какъ свидѣтельствуетъ трагедія, знаетъ наслажденья. Да, онъ утверждалъ, что въ самомъ чувственномъ человѣкѣ есть жилка стоицизма, помогающая становиться выше обстоятельствъ, что доставляетъ божественное удовлетвореніе.

Однажды онъ досталъ изъ кармана исписанные свитки и сталъ читать вслухъ одну изъ своихъ поэмъ. Восхищенный Джуліо почувствовалъ, какъ разсѣвается мракъ вокругъ него— точно солнце озарило его душу.

Сначала Аріостъ выбиралъ пѣсни, основнымъ содержаніемъ которыхъ было преимущественно уничиженье, самопожертвованье геройская покорность въ страданьи...

Поэта трогало, какъ глубоко сочувствовалъ донъ Джуліо мученьямъ безумнаго Роланда; несмотря на всѣ старанья развеселить его смѣшнымъ изложеньемъ, комически преувеличенной страстью Роланда, это ему не удавалось.

Какъ-то залюбовавшись красивымъ Джуліо, который раскинулся на травѣ, прикрывъ ладонью впадины глазъ, поэтъ, радуясь, что ему удалось разсѣять страдальца, вернуть его къ жизни, сталъ декламировать стихи, сплошь сотканные изъ красокъ, веселья и легкомыслія.

Но донъ Джуліо положилъ свою тонкую руку на руку поэта:—Прочти что-нибудь другое,—сказалъ онъ,—это ничего изъ себя не представляетъ для слѣпца.

Аріостъ оплакивалъ въ душѣ это уклоненіе друга отъ радостей жизни, хотя находилъ его вполнѣ естественнымъ. Къ тому же это было не совсѣмъ неожиданно для поэта: незадолго передъ этимъ онъ былъ свидѣтелемъ оценки давшей ему возможность заглянуть въ душу Джуліо.

Корамба, бывшая любовница Эсте, послѣ постигшаго его несчастья стала за нимъ ухаживать, сопровождала въ прогулкахъ—пока онъ не былъ въ состояніи самъ себѣ помогать. Если-бы не полное безсиліе онъ никогда не допустилъ бы этой навязчивой помощи, хотя бы по одному тому, что сострадательные возгласы подданныхъ:—„Вотъ идетъ бѣдный донъ Джуліо со своей любовницей“ или „она бережетъ его какъ мать“, которые не ускользали отъ его обостреннаго слуха, переворачивали ему всю душу.

Однажды Корамба осмѣлилась въ присутствіи Аріоста обнять Джуліо и какъ ребенка прижать къ груди; но онъ холодно высвободился изъ ея объятій: „Уходи, Корамба, уходи навсегда! Ты ничто для слѣпца“.

Она послушалась его совѣта и въ тотъ же день ушла, на-

полнивъ предварительно карманы его золотомъ, чему онъ не думалъ противиться.

На протяженіи обширныхъ владѣній Джуліо Эсте жили и работали на него сотни крестьянскихъ семей—трудолюбивые, довольствующіеся малымъ люди, удивительную преданность которыхъ не могла поколебать даже самая распутная жизнь молодого владѣльца. Теперь, ослѣпнувъ, Джуліо чувствовалъ, какъ съ каждымъ днемъ крѣпнетъ связь между нимъ и крестьянами. Онъ сталъ интересоваться ихъ положеніемъ, принимать къ сердцу ихъ заботы и огорченья. На его душу благотворно вліяло ихъ простодушное состраданье и онъ говорилъ о нихъ съ Аріостомъ, какъ о братьяхъ и сестрахъ.

Поэтъ заключилъ изъ этого, что донъ Джуліо начинаетъ примыкать къ другой сферѣ, сферѣ обездоленныхъ, обойденныхъ судьбой людей, которые очевидно жили въ чуждыхъ ему до сихъ поръ, условіяхъ и слѣдовали чуждымъ законамъ. Онъ понялъ также, что Эсте не всегда приписываетъ свое несчастье злобѣ людской или слѣпой судьбѣ, а по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя минуты, считаетъ его искупленіемъ своей грѣховной жизни.

Дѣйствительно, такъ это и должно было быть. Когда въ картинахъ поэта, обыкновенно жизнерадостныхъ и свѣтлыхъ, появлялась Немезида — какъ это бываетъ и въ дѣйствительности: наказаніе слѣдуетъ за преступленіемъ — донъ Джуліо становился задумчивъ, а Аріостъ подавлялъ невольно вырывавшійся вздохъ.

Но Аріостъ остерегался въ разговорахъ съ Джуліо касаться чувства, котораго онъ въ себѣ не зналъ и которое могло быть и у Джуліо только проходящимъ. Онъ считалъ насиліемъ всякое вмѣшательство въ чужую душевную жизнь, а себя находилъ наименѣе призваннымъ къ этому, такъ какъ не любилъ ни во что углубляться. Все, что онъ думалъ и чувствовалъ, что поражало его, тотчасъ облекалось, благодаря его творческой способности, въ образы и поэтому теряло силу дѣйствія на его душу.

На дона Джуліо поэтъ вліялъ прекрасно. Обыкновенно, когда онъ уходилъ изъ Прателло, Эсте провожалъ его. Они шли по аллеямъ рука объ руку, какъ два брата: слѣпой не завидовалъ зрячему—любовь уничтожала между ними всякое различіе.

Но еще чаще посѣщалъ слѣпого братъ, донъ Ферранте. Донъ Ферранте былъ странный человѣкъ, нравственное убожество мирилось въ немъ съ неистощимой изобрѣтательностью.

Дѣтство его протекло подъ гнетомъ постояннаго страха. Еще ребенкомъ приходилось ему быть свидѣтелемъ всякихъ интригъ въ Феррарѣ и слышать разсказы о нерѣдко ужасныхъ происшествіяхъ при другихъ итальянскихъ дворахъ.

Съ тѣхъ поръ онъ постоянно чувствовалъ себя окруженнымъ ужасами, съ которыми его безсильная и неблагородная натура не умѣла иначе бороться, какъ фальшью и всякими

странными выходками. Онъ клеветалъ, чтобы оградить себя отъ клеветы, и затѣвалъ заговоры, чтобы не пасть жертвой семейныхъ интригъ. Всѣ его дѣйствія страдали безтолковостью и непослѣдовательностью и основывались на вѣчномъ страхѣ чего-то.

Въ тотъ вечеръ, когда тотъ изъ братьевъ, которому онъ менѣе всего недовѣрялъ, чуть не на глазахъ двора былъ ослѣпленъ, въ слабую голову Ферранте глубоко запала мысль, что его, какъ опаснѣйшаго изъ двухъ, ожидаетъ участь еще печальнѣе.

Чувство болѣзненнаго страха не давало ему теперь ни минуты покоя, отнимало сонъ, отравляло каждый кусокъ и каждый бокалъ. Скоро оно перешло въ ненависть къ старшимъ братьямъ и онъ рѣшилъ покончить съ ними.

Для этого онъ нуждался въ слѣпомъ Джуліо. Донъ Ферранте зналъ, что ослѣпленіе брата сильно подѣйствовало на общественное мнѣніе. Феррара, болѣе какого-либо другого итальянскаго государства, страдавшая подъ игомъ рабства, открыто волновалась. Необходимо было наложить особое запрещеніе справляться объ донъ Джуліо, либо даже приближаться къ Прателло.

Естественно, образъ ослѣпленнаго Джуліо облагородился во мнѣніи Феррарезцевъ и разнузданный юноша, опасныя любовныя похожденія и кровопролитія котораго они раньше проклинали, превратился въ ихъ глазахъ въ мученика.

Все это не ускользнуло отъ наблюдательнаго Ферранте. Обладая актерской жилкой, онъ построилъ на этомъ планъ, который неминуемо долженъ былъ повлечь за собой бунтъ въ Феррарѣ.

Донъ Джуліо съ пустыми впадинами глазъ и выраженіемъ страданія на лицѣ, верхомъ на бѣломъ иноходцѣ, котораго ведутъ за поводья двое слугъ въ траурѣ; рядомъ онъ, Ферранте, подстрекаетъ въ народѣ состраданіе къ страдальцу и напоминаетъ о безнаказанности злодѣевъ!

Привлечь нѣсколько сторонниковъ не казалось затруднительнымъ Ферранте, потому что въ Феррарѣ не было недостатка въ недовольныхъ. Дальнѣйшихъ дѣйствій онъ себѣ не уяснилъ: но убить герцога и кардинала казалось ему необходимымъ.

Онъ постоянно преслѣдовалъ Джуліо своими злыми навѣтами; но послѣдній изъ чувства человѣчности противился убійству братьевъ и съ негодованіемъ отвергалъ мысль играть комедію для возбужденія состраданія. Ему казалось позорнымъ выставлять на ярмаркѣ свое несчастье.

Тѣмъ не менѣе вліяніе Ферранте не прошло для него безслѣдно. То, что раньше онъ оттолкнулъ бы съ презрительной улыбкой, какъ вздорный бредъ, теперь казалось ему правдоподобнымъ. Не правъ ли до нѣкоторой степени бѣдный братъ и не ожидаетъ ли его еще большее несчастіе? Не вѣроятно ли,

что сегодня же будетъ покушеніе на его жизнь? Развѣ одинъ онъ, Джуліо, сталъ жертвой придворныхъ интригъ!

Онъ готовъ былъ согласиться, что хваленая справедливость герцога стоитъ не больше дьявольской порочности кардинала, а Феррарскій дворъ — клубокъ грызущихся между собой змѣй, которыхъ было бы заслугой раздавить.

Донъ Джуліо не могъ свою собственную жизнь объяснить иначе, какъ всеобщей порчей и самъ того не зная, игралъ въ руку брату. Онъ и не сознавалъ, какъ сильно опуталъ его донъ Ферранте.

Слѣдующее происшествіе послужило окончательнымъ толчкомъ въ пользу заговора:

Въ ясное весеннее утро ѣхала по одной изъ лѣсныхъ тропинокъ, ведущихъ къ Прателло, высокая, стройная амазонка — точно героиня рыцарскаго сказанія въ поискахъ за приключеніемъ; но по мѣрѣ приближенія къ замку въ глазахъ ея подымалось выраженіе такого глубокаго неизлѣчимаго страданія, какъ будто она скорѣе бѣжала въ монастырь, ища тамъ спасенія и забвенія.

Доѣхавъ до мѣста, откуда открывался видъ на замокъ, она соскользнула съ лошади и, привязавъ ее къ стволу молодого вяза, прошла нѣсколько шаговъ впередъ.

Въ жгучихъ, затѣненныхъ кудрявыми черными волосами, глазахъ сіяла правдивость, а въ углахъ нѣжнаго ротика лежало выраженіе любви и твердой рѣшимости.

Съ опушки лѣса, гдѣ она остановилась, разстилался великолѣпный видъ на Прателло.

Снабженный лишь необходимѣйшими оборонительными постройками, замокъ былъ расположенъ на безконечномъ зеленомъ лугу, который пересѣкала широкая зеркальная лента рѣки; на ней бѣлѣли паруса маленькихъ рыбацкихъ лодокъ, гондолы покачивались въ полукругѣ удобной пристани, отъ которой вела лѣстница къ галлереѣ замка. Рѣка замѣняла необходимый въ военное время ровъ вокругъ замка.

Восхищенная красотой Прателло всадница дошла до группы деревьевъ, зеленѣющихъ на лугу, въ тѣни которыхъ стояла каменная скамейка; она опустилась на нее, такъ какъ не рѣшалась идти дальше.

Время бѣжало, а она то внимательно наблюдала за замкомъ, то погружалась въ глубокую задумчивость.

Наступилъ полдень.

Къ пристани подплыла гондола, у руля которой сидѣлъ старикъ, поджидая кого то повидимому. Черезъ мгновенье изъ замка вышелъ юноша, весь въ черномъ, въ широкополой шляпѣ, низко надвинутой на глаза и направился къ пристани; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него почтительно слѣдовалъ слуга.

Старикъ подалъ юношѣ руку и быстро, хоть и осторожно вошелъ въ гондолу и взялся за весла. Старикъ сѣлъ у руля управлять ходомъ.

Когда они достигли противоположнаго берега, старый гондольеръ выпрыгнулъ на берегъ и протянулъ обѣ руки навстрѣчу юношѣ, какъ бы предохраняя его отъ паденія. Юноша не долго раздумывая направился къ скамейкѣ, подъ группой деревьевъ, гдѣ сидѣла дѣвушка. Она узнала въ приближающемся слѣпого, хотя и хотѣла бѣжать, но потомъ раздумала.

Донъ Джуліо каждый день предпринималъ такія прогулки и старался обходиться безъ всякой помощи, какъ зрячій, чтобы обманывать встрѣчныхъ и насколько возможно самого себя.

Въ этомъ помагало ему знаніе этой мѣстности, ловкость и тонкій слухъ, а также слуги, заботливо устранявшіе съ его пути малѣйшее препятствіе.

Пара внимательныхъ глазъ участливо слѣдили съ каменной скамейки за слѣпцомъ.

Вдругъ онъ споткнулся и упалъ на колѣни, но быстро поднялся, даже не выпустивъ палки, которой сталъ теперь ощупывать дорогу.

Дойдя до скамейки, онъ сѣлъ рядомъ съ Анджеллой, присутствія которой не подозрѣвалъ.

Что онъ шепталъ! Что это за отрывочныя, еле слышныя фразы слетали съ его устъ? Жаловался ли онъ на судьбу? Или отрицалъ Бога? Или обвинялъ братьевъ и ее, Анджеллу? Оплакивалъ ли свои заблужденія?

Ничего подобнаго. Спокойствіе отражалось въ чертахъ Джуліо. Онъ занимался странной забавой, которую она наконецъ поняла изъ его отрывочныхъ фразъ.

Подобно Дантовскому загробному аду, онъ рисовалъ себѣ земной адъ въ видѣ глубокой, мрачной котловины, въ которой онъ размѣщалъ по степенямъ мукъ отверженныхъ и обойденныхъ судьбой; на самомъ днѣ копошились слѣпые...

Съ какимъ то ожесточеннымъ наслажденіемъ описывалъ онъ ихъ страданія. Вотъ слѣпой предлагаетъ себя въ вожаки слѣпому и вмѣстѣ съ нимъ летитъ въ бездну...

Слѣпой юноша слышитъ ароматъ розъ, но когда протягиваетъ руки, чтобы сорвать ихъ, спотыкается о скелеты.

Джуліо говорилъ то бѣлыми; то риѳмованными стихами, какъ приходилось. Потомъ мысли его перешли къ дону Ферранте:

Тебя манитъ сіяніе короны
Напрасно братъ. Ее нельзя схватить!
Тебѣ мѣшаютъ духовъ легіоны.
Что за мученіе надъ бездною парить!
Но я король... хоть злоба тронъ украла.
Клянусь, царемъ я былъ и долженъ быть...
Глаза боговъ имѣлъ я и съизмала
Что видѣть, власгвуя, привыкъ своимъ я чтить!
Увы, ударомъ тайнаго кинжала
Я ослѣпленъ! Что съ бѣдствіемъ сравнить!..

— Донъ Джуліо,—раздался вдругъ возлѣ него нѣжный голосъ:—есть существа еще несчастнѣе тебя! Которыя навѣки лишили себя отрады въ жизни!

Онъ слышалъ чьи-то рыданія, ощущалъ чье-то горячее дыханіе и слезы на своей рукѣ.

Не сонъ ли это?.. Дрожа всѣмъ тѣломъ онъ протянулъ руки впередъ и схватилъ другія трепещущія и холодныя.

— Кто ты? — сказалъ онъ.—Кто смѣетъ называть себя несчастнѣе, всѣми отверженнаго слѣпца?

— Я Анджелла Борджіа! Я больше всего на свѣтѣ любила твои глаза и погубила ихъ тѣмъ, что хвалила ихъ красоту злому человѣку.

Онъ выпустилъ ее руки и вскочилъ поблѣднѣвъ, точно спѣша уйти отъ нея; но пошатнулся и ухватился за уголъ скамейки.

Обливаясь слезами Анджелла упала передъ нимъ и обняла его колѣни:

— Ты не можешь простить меня, я знаю!.. О, еслибы я могла отдать тебѣ мои собственные глаза, я не задумываясь бы вырвала ихъ!.. Но я не могу возвратить тебѣ то, что отняла! Какъ мнѣ искупить свое преступленіе!..

— Бѣдная Анджелла—ласково проговорилъ онъ, силясь высвободиться отъ нея:—что случилось то непоправимо. Твоя вина мнѣ не понятна, но вижу, что и ты несешь свою долю несчастья. Дважды будь проклятъ тотъ, кто погубилъ насъ обоихъ! Ты не можешь вернуть мнѣ зрѣніе! Оставь меня! Уйди и забудь!..

Съ этими словами онъ повернулся и ушелъ. Она не смѣла удерживать его и молча провожала глазами.

Онъ казался спокоенъ, однако шелъ неувѣренными шагами. Старикъ замѣтилъ это, пошелъ ему навстрѣчу, усадилъ въ гондолу и вмѣстѣ съ другими слугами, какъ больного ребенка, отвелъ въ замокъ.

Джуліо бросился на свое ложе и разразился слезами.

Такъ все, что разсказывалъ ему братъ Ферранте о томъ вечерѣ, и что до сихъ поръ онъ считалъ глупой выдумкой—правда, такъ кардиналъ расправился съ нимъ такъ жестоко изъ за похвалы Анджеллы...

Но гдѣ же преступленье, въ которомъ она себя обвиняла?

Вѣдь, еслибы она и промолчала и позволила дальше оскорблять Джуліо, Ипполитъ скоро привязался бы къ другому случаю, чтобы отплатить ему за холодность дѣвушки къ себѣ. Бѣшеная злоба противъ кардинала и ничуть не менѣе противъ жестокосердечнаго и равнодушнаго герцога поднялась въ груди слѣпого. Онъ жаждалъ теперь смерти обоихъ!

Вскочивъ съ постели, онъ вырвалъ листокъ изъ записной книжки и нацарапалъ, что становится на сторону заговора.

Верховой ускакалъ съ этой запиской къ Ферранте, прежде нежели волненье дона Джуліо успѣло остыть и онъ сообразилъ, что сдѣлалъ.

На слѣдуещее же утро въ Прателло явился судья Строцци съ вооруженной стражей и арестовалъ его.

— Прекрасно! Вотъ твое первое посѣщеніе послѣ постиг-

Дозв. цен. Спб. 28 Марта 1902 г. Тип. Исидора Гольдберга, Спб.